

Диалог цивилизаций в условиях глобальной экологической нестабильности

Материалы международной научной конференции молодых ученых

Минск, 24 мая 2012 года

**БЕЛОРУССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ОО «ДИАЛОГ ЕВРАЗИЯ»
СТАМБУЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
БЕЛОРУССКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ АКАДЕМИЯ ИСКУССТВ**

ДИАЛОГ ЦИВИЛИЗАЦИЙ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНОЙ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ

*Материалы международной научной конференции
молодых ученых
г. Минск, 24 мая 2012 г.*

**Минск
Белорусский государственный университет
2013**

УДК 101.1:316.422.06(4/5)(06)

Редакционная коллегия:

А.И. Зеленков (отв. ред.), В.В. Анохина, С.В. Винокурова, Ж.М. Грищенко,
Д.Г. Доброродный, А.А. Легчилин, А.В. Рубанов, А. Фахреттин

Рецензенты:

доктор философских наук П.А. Водопьянов,
доктор социологических наук Д.К. Безнюк

*Рекомендовано к депонированию
Советом факультета философии и социальных наук
от «20»июня 2012 г., протокол № 5.*

Диалог цивилизаций в условиях глобальной экологической нестабильности: материалы Междунар. науч. конф. молодых ученых, Минск, 24 мая 2012 г. / редкол.: А. И. Зеленков [и др.]. – Электрон. текстовые данные. – Минск : БГУ, 2013. – 495 с.

В сборнике материалов конференции представлены различные точки зрения на проблему взаимодействия современных цивилизаций в глобализирующемся мире. Публикуемые доклады и тезисы выступлений участников конференции посвящены проблемам кросскультурного взаимодействия народов Евразии в условиях глобальной экологической нестабильности и перманентной трансформации технологической и институциональной подсистем современного социума.

Адресуется студентам, магистрантам, аспирантам, ученым и специалистам в сфере социально-гуманитарного знания, а также всем интересующимся проблемами современной философии.

ВВЕДЕНИЕ

Основной целью конференции является создание дискуссионной площадки для обсуждения актуальных проблем развития современной философии и социально-гуманитарного познания. В фокусе внимания данного научного форума – проблемы кросскультурного взаимодействия народов Евразии в условиях глобальной социально-экологической нестабильности и перманентной трансформации технико-технологической и институциональной подсистем современного социума.

Конференция была адресована, в первую очередь, молодым исследователям, аспирантам, магистрантам и студентам, заинтересованным в продуктивном обсуждении новейших научных идей и разработок. Вместе с тем, формат конференции предполагал участие широкой научной общественности, известных ученых и профессоров из высших учебных заведений Беларуси, Турции и стран СНГ.

Философская мысль всегда обращалась к человеческой истории, всегда была сопряжена с поисками новых нравственных и культурных смыслов, со стремлением уяснить таинственные превращения времени и исторических эпох. Сегодня, может быть как никогда ранее, такой философский анализ исторического процесса и глобальных вызовов современности обнаруживает свою безусловную актуальность и социальную востребованность.

Современно общество столкнулось с комплексом принципиально новых проблем и противоречий, которые требуют новых идей и подходов, инновационных сценариев и технологий. В этих условиях творчество и интеллект становятся важнейшим социальным ресурсом, в значительной степени определяющим конкурентоспособность и перспективы не только национальных экономик, но и общества в целом. В полной мере это относится и к Беларуси.

В XXI столетие мир вступил под эгидой глобализации, которая оказалась весьма противоречивым процессом, породившим ряд новых конфликтов и межцивилизационных противоречий. Глобализирующийся мир – это арена жесткой и бескомпромиссной борьбы за национальные интересы, стремление лидеров глобализации сохранить свои позиции и обеспечить свое будущее за счет развивающихся стран, их ресурсного и человеческого потенциала. В этих непростых условиях мирового системного кризиса принципиально важно сохранить и приумножить наше национальное достояние: стабильную социальную систему,

консолидированное общество с единством целей и интересов, уникальную природу и высокие экологические стандарты жизни, самобытную культуру и национальные традиции. Цели эти возвышенны и благородны. Служить их достижению – профессиональный и нравственный долг интеллигенции, среди представителей которой особую и очень важную роль всегда выполняло философское сообщество.

По самой своей сути и предназначению философия обладает необходимыми возможностями для интеграции усилий социологов, политологов, экономистов, психологов и других представителей социально-гуманитарного знания в целях поиска и обоснования оптимальных и перспективных решений тех проблем, с которыми сталкивается сегодня наше общество. Хочется выразить надежду, что обсуждение этих актуальных вопросов позволит прояснить те непростые проблемы, которые все более осязаемо порождают глобальные угрозы, и что идеи и рекомендации конференции будут близки и понятны людям, без усилий и веры которых никакие высокие идеи никогда не станут реальностью.

Оргкомитет конференции

ПЛЕНАРНЫЕ ДОКЛАДЫ

Зеленков Анатолий Изотович,
доктор философских наук, профессор, зав.
кафедрой философии и методологии
науки, Заслуженный деятель науки
Республики Беларусь, Белорусский
государственный университет, г. Минск,
Беларусь.

*Глобальный экологический кризис:
фантом или неотвратимая
реальность?*

ГЛОБАЛЬНЫЙ ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ КРИЗИС: ФАНТОМ ИЛИ НЕОТВРАТИМАЯ РЕАЛЬНОСТЬ?

Зеленков А. И.

Белорусский государственный университет

К началу третьего тысячелетия современная цивилизация обнаружила очевидные симптомы глобального системного кризиса, который все чаще называют эколого-социальным. Именно экологический аспект кардинальных изменений в системе общество-природа становится сегодня одним из самых насущных и драматически актуальных. Существовая более 4 млрд. лет, биосфера Земли филигранно отработала механизмы поддержания гомеостаза и при всех изменениях окружающей среды успешно перестраивала генетическую программу биоты, сохраняя, таким образом, необходимый потенциал ее разнообразия, а значит и перспективы прогрессивной эволюции самой биосферы. Сегодня эти механизмы начинают давать сбой, и угроза глобальной дестабилизации жизни на Земле становится все более ощутимой и реальной. Симптомы нового экологического кризиса – фронтальное явление современной социокультурной ситуации. О них уже много сказано и написано, хотя по-прежнему в этих описаниях и констатациях доминирует эмоционально-

пессимистический компонент и недостаточно представлены конструктивно-аналитические проекты, ориентированные на разработку альтернативных стилей цивилизационной динамики.

Следуя академику Н. Н. Моисееву, к числу наиболее опасных социально-экологических аномалий современного мира можно отнести следующие угрозы и противоречия.

Первое – возможное потепление климата в глобальном масштабе в связи с постоянным ростом выбросов в атмосферу CO_2 и других «парниковых» газов. При всей неоднозначности и дискуссионности существующих расчетов и моделей, возможность существенного изменения структуры атмосферной циркуляции выглядит достаточно реальной уже в самой обозримой перспективе. Если эта возможность, действительно, реализуется, то интенсивное таяние полярных льдов, резкое снижение продуктивности основных житниц планеты, появление температурных аномалий и турбулентных отклонений в климатических режимах многих регионов мира могут стать реальностью уже к середине XXI века.

Второе – непрерывное сокращение биологического разнообразия и нарушение баланса важнейших экосистем. Если в 1900 году естественные экосистемы суши планеты были разрушены на 20%, то к концу XX века – на 63%. При этом человек все активнее вторгается в естественные экосистемы океана, деформируя их глобальную конфигурацию прежде всего в полузамкнутых морях и прибрежной зоне. Имеющиеся ориентировочные расчеты показывают, что за последние десятилетия исчезла примерно пятая часть совокупного массива представителей растительного и животного мира [1].

Третье – создание и интенсивная модернизация современной социотехносферы с такими ее характеристиками, как стихийная урбанизация, экспоненциальное накопление отходов техногенной деятельности и загрязнение естественных ландшафтов, снижение качества жизни за счет деградации природной среды обитания человека.

Четвертое – нарушение извечного хода событий в биосфере и трансформация ее в качественно иное состояние. Современные исследования показывают, что динамическое равновесие биосферы предполагает антропогенное давление на ее структурно-функциональные циклы, не превышающее потребления порядка 1% совокупного количества производимой ею биоты. В настоящее время человек потребляет около 7% продуктов биосферы. В результате возникает перспектива потери

глобальной устойчивости биосферной организации, которая является уникальным и самым важным ее ресурсом. Дальнейшее разрушение этого ресурса чревато кардинальной перестройкой структурных и функциональных связей биосферы, что с неизбежностью приведет к катастрофическим деформациям ее социальных и антропогенных компонентов.

Перечень социально-экологических аномалий может быть продолжен. В последние годы к ним все чаще относят резкое обострение демографической проблемы как в ее глобальном измерении, так и на уровне локально-региональных подсистем мирового сообщества. Обострение продовольственной проблемы и все более явно обнаруживающийся дефицит качественной пресной воды в различных регионах мира, возрастающая нагрузка на окружающую среду в связи с высокой энергоемкостью и материалозатратностью интенсивно растущих экономик стран БРИК. Эти и многие другие проблемы и противоречия современного этапа развития техногенной цивилизации дают вполне весомые основания заключить, что человечество уже вышло за пределы глобального гомеостаза и продолжает быстро продвигаться в область неустойчивого развития. Сегодня мир находится в состоянии глобальной экологической нестабильности, основной причиной которой является непрерывно нарастающая техногенная экспансия в природную среду обитания человека.

Однако вывод этот далеко не безальтернативный. Существует достаточно обоснованное мнение, согласно которому антропогенный фактор не является доминирующим в глобальных процессах динамики современной биосферы. Причем, как правило, этот вывод базируется на серьезных научных исследованиях и подтверждается весьма внушительным объемом эмпирических данных и наблюдений. В частности, одной из таких концепций, в которой ставится под вопрос наличие глобального экологического кризиса в современных условиях, является теория аутогенной эволюции экосистем.

Согласно этой теории, динамика экосистем, в том числе и такой глобальной экосистемы, какой является биосфера в целом, происходит под воздействием двух скоррелированных рядов причинности: *прогрессивная или когерентная причинность*, которая является внутренней для экосистемы и ответственна за *аутогенную ее эволюцию*, и *внешняя причинность*, детерминирующая деструктивные процессы в экосистеме и ответственная за *аллогенную ее эволюцию*. Движущей силой аутогенного

развития экосистем является не противоборство и конфронтация различных видов и биоценозов в экосистеме, а их способность к взаимополезному симбиотическому сосуществованию, повышающему степень адаптивности экосистемы в целом и способствующему снижению ее энтропии. Результатом такого аутогенного взаимодействия выступает повышение уровня целостности и устойчивости экосистемы [2].

Динамика любой экосистемы, в том числе и биосферы, представляет собой процесс смены аутогенной эволюции периодами некогерентного (аллогенного) развития, вызванными такими внешними факторами, как геобиологические кризисы, природные катастрофы, космические аномалии и др. В такие периоды происходит временное нарушение нормального режима функционирования экосистемы, проявляющееся в резком сокращении видового разнообразия, смене доминирующих видов, деградации естественных ландшафтов и др. Однако законы аутогенной эволюции всякий раз запускают в действие механизмы перестройки стратегий развития и новые возможности адаптации видов на генетическом уровне. В результате экосистема выходит на прогрессивную ветвь эволюции и преодолевает состояние локального кризиса.

Апплицируя принципы теории аутогенной эволюции на большинство проблем и противоречий современного этапа глобальной социодинамики можно существенно по-иному квалифицировать и интерпретировать многие экологические аномалии и кризисные явления. Так, например, деформации климата, особенно заметные в последние годы, зависят прежде всего от пульсаций солнечной активности и тех геотермальных процессов, которые происходят в недрах Земли. Некоторый рост температуры, наблюдаемый в последнее время в отдельных регионах планеты, – это не столько следствия загрязнения атмосферы парниковыми газами, сколько лишь «земное эхо солнечных бурь». Согласно наблюдениям ученых НАСА, глобальное потепление наблюдается сегодня не только на Земле, но и на Марсе, где деятельность человека полностью отсутствует. Повышение концентрации углекислого газа в атмосфере Земли затруднительно объяснить только техногенными причинами, поскольку основным его источником является Мировой океан, где сосредоточено в 50 раз больше запасов углекислого газа, чем в атмосфере. Динамика озонового слоя планеты, также интенсивно влияющего на состояние глобального климата, обусловлена не столько деятельностью человека, сколько усилением глубинной водородно-метановой дегазации и

разрушением озона водородом, который активно выделяется в последнее время из жидкого ядра Земли [2].

Весьма остро позиционируется сегодня проблема дефицита минеральных ресурсов и продовольствия. Не вызывает сомнения, что перманентное обострение этих проблем напрямую зависит от роста населения планеты и неконтролируемого увеличения его индустриально-экономического потенциала. Однако исчерпываются ли этими факторами подлинные причины кризисных явлений в этой сфере жизнедеятельности современного общества? Представляется, что ответ на этот вопрос не выглядит очевидным. Даже такие сверхвостребованные энергетические ресурсы, как нефть и газ по самым скромным оценкам имеются в количестве порядка 750 млрд. т. нефти (предполагаемые запасы) и 350-400 трлн. м³ природного газа. Этих запасов вполне может хватить более чем на 100 лет интенсивной эксплуатации. Если же учесть потенциальные возможности угольной энергетики, а угли составляют 87,5% прогнозных ресурсов ископаемого топлива Земли, то даже при современных темпах освоения этих мировых запасов, их должно хватить на более чем 300-летний период [3]. Если при этом учесть перспективы развития в мировом энергобалансе возможностей развития энергетики и других альтернативных видов получения энергии из экологически чистых источников, то энергетическая проблема представляется не такой уж апокалиптической. Например, несмотря на очевидные экологические сложности и угрозы со стороны ядерной энергетики, ее доля в мировом энергобалансе за 50 лет своего существования достигла величины 7%, к концу XXI столетия эта цифра по некоторым прогнозам может возрасти до 26%. При этом следует отметить, что энергоемкость промышленной продукции постоянно снижается с развитием высоких технологий и использования возобновляемых ресурсов. Иными словами, проблема исчерпания запасов минерального сырья, в частности, энергетического его компонента, не представляется столь уж фатальной, как это зачастую подается представителями современного экологического алармизма.

Аналогичная ситуация наблюдается и в отношении к продовольственной проблеме. Достаточно сказать, что, несмотря на очевидные тенденции сокращения и деградации посевных площадей, а также увеличения совокупного населения Земли, мощность сельскохозяйственного производства таких традиционных производителей зерна, как США и Аргентина, вполне достаточны для того, чтобы при условии рационального и справедливого перераспределения их

совокупного урожая обеспечить минимальную потребность в продовольствии всего населения планеты. Да, сегодня, еще количество голодающих в различных регионах мира остается недопустимо высоким, но причины этого позорного явления в современной жизни носят не столько экологический, сколько социальный характер. Нельзя забывать, что в период с 1950 по 2002 год количество голодающих снизилось с 37% до 13% от всего населения Земли.

Столь же неоднозначны оценки ученых и в отношении такой глобальной проблемы, как сохранение биоразнообразия в живой природе. Причины исчезновения видов до сих пор являются предметом острых дискуссий в научном сообществе. Еще Ч. Дарвин считал вымирание видов неизбежным следствием естественного отбора. И сегодня весьма затруднительно рассматривать регрессивную динамику видового потенциала биосферы только лишь как результат антропогенного вмешательства в естественные экосистемы. Более того, человеческая деятельность весьма интенсивно способствует новому видообразованию, используя возможности селекции, генной инженерии и других форм культивирования новой конфигурации видового разнообразия биоты, в котором значительно снижается энтропийный потенциал.

Таким образом, анализ современных экологических процессов с позиций науки и конструктивных исследовательских программ в сфере природопользования позволяет утверждать, что, несмотря на значительное воздействие человека на биосферу, нет достаточных оснований утверждать, что степень и параметры этого воздействия могут быть представлены как основная причина глобального экологического кризиса. Да, мы являемся сегодня свидетелями различных экологических аномалий и региональных экологических катастроф. Но достаточно ли этого для радикального вывода о том, что биосфера Земли реально вступила в фазу глобальной экологической мутации, подлинной причиной которой стала неумная жажда потребительства современной цивилизации и все нарастающая техногенная экспансия человечества в естественные ландшафты и природную среду обитания. Такой вывод, безусловно, содержит в себе значительный алармистский акцент и со времени выхода в свет знаменитого доклада Римскому клубу «Пределы роста» этот акцент становится неотъемлемым элементом множества публикаций, посвященных глобальной проблематике и адресованных массовому читателю. Наверное, такой алармистский акцент в значительной мере понятен и оправдан, когда речь идет о популярных работах и публикациях,

призванных мотивировать современного человека и различные общественные инициативы на активное участие в «зеленом движении», борьбу за сохранение природы и ее естественных ресурсов. В этом случае эмоционально насыщенная и апеллирующая к человеческой чувственности и гражданской ответственности экологическая проповедь является в известном смысле оправданной. Однако ее конструктивный потенциал весьма ограничен. И поэтому, в полном соответствии с методологическим императивом современной постнеклассической науки и культуры, важно использовать эвристические возможности методологии дополнительности, согласно которой интерпретация социально-экологической проблематики на уровне экспертного и научно-профессионального сообщества должна быть существенно иной. В принципе она не отвергает эмоционально-алармистского компонента, но главное состоит в том, что современная наука может бесконечно муссировать тезис о перманентно нарастающей глобальной экологической нестабильности. Ее презумпция состоит в том, чтобы рационально и технологически обоснованно разрабатывать конкретные программы и проекты реальной стабилизации социально-экологических отношений между обществом и природой. Более того, не только в сфере материального производства и экономики природопользования такой подход не имеет альтернативы, но и в сфере духовно-ценностных отношений современного общества экологическая проблематика должна все более активно освещаться не в жанре абстрактных призывов и прокламаций, а в форме научно фундированных исследований динамики экологических ценностей и традиций природопользования. Именно такая конструктивная стратегия позволит рационально и обоснованно ответить на вопрос о том, является ли глобальный экологический кризис неотвратимой перспективой для современного человека, либо его неизбежность в значительной мере преувеличена и существуют реальные возможности выхода на прогрессивную траекторию в отношениях общества и природы.

Литература

1. Красилов, В. А. Охрана природы: принципы, проблемы, приоритеты / В. А. Красилов. – М., 1992.
2. Снапкин, В. В. Глобальный экологический кризис: ресурсный и эволюционный аспекты / В. В. Снапкин // Век глобализации. – 2010. – №2. – С. 108-112.

3. ГЕО-4. Глобальная экологическая перспектива. Окружающая среда для развития. – Найроби (Кения): ЮНЕП, 2007.

<p>Фахрэттин Арслан, декан факультета заочного обучения Стамбульского университета, профессор, Стамбульский университет, г. Стамбул, Турция.</p>	<p><i>Воспитание экологического сознания у молодёжи в турецком обществе.</i></p>
---	--

ВОСПИТАНИЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ У МОЛОДЕЖИ В ТУРЕЦКОМ ОБЩЕСТВЕ

Фахрэттин Арслан
Стамбульский университет, Турция

Окружающую среду мы можем определить как среду, в которой находятся, влияют друг на друга и подвергаются влиянию живые существа (люди, животные и растения) и неживое (земля, воздух, вода и солнце). Когда мы смотрим на нашу окружающую среду, мы видим, что и живое и неживое оказывает друг другу взаимную помощь. Благодаря почве, воздуху, воде и свету растут растения. Растения, не причиняя окружающей среде никакого вреда, питают живые существа, и таким образом безупречно выполняют свой долг. Воздух, вода и почва не загрязняются сами по себе, и животные, пользуясь окружающей средой только в той мере, которая им необходима, не расходуя зря ничего и не причиняя ущерба, обеспечивают своё существование. Животные и растения не загрязняют окружающую среду, наоборот даже отходы их жизнедеятельности не приносят ущерба окружающей среде.

Мы должны охранять и оберегать воздух, воду, почву и солнце, которые присутствуют в нашей окружающей среде, и которые являются элементами, необходимыми для нашей жизнедеятельности. Между тем человек, иногда понимая, однако, не придавая значения, иногда же по незнанию ставит под угрозу будущее земли и жизни на земле, когда загрязняет окружающую среду. Во всём мире проблема загрязнения окружающей среды впервые встала в городах и промышленных центрах с многочисленным и быстрорастущим населением, с высокой плотностью населения, это загрязнение быстро распространилось по всему миру, став причиной серьезного обострения экологической ситуации.

В вопросе загрязнения окружающей среды, начиная от самой малой единицы общественной структуры, которую представляет семья, и заканчивая преподавателями, начиная от органов местного управления и заканчивая гражданами, на долю каждого человека из любого слоя

общества и любого возраста, выпадает большая ответственность и обязанности. В данной ситуации для того чтобы нынешние и будущие поколения могли дышать чистым воздухом, пить полезную и чистую воду, чтобы наши дети могли спокойно играть на лугу, чтобы почва давала обильный и хороший урожай, индивиды, особенно молодые люди, должны знать свою ответственность по одиночке и все вместе, и действовать соответствующим образом. Каждый, кто думает о будущем, должен содержать в чистоте и защищать окружающую среду. Дорога к содержанию в чистоте окружающей среды проходит через сознание индивидуальной ответственности, формирование экологического сознания и через создание условий для его формирования.

Обладание экологическим сознанием составляет рамки поведения современного человека, которые включают в себя принципы равенства и справедливости. Экологическое сознание современного человека требует также проявления усилий для того, чтобы окружающие люди разделяли чувство личной ответственности, которое ощущает сам человек. Таким же образом мы содержим в чистоте своё тело и одновременно не загрязняем и содержим в чистоте свою одежду. Если таким же образом рассматривать всё человечество как единый общий организм, то нашу окружающую среду, воздух, воду, почву и солнце можно рассматривать как нашу общую одежду, и содержать эту одежду в чистоте является обязанностью каждого. Особенно молодые люди, которые проявляют большее внимание к самим себе, должны быть первыми в вопросе сохранения в чистоте окружающей среды, которая является нашей общей одеждой, и в вопросе разработки мер по отношению к тем, кто её загрязняет.

Каждая страна с этой точки зрения должна разработать законодательную базу, способствующую защите нашей окружающей среды. Обязанностью государства и граждан является охрана окружающей среды, предотвращение загрязнения. Каждый имеет право на жизнь в здоровой и сбалансированной окружающей среде. Ввиду этого каждый человек должен быть экологом и нести ответственность за происходящее.

Молодые люди, пока ещё есть время и пока ещё не поздно, мы не должны оставаться безразличными, и должны все вместе прилагать усилия в данном направлении. Давайте все вместе поприветствуем будущее, основанное на любви и на уважении к окружающей среде.

БУДУЩЕЕ ЛЮДЕЙ У НИХ В РУКАХ.

Жук Ольга Леонидовна,
доктор педагогических наук, профессор,
зав. кафедрой педагогики и проблем
развития образования БГУ, Белорусский
государственный университет, г. Минск,
Беларусь.

*Высшее образование: направления
модернизации и возможности для
поликультурного диалога.*

ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ: НАПРАВЛЕНИЯ МОДЕРНИЗАЦИИ И ВОЗМОЖНОСТИ ДЛЯ ПОЛИКУЛЬТУРНОГО ДИАЛОГА

Жук О. Л.

Белорусский государственный университет

В условиях социально-экономической глобализации, активного развития информационно-коммуникационных технологий происходит размывание национальных границ. По сути, на мировом уровне создается независимая территория для взаимодействия, сотрудничества, распространения информации и знаний. Формируется глобальная система знаний, которая объединяет культуры разных народов, охватывает экономику и политику, науку и образование. Создаются предпосылки для формирования не только европейского образовательного пространства в рамках Болонского процесса. Можно предположить, что мир находится на пороге возникновения глобальной системы образования. В этой связи образовательные системы государств должны своевременно реагировать на ситуации социальных перемен и обеспечивать формирование у обучающихся качеств мобильности и открытости (к диалогу, самообразованию, творчеству, инновациям). Образование также должно быть нацелено на освоение базисных общечеловеческих и культурных ценностей в сферах морали и нравственности, политики и экономики, международных отношений.

С глобальной точки зрения, фундаментальная роль современного высшего образования состоит в обеспечении социальной интеграции и сплоченности молодежи, межкультурного диалога и взаимопонимания в ситуациях социально-культурного разнообразия. Особенно важно: развивать демократическую культуру, создавать прочную основу для непрерывного самообразования в течение жизни.

Процесс глобализации ведет к созданию и расширению общего образовательного пространства, которое, по сути, становится поликультурным, а высшее образование приобретает массовый характер.

Действительно, сегодня, индивид для получения образования может выбирать учебное заведение в любой стране мира, успешно закончив которое, в условиях социально-экономической интеграции в будущем сможет осуществлять профессиональную деятельность в рамках транснациональных корпораций, независимо от места жительства.

В условиях глобализации расширяется пространство высшего образования, и оно становится поликультурным.

Важнейшей целью поликультурного образования выступает формирование поликультурной личности, способной к диалогу и сотрудничеству, признающей многообразие и взаимосвязь культур, а также проявляющей личную ответственность за положительный характер межкультурного взаимодействия. Поликультурное образование нацелено на создание условий для формирования у обучающихся поликультурных компетенций, обеспечивающих успешное функционирование личности в национальной и мировой культурах. Эти компетенции базируются на поликультурной грамотности (знание и принятие многообразия культур) и опыте межличностного и межкультурного взаимодействия.

Концептуально-методическую основу модернизации образовательного процесса, ориентированного на развитие у студентов способности к поликультурному диалогу, составляют положения научно-педагогических подходов: гуманистического, личностно ориентированного, междисциплинарного и компетентностного. Кратко раскроем их суть.

Реализация в образовательном процессе вуза гуманистического и личностно ориентированного подходов предполагает: 1) создание условий для эффективного личностно-профессионального развития студентов и их самореализации; 2) более полный учет индивидуальных особенностей обучающихся и опору на их социокультурный опыт; 3) оказание студентам психолого-педагогической помощи и поддержки в ходе освоения образовательных программ, адаптации к требованиям вуза, будущей профессиональной деятельности, социуму в целом. Гуманистический подход выступает своеобразным компенсаторным механизмом для личности, призванным смягчить или уравновесить влияние негативных факторов социализации в поликультурном обществе и проблем глобализирующегося мира.

Важнейшим требованием гуманистического подхода является создание в вузе образовательной поликультурной среды. Она призвана выступать источником для развития у студентов компетенций

межкультурного взаимодействия, продуктивного и бесконфликтного общения; способности проявлять ответственность, справедливость и понимание в условиях социально-культурного многообразия. Необходимым условием функционирования поликультурной среды выступает создание в ней механизмов, обеспечивающих адаптацию иностранных студентов к социально-культурным традициям страны пребывания, учебным и дисциплинарным требованиям принимающего вуза. В этой связи важным является не только учет особенностей национальных культур иностранных студентов, их менталитета. В ходе адаптационной поддержки следует целенаправленно раскрывать перед иностранными студентами на основе сопоставления, равенства и взаимодополняемости особенности культуры принимающей страны, этические нормы поведения в социуме, образовательном пространстве вуза. Только через взаимоуважение и доверие всех участников образовательного процесса возможно сформировать взаимответственность за положительный характер межкультурного взаимодействия.

Социально-профессиональная деятельность людей в условиях глобализации и информатизации, научной и социально-экономической интеграции имеет ряд проблем, которые приобретают универсальный характер. Спектр таких универсальных проблем достаточно широк: от проблем устойчивого социального развития, глобальных проблем человечества до стратегии управления предприятием или отдельным проектом, социально-личностных проблем жизнедеятельности человека, включая межкультурное взаимодействие. Однако целостность и сложная системная организация окружающего мира, его социально-культурное многообразие, а также универсальный характер возникающих социально-профессиональных проблем не в полной мере соответствуют традициям, сложившимся в системе высшего образования. Дело в том, что в высшей школе комплексное профессиональное знание все еще расчленено на отдельные учебные дисциплины, связанные между собой, как правило, достаточно формально. Студенты преимущественно решают искусственные монопредметные задачи и выполняют на основе типовых образцов задания, которые не в полной мере соответствуют многообразию и системному характеру реальной действительности. У нас еще остается в учебных планах много невзаимосвязанных дисциплин; резкое разделение с одной стороны, гуманитарного, а с другой, – естественнонаучного и математического знания.

В результате у будущих специалистов не в полной мере формируется целостное гуманитарно-профессиональное мышление.

В ответ на вызовы времени, необходима междисциплинарная интеграция в высшем образовании в рамках междисциплинарного подхода. В контексте развития у студентов способности к поликультурному диалогу междисциплинарный подход приобретает большое значение. Реализация этого подхода предполагает включение в содержание обучения (независимо от учебной дисциплины) межкультурного контента через разнообразные социальные задачи-ситуации, историческую и прикладную составляющие. Содержание обучения в логике межкультурного диалога должно строиться по сопоставительному принципу, с учетом родной истории и культуры обучающихся и на основе равенства и взаимодополняемости национальных культур. Большое значение приобретают междисциплинарные научно-прикладные проблемы, имеющие глобальный или региональный характер. К ним относятся глобальные проблемы человечества (разрушение природной среды, истощение ресурсов, демографический взрыв и др.), проблемы «устойчивого развития», эффективного управления экономикой и ресурсами на уровне отдельной страны и мира в целом. В ходе решения таких проблем студенты понимают необходимость диалога наук (или учебных дисциплин); а также диалога культур. Все это выдвигает определенные требования к педагогическим компетенциям преподавателя, во-первых, по установлению междисциплинарных связей между социально-гуманитарными, естественнонаучными и общепрофессиональными дисциплинами. Во-вторых, преподавателям необходимо более широко использовать активные формы и методы обучения, включая коммуникативные методики. Это будет способствовать приобретению студентами реального опыта взаимодействия и межкультурного диалога, принятия решения в ситуациях социально-культурного разнообразия.

Главной из проблем в условиях массовости и поликультурности образования остается его качество. Важнейшим критерием качества высшего образования в современном понимании является социально-профессиональная компетентность выпускника вуза. Ее сформированность в соответствии с требованиями компетентного подхода выступает конечным интегрированным результатом высшего образования. Компетентностный подход предполагает практико-ориентированный, прикладной, междисциплинарный характер обучения, наиболее полный

учет требований работодателей. При этом содержание и методики обучения в вузе должны соответствовать содержанию и способам будущей профессиональной деятельности выпускника, отражая комплексный характер социально-профессиональных проблем и социально-культурное многообразие. Междисциплинарный и компетентностный подходы в высшем образовании порождают новую стратегию подготовки кадров, ориентированную на формирование у студентов соответствующих компетенций. Они основаны на гибких, многофункциональных, целостных знаниях и обобщенных умениях. Сформированность таких знаний и умений способствует синтезу достижений в смежных дисциплинах, использованию теорий и методов разных наук, диалога культур, а главное – развитию у студентов перспективного видения проблем, глобального и системно-аналитического мышления. Все это обеспечивает, как уже отмечалось, конечный интегрированный результат профессиональной подготовки в вузе – сформированность социально-профессиональной компетентности выпускника.

Ее компонентный состав включает знания, умения и опыт, ценностно-смысловые ориентации личности и личностные качества, которые обеспечивают мотивированную способность выпускника к ответственному решению разнообразных социально-профессиональных и личностных задач, в том числе в изменяющихся, поликультурных условиях. Очевидно, что такое сложное личностное качество, как компетентность, не может быть эффективно сформировано только в учебном процессе посредством дидактических средств. Необходима интеграция процессов воспитания и обучения в профессиональной подготовке будущих специалистов в вузе. Это означает единство подходов в организации обучения и воспитания в логике требований диалога культур, которые связаны с учетом многообразия и специфики культур всех участников образовательного процесса.

Обобщая сказанное, кратко сформулируем условия реализации поликультурного диалога в образовательном процессе университета:

1) включение на основе сопоставимости, равенства и взаимодополняемости в содержание учебных дисциплин межкультурного контента (в виде социальных задач-ситуаций, исторической составляющей или культурно-исторического значения конкретной дисциплины);

2) установление междисциплинарных связей между социально-гуманитарными и общепрофессиональными дисциплинами (через

междисциплинарные научно-прикладные проблемы глобального или регионального значения, решение которых предполагает диалог культур и наук);

3) единство подходов в организации процессов обучения и воспитания в логике требований диалога культур (учет многообразия и специфики культур всех участников целостного образовательного процесса);

4) опора на стратегии активного и коллективного обучения. Это предполагает создание в образовательном процессе проблемных (в том числе коммуникативных) ситуаций, моделирующих с учетом социально-культурного многообразия проблемы в обществе и будущей профессии. Названные стратегии базируются на методах и приемах: кейс-метод, проектное обучение, «мозговой штурм», дискуссия, учебные дебаты, ролевые, деловые игры и др. Они реализуются через совместную групповую работу студентов и обеспечивают их учебную коммуникацию и межкультурный диалог. Именно эти стратегии, как свидетельствует передовой опыт, являются наиболее эффективными для формирования важных компетенций: социальных, поликультурных, этических, политических и др.

5) сочетание коллективных и индивидуальных форм в обучении и воспитании с опорой на наставничество и взаимоподдержку.

<p>Павловская Ольга Александровна, кандидат философских наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института философии, Национальная академия наук Беларуси.</p>	<p><i>Духовно-нравственный потенциал личности в динамике социальных процессов.</i></p>
--	--

ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ЛИЧНОСТИ В ДИНАМИКЕ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ

Павловская О. А.
Институт философии НАН Беларуси

Необходимость и уверенность в том, что в XXI веке будет происходить активный выход личностного человека на социально-историческую арену, задает новую парадигму философско-научного сознания. На смену массовому человеку, который самостоятельно и добровольно «не созидает, даже если возможность и силы его огромны» [1, с. 43], приходит личностный человек, духовно-нравственный потенциал которого уже не может оставаться в стороне от происходящих в обществе преобразований.

В современной гуманитарной науке широкие перспективы открываются в плане исследования человеческой субъективности и духовности. В этой связи особую актуальность и новый импульс развития получает моральная проблематика. Это обусловлено в первую очередь развитием современных научно-технических, информационно-технологических, биотехнологических процессов. По мнению академика И. Т. Фролова, подобного рода достижения «в очень сильной степени затрагивают то, что мы называем сферой духовной жизни человека, – сферу нравственности. И, может быть, на ближайшее будущее основная наша деятельность в этом плане должна быть обращена именно к данной проблематике» [2, с. 233].

Ведущей движущей силой различных социальных процессов являются конкретные люди, в той или иной мере проявляющие себя как личности в общественной, государственной, частной жизни. В этой связи важно видеть пределы проявления личностной природы человека, которые, с одной стороны, задаются определенным уровнем конкретно-исторического развития социума, той или иной формой государства и проводимой им политикой, с другой, определяются самим человеком, его

стремлением к самореализации и самосовершенствованию. «Каждая личность обладает целым ансамблем импульсов своей жизнедеятельности, своей социальной активности или пассивности, который включает в себя как факторы широкого общественного происхождения, так и неповторимо индивидуальные обстоятельства жизненного пути каждого человека. Будучи «заряжена» этим множеством импульсов, она живет, активно действует в обществе и выступает как его движущая сила» [3, с. 333]. И таковой силой личность становится прежде всего потому, «что качество быть движущей силой истории есть существенное имманентное качество человека вообще» [3, с. 334]. Как это качество проявляется, зависит в значительной степени и от самой личности, от уровня развития ее духовно-нравственного потенциала.

Личность как движущая сила социально-исторического процесса имеет свое собственное содержание, своеобразный морально-психологический облик, который не растворяется ни в каких общностях, ни в каких совместных действиях. Концентрированное выражение личностного начала в человеке есть не что иное, как формирование и проявление собственно человеческого в нем. «Каждый становится человеком заново и каждый миг усилием своего Я должен воссоздавать в себе человеческое» [4, с. 41].

Выход на личностный уровень позволяет более рельефно представить проявление моральных ценностей в качестве реальной социальной силы. Во-первых, признанные и усвоенные личностью социально значимые ценности служат основой функционирования механизмов регуляции и саморегуляции человеческой деятельности, тем самым способствуя установлению и сохранению стабильных отношений в социуме. Во-вторых, внешне заданные моральные ценности, критически воспринимаемые, отторгаемые личностью, расходящиеся с ее субъективными целями и убеждениями могут стать внутренним источником социального неблагополучия, нестабильности, нарастания кризисных явлений в жизни людей. В-третьих, духовно-нравственный потенциал личности, аккумулируя в себе позитивную духовно-культурную информацию, может стать своего рода предвестником грядущих социальных и индивидуальных преобразований, внутренним источником творческой, новаторской деятельности, задать ей определенный социально и личностно значимый смысл, обеспечивать ее интенсивность и эффективность.

Опираясь на теоретико-методологические положения, нашедшие отражение в работе Г. В. Плеханова «К вопросу о роли личности в истории» и переосмысленные с учетом происходящих в современном обществе изменений, можно выделить в структуре личностного фактора три взаимосвязанных и последовательно возрастающих уровня: 1) социально-объективный, на основе которого формируется «индивидуальная физиономия» исторических событий; 2) субъективно-рациональный, который на основе научно обоснованных знаний предоставляет человеку реальные возможности рациональным путем изменять окружающий мир и себя самого как часть этого мира (сознательное выражение необходимости); 3) нравственно-психологический, где посредством развития самосознания человек открывает в самом себе новые духовные силы, которые становятся внутренним добровольным источником его социальной активности (свободное выражение необходимости). На всех трех уровнях мы можем наблюдать проявление духовно-нравственного потенциала человека. На первом уровне его проявление минимально, детерминировано социально-историческими условиями, на втором уровне диапазон проявления индивидуальной духовной свободы заметно расширяется за счет освоенных научных знаний, на третьем уровне посредством отражения и преобразования индивидуальным самосознанием различных внешних и внутренних социокультурных детерминант открываются реальные возможности для расширения процесса самоидентификации человека, свободного и творческого самовыражения его сущностных сил.

Возрастание меры личностного воздействия на ход истории всецело зависит, во-первых, от развития научного (рационального) освоения мира человеком, во-вторых, от развития процесса его нравственного самосовершенствования. «Великий человек велик не тем, – пишет Плеханов, – что его личные особенности придают индивидуальную физиономию великим историческим событиям, а тем, что у него есть особенности, делающие его наиболее способным для служения великим общественным нуждам своего времени» [5, с. 333]. Плеханов считает, что высшим проявлением личностного начала в истории является деятельность «начинателей», которые «видят дальше других и хотят сильнее других», т. е. не только знают, что и как необходимо делать, но и сами убежденно, уверенно действуют в этом направлении, показывая личный пример другим людям. Далее он называет «великих людей», которые по своим умственным и моральным характеристикам способны решать «великие

общественные задачи», т. е. перестройку общественных учреждений в соответствии с изменившимися объективными условиями жизни. А также, по мнению Плеханова, «не для одних только «начинателей», не для одних «великих» людей открыто широкое поле действия. Оно открыто для всех, имеющих очи, чтобы видеть, уши, чтобы слышать, и сердце, чтобы любить своих ближних... В нравственном смысле велик каждый, кто, по евангельскому выражению, «полагает душу свою за други своя» [5, с. 334]. Каждый человек, ставя во главу угла высокие нравственные цели, не на словах, а на деле претворяя в своей жизни духовно-нравственные ценности, становится мощной социальной силой, способной изменить мир к лучшему.

Человек по своей природе – уникальное существо, обладающее мощнейшими внутренними резервами, о наличии которых он сам до поры до времени может и не подозревать, но именно они являются тем жизненно необходимым источником, который дает ему физические силы и духовную энергию для его земного бытия. Духовно-нравственный потенциал личности реально проявляется прежде всего в таком феномене, как, говоря словами Канта, «достоинство человеческого в нас», которое «как некая абсолютная внутренняя ценность» приводит в движение весь комплекс личностных качеств человека, притягивает к себе внимание других людей и порождает у них чувство уважения к нему. Человек «не должен отречься от высокой моральной оценки самого себя, имея в виду это достоинство, т. е. он должен добиваться своей цели, которая сама по себе есть долг, не раболепно, *не холопски*, как если бы он добивался милости, не отречься от своего достоинства, а всегда [добиваться своей цели] с сознанием возвышенности своих моральных задатков» [6, с. 458].

Таким образом, каждый человек по-разному может оказывать воздействие на ход социально-исторического процесса. Действие личностного фактора только начинается с невольного участия человека посредством свои индивидуальных особенностей в формировании «индивидуальной физиономии событий», но по мере возрастания его интеллектуального и духовно-нравственного потенциала увеличивается и сила его влияния на жизнь социума, способствуя тем самым последовательному преобразованию стихийного хода истории в процесс сознательной и свободной деятельности личностей. Причем, следует особо подчеркнуть ту незаметную на первый взгляд, но чрезвычайно важную в практическом отношении роль духовно-нравственного потенциала личности как движущей силы социального развития. Именно духовно-

нравственный потенциал является жизненно необходимым источником зарождения и накопления духовных сил личности, своеобразным «аккумулятором» ее духовной энергии.

Литература

1. Ортега-и-Гассет, Х. Восстание масс / Х. Ортега-и-Гассет. – М., 2005.
2. Фролов, И. Т. К постижению человека разумного и гуманного / И. Т. Фролов // Многомерный образ человека. – М., 2001.
3. Барулин, В. С. Социальная философия / В. С. Барулин. – М., 2000.
4. Корсаков, С.Н. Методологические проблемы постижения человеческой индивидуальности / С. Н. Корсаков // Многомерный образ человека. – М., 2001.
5. Плеханов, Г.В. Избран. философск. произв. / Г. В. Плеханов. – М., 1956. Т. 2.
6. Кант, И. Критика практического разума / И. Кант. – Издание второе, стереотипное. Публик. По изданию: Иммануил Кант. Сочинения в шести томах. М, 1963-1966 (Т. 4, ч. 1, 2). – СПб, 2005.

<p>Лещинская Ирина Ивановна, кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии культуры, факультет философии и социальных наук, Белорусский государственный университет, г. Минск, Беларусь.</p>	<p><i>Идея диалога культур в творчестве Ф. Гюлена.</i></p>
---	--

Ф. ГЮЛЕН О МЕЖКУЛЬТУРНОМ ДИАЛОГЕ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Лещинская И. И.
Белорусский государственный университет

Глобализация привела в состояние активного взаимодействия множество разных культур, имеющих свой неповторимый облик и уникальный голос, и каждый из них должен быть слышен и услышан в этом культурном многоголосье. Полифонизм глобальной культуры является необходимым условием единства и социальной гармонии. Это состояние можно было бы обозначать вслед за русским философом М. Бахтиным с помощью понятий «нераздельно и неслиянно». В то же время голос каждой отдельной культуры в свою очередь складывается из «неслиянных голосов» ее наиболее ярких представителей. Один из таких «голосов» воплощен в весьма разнообразной и плодотворной социально-культурной активности современного турецкого просветителя Ф. Гюлена.

Спецификой просветительской деятельности вне зависимости в каком культурно-историческом контексте она осуществляется, является глубочайшее чувство ответственности со стороны тех, кто обладает способностью духовного воздействия на общество и смелостью начертать определенный план воспитания, простые и ясные принципы которого могли бы дать людям шанс достичь прогресса и счастья. Не случайно в европейской традиции с легкой руки классика немецкой философии И. Канта просвещение неразрывно связывается с совершеннолетием, этапом в жизни как отдельного человека, так и общества в целом, для которого характерно не только возможность широкого пользования свободой, но и необходимость осознания границ ее законного применения и ответственности за ее осуществление [1]. В этом отношении весьма показательны не только учение Ф. Гюлена, но и его достаточно напряженная, не лишенная драматизма жизнь.

Просветительская деятельность предполагает осуществление критической и исторической рефлексии, что также наглядно и широко демонстрирует творчество данного мыслителя, в контексте которого эти два модуса репрезентации современного мира теснейшим образом взаимосвязаны. Ни одна из злободневных проблем современности не была оставлена без пристального внимания и критической оценки данным мыслителем. Причем каждое событие оценивается не только в горизонте будущих его последствий, но и в соотнесенности с его истоками в прошлом. Не случайно для Ф. Гюлена, история народа, как и человечества в целом, – это не только и не столько простая последовательность событий во времени, а процесс обретения им мудрости и духовной зрелости. Однако этот процесс носит очень сложный, а порой и драматичный характер.

Развитие любой системы, и тем более глобальной, немислимо представить вне ее открытости, множественности и разнообразия ее содержания, постоянного и свободного взаимодействия ее элементов. Культурное разнообразие, проявляемое в неповторимости и уникальности отдельных культур, также необходимо для развития человечества, как и биологическое разнообразие в природе. Условием возможности сохранения и преумножения культурного разнообразия являются, в первую очередь, толерантность и свобода. Благодаря таким условиям каждая культура должна и может стать полноценным субъектом диалога, располагающим всеми доступными средствами для своего развития, а не обыгрываться в качестве объекта политических или экономических интересов.

В силу этого современная ситуация придает особую остроту проблеме толерантности, которая бесконечно разнообразна и многолика по своим проявлениям: это сфера власти государства и подчинения гражданина, сфера национальных, классовых, конфессиональных, профессиональных, семейных, деловых и личностных отношений. Эта проблема, несомненно, имеет глубоко метафизический характер, так как ее возможные решения задают фундаментальные стратегии как для развития общества, так и для самореализации отдельного человека.

В западноевропейской традиции глубоко и всесторонне была обоснована неразрывная связь терпимости и свободы, благодаря чему тройственная формула прав человека (жизнь, свобода, собственность) была раскрыта как не только как воплощение «метафизики свободы» и одновременно как полная формула терпимости в основных ее измерениях.

Таким образом, обоснование необходимости терпимости – это полагание возможности свободы во всех формах ее проявления, научение терпимости – это научение свободе. Наиболее существенным в этом отношении является вклад основателя европейского либерализма Дж. Локка.

Турецкий мыслитель, следуя основным принципам либерализма, также убежден, что там, где нет места терпимости, отсутствуют условия для плодотворного диалога, и, следовательно, не может появиться коллективное сознание и согласие. Поэтому насущной проблемой, по убеждению Ф. Гюлена, является активизация деятельности по созданию «платформы толерантности», которая способна объединить светское и религиозное мировоззрение, ценности как различных конфессий, так и различных политических систем. Турецкий общественный деятель убежден, что необходимо и возможно, чтобы XXI столетие, стало «веком терпимости» [2, с. 76]. По его мнению, современная демократическая модель, которая предполагает развитие основных принципов либерализма на основе традиционных ценностей и прежде всего ценностей исламской веры, должна способствовать формированию социального консенсуса не только внутри данного общества, но и в контексте взаимодействия с европейским сообществом.

Кроме того, Ф. Гюлен полагает, что исконные либеральные ценности в сочетании с исламскими ценностями любви, милосердия справедливости должны сыграть важную роль в деле обретения современным человеком духовной идентичности, которая по своему характеру противостоит социально-групповой, ведущей к различным формам противостояний и конфликтов. В этом отношении Ф. Гюлен предстает как мусульманский наставник, как теолог, демонстрирующий всестороннее знание исламских источников и традиций, а также глубину религиозного мышления в процессе их современной интерпретации. Для него сущностью религии и наиболее значимой сферой приложения религиозной деятельности является нравственность. В условиях повсеместного обрушения системы традиционных ценностей со всей остротой встает проблема их возрождения и культивирования. Решение этой проблемы – процесс весьма сложный и продолжительный, так как наталкивается на сопротивление со стороны реальности, подчиненной установкам бездушного, а порой антигуманного по своей сути прагматизма. Однако, несмотря на всю остроту сложившейся ситуации, она еще не приобрела фатальный характер для современного мира. Для турецкого гуманиста воспитание подлинной человечности представляется

возможным только процессе напряженного и непрерывного диалога личности с культурой во всем многообразии ее проявлений.

Таким образом, бережное отношение к человеку, сохранение и преумножение механизмов социального наследования, последовательный рост культурной деятельности, взаимоуважительный диалог культур на основе принципов плюрализма и терпимости – это те ценности, которые в своей весьма разносторонней деятельности обосновывает и отстаивает турецкий мыслитель – Ф. Гюлен. Но данные ценности также выражают собой единство человеческого рода, общность его исторических судеб и представляют «категорический императив» современности, следование которому является необходимым условием сохранения человечества.

Литература

1. Кант, И. Что такое Просвещение / И. Кант // Соч.: в 6 т. Т.6. – М., 1966. – С. 25-36.
2. Гюлен, Ф. Диалог и толерантность / Ф. Гюлен. – Минск, 2011.

Али Селчук Биридджик,
профессор университета Мармара,
Университет Мармара, Турция.

*Физический потенциал
естественной среды и
молодежь.*

ФИЗИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ЕСТЕСТВЕННОЙ СРЕДЫ И МОЛОДЁЖЬ

Али Сельчук Биридджик
Университет Мармара, Турция

Общеизвестным является то, что природные элементы определяют образ жизни человека с момента Его появления. Человек, который является самым новым и самым последним гостем Земного шара (Земли), должен устанавливать жизненные стандарты в соответствии с теми возможностями, которые обеспечивает для него физический потенциал природной среды, в которой он обитает.

Возможности и шансы, о которых идёт речь, и в пределах границ страны, и за их пределами, прямо пропорциональны богатству всего мира. Бесспорно, все страны мира с точки зрения наземных и подземных ресурсов имеют различия. Оценка этих различий осуществляется в рамках собственного физического потенциала каждой из стран. Возможно, данный тезис будет воспринят верно. Однако, если мы не будем принимать во внимание политические границы, не следует забывать о том, что Земля является единым целым, и о том, что все люди несут взаимодополняющие обязанности и ответственность. Если подойти к теме таким образом, то все наземные и подземные богатства Земного шара являются общей собственностью всего человечества.

Беларусь и Турция вынуждены удовлетворять свои потребности в природном газе и нефти за счёт других стран, и ввиду этого можно говорить о том, что они не полностью владеют своими запасами природного газа и нефти, а если владеют, то ещё не установили точные масштабы данных запасов. Таким образом, эти две страны и некоторые другие страны действуют таким образом, чтобы поставлять природный газ и нефть по менее дорогой цене и экономно использовать.

Рельеф **Беларуси** довольно простой. Здесь невозможно увидеть высокие горы и вершины. На северо-западе страны выраженный рельеф представлен *западнорусской возвышенностью*, протягивающейся в юго-западно – северо-восточном направлении. Высота вершины этой орографической линии, имеющей характер плато и представленной плоскими холмами и хребтами, составляет *345 метров*. Столица **Минск** была основана на восточном подножии данной орографической линии. Кроме того, плато, которые разделены на части рекой Днепр на востоке и северо-востоке от Минска (*возле Могилёва и Орши*), а также невысокие плато (320 м), которые находятся на северо-западе от Минска, при том, что являются заметными, не занимают широкого пространства. Равнины же, напротив, занимают большую часть территории Беларуси. На низких уровнях этих довольно широких равнин находится множество болот и озёр. Болота и озёра занимают значительную часть (приблизительно 50%) территории страны, составляющую *208.000 км²*.

Беларусь является страной, богатой реками. В первую очередь можно упомянуть *реку Днепр*. Также можно упомянуть реку Припять, которая прямо протекает с запада на восток (между Брестом и Мозырем), и реку Березину, которая протекает в направлении западнорусской орографической линии и является одним из важных притоков Днепра.

Кроме Днепра, впадающего в Чёрное море, *река Двина*, протекающая на севере Беларуси, и *река Нёман*, верхние притоки которой находятся на белорусской территории, проходят через литовские земли и впадают в Балтийское море.

Из небольшой информации, данной выше, можно понять, что Беларусь имеет большой потенциал с точки зрения наземных и подземных вод. К сожалению, в связи с этим зафиксированы *случаи имеющих характер стихийных бедствий наводков и наводнений в Беларуси, и связанных с ними эпидемий*. Кроме того, известно, что сильные бури и смертельная жара иногда были причинами потери имущества, а также гибели людей. Для того, чтобы избежать данных негативных явлений,

требуется принятие необходимых мер. И для Беларуси, и для всех других стран мира во имя благополучия человечества необходимо:

- Не загрязнять воздушную оболочку нашей Земли (атмосферу),
- Избегать всяческих загрязнений, связанных с повышением плодородности сельскохозяйственных угодий,
- Охрана водных источников, включающих питьевую воду, воду, используемую для прочих нужд и воду для полива сельскохозяйственных угодий, таким образом, чтобы она была постоянно пригодна к использованию,
- Защита от разрушения наших лесов, которые являются источником кислорода,

Наконец, белорусская молодёжь, вся молодёжь мира и все люди мира несут ответственность за разработку *политики в области окружающей среды* и образования *Управления по вопросам окружающей среды*, не отходя от нравственных ценностей целостности *окружающей среды* и *экосистем*, во имя того, чтобы наземные и подземные богатства были постоянно и всегда пригодны для использования в максимальной мере.

После подробного изучения всех деталей, касающихся топографического вида, а также всех богатств *Беларуси*, население которой на сегодняшний день составляет приблизительно 10 миллионов, и которая не имеет выхода к морю, будет возможным надеяться на более надёжное продвижение планомерных работ, направленных на счастливое будущее, без нарушения экологического равновесия.

Потому что:

- Беларусь не имеет выхода к морю,
- Это страна, обширную часть территории которой занимают болота,
- Это страна, где часто бывают паводки и наводнения,
- Это страна, где, как известно, эпидемии время от времени уносят жизни людей,

Не следует забывать, что эти негативные моменты должны быть преодолены в рамках экологического сознания, и что молодёжь будет нести в данном вопросе ещё большую ответственность.

<p>Байгина Диана Алиевна, соискатель кафедры философии и методологии науки, факультет философии и социальных наук, Белорусский государственный университет, г. Минск, Беларусь.</p>	<p><i>Основные стратегии философии музыки XIX-XX вв.</i></p>
--	--

ОСНОВНЫЕ СТРАТЕГИИ ФИЛОСОФИИ МУЗЫКИ XIX-XX ВВ.

Байгина Д. А.

Белорусский государственный университет

Проблемой музыки занимались Платон, Аристотель, Боэций, Августин, Декарт, Гегель, Шеллинг, и др. Однако в начале XIX столетия возникает особое направление, в рамках которого музыка начинает рассматриваться как один из феноменов человеческого бытия. Если до этого музыка исследовалась с позиций искусствоведения, или эстетики, то в рамках этого направления музыка начинает пониматься онтологически, что позволяет говорить о начале формирования особого направления в философии – философии музыки. То, что в XIX-XX в. начинает формироваться философия музыки, говорит о глубинных изменениях в способе взаимодействия Я с миром, принципиально отличающимся от классических образцов, в котором обнаруживается стремление не к построению стройной статичной картины мира, а к целостному восприятию бытия. Так же необходимо подчеркнуть особенности самой музыки этого периода, развитие которой привело к тому, что посредством музыкальных произведений стали выражаться сложные философско-эстетические концепции. Учитывая тот факт, что процесс формирования философии музыки еще не завершен, мы провели теоретическую реконструкцию основных стратегий философии музыки XIX – XX веков.

В этот период сформировался ряд стратегий интерпретации музыки, в рамках которых были определены центральные проблемы, связанные с процессом осмысления феномена музыки: романтическая стратегия; стратегия понимания музыки как коррелята мировой воли; герменевтико-феноменологическая стратегия; музыкально-эстетическая стратегия Нововенской школы; семантическая стратегия.

Истоки формирования романтической стратегии философии музыки мы обнаруживаем в творчестве В.Ф. Одоевского, главной заслугой которого было создание философского подхода к музыке. Им были заложены основы этномузыкологии, сформулированы основные вопросы,

касающиеся музыкальной выразительности и возможности понимания музыкального содержания. В романе «Русские ночи» мы встречаем попытки истолкования смысла музыкальных произведений, что можно считать одним из первых опытов применения к музыкальному произведению герменевтического метода.

В философских теориях А. Шопенгауэра, Ф. Ницше и Р. Вагнера мы сталкиваемся с пониманием музыки как коррелята мировой воли. Если в философии романтизма обнаруживаются предпосылки философии музыки, то в творчестве этих философов мы сталкиваемся с философией музыки как таковой. Музыка в рамках этой стратегии интерпретируется как выражение глубинных и сущностных процессов природы и человека, выражение воли к жизни.

Что касается герменевтической стратегии в философии музыки XIX-XX вв., необходимо заметить, что в этапах развития этой стратегии отразились этапы эволюции теоретического мышления этого времени, что говорит о том, что музыкальная герменевтика не имела самостоятельного существования, а развивалась на основе теоретических исследований, разрабатываемых в философии и смежных с ней областях науки. В рамках музыкальной герменевтики не было выработано общего принципа исследования, в силу чего требуется её дальнейшее развитие с необходимой конкретизацией методологических принципов.

В рамках феноменологической стратегии интерпретации музыки был описан процесс конструирования музыкального предмета в сознании; обозначены отличительные черты таких элементов феномена музыки как музыкальное произведение, исполнение музыкального произведения, конкретизация музыкального произведения; были сформулированы проблемы музыкального времени, установлен «внепространственный» и «надвременный» характер музыкального произведения, и при этом, наличие своеобразной quasi-временной структуры, которая в процессе исполнения раскрывается как многофазовый процесс; выявлены «звучащие» и «не звучащие» элементы музыкального произведения. Так же, в феноменологической стратегии было доказано, что музыкальное произведение – это чисто интенциональный предмет, обусловленный интенциональными актами автора; проведено соотнесение «эйдоса» музыки с законами логики, в процессе которого установлены особенности чистого музыкального бытия как оппозиции алогического и логического; законченности и становления, которая в музыке является нам как тождество. Помимо этого, по мнению М. Аркадьева, интуиция времени,

свойственная музыке XVII — XIX веков, соответствует динамическим научно-философским представлениям XX столетия, из чего можно заключить, что эволюция музыкальной культуры не только находится в тесной связи с развитием теоретических идей, но даже способна опережать научные поиски, с помощью музыкальных средств формулируя то, что науке только предстоит.

В музыкально-эстетической стратегии Нововенской школы была вновь поставлена проблема музыкальной выразительности. Музыка в рамках этой стратегии трактуется как способ наиболее адекватного выражения внутренней жизни индивида. Преобразование принципов композиции и построение теории додекафонии в музыке нововенцев было вызвано внутренним требованием, так как новые условия жизни, складывающиеся в первой половине XX века, не могли быть выражены старыми средствами.

В завершение, необходимо сказать об особенностях понимания музыки как недискурсивного символа в семантической стратегии интерпретации музыки С. Лангер. В рамках этой стратегии внимание было обращено на структуру музыкального языка; подчеркнута взаимообусловленность формы и содержания в музыке, при этом сформулирована идея о том, что в музыке передается не прямое содержание, а содержание символическое. При том, что область недискурсивной символики не поддается вербализации, уникальность ее заключается в том, что посредством недискурсивных символов может быть передано то, что не может быть выражено в языке. Таким образом, музыка представляет собой универсальный символ жизненных процессов, как интеллектуальных, так и физических.

При всем разнообразии подходов и определений музыки, есть некоторые идеи, которые объединяют различных философов XIX-XX вв., занимающихся этой проблемой. В музыкальных феноменах перед человеком открывается некое величайшее онтологическое обобщение, при котором категории человеческого разума снимаются, а классические оппозиции предстают в качестве единого целого, что становится аргументом в пользу обоснования нового типа мировоззрения.

Музыка и музыкальное мышление открывает для нас тип мироощущения, аналог которому мы можем встретить лишь в древности — мифологическое мироощущение. Наука способна лишь констатировать его существование в прошлом, но с помощью музыки человеку дается эмоциональная картина этого мира — живого и полного. В нем нет

индивидуальности, нет единичности, в нем жизнь может поддерживаться только при абсолютном слиянии.

Особенность мифологического мировоззрения в том, что основой для его построения служила взаимосвязанность и взаимозависимость элементов мира, в противоположность научной картине мира, формирование которой осуществляется на основе единичных фактов, часто формирующих разрозненно-бессвязные представления о действительности. Реалии современности привели человечество к необходимости поиска альтернативных способов осмысления бытия и экзистенции. Органоном же для этого поиска может служить музыка: «Музыка, уничтожая индивидуальное зрение, восстанавливает высокое и всезнающее зрение» [7, с. 264].

Музыка представляет собой особый тип мышления, который неспособно объять логико-понятийное мышление, однако, значение музыки не является для нас закрытой областью, так как оно непосредственным образом связано с опытом познания человеком мира, и только во взаимосвязи со всей культурой может быть осознанно.

Литература

1. Аркадьев, М. А. Временные структуры новоевропейской музыки. Опыт феноменологического исследования / М. А. Аркадьев. – М., 1992.
2. Бонфельд, М. Музыкальная герменевтика и проблемы понимания музыки / М. Бонфельд // Вопросы музыкознания и музыкального образования: Сборник научных трудов; Вып. 1. – Вологда, 2000. – С. 31-41.
3. Вагнер, Р. Избранные работы. (История эстетики в памятниках и документах) / Р. Вагнер. – М., 1978.
4. Веберн, А. Путь к новой музыке / А. Веберн // Лекции о музыке. Избранные письма. – М., 1975. – С. 31 – 59.
5. Ингарден, Р. Исследования по эстетике. Музыкальное произведение и вопрос его идентичности / Р. Ингарден. – М., 1962. – С. 403-570.
6. Лангер, С. Философия в новом ключе: Исследование символики разума, ритуала и искусства / С. Лангер. – М., 2000.
7. Лосев, А. Ф. Музыка как предмет логики / А. Ф. Лосев // Лосев, А. Ф. Из ранних произведений. – М., 1990. – С. 193-390.
8. Ницше, Ф. Рождение трагедии, или эллинство и пессимизм. Так говорил Заратустра / Ф. Ницше. – М.; СПб., 2005. – С. 23-122.

9. Ницше, Ф. О музыке и слове (отрывок, 1987 г.) / Ф. Ницше. – Минск, 2000.

10. Одоевский, В. Ф. Музыкально-литературное наследие / В. Ф. Одоевский. – М., 1956.

11. Шёнберг, А. Моя эволюция. Убеждение или познание. Учение о гармонии / А. Шёнберг // Зарубежная музыка XX века. Материалы, документы. – М., 1975. – С. 127-143.

12. Шопенгауэр, А. О сущности музыки / А. Шопенгауэр. – Петроград, 1919.

Барсук Ирина Александровна,
преподаватель кафедры философии и
методологии науки, факультет философии и
социальных наук, Белорусский государственный
университет, г. Минск, Беларусь.

*Восточнославянская
цивилизация и ценностные
приоритеты современной
социодинамики.*

ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ И ЦЕННОСТНЫЕ ПРИОРИТЕТЫ СОВРЕМЕННОЙ СОЦИОДИНАМИКИ

Барсук И. А.

Белорусский государственный университет

В последние годы в научной печати появляется все больше публикаций, содержание которых свидетельствует о том, что проблемы дальнейшего безопасного и устойчивого развития современного общества самым тесным образом определяется состоянием духовной культуры, ее ценностными ориентирами и приоритетами. Это обусловлено прежде всего с тем, что почти за четыре последних столетия мир человека индустриального общества оказался существенно деформированным. В нем произошла девальвация традиционных, имеющих общечеловеческий характер, духовных ценностей, а кристаллизуемые ценности «экономического человека» сводятся к материальному обогащению и потреблению, максимизации прибыли, приоритету экономики, экономическому господству и т.п. Пожалуй, именно библейское изречение «не хлебом единым жив человек» совершенно точно выражает специфику бытия человека в мире, который нуждается не только в удовлетворении материальных, но и более высоких, духовных потребностей. Иными словами понятие духовной жизни включает в себя все многообразие форм духовной деятельности, что, выражаясь языком известного французского социолога П. Бурдьё, составляет «символический капитал». Однако функцию капитала эти феномены начинают выполнять только тогда, когда реально способствуют интеграции людей в коллектив, пробуждению у них коллективного самосознания и мобилизации на достижение социально значимых целей, т.е. капиталом они становятся только тогда, когда непосредственно включены в общественно-исторический процесс и активно используются в интересах современного общества.

Одним из наиболее актуальных вопросов данной проблемы является анализ ценностных установок культуры, в совокупности которых имеет смысл вычленить социокультурные традиции. В современной

философской литературе под традицией чаще всего понимают определенные ценностные компоненты культуры, в которых аккумулирован социально-исторический опыт прошлых эпох и этапов развития той или иной социальной системы. Столь обобщенное понятие культурной традиции предполагает акцент, прежде всего, на характеристике её содержания, т.е. ценностях культуры, которые, существуя в форме групповых стереотипов, выполняют функции программирования и регулирования человеческой деятельности и поведения.

Какую же роль в процессе поиска новой системы ценностей могут сыграть традиции духовной культуры восточнославянских народов, сформированные в глубине веков богатой и порой трагической истории? Будут ли они востребованы мировой цивилизацией в условиях глобализации? При этом важно подчеркнуть, что речь идёт о целостной и исторически инвариантной системе ценностей и представлений, доминирующей на пространстве восточнославянской культурно-региональной целостности, позволяющих определенно зафиксировать специфику восточных славян в сравнении с западными и восточными культурами. В них отчетливо проявляется ориентация на приоритетность духовного освоения реальности и перенесение многих социально-исторических, политических, религиозных проблем в сферу красоты. Эта социокультурная самобытность сопряжена с осознанием сакральности земли в языческом мировоззрении, сакральности мудрости и книжного знания в христианской религиозности, собственных нравственных идеалов, наполненных историческим и социальным содержанием, необходимости государственно-территориального единства и определении путей его реализации, ориентированных на космичность и масштабность преобразований.

В эволюции духовных ценностей восточных славян важную роль сыграло создание к началу IX в. государства Русь, или, как его называют учёные, Киевская Русь. Время это способствовало «появлению и укреплению понятий единства Руси» [1, с. 133], одновременно «дало возможность созреть и вырасти и Украине, и Белоруссии, и Великороссии» [2, с. 41]. Формирование духовных ценностей восточного славянства связано с принятием православно-христианской веры по византийскому обряду и оформлению «надэтнической культурной целостности православного мира» [3, с. 193]. Это отчётливо отражено уже в выдающемся произведении древнерусской философской мысли – «Слове о

Законе и Благодати» первого митрополита из русских Илариона. Эмпирически это обнаруживается в особенностях коммуникации: «русы», «русские», «русины» – «братья-православные». Поэтому в название Русь вкладывался сакральный «свет» Сияющей Мудрости и Истины Всевышнего. В качестве своеобразного аксиологического центра культуры Киевской Руси и выражением этнической идентификации восточных славян выступает идея мира. Понятие мир («мір») на Руси обозначало ни что иное, как «Белый Свет» (иначе говоря, Белобог – известный персонаж славянской мифологии), который проявляется на Земле через человеческое сообщество, то есть общину. Поэтому мир – это, прежде всего, община, централизованное государство с единой властью и законами. Решающую роль в этом процессе сыграли практические интересы крестьянства, что наиболее ярко проявилось в семейной и календарной обрядности. Типичным увеселением святок – праздника, начинавшего земледельческий год, – было «ряжение», цель которого и связанных с ним игр заключалась в том, чтобы вызвать плодородие и плодovitость. Любовь природой, которая выступает как нечто совершенно самостоятельное в силу своего многообразного и красочного бытия, во всей своей конкретности и величии определило создание эстетического образа Русской земли. Именно красота как проявление Софии и Вечной Женственности призвана «спасти мир». Поэтому восточнославянская традиция возвеличивает пахаря и его труд, противопоставляя земледельца – воину, созидательный труд – завоеваниям. Предпочтение мирного сосуществования перед завоеванием, как проявление восточнославянской духовности, отличает древнерусские былины от западноевропейского героического эпоса. Идея упорядоченности, согласия воплощается на Руси в образе Святой Софии Премудрости Божьей, вещественным воплощением которого стало сооружение величественных кафедральных соборов и посвящение их Св. Софии в Киеве, Новгороде, Полоцке, Чернигове и др. городах.

Если в памятниках древнерусской литературы речь и идет о битвах, то это сражения за Русскую землю, за восстановление мира и правды. А.М. Панченко обратил внимание на то, что на Руси в качестве национальных символов «избирались не легкие, а тяжелые, жертвенные победы: подвиг и жертва неразделимы». Поэтому символами стали «вынужденные сражения», в которых «Россия защищалась, следовательно, была безусловно права», такие битвы и оказались «нравственной заслугой» народа, без чего «символ невозможен» в принципе [4, с. 201]. Отсюда принцип братолюбия и уважения провозглашается одним из основных

добродетелей государственного деятеля. В письме Олегу Святославовичу Владимир Мономах цитирует популярную на Руси выдержку из первого послания апостола Иоанна: «Ибо кто молвит: «Бога люблю, а брата своего не люблю», – ложь это» [5, с. 168]. Характерной чертой этого явилась слабость в осуществлении предпринимательской деятельности, что вызывает к жизни «детское начало» и стремление обратиться к «старшему» – государству, которое взяло бы на себя функции защиты и волевой мобилизации. В контексте восточнославянской истории ценность коллективного образа жизни получила отражение в понимании государства как важнейшей организующе-регулятивной силы и гаранта стабильности общества.

Вместе с тем, в системе ценностных приоритетов восточного славянства проявились дивергентные ориентации, в результате которых сформировались равноправные и самостоятельные культуры белорусов, украинцев и русских, отражающие локальные особенности народов восточнославянского этноса. Так, противоречивость идентификационных процессов восточных славян обнаруживается уже в процессе интеграции ценностно-мировоззренческих установок языческой и христианской культур. Отсюда признание восточного славянства как единой социокультурной общности отнюдь не противоречит присутствию индивидуальных ментальных черт у русских, белорусов и украинцев. Поэтому наряду с общими духовными ценностями существуют и национальные ценности восточного славянства. Так, с конца XIII в. развитие Беларуси и Украины, с одной стороны, России – с другой, совершается в различных социально-исторических условиях, что привело к утверждению существенно отличающихся друг от друга политических систем и духовных традиций. Как отмечает В.А. Салеев, «можно утверждать, что в XV – XVI вв. на белорусских и украинских землях появляется и утверждается новый духовный субстрат, который внес принципиально новые черты в процесс формирования национальных характеров и менталитетов новых этносов, которые постепенно (а к середине XVII в. и окончательно) превращаются именно в белорусский и украинский» [6, с. 24]. При этом не стоит забывать о том, что до середины XVI в. наиболее ярким выразителем белорусской и украинской национальных культур было православие, в его специфическом белорусско-украинском варианте, чему способствовало образование православной автокефальной церкви в ВКЛ. В максимальной степени дифференциация ценностных ориентаций среди восточнославянских

народов проявилась в отношениях к социальному микрокосмосу, в специфике православной традиции, в принципе коллективизма, в различных подходах к практике природопользования.

Уже в годы общественно-экономической перестройки конца 1980 – начала 1990 гг., когда приоритет стал отдаваться индивидуализму, подчеркивавшему приоритет личностных целей и интересов, свободу индивида от общества, индивидуалистические ценности так и не смогли стать господствующими для восточнославянских народов. Возможно, это связано с тем, что в рамках нашей традиции индивидуализм не может стать доминирующим мировоззрением, поскольку противоречит основополагающим ценностям восточнославянской цивилизации, которые, вполне естественно выступают в качестве объективного основания идеологии белорусского государства. Понять специфику коллективного менталитета без формирования национальной государственности невозможно, поэтому сложно представить, например, в Беларуси модификацию западной политической системы.

Это имеет принципиальное значение также для самоопределения восточнославянского мира в целом как на региональном, так и на глобальном уровнях цивилизационной динамики, ибо, утратив жизненные ориентиры и оторвавшись от своих духовных корней, даже при условии экономического процветания, практически невозможно отстоять себя в современном мире. Выбор приоритетной стратегии дальнейшего развития выступает как цивилизационный выбор для Беларуси и связан, несомненно, с его обоснованием и осмыслением в контексте традиций и ценностей восточнославянской цивилизации.

Литература

1. Мавродин, В. В. Происхождение русского народа / В. В. Мавродин. – Л., 1978.
2. Греков, Б. Киевская Русь / Б. Греков. – М., 2004.
3. Зеленков, А. И. Экологическая ментальность восточных славян как социокультурный феномен / А. И. Зеленков // Восточнохристианская цивилизация и проблемы межрегионального взаимодействия. – М., 2004. – С. 190-198.
4. Панченко, А. М. Русская культура в канун петрофских реформ / А. М. Панченко. – Л., 1984.
5. Златоструй. Древняя Русь X-XIII вв. – М., 1990.

6. Салееў, В. А. Хрысціянства і шляхі развіцця культуры на беларускай зямлі / В. А. Салееў // Мастацтва і сучаснасць “Мастацтва”. – Мінск, 2006. – С. 19-26.

<p>Банщикова Наталья Валерьевна, магистр социологических наук, старший преподаватель кафедры гуманитарных наук, ГУО «Институт непрерывного образования», Белорусский государственный университет, г. Минск, Беларусь.</p>	<p><i>Борьба за признание и политики идентичности в рамках идеологии мультикультурализма.</i></p>
--	---

БОРЬБА ЗА ПРИЗНАНИЕ И ПОЛИТИКИ ИДЕНТИЧНОСТИ В РАМКАХ ИДЕОЛОГИИ МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМА

Банщикова Н. В.

Институт непрерывного образования,
Белорусский государственный университет

В условиях глобализации, миграции и растущей культурной разнородности обществ идеология мультикультурализма, направленная на сохранение и развитие культурных различий, выступает тем инструментом, который определяет способность общества признавать и интегрировать различия [1]. Канадский политический философ Чарльз Тэйлор и английский социолог Горан Тернборн отмечают различие политик мультикультурализма в разных обществах, выделяя успешные мультикультурные демократии, существующие, например, в Канаде, Индии, США, и менее удачные попытки, как, например, в Германии [1, 2], что неразрывно связано с проблемой борьбы за признание и с политиками идентичности.

Как указывает Джудит Батлер, существующие политики идентичности описываются «социальной теорией, берущей начало от Гегеля» [4, с. 105]. Идентичность конструируется диалогически в процессе взаимного признания, в процессе идеальных взаимных отношений между субъектами, в которых каждый воспринимает другого как равного и как отличного от себя. Существует так называемая «фундаментальная зависимость от другого» [4, с. 106] и «мы не можем существовать, не обращаясь к другому и без обращения другого к нам, и что нет никакой возможности обойтись без нашей фундаментальной социальности» [4, с. 107].

Быть непризнанным в таком случае означает иметь искаженное отношение к своему «Я» и ущерб своей идентичности. В свете этой модели принадлежность к угнетаемой группе автоматически означает лишение признания и искаженное представление о себе самом. В результате

постоянного стигматизирующего взгляда культурно доминантного Другого, члены угнетаемой группы интернализируют негативные представления о себе и не способны сформировать «положительную» культурную идентичность [5].

Поэтому политики признания нацелены на решение внутренних проблем группы посредством изменения того унижающего ее восприятия, которое до некоторого момента является в культуре доминирующим и не подвергается сомнению. Предполагается, что люди, относящие себя к некоторой группе путем отрицания негативных образов коллективно создают такой культурный образ, который заслужит уважение и признание общества в целом, результатом чего явится позитивное восприятие себя. Без сомнения эта модель представляет некоторую ценность для понимания механизмов возникновения расизма, сексизма, культурного империализма. Но, тем не менее, она теоретически и политически проблематична. Уравнивая политики признания и политики идентичности, она стимулирует замещение перераспределения и институционализацию групповых идентичностей [3].

Замещение проблемы распределения политиками идентичности происходит в случае, когда непризнание позиционируется исключительно как культурная проблема. Существование экономической несправедливости, свойственное капитализму, либо вовсе игнорируется (акцентируются лишь изменения в символической сфере), либо признается взаимосвязь культурного и экономического неравенства, но характер взаимосвязи понимается неверно.

В первом случае несправедливость сводится к унижающим репрезентациям, но не учитывается ее социальная обусловленность. Считается, что суть проблемы – в дискурсах, а не в институционализированных представлениях и нормах. Непризнание отделяется от институциональной структуры, происходит замещение проблемы распределения политиками идентичности.

Во втором случае предполагается, что несправедливое распределение – это следствие непризнания, а значит экономическое неравенство обусловлено существованием культурных иерархий. Из этого следует, что несправедливое распределение можно исправить опосредованно, посредством политик признания. Таким образом, не существует явной необходимости в политиках перераспределения [3].

Подобная риторика обусловлена неолиберальной критикой эгалитаризма в пользу развития свободных рыночных отношений.

Неолиберальные экономики используют политики не/признания для того, чтобы завуалировать несправедливое распределение ресурсов и реально существующее в обществе доминирование и угнетение. По мнению Н. Фрейзер следует помнить, что свободный рынок действует по своим законам, не подчиняясь культурным требованиям, и генерирует экономическое неравенство, которое не является прямым отражением иерархий идентичности. В таких условиях идея, что можно исправить несправедливое экономическое распределение посредством политик признания является иллюзией [6].

То же касается упомянутой выше институционализации культур, она представляется С. Бенхабиб одним из наиболее опасных, но, в то же самое время, и одним из наиболее динамичных социальных процессов нашего времени [5]. Опасность данного феномена заключается, прежде всего, в том, что, по мере обретения политического выражения и институциональной формы, культуры как бы сосредотачиваются на собственной цельности, опираясь не на самоидентификацию индивида, а на его изначальную причисленность к той или иной группе.

Однако в такой ситуации оказывается, что представители культурных групп выступают за некое «признание» отнюдь не на основе собственного выбора: они требуют тех или иных прав не в силу своих особенностей как личностей, а в силу непохожести их культуры на культуру большинства [5, с. 39-50, 63]. Именно этот подход ставит на повестку дня проблему мультикультурализма, суть которого, по мнению С. Бенхабиб, заключается в подмене личной идентичности групповой и в возникновении в демократических западных обществах качественно новых политических групп, основывающих свои политические притязания на культурной особости их членов [5].

Мультикультурализм проявляется, во-первых, в попытках обосновать требования тех или иных групп не индивидуальными их качествами, а статусом членов этих сообществ; во-вторых, в стремлении сделать ту или иную культурную идентичность группы основанием для выдвижения разнообразных политических и экономических требований.

В книге «Притязания культуры. Равенство и разнообразие в глобальную эру» С. Бенхабиб совершает попытку доказать недопустимость пренебрежения принципами либерализма и демократии в угоду требованиям специфических религиозных, этнических и культурных сообществ. Во-первых, она отмечает, что обоснование того или иного отношения к индивиду специфическими особенностями группы, членом

которой он состоит, радикально расходится с принципами либерализма и тем самым отрицает важную черту культуры, сформировавшейся в западных либеральных демократиях.

«Ошибка в теории, – пишет С. Бенхабиб, – проистекает из допущения соответствия между индивидуальными и коллективными запросами» [5, с. 63]. Сложность ситуации усугубляется еще и тем, что в любом обществе существуют культурные и разного рода «меньшинства», образовавшиеся на основе совершенно несопоставимых по важности и основательности качеств, и потому многие люди в одно и то же время оказываются членами разнообразных сообществ, цели которых могут подчас различаться. С точки зрения С. Бенхабиб это «крайне далеко от либерализма, [ибо подчиняет] поиск индивидом своей настоящей идентичности задачам самоутверждения определенных групп» [5, с. 62].

Во-вторых, С. Бенхабиб обращает внимание на то, что в рамках мультикультуралистской логики институционализация сообществ и групп происходит, как правило, на основе одной или нескольких особенностей человека, тогда как требования, выдвигаемые этими сообществами, весьма широки и не сводятся к строго определенным притязаниям. Сами представители меньшинств объективно оказываются поставленными в ситуацию, когда отношение к ним большинства определяется только одной из их черт. Более того, практика предоставления тех или иных групповых прав и привилегий на основании групповой принадлежности противоречит фундаментальному либеральному принципу равного отношения ко всем членам общества и подрывает равенство, как в экономическом, так и в политико-правовом аспекте.

С. Бенхабиб отмечает, что «право народа на самоутверждение должно рассматриваться и оцениваться в свете его приверженности всеобщим правам человека» [5, с. 184], так как наделение одной группы людей особыми правами неизбежно происходит в ущерб всем остальным. Существующую в США практику она называет «мозаичным мультикультурализмом» [5, с. 95].

Н. Фрейзер солидарна с С. Бенхабиб в оценке подобного подхода к политикам признания. Навязываемая обязанность углублять и демонстрировать аутентичную, строго определенную коллективную идентичность возлагает на членов группы моральную необходимость строго соответствовать данной групповой культуре. Любые отклонения и изменения недопустимы, как, впрочем, и внутригрупповая дифференциация по признаку гендера, сексуальности, класса. Такое

навязывание единой, упрощенной групповой идентичности, отрицающей разнообразие жизненных стилей, многообразие идентификаций и привязанностей служит углублению непризнания: мешает практикам культурной идентификации, является помехой для борьбы внутри группы за право представлять ее. Этот подход маскирует власть доминирующих внутри группы фракций и лишь усиливает внутригрупповое доминирование, приводит к репрессивным формам коммунитаризма, способствуя развитию конформизма, нетерпимости, патриархальности [3]. Политики идентичности такого рода порождают скорее сепаратизм, а не социальное взаимодействие в мире различий.

Таким образом, борьба за признание в современном мире зачастую принимает облик политик идентичности, при этом непризнание рассматривается в отрыве от социальной и экономической структуры общества. Результат оказывается плачевным и в подавляющем большинстве случаев борьба за признание одновременно и нивелирует борьбу за экономическую справедливость, и способствует формированию репрессивных форм коммунитаризма. Однако это не значит, что нужно отказаться от политик признания вообще, поскольку подобный отказ обречет миллионы людей на несправедливость и неравенство, которое может быть устранено только посредством признания того или иного рода. Возникает необходимость в альтернативной политике признания.

Литература

1. Taylor, Ch. In Defense of Multiculturalism / Ch. Taylor // Yaroslavl Forum Newsletter, November, 2010. – p. 18.
2. Thernborn, G. Europe is at Odds with Pluralism / G. Thernborn // Yaroslavl Forum Newsletter, November, 2010. – p. 17
3. Fraser, N. Rethinking Recognition / N. Fraser // New Left Review 3. May Jun 2000. [Electronic resource] – Mode of access: <<http://newleftreview.org/?view=2248>>. – Date of access: 05.05.2011.
4. Батлер, Дж. Отдавая отчет о себе / Дж. Батлер [Электронный ресурс] – Режим доступа: <<http://www.gender.univer.kharkov.ua/gurnal/17/11.pdf>>. – Дата доступа: 12.05.2011.
5. Бенхабиб, С. Притязания культуры. Равенство и разнообразие в глобальную эру / С. Бенхабиб – М., 2005.
6. Interview with Nancy Fraser: Justice as Redistribution, Recognition and Representation. [Electronic resource] – Mode of access:

<http://www.barcelonametropolis.cat/en/page.asp?id=21&ui=181>. – Date of access: 07.06.2011.

Блин Екатерина Сергеевна,
студентка 2 курса факультета международных
отношений, Белорусский государственный
университет, г. Минск, Беларусь.

*Глобализация и религиозный
фактор.*

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И РЕЛИГИОЗНЫЙ ФАКТОР

Блин Е. С.

Белорусский государственный университет

Глобализация, трансформируя светское общество в ключе постмодерна, существенно изменяет параметры светско-религиозного взаимодействия в современном мире и повышает степень его неопределенности в исторически обозримом будущем.

Вполне очевидно, что если суть глобализации состоит в общемировой унификации экономики, потребления, культуры (ценностей), то глобализационный фактор не мог не получить свое развитие в области религии. И также очевидно, что формирование религиозно-мировоззренческой сферы в обязательном порядке должно было быть подготовлено в качестве единой целостной системы. Поэтому в цепи глобализаторского политико-экономическо-культурного процесса религиозный фактор занимает особое место.

Во многих случаях «глобалистские ценности» разрушают политическую идеологию, связанную с религией, характер национального самосознания этносов, место и роль религии в жизни общества. Разрушение идеологий и социальных отношений, в которые органично веками была встроена религия, бросает ей опасный вызов, на который она должна найти достойный ответ, ибо иногда под вопросом оказывается само ее существование в обществе.

В этой связи необходимо уделить особое внимание такому важному аспекту динамики социально-культурных процессов, каким является светско-религиозное взаимодействие. То, каким образом будет осуществляться глобальное взаимодействие культур, какие именно идеи и ценности будут приняты за основу и какими способами они будут воплощаться в реальном социальном бытии общественных групп, народов и государств, в решающей мере будет зависеть от соотношения религиозного и светского "менталитета" их носителей.

Нынешнее развитие человеческой цивилизации создало условия, при которых под угрозой оказалось само существование жизни на планете. Глобальный кризис затронул все стороны человеческого существования: миллионы людей умирают от голода и болезней, растет преступность, антропогенные факторы производят такие изменения в окружающей среде, которые могут сделать ее непригодной для дальнейшей жизни человека.

Человечество хронически страдает от этих проблем, потому что они носят прежде всего этический и духовный характер. Катастрофы внешнего мира отражают кризис мировоззрения и системы ценностей современного человечества. Поэтому безуспешны попытки решать эти проблемы, игнорируя духовный аспект.

Было бы неверно подходить ко всем мировым культурам с требованием унификации, соответствия какому-то одному стандарту общественного устройства. Как мы видим, попытки внешним давлением или даже вооруженной силой навязывать народам чуждые цивилизационные формы не приводят ни к чему, кроме хаоса и умножения людских страданий. Подлинный прогресс возможен только тогда, когда он является естественным продолжением цивилизационных традиций.

Современное общество должно осознать, что свободная деятельность традиционных религиозных общин становится одним из условий духовной и физической безопасности людей. Нельзя победить терроризм исключительно силовыми методами. Эффективное противодействие этому злу, пытающемуся навязать людям ложные ценности, возможно только через укорененность в ценностях настоящих, через подлинную религиозную традицию, которая исключает всякое использование религии в злых целях.

Межрелигиозный диалог должен сыграть ключевую роль в нахождении всечеловеческого ответа на вызовы нынешнего мира. Сегодня очень важно сделать так, чтобы в мировом масштабе голос межрелигиозных форумов стал более ясным и сильным, конкретным и убедительным. Прошло время общих фраз – религиозные люди должны научиться говорить конкретным языком, переводя в категории, хорошо известные светским людям, глубинные нравственные религиозные ценности.

Чтобы найти выход из многих болезненных конфликтов, людям надо научиться мыслить в масштабах духовной реальности, в масштабах вечности, в масштабах окончательного предназначения человека. Такой подход к реальности, с одной стороны, дает нам очень большую

внутреннюю силу, но с другой – возлагает на нас огромную ответственность. И религиозные лидеры должны оказаться достойными своего высокого наименования и помочь людям не потерять стратегическую перспективу человеческой жизни, основное целеполагание человеческого бытия.

Все вышперечисленное необходимо для благополучного развития мирового сообщества в целом и отдельных государств, в частности.

<p>Ван Чжэньлань, студент 3 курса отделения психологии, факультет философии и социальных наук, Белорусский государственный университет, Китайская Народная Республика.</p>	<p><i>Тактики поведения в родительско-детском конфликте в белорусских и китайских семьях.</i></p>
---	---

ТАКТИКИ ПОВЕДЕНИЯ В РОДИТЕЛЬСКО-ДЕТСКОМ КОНФЛИКТЕ В КИТАЙСКИХ И БЕЛОРУССКИХ СЕМЬЯХ

Ван Чжэньлань
Белорусский государственный университет

В семье формируется личность ребенка, определяются для него нравственные нормы, ценностные ориентации и стандарты поведения. Целью родителей является формирование у ребенка внутренней мотивации, т. е. собственного желания вести себя социально приемлемым образом. В процессе достижения этой цели родители часто встречаются с неразрешимой ситуацией и конфликтным взаимодействием, в которых родители и дети испытывают психологический дискомфорт. С целью снятия существующего напряжения родители и дети прибегают к любым приемлемым способам поведения в конфликте [1].

Находясь в рамках социальной психологии, семья выполняет функцию формирования социальной роли ребенка, которая носит культурные особенности. Несмотря на то что с целью изучения различий между восточной и западной культурой уже проводились многочисленные исследования в различных научных областях, кросс-культурные исследования в области социальной психологии, а именно в изучении тактик разрешения родительско-детского конфликта ограничены сравнением восточной и европейской или американской культурой. Сопоставления тактик разрешения родительско-детского конфликта в азиатской и славянской культурах ранее не проводилось. Рассмотрение проблемы тактик поведения в родительско-детском конфликте в азиатской и славянской культурах, сравнение по различным критериям (пол, возраст, национальность) определяет *актуальность* данной работы.

Объект исследования – родительско-детский конфликт. Предмет – тактики поведения в родительско-детском конфликте в белорусских и китайских семьях. Цель – выяснение особенности тактик поведения в родительско-детском конфликте в белорусских и китайских семьях. Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

- 1) провести теоретический анализ родительско-детского конфликта;
- 2) провести сравнительный анализ тактик разрешения родительско-детского конфликта в детском и молодом возрасте ребенка;
- 3) установить различия в тактиках разрешения родительско-детского конфликта в зависимости от национальности;
- 4) выявить различия в тактиках разрешения родительско-детского конфликта в зависимости от пола ребенка.

Гипотеза: тактики поведения в родительско-детском конфликте в белорусских и китайских семьях имеют возрастные, половые и национальные особенности.

Методика исследования: «Шкала тактики поведения в родительско-детском конфликте» М.А. Строоса [2; 3]. Выборку данного исследования составили студентов белорусских и китайских вузов в количестве 64 человек, из них 30 белорусов (17 девушек и 13 молодых людей) и 34 китайцев (18 девушек и 16 молодых людей). *Метод исследования:* опрос. *Методы статистической обработки данных:* Статистическая обработка производилась с помощью пакета прикладных данных SPSS (версия 13.0). Были проведены частотный анализ, рассчитаны средние и средние квадратические отклонения, сравнение выборок проводилось по Т-критерию.

По результату проведенного исследования получились следующие выводы:

1. Родительско-детские отношения – важная подсистема отношений между родителями и детьми в семье как целостной системе, *определяющаяся* характером эмоциональной связи родителей с детьми, мотивами воспитания и родительства, степенью вовлеченности семьи, удовлетворением потребностей ребенка, стилей общения, способом разрешения проблемных и конфликтных ситуаций, социального контроля, степенью устойчивости и последовательности. Родительско-детские отношения могут рассматриваться как непрерывные, длительные и опосредованные возрастными особенностями родителя и ребенка отношения.

2. Родительско-детские конфликты относятся к группе межличностных конфликтов, субъектами которых являются родители и дети, преследующие несовместные цели или одновременно стремящиеся к достижению одной и той же цели; объектом которых является предмет их спора, связан с личностно-психологическими особенностями родителей и

детей, их разные интересы, цели, позиции, мнения и взгляды; в которых родители и дети испытывают острый психологический дискомфорт и пытаются решить возникшую проблему односторонне, бескомпромиссными путями и методами.

3. Существуют различные подходы к пониманию родительско-детских конфликтов. *Психодинамический подход* обращает внимание на физиологические факторы и опыт раннего детства. *Социально-психологическая теория* делает акцент на влияние общества. *Гуманистическое мнение* считает, что родительско-детский конфликт возникает из-за различия в понятии ценностей и познании между родителями и детьми. *Когнитивная теория* обращает внимание на то, что после созревания познания дети ищут самостоятельность, а родители ещё не осознают этого, в результате чего и возникает родительско-детский конфликт. *Теория социального контроля* обращает внимание на изменение власти в семье, когда дети сознают неравенство распределения этой власти, и часто возникает конфликт [4].

4. Основными стратегиями разрешения родительско-детского конфликта являются: *сотрудничество, компромисс, конкуренция, уклонение*. М. А. Строссом были выделены следующие тактики: *дисциплинирование, психологическая агрессия и физическая агрессия (телесные наказания, проявление жестокости, физическая жестокость)* [3]. К.Н. Уей на основе теории двухфакторной ориентации сыновьи почтительности определил следующие стратегии: *самопожертвование, эгоцентризм, рефрейминг, избегание и компромисс* [4; 5; 6].

5. Результаты исследования показывают, что существуют некоторые особенности в применении тактик разрешения родительско-детского конфликта в зависимости от пола, возраста и национальности.

- Как в детском, так и молодом возрасте, китайские родители чаще используют разные виды физической жестокости, а белорусские родители склонны прибегать к использованию дисциплинирования, что доказывает влияние сыновьей почтительности на отношения родителей и детей в китайских семьях.

- По мере взросления ребенка как белорусские, так и китайские родители реже используют тактики физической агрессии, телесного наказания и т. д. и прибегают к использованию дисциплинирования. Это объясняется тем, что с увеличением возраста ребенка развивается его личность, воспитательная функция родителей играет все меньше и меньше роли. После кризисного подросткового периода (кризис зависимости и

независимости), ребенок становится более самостоятельным, и отношение родителя к ребенку более справедливое, поэтому уменьшается интенсивность и частота конфликтности между родителями и детьми.

- Как в детском, так и в молодом возрасте, родители более агрессивно относятся к ребенку своего пола и менее агрессивно к ребенку противоположного пола. Как отец, так и мать менее агрессивно относятся к дочери, чем к сыну. Причем отцы чаще используют физические наказания, чем матери, что объясняется гендерными различиями проявления агрессии мужчин и женщин. Основным отличием представлений о женской агрессивности от представлений о мужской агрессивности является то, что первая носит эмоциональный, а вторая – физический и инструментальный характер.

6. В китайском культурном контексте под влиянием сыновьей почтительности родительско-детские отношения характеризуются эмоциональной дистанцией и холодностью, безусловным подчинением ребенка родителям, авторитарным типом родительского воспитания. В родительско-детских конфликтах китайские родители предпочитают использовать разные виды физической и психологической агрессии. Однако нельзя говорить о том, что китайские родители жестоко и безразлично относятся к своим детям. Они рассматривают управление, авторитарность, а также физическую психологическую агрессию как проявление заботы, любви и стремления сохранить гармоничные отношения в семье. Нужно отметить, что под влиянием политики единственного ребенка традиционная сыновья почтительность уже не играет такой большой роли в родительско-детских отношениях, как раньше. Тем не менее тактики разрешения родительско-детского конфликта в китайской семье имеют свою специфику. Помимо общих стратегий *избегания, компромисса, конкуренции (эгоцентризма)* и *сотрудничества (рефрейминга)*, ещё существует *самопожертвование* со стороны ребенка, которое тесно связано с сыновью почтительностью.

Практическая значимость данной работы состоит, во-первых, в выявлении культурную, половую и возрастную особенности тактик разрешения родительско-детского конфликта; во-вторых, в раскрытии особенности тактик разрешения родительско-детского конфликта в белорусских и китайских семьях; в-третьих, полученные результаты могут быть учены и использованы в консультативной практике семейного психолога, в педагогической психологии, а также в международной коммуникации.

Литература

1. Карабанова, О. А. Психология семейных отношений и основы семейного консультирования / О. А. Карабанова. – М., 2005.
2. Straus, M. A. Identification of child maltreatment with the parent–child conflict tactics scales: development and psychometric data for a national sample of American parents / M. A. Straus, E. M. Kinard, L. M. Williams. Durham, NH: University of New Hampshire: Family Research Laboratory // Child Abuse & Neglect. – 1998. – Vol. 22, No. 4. – P. 249–270.
3. Straus, M. A. The Multidimensional Neglectful Behavior Scale. Form A: Adolescent and adult–recall version / M. A. Straus, E. M. Kinard, L. M. Williams. Durham, NH: University of New Hampshire: Family Research Laboratory. 1995. Available in: <http://pubpages.unh.edu/~mas2/>.
4. Yeh, K. H. Filial belief and parent–child conflict / K. H. Yeh // International Journal of Psychology. – 2004. – Vol. 39, № 2. – P. 132–144.
5. 葉光輝 華人孝道雙元模型研究的回顧與前瞻。 / 光輝葉 // 本土心理學研究。 — 2009。 — 第32期。 — 頁101–148。
葉光輝 親子互動的困境與衝突及其因應方式：孝道觀點的探討 / 光輝葉 // 中央研究院民族學研究所集刊。 — 1997。 — 第 82 期。 — 頁 65–114。

<p>Витко Дмитрий Владимирович, лейтенант внутренних войск МВД Республики Беларусь, г. Барановичи, Беларусь, Солодухо Александр Сергеевич, кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры психологии, факультет философии и социальных наук, Белорусский государственный университет, г. Минск, Беларусь.</p>	<p><i>Предпосылки возникновения субкультурного диалога: футбольные болельщики versus правоохранительные органы Беларуси.</i></p>
--	--

ПРЕДПОСЫЛКИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ СУБКУЛЬТУРНОГО ДИАЛОГА: ФУТБОЛЬНЫЕ БОЛЕЛЬЩИКИ vs. ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫЕ ОРГАНЫ БЕЛАРУСИ

Солодухо А. С.

Белорусский государственный университет

Витко Д. В.

Министерство внутренних дел Республики Беларусь

Проблема взаимоотношений между правоохранительными органами и футбольными болельщиками традиционно привлекает внимание средств массовой информации. Насилие, часто выступает в качестве своеобразного «образа-вампира», привлекающего внимание широкой аудитории гораздо в большей степени, нежели непосредственно спортивные состязания.

Согласно электронным средствам массовой информации, только в апреле 2012 г. зафиксировано как минимум три инцидента с участием групп футбольных болельщиков (инцидент в г. Гомеле с тяжелым ранением болельщика одного из столичных клубов, массовые стычки футбольных болельщиков в г. Слоним и г. Кобрин). Также в средствах массовой информации упоминались другие резонансные инциденты, в частности стычка на перроне станции метрополитена «Купаловская» в начале 2012 г. Поэтому проблема насилия вокруг спортивных состязаний, привлекает внимание общественности. Ссылки на похожие инциденты постоянно присутствуют в средствах массовой информации сопредельных стран (Российская Федерация, Украина). Трагический случай в египетском городе Порт-Саиде, когда после окончания футбольного матча, в результате массовых столкновений погибли 74 человека, вновь актуализировал в качестве востребованной проблему околофутбольного насилия [1]. В этот ряд также стоит поставить такие, традиционно проблемные страны как Италия, Греция, Аргентина, Турция, ряд стран

Балканского полуострова, некоторые государства Центральной Америки и Африки – из этих регионов довольно часто приходят сведения о возникающих проблемах в отношениях болельщиков и представителях силовых структур, столкновениях между сторонниками различных футбольных клубов, актами вандализма и насилия на стадионах и прилегающих к ним территориях. Активность подобного рода зачастую связывается с экономической и политической нестабильностью, этническими и расовыми конфликтами, когда насилие на стадионах становится продолжением конфликтов, бушующих далеко за пределами спортивных сооружений.

В тоже время, культура, которая признается практически всеми в качестве родины экстремального футбольного поведения, характеризуется относительным благополучием, особенно если обратить внимание на матчи высшего уровня (речь идет об Английской Премьер-Лиге, и втором по статусу дивизионе «Чемпиошип»). После трагедии 1989 года, когда в результате давки и пожара на стадионе «Хилсборо» погибло более 80 человек, Министерство внутренних дел Великобритании приняло решение о частичной передаче полномочий по поддержанию порядков на стадионах службам безопасности футбольных клубов. Законодательно эта норма была закреплена принятием «Закона о футбольных болельщиках» (1989 г.) [2].

Одна из особенностей обеспечения порядка во время футбольных матчей в Великобритании связана с активным использованием «клубных служб обеспечения порядка», берущих на себя большую часть функций сотрудников силовых структур. В среднем, на матч английской Премьер-Лиги для обеспечения порядка привлекается от 60 до 100 сотрудников полиции (средняя посещаемость игр – около 40 000 человек) [2]. Это количество в среднем в 2-3 раза меньше, чем количество сотрудников, привлекающихся на матчи с участием белорусских клубов и национальной сборной, в 10-15 раз меньше – в сравнении с российской. При этом средняя посещаемость матчей в данных культурах колеблется в пределах от 2500 до 18000 человек.

Очевидно, что данная проблема и возможные механизмы ее решения, крайне неоднозначна и сложна для разрешения. Ряд исследований демонстрируют, что в фанатской среде можно встретить проявления нацизма, расизма и экстремизма [3]. Социальные, экономические, культурные, политические, исторические и экономические детерминанты – данное многообразие детерминант, делает невозможным

простой перенос успешно работающих правил и принципов из одной культуры в другую. В Беларуси, где подавляющее большинство спортивных клубов субсидируются из государственного бюджета, вряд ли приживется западноевропейский опыт профессиональных лиг (Англия, Испания, Франция), где ведущие клубы представляют из себя самокупаемые экономические системы. В настоящее время ни один футбольный клуб Беларуси не в состоянии содержать собственную службу «стюартов», реализующих часть функций обеспечения порядка, присущих правоохрательным органам. В то же время, в отечественных реалиях, на наш взгляд, явно в недостаточной степени используется диалогический ресурс, способный устранить ряд шероховатостей, осложняющих отношения между данными группами.

В исследовании Д. В. Витко, реализованного на основе этнометодологического подхода [3], данная проблема предстает несколько с иной стороны. В ходе работы с военнослужащими специального полка Внутренних войск МВД Беларуси, одна из задач которых непосредственно связана с обеспечением порядка на футбольных состязаниях, были наглядно продемонстрированы основные тенденции восприятия сотрудниками органов МВД представителей «дисциплинируемой группы» – активных футбольных болельщиков. К ним относятся: 1) преимущественно негативное восприятие «активных болельщиков», организованных в группы, с тенденцией к экстраполяции данных установок на всех субъектов, посещающих данные мероприятия; 2) стремление к оценке активности болельщиков как «нелегитимной», нарушающей законодательство и общественный порядок; 3) доминирующей ориентацией на применение насилия и изоляции как основных приемов поддержания порядка; 4) невысокий уровень компетентности в содержательных аспектах восприятия субкультуры футбольных болельщиков как таковой; 5) стремление к построению простого, недифференцированного образа субъектов, посещающих футбольные матчи как группы, обладающей выраженным девиантным потенциалом и склонностью к совершению правонарушений [5]. Подобные установки могут, в определенных условиях, выполнять роль пускового стимула, запускающего насилие в отношении субъектов, идентифицируемых как представителя враждебной субкультуры.

Постоянное недоверие и ожидание эскалации насилия в отношениях выступают в качестве, нагнетающего и без того высокий уровень напряжения, в отношениях между представителями данных субкультур. В

этой связи следует отдельно сосредоточиться на потенциальных «зонах контакта», существующих в сфере пересечения интересов данных групп. Ряд авторов рассматривают контркультуры как источник потенциального обогащения доминирующей субкультуры. В этой связи, в качестве одного из вариантов сближения, выступает отладка и настройка коммуникативных каналов, обеспечивающих координацию действий и взаимное обогащение участников диалога. Целями данной коммуникации может выступать получение более дифференцированного образа о феномене «фанатской» субкультуры, установление контактов с представителями данной субкультуры, и, в перспективе, выработку совместно разделяемых «правил взаимодействия» между данными группами.

Исследование, проведенное Д. В. Витко, продемонстрировало, что около 8% военнослужащих ВВ РБ, призванных на срочную службу, характеризуются наличием опыта пребывания в фанатских субкультурах [5]. Это можно рассматривать как основание для установления контактов между данными группами. Статус медиатора – субъекта, обладающего опытом включенности в пограничные субкультуры, – может выступать в качестве источника, облегчающего установление первичных контактов, направленных на формирование у сторон, детализированного, менее предвзятого образа друг друга.

Исходя из полученных результатов для улучшения качества работы сотрудников правоохранительных органов по организации взаимодействия с футбольными болельщиками и квалифицированной работы по сопровождению спортивных мероприятий рекомендуется:

1) установление равноправных контактов с представителями организованных объединений футбольных болельщиков для обмена опытом и проведения оперативной работы;

2) просветительская работа с личным составом подразделений Министерства внутренних дел для формирования детальных представлений об особенностях проявлений экстремизма в среде футбольных.

3) квалифицированная оценка нормативно-правовой базы, регламентирующей действия сотрудников правоохранительных органов и посетителей спортивных мероприятий;

4) создание реально функционирующей площадки для координации действий и равноправного диалога между представителями правоохранительных органов, футбольных клубов, Белорусской федерации футбола и представителями футбольных болельщиков;

Сама по себе проблема отношений между данными субкультурами, безусловно, сложна и долгосрочна. Однако, если не предпринимать никаких шагов в сторону улучшения качества данных взаимоотношений, ситуация может существенно осложниться.

Литература

1. Сотов, А. Кровавые итоги футбольного матча в Египте / А. Сотов // Российская газета. – 2012. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rg.ru/2012/02/02/stadion-site.html>. – Дата доступа – 16.04.2012.
2. Об опыте по обеспечению правопорядка и безопасности при проведении футбольных матчей в европейских государствах. / Официальный сайт МВД Республики Беларусь. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://mvd.gov.by/main.aspx?guid=24743>. – Дата доступа – 23.04.2012.
3. Солодухо, А. С. Особенности проявлений нацизма в субкультуре футбольных фанатов Беларуси / А. С. Солодухо. // Философия и социальные науки. – 2010. – №3. – С. 40-44.
4. Гарфинкель, Г. Исследования по этнометодологии / Г. Гарфинкель. – СПб., 2007.
5. Витко, Д. В. Когнитивные особенности восприятия символики фанатских движений военнослужащими Внутренних войск МВД Беларуси / Д. В. Витко // Дипломная работа. – Минск: БГУ, 2011. – 50 с.

Воробьева Светлана Викторовна,
кандидат философских наук, доцент, доцент
кафедры философии культуры, факультет
философии и социальных наук, Белорусский
государственный университет, г. Минск,
Беларусь.

*Кросскультурная
методология диалога и
аргументации в
глобализирующемся мире.*

КРОССКУЛЬТУРНАЯ МЕТОДОЛОГИЯ ДИАЛОГА И АРГУМЕНТАЦИИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Воробьева С. В.

Белорусский государственный университет

Актуальность кросскультурной методологии диалога и аргументации определяется теми условиями, которые порождаются процессами глобализации и информатизации. Глобализм, ставший дополнением окказионализма; информация, приобретающая статус товара, измеримого в денежном эквиваленте; расширение процесса производства и циркуляции сообщений, затрагивающих все стороны жизни общества; возрастание роли массовой коммуникации в международных отношениях – эти и другие аспекты социальной жизни подтверждают тот факт, что на смену стандартам приходят инварианты, а это означает запрос социальной философии со стороны международного сообщества, нуждающегося в ответах на ряд вопросов. Почему реальный и социальный миры отличаются друг от друга? Каковы причины реальных искажений жизни в обществе? При каких условиях эти искажения ослабевают? Ответы на эти и другие вопросы предполагают кросскультурную методологию диалога и аргументации.

Кросскультурная методология должна строиться с учетом двух контекстов – реальности и человека. Они задают два типа логики – онтологическую логику и логику предпочтений (оценочную), в рамках которых формируются не только стратегии диалога, но и стратегии аргументации. Для онтологической логики характерно стремление воспроизвести реальность более правдоподобно. Логика предпочтений – это личностная структура пребывания в мире и схемы реагирования на события в нем. На этом основании диалог в контексте кросскультурной методологии следует определять как способ конструирования связей и установления отношений между реальностью (онтологией) и предпочтениями больших или малых социальных групп или личности. При

этом предпочтения могут быть описаны, например, с помощью категорий интереса и потребности.

Индикаторами онтологической логики и логики предпочтений выступают категории «истина» и «ценность». Согласно самому примитивному объяснению, природа и общество, воздействуя на человека, создают механизмы, в соответствии с которыми он осуществляет свою жизнедеятельность, исходя из того, что считает истинным и ценным для себя. Жизнь детерминирована стандартами, которые становятся привычными (привычки и стереотипы). Маркером выхода за рамки привычного выступает сопротивление, формы выражения которого многочисленны. Самым, пожалуй, «приятным» выражением сопротивления выступает смех, но только для того, кто смеется, а не для того, над кем смеются. Сила сопротивления определяется значимостью для человека диапазона отклонения от нормы. Фундаментальными отклонениями в неврологическом отображении мира занимаются психоаналитики, фундаментальными отклонениями в лингво-эпистемологическом отображении – философы, социологи, логики и др.

Истина и ценность как индикаторы диалога и аргументации маркируют все возможные сопоставления и соотнесения, которые реализуются в общении. В случае истины отправной точкой сопоставления является реальность. Следовательно, целью онтологической аргументации выступает приведение языковых выражений (предпочтений) в согласие с реальностью. Языковые выражения должны как можно точнее реконструировать реальность. Противоречие в онтологической аргументации признается как недостаток языковой реконструкции внешнего мира.

В случае ценности исходной точкой является не реальность, а высказывание, функционирующее как оценка. Целью ценностной аргументации становится приведение реальности в соответствие с языковыми выражениями. Внешний мир должен соответствовать внутреннему миру. Несоответствие приводит к противоречиям, преодолеваемым за счет реконструкции внешнего мира. Например, в методологии НЛП раскрывается роль аудиовизуальных образов, в соответствии с которыми личность организует аргументацию. Любое несоответствие этой внутренней схеме рассматривается как недостаток внешнего мира, но не погрешность образа. Оно становится определяющим в ценностной аргументации и поэтому способно объяснить его специфику.

Доминантой в кросскультурной методологии диалога и аргументации является стратегия согласия (согласования различий). Тактики согласия строятся на умении балансировать в диапазоне перестройки собственных аргументов в соответствии с реалиями мира и перестройки внешнего мира в соответствии с собственными представлениями об этом мире. Каким образом осуществляются перестройки – это и есть вопрос кросскультурной методологии.

Диалог – это не только встреча идей, но и распознавание сходств и различий, которые составляют кросскультурный базис общения. Без сопоставления сходств и без преодоления различий (сопротивлений) невозможен конструктивный диалог и аргументация. Индикаторами различий выступают контраргументы (языковые и неязыковые формы сопротивления): если в диалоге нет контраргументов, то каждый разговаривает сам с собой, сохраняя свое «тождество».

Методология кросскультурных сравнений сходств и различий в аргументации включает две проблемы. Первая проблема заключается в идентификации объектов в разных ситуациях (системах или культурах), позволяющей зафиксировать условия их тождества. Вторая – в определении условий релевантных связей между переменными (явлениями или событиями), т. е. обоснование причинных связей между независимыми и зависимыми переменными. Это означает определение условий, в которых поддерживается гомеостаз объекта, и условий, в которых он нарушается.

Кросскультурные переменные в аргументации детерминированы ассоциациями и диссоциациями ценностей как мотивов. Подобные ценности подразумевают направленность к тому, что отдельный человек или социум ценят (благополучие, безопасность, здоровье), и сохранение дистанции с тем, что не согласуется с их ценностями (опасность, моральный вред, болезнь). Поэтому принятие или непринятие реальности или мнения о ней демонстрируют кросскультурные аспекты диалога и аргументации отдельной личности или социума.

Любая группа или культура развивают специфические «техники кодирования и толкования», в которых сообщения участников понимаются как ассоциации, как реакции и ответы на предшествовавшие групповые события (З. Фулкс). Основу кодирования составляет парадигматические совокупности и синтагматические цепочки. Причина различий в кодировании не является лингвистической, а обусловлена теми способами, которыми каждая культура структурирует реальность. Пределы

структурирования могут изменяться в зависимости от решаемых проблем, например, в рамках социальной группы. Консерватизм, препятствующий изменениям или сдерживающий их, сохраняет тождество дискурса. Замкнутость культуры естественным образом поддерживает тождество ее традиций. Например, цыганская культура отличается корпоративностью, поэтому от ее представителей очень трудно получить необходимую информацию.

Закрытость для диалога означает чрезмерную верность прошлому, что вынуждает человека или социальную группу воспринимать модель общения как вневременную, а не как этап становления. Единственный аргумент в подобной коммуникации: так было всегда (предки нас этому учили). Открытость для диалога означает установление границ в соответствии с кросскультурной методологией, позволяющей разработать идеологию общения в глобализирующемся мире.

Коршук Елена Владимировна,
кандидат филологических наук, доцент, доцент
кафедры английского языка и речевой
коммуникации, Белорусский государственный
университет, г. Минск, Беларусь.

*Аксиологическая размерность
белорусской культуры.*

ОПРЕДЕЛЕНИЕ АКСИОЛОГИЧЕСКОЙ И ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ РАЗМЕРНОСТИ БЕЛОРУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

Коршук Е. В.

Белорусский государственный университет

Экологическая соразмерность, нацеленность ментальности в значительной степени предопределяется ключевыми ценностями, сложившимися в ходе формирования той или иной культуры.

Метод ценностных ориентаций Ф. Клакхон и Ф. Стробдека (VOM – Value orientation method) [1] позволяет проанализировать и понять каждую культуру по пяти параметрам, пяти ценностным ориентациям:

А) Каков человек по своей сути – плохой, хороший, и такой и такой;
Б) Каково соотношение человека и окружающей среды (человек – властелин Природы, он живет в гармонии с природой, полностью ей подчинен)?

В) Что более значимо – прошлое, настоящее или будущее?

Г) Чем мотивирована деятельность человека – потребностью показать себя, развить себя, преобразить окружающую действительность?

Д) Как люди должны взаимодействовать друг с другом – быть в группе на равных правах, подчиняться авторитету или жить полностью независимо?

Лонгитюдные наблюдения и опросы на протяжении 12 лет показывают, что белорусам свойственно:

А) восприятие людей, как скорее плохих, нежели хороших по своей сути;

Б) представление о необходимости гармоничного существования с природой;

В) предпочтение настоящего и прошлого будущему;

Г) восприятие самосовершенствования как наиболее ценного вида деятельности;

Д) потребность жить в коллективе.

Казалось бы, тип взаимодействия человека и природы практически полностью покрывает вопрос о том, насколько успешно общество воспринимает идею устойчивого развития. Если природные условия существования и развития определенной культуры позволяют не задумываться над количеством и качеством природных ресурсов, будь то по причине представляющихся безграничными территорий, на которые можно перемещаться по истощении ресурсов (как, например, могли делать культуры кочевые или обладающие большими пространствами) или же для обеспечения жизнедеятельности достаточно малое количество земли (в сверх- благоприятных климатических условиях), весьма непросто воспитать потребность в экономном отношении даже к невозобновляемым природным богатствам. Для белорусской культуры, развивающейся на ограниченной территории с непростыми, но обеспечивающими жителей необходимым минимумом условиями, более логично гармоничное существование в имеющихся обстоятельствах. А не всегда предсказуемый климат, который может свести на нет все усилия человека по производству пищи и т.п., порождает отношение к окружающей действительности, как имеющей власть над волей человека.

Белорус хорошо осознает необходимость гармоничного существования с природой, хотя и не вербализует эту позицию. В Австралии, например, о наличии на континенте 10 из 12 самых ядовитых змей в мире говорят: «Надо просто уметь существовать вместе с ними». В белорусской культуре сходная максима проявляется не вербально, а деятельно: например, при встрече с королем ужей положено низко ему поклониться и попросить содействия. А в русской культуре – как можно скорее отрубить земноводному голову.

Потребность с уважением относиться к имеющимся ресурсам – солидная основа для восприятия идей устойчивого развития.

Цикличное восприятие времени, связанное с преобладанием сельскохозяйственного мировоззрения, а также неустойчивость климатических условий способствовали тому, что белорусы с уверенностью могут говорить лишь о прошлом, которое им уже известно, они с уважением относятся к опыту прошлых поколений. И мечтают о том, что детям-внукам достанется более легкая судьба. Дальше мечтаний дело и не идет. Как и жителям пустыни, которые кочуют по пустыне и полностью зависят от воли ветра, солнца и песка, белорусы однозначно предпочитают синицу в руке журавлю в небе. С одной стороны, почтение к прошлому должно способствовать стремлению сохранить «як заўсёды было», но

краткосрочность планирования может стать препятствием для осознания того, что именно твои действия могут иметь реальные последствия через десятки лет. Как показывает опыт многолетней истории подписания Киотского протокола, культуры с линейным восприятием времени и долгосрочным планированием относятся к потребностям будущих поколений с *большим* энтузиазмом, нежели те, для кого «новое – это хорошо забытое старое» (ср., напр., Швецию и Китай).

Предпочтение прошлого и настоящего будущему, выбор краткосрочного планирования усложняют формирование способности и потребности реализовывать основополагающее положение понятия устойчивого развития в терминах Г.Х. Брундтланд об укреплении потенциала для удовлетворения человеческих потребностей и устремлений будущих поколений.

Небольшие островки пригодной для строительства жилья земли посреди болот и густых лесов, необходимость применять подсечно-огневой тип земледелия, значимость опыта старших (см. выше) сформировали почти на всех населенных современными белорусами территориях коллективистскую модель общения. Выживать легче было в небольших группах, в которых хоть и принято было совещаться, но старшие имели больший вес. А посему вне своей – внутренней – группы человек себя не мыслил, интересы группы всегда стояли выше личных. И сегодня достаточно часто белорусы самоидентифицируют себя через принадлежность к определенной группе, будь то профессиональная, возрастная и т.п. группа, или населенный пункт. Большое значение имеет мнение окружающих, даже если эти люди фактически нерелевантны для человека. Без сомнений признается позиция авторитета. Вот что в 1994 г. написали о белорусах специалисты по ведению международного бизнеса, авторы серии книг «Поцелуй, поклон или рукопожатие» Терри Моррисон и Уэйн Конэвэй: «У белорусов есть огромное стремление к независимости и автономности, но они глубоко завязли в традициях, и имеют склонность безоговорочно следовать за сильными лидерами» [2, с. 86].

Привычка поступать «как все», а также иерархичность – еще два фактора, которые могут способствовать внедрению в повседневную практику белорусов принципов устойчивого развития.

Основные сложности на этом пути, как представляется, детерминированы отношением белорусов к деятельности и восприятием сущности человека.

Коллективный тип мышления и коммуникации выработали в белорусской культуре отсутствие личной ответственности за результат труда с одной стороны, и переоценку процесса, а не результата деятельности, с другой. Как отмечалось выше, климатические условия не давали гарантий того, что урожай будет соответствовать вложенным затратам труда, ведь за количество собранного отвечает богиня Талака, которую следует хорошо задабривать.

Конечно, предпочтение внутреннего роста человека активному использованию и изменению окружающей среды кажутся позитивными для обеспечения сохранности ресурсов, но в сочетании с внешним локусом контроля приводят к позиции «моя хата с краю», к неверию в свои силы, к убежденности, что «як-небудзь» без тебя обойдется, что всегда есть некто более важный, кто все вопросы решит. Следовательно, говорить о сознательном подходе к устойчивому развитию достаточно непросто.

По всей видимости, жизнь в рамках отделенного и почти не нуждающегося в связях с другими, окруженного лесами и болотами «роднага кута», частое прохождение через него не всегда мирно настроенных чужеземцев, вхождение в состав крупных поликультурных государственных образований, порой не уважавших ценности белорусов, выработали у нашей культуры некоторое недоверие к людям. Пришлых не трогают, если они пришли не «с мечем», но к человеку относятся с настороженностью, считая, что он вполне может оказаться плохим. Этот факт тормозит как социальную, так и экономическую составляющие устойчивого развития, ибо устойчивость достигается лишь ответственной совместной деятельностью, где каждый уверен в других.

Ответы на поставленные Клакхон и Стродбеком вопросы отражаются в ключевых ценностях культуры, определяющие идеальное поведение ее носителей.

Анализ и обобщение имеющейся литературы по различным аспектам национальной идентичности, менталитета, культуры, а также проведенные автором наблюдения и опросы позволяют выделить для белорусской культуры в качестве ключевых следующие ценности [3].

Мир. Из-за своего геополитического положения Беларусь не видела длительных периодов мира. Войны неоднократно разорвали Беларусь. Минск, столица, разрушался восемь раз. Следовательно, мир является очень важным фактором в сознании белорусов.

Однако мир понимается гораздо шире, чем отсутствие войны. Скорее это предпочтение стабильности, status quo, нежелание изменяться,

недоверие к неизвестному. Перемены могут ухудшить почти любую ситуацию. Поэтому белорусы с большей вероятностью отклонят незнакомое и предпочтут то, что им уже знакомо. Языковое выражение эта ценность находит в обиходных выражениях типа «абы ціха было», «знаеш, не хотелось обострять...», в таких пословицах, как «Птушцы – воля, чалавеку – мір».

Принцип мирного сосуществования касается как людей, так и представителей животного мира и даже всякого рода нечисти. Любой крестьянин-белорус знал, что “лазник не станет пугать визгом и храпом трудолюбивого хозяина... Но если баня выбрана в качестве плацдарма для попойки... Тогда пьяницам мало не покажется” [4, с. 62].

Примечательно, что неконфликтность белорусов не означает, что они покорно принимают нарушение их покоя, особенно если это касается вторжения в их пространство, на их землю, являющуюся самым мощным фактором самоидентификации народа [5, с. 143]. Партизанское движение, скрытое, не видное на поверхности, можно назвать типичным поведением белорусов.

Чтобы сохранить состояние «мира», белорусы готовы на многое. Вызванное их бесконфликтностью молчание подчас неверно понимается как согласие, безразличие и пассивность. Бытует мнение, что «белорусы говорят одно, думают другое, а делают третье».

То, как ценность «мир» влияет на формирование менталитета и поведения устойчивого развития можно оценить лишь в сочетании с другими ключевыми ценностями.

Белорусы зачастую жертвуют своими интересами в пользу сохранения спокойствия и стабильных добрых отношений. Принятие и уважение чужого мнения, даже в ущерб делу – показатель такой ключевой ценности белорусской культуры, как толерантность – принятие происходящего и адаптация к существующему положению, творческое использование имеющихся ресурсов. С другой стороны, трудности и нехватка ресурсов приводят к самоотречению, безразличию к материальному благосостоянию. Человек должен быть доволен своей долей и делить, что имеет, со всеми. Типичны для белорусов высказывания «нічога, як небудзь» і «штосці будзе», «а і так добра». Трудно сказать, хорошо ли это для обеспечения устойчивого развития, предполагающего активную жизненную позицию каждого.

Белорусы научились спокойно и мирно жить с людьми, которые селились на их территории, что отражено, например, в пословице «Шануй

людзей, то і цябе пашануюць». Мало есть в мире примеров столь успешной интеграции как способа аккультурации. Доказательства тому можно найти во всех сферах жизни: в фольклоре («адна белявая, друга чарнявая, а трэця рыжа, кучаравая» – не о белоруске, татарке и еврейке ли поется в народной песне?), в верованиях – Пярун и литовский Перунас, в традициях – папараць-кветка, польские и белорусские соломенные пауки-обереги, в национальной кухне – белорусские драники и еврейский пляцки, в разделении труда в мульти-культурных поселениях. В Беларуси не получило распространения ни компактное расселение представителей той или иной культуры, ни полная ассимиляция, отказ от своей культуры в пользу иной. Мирное сосуществование этнических групп в приграничных регионах, на изучение и внедрение в жизнь которого тратятся довольно большие средства, в мире считается утопией. Для Беларуси это – норма жизни.

Даже если порой в глазах носителей других культур белорусы могут выглядеть пессимистами и фаталистами, их умение принять позицию другого – хорошая база для принятия культуры устойчивого развития.

Недоверие к новому и терпимость к мнению других неотделимы от следующей ценности – скромности. Не выделяться из толпы, быть невидимым, насколько возможно. Не стоит привлекать внимание к себе, занимать много места и быть шумным.

Самым ярким проявлением скромности является известный белорусский «примус», не позволяющий гостю приступить к еде или питью, пока хозяин не попросит 5 раз. Отметим, что такие обычаи есть и в других культурах, где ресурсы были ограничены. Так, на севере Швеции еще в XX в. существовал специальный крюк, которым хозяева затаскивали гостей за стол. В благополучной сегодня Финляндии до сих пор говорят: «Давай, я как будто прошу тебя уже шестой раз». На сегодняшний день Финляндия и Швеция – страны с наиболее высокоразвитой культурой устойчивого развития. Не исключено, что и белорусы в состоянии достичь такого положения.

Скромность, умаление личной значимости у белорусов связаны с ценностью дружбы, т.е. умения делиться, помогать, проявлять гостеприимство.

Личные успехи и неудачи объявляются достижением группы. Видимо, потому и столь прочно прижилось в восточнославянских культурах научное «мы». С точки зрения логики достаточно странно, когда

за фразой «работа выполнена самостоятельно» следуют сотни употреблений местоимения множественного числа «мы».

Делать не то, что все – нехорошо. В школе дети могут объявить бойкот тому, кто не ушел вместе со всеми с урока.

Помощь друг другу считается естественной, и большинство людей получает при этом удовольствие. Члены семьи должны нести ответственность друг за друга. Сначала люди, отношения с ними, потом дела. Есть взаимные обязательства: «Суседу ўгадзі – сабе аблагадзі».

Представляется, что стремление и готовность помочь другому также полезное качество для совместной деятельности на благо устойчивого развития.

Самым непостижимым образом нетребовательность и щедрость белорусов сплетаются с еще одной ценностью культуры, с трудолюбием. Как уже отмечалось, из-за непредсказуемого климата даже напряженные усилия часто не приводили к желательным результатам. Эта сельскохозяйственная действительность привила обществу привычку работать вообще, чем-то заниматься. Как следствие, оцениваются усилия, а не результат. Даже если желаемые результаты не достигнуты, значимым признается само усилие. Работа важна, и важно упорно трудиться: «Дзе шчырая праца, там густа, а дзе лянота – там пуста» Обращает на себя внимание наличие в данном высказывании сочетание «шчырая праца». Означает ли это, что не любая работа должна вести к положительному результату?

Анализ текстов, лексических ассоциаций показывает, что для белорусских письменных источников и для носителей культуры свойственно предпочтительное использование несовершенного вида глаголов, что указывает на неважность получения результата деятельности (ср., например, знаменитое школьное «я учил»). Общепринятым оправданием является фраза «Я очень старался». В отличие от англоязычного «It was a good try» – «Это была\ты сделал\ хорошая\ую попытка\у», где слово «попытка» дискретно и указывает на возможность повторения действия, в русскоязычном варианте действие остается незаконченным, нерезультативным даже потенциально. Заметим, что «я старался» может использоваться как при оправдании за отсутствие результата, так и в качестве ответа на хвалу за хорошие достижения.

Поскольку устойчивое развитие не предполагает видимых результатов, то данная особенность белорусов вполне вписывается в ситуацию.

Нетрудно заметить, что все выделенные ценности тесно связаны друг с другом, предполагают одинаковые модели поведения.

Представляется, что в условиях глобализации и ухудшения экологической ситуации в мире наибольшую значимость для синхронизации усилий белорусов с мировыми тенденциями в плане устойчивого развития имеет четко выраженная у них ценность гармоничного существования человека и окружающей среды. Осознание единства с другими (оцениваемыми как достойные подражания) культурами, имеющими такое же отношение к природе – Швеция, Германия, Финляндия и т.д. – безусловно, позитивно отразится на интернализации белорусским обществом ценностей устойчивого развития. На данной платформе грамотное обращение к ключевым ценностям белорусской культуры облегчит переход общества к позиции устойчивого развития.

Литература

1. Kluckhohn, F. R. Variations in Value Orientations Evanstones / F. R. Kluckhohn, F. L. Strodtbeck. – IL: Row, Peterson, 1961.

2. Morrison, T. Kiss, Bow or Shake Hands / T. Morrison, W. Conaway, G. Border. – Holbrook Adams Media corp., 1994.

3. Korshuk, A. Cultural Detective: Belarus / A. Korshuk, G. Simons, D. S. Hofner. – 2007. [Electronic resource] – Mode of access: <http://www.culturaldetective.com/package.html#BEL>. – Date of access: 05.05.2011.

4. Чернявская, Ю. В. Народная культура и национальные традиции / Ю. В. Чернявская. – Минск, 1998. – С. 62-64

5. Чернявская, Ю. В. Белорус: штрихи к автопортрету. Этнический самообраз белоруса в сказках / Ю. В. Чернявская. – Минск, 2006.

Кудрявец Анна Александровна, студентка 2 курса факультета международных отношений, Белорусский государственный университет, г. Минск, Беларусь.	<i>Культурный суверенитет в условиях глобализации.</i>
---	--

КУЛЬТУРНЫЙ СУВЕРЕНИТЕТ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ.

Кудрявец А. А.

Белорусский государственный университет

На протяжении более чем столетия (с первой трети XIX до середины XX в.) притязания национального государства на культурный суверенитет казались и резонными, и реализуемыми. Государство было в состоянии продемонстрировать, что оно является, по сути своей, хозяином в своём собственном доме. Оно довольно успешно контролировало процесс производства и циркуляции значений на своей территории. Для такого контроля в его распоряжении был целый набор инструментов – от печатного станка, обеспечивавшего обеспечение всего населения литературой на национальном языке, и школы, позволявшей воспитывать в детях законопослушных граждан, до национальных каналов информации. Кроме того, государство, в меру своих финансовых возможностей, содержало музеи, а также поддерживало творческую деятельность своих граждан – осуществляя содействие художникам, литераторам, участвуя в финансировании национального кинематографа, оказывая всестороннюю поддержку развитию национальной культуры.

Разумеется, суверенитет государства в культурной сфере всегда был в большой мере фиктивен. Ни одно государство модерна не было в состоянии полностью оградить свою территорию от проникновения на нее знаков и символов, произведенных за ее пределами. И, тем не менее, в распоряжении государства вплоть до недавнего времени имелись ресурсы, позволявшие управлять идентичностями своих граждан [1, с. 144].

Однако данные ресурсы заметно истощились в течение последней трети XX в. Распространение современных технологий в сфере транспорта и СМИ сделали межгосударственные границы прозрачными. Спутниковое и кабельное телевидение положили конец монополии государства в сфере распределения культурных продуктов на его территории. С появлением Интернета необходимость в государстве как посреднике в коммуникации между людьми отпадает. Отдельные индивиды и группы могут вступать в

контакт друг с другом и формировать коммуникативные сети, минуя посредничество государства. Возникают сообщества идентичности, не привязанные к какой-либо территории и, стало быть, не зависящие от желания или нежелания государства.

Тому, что государство перестает быть хозяином в собственном доме, немало поспособствовали и транснациональные корпорации, действующие в сфере культуриндустрии.

Так, следует прийти к выводу, что если суверенитет – это независимость в принятии решений, то от культурного суверенитета государств в начале XXI столетия остались разве что воспоминания. Однако фиктивность культурного суверенитета не препятствует реальным притязаниям на обладание им.

На мой взгляд, происходящее в наши дни можно назвать стилизацией суверенности. Чем она обусловлена? Как ни странно, логикой того процесса, который мы будем называть глобализацией.

Стоит заметить, что сущность «глобализации» заключается именно в глобализации культурных обменов. Ведь что мы имеем в виду, говоря о глобализации? То, что совершающиеся в разных сферах обмена становятся всемирными. Однако, строго говоря, ни в экономической, ни в политической сфере этого не происходит. Всемирный характер приобретают лишь обмены в сфере культуры. Как подмечает М. Уотерс, «экономические обмены локализируются, политические – интернационализируются, культурные обмены глобализируются» [2, с. 20].

Впрочем, к делу можно подойти иначе, а именно: уйти от жесткого разделения трех сфер общественной жизни и сосредоточиться на их взаимном проникновении. Так поступает Рональд Робертсон, настаивающий на том, что сегодня происходит «культурализация» общества на всех уровнях [3, с. 78]. Иными словами, содержание процесса, именуемого глобализацией, заключается в том, что культура начинает пронизывать собой и экономику, и политику. В качестве примера можно взять соревнование японских и немецких автомобильных производителей. Вопрос о том, чьи машины окажутся более востребованными на мировом рынке, есть вопрос бренда. Это значит, что ответ на него лежит в знаково-символической – т. е. в культурной – плоскости, а не в плоскости технической или финансовой. Про прочих равных (в том, что касается соотношения цены и качества) побеждает тот, чей «имидж» в глазах покупателя окажется более привлекательным.

Обращая внимание на притязания в области культурного суверенитета, выдвигаемые постсоветскими государствами, следует заметить неоднозначность восприятия данного вопроса различными субъектами международного сообщества. Большинство находит эти притязания безосновательными. При этом обычно отмечают скромные ресурсы, находящиеся в распоряжении новых претендентов на суверенитет. Культурное наследие и культурные символы, которые элиты постсоветских государств хотели бы использовать как национальные, на поверку оказываются частью более широкого цивилизационного ареала. Скажем, тюркского в узбекском случае или иранского в таджикском. Тамерлан не был узбеком, как бы того ни хотелось современному руководству в Ташкенте, а Фирдоуси писал на фарси, а не на таджикском языке.

Тем не менее, при всей кажущейся иррациональности подобных усилий, они представляются вполне рациональными. Во-первых, современная мировая политическая система устроена как система государств. Государства рассматриваются как суверенные единицы – как средоточия власти, или «властные вместилища». Обладание культурной властью здесь подразумевается так же, как обладание властью военно-политической и экономической. Поэтому позиционирование себя в качестве (гомогенной) нации – вполне оправданная стратегия для государств. Она дает им шанс улучшить свои позиции в глобальной конкуренции. Во-вторых, в данных усилиях просматривается стремление к самоутверждению. В-третьих, институт «постколониализма», получив, начиная с 70-х годов 20 века, широкое распространение, фактически предоставил возможность новым суверенам представить свое нахождение внутри Российской империи и Советского Союза в качестве томления в «тюрьме народов». Иными словами, выдвигая притязания на восстановление поруганной аутентичности, постсоветские государства всего лишь играют по тем правилам, которые задаются «глобальным сообществом». Их национализм есть не что иное, как подчинение транснациональным политическим императивам [4, с. 89].

На наш взгляд, культурный империализм – столь же проигрышная позиция, сколь и культурный национализм. Национализм акцентирует внимание на существующие различия, делая их явными. Империализм их не замечает. Национализм от лица малых культур обращает излишнее внимание на суверенность (автономность, независимость, аутентичность). Империализм – а, по сути, национализм от лица культуры большинства –

отказывает малым культурам в признании. Поэтому представляется сомнительным осуществлять попытки дезавуирования стремлений вышеперечисленных стран к суверенности (в том числе и культурной).

Литература

1. Castells, M. The Power of Identity / M. Gastells. – Oxford, 1997. – С. 144-145.
2. Waters, M. Globalization / M. Waters. – L. – N.Y., 2002. – С. 20.
3. Robertson, R. Globalization: Social Theory and Global Culture. / R. Robertson. – L., 1992. – С. 78.
4. Малахов, В. С. Национальное государство, национальная культура и культурный суверенитет / В. С. Малахов. – М., 2011. – С. 87-94.

Кузьмінова Алеся Юр’еўна,
студэнтка 4 курса кафедры тэлебачання і
радыёвяшчання факультэта журналістыкі,
Інстытут журналістыкі, Беларускі дзяржаўны
універсітэт, г. Мінск, Беларусь.

*Фармат рэаліці-шоу ў
кантэксце кроскультурнага
ўзаемадзеяння (на прыкладзе
“Топ-мадэль па-амерыканску”
і “Топ-мадэль па-руску”).*

ФАРМАТ РЭАЛІЦІ-ШОУ Ў КАНТЭКСЦЕ КРОСКУЛЬТУРНАГА ЎЗАЕМАДЗЕЯННЯ (НА ПРЫКЛАДЗЕ “ТОП-МАДЭЛЬ ПА- АМЕРЫКАНСКУ” І “ТОП-МАДЭЛЬ ПА-РУСКУ”)

Кузьмінова А. Ю.

Інстытут журналістыкі, Беларускі дзяржаўны універсітэт

У сучасным эфіры досыць папулярны фармат “рэаліці-ТБ”: глядач бачыць на экране герояў, такіх, як ён сам, або сваіх куміраў, верыць, што можа быць на іх месцы, і нават часам запазычвае іх манеру маўлення і мадэлі паводзін. Тэарэтыкі і практыкі журналістыкі пастаянна даследуюць праблему, як зрабіць, каб медыяпрадукт быў сапраўды паспяховым і карысным. В. Р. Булацкі, А. А. Беразоўская, А. М. Лепешанкоў і іншыя даследчыкі актыўна шукаюць адказ на гэта пытанне. Мы спыніліся на параўнальным аналізе дзвюх версій замежнага праекту, у якім досыць шмат пастаянных удзельнікаў і вялікая разнастайнасць камунікатыўных сітуацый.

Мэты нашага даследавання – ахарактарызаваць маўленчую канцэпцыю жанра рэаліці-шоу на прыкладзе папулярных праграм – “Топ-мадэль па-амерыканску” і “Топ-мадэль па-руску”, выявіць асаблівасці вырашэння адных і тых жа камунікатыўных задач на рознай культурнай глебе.

Рэаліці-шоу – гэта жанр, для якога характэрны паказ паўсядзённага жыцця ўдзельнікаў праграмы ў рэальным часе і ў адпаведнасці з умовамі прапанаванай гульні [5, с. 63]. Да прыкмет рэаліці адносяцца прынцып выбарнасці, поўная празрыстасць, адсутнасць жорсткага сцэнарыя і канкурэнцыя [4, с. 385].

Фармат рэаліці “Next Top Model”, аб якім пойдзе гаворка, распрацаваны ў 2003-м годзе амерыканскай супермадэллю Тайрай Бэнкс. Сёння яго выкарыстоўвае больш за 120 краін. Па прыкладу “Топ-мадэль па-амерыканску” былі створаны “Топ-мадэль” па-руску, па-польску, па-брытанску, па-італьянску, па-карэйску і інш. Сезон “Топ-мадэлі” звычайна

мае 9-18 серый і напачатку ўключае да 25 удзельніц, з якіх у кожным выпуску адну адлічваюць суддзі.

“Next Top Model” – гэта ўскоснае рэаліці, кожная серыя якога па форме ўяўляе сабой справаздачу, у якой расказваецца аб падзеях аднаго тыдня з жыцця дзяўчат-удзельніц, якія прайшлі адбор і супернічаюць на працягу сезона, каб атрымаць тытул топ-мадэлі. Структура выпуску: live-эпізоды з агульнага дома дзяўчат, іх удзел у конкурсах і майстар-класах, вырашальная фотасесія і савет прафесійнага журы.

Разгледзім, як гэта выражаецца ў маўленчых паводзінах.

Па-першае, мы маем пэўную заканамернасць чаргавання тыпаў маўлення. У праграме практычна адсутнічае закадравы тэкст, дыялогі і палілогі дзяўчат у натуральных жыццёвых сітуацыях чаргуюцца з кароткімі маналогамі ўсіх удзельнікаў шоу. Гэта дзённікавы элемент, эмацыянальнае маўленне, але яно ўсё ж кантралюецца, бо удзельнік гаворыць на камеру. Што датычыцца зместу, нярэдка тут ужываюцца формы прошлага (“я была взволнована”, “мы не ждалі” і г.д) і будучага часу (“я стану моделью”, “у меня получится”) або цяперашні час у значэнні прошлага (“я нажимаю на кнопку, а лифт не работает...”), а таксама формы ўмоўнага ладу і мадальных канструкцыі (“я бы сделала”, “я так рада победе в этом конкурсе!”), у адрозненні ад live-дыялогаў і палілогаў, дзе часцей за ўсё цяперашні час, абвесны ці загадны лад дзеяловаў і мэта выказвання – не толькі выказаць свае думкі, але і ўплываць на іншых удзельнікаў, узаемадзейнічаць з імі.

Па-другое, рэжысёр павінен у правільнай прапорцыі злучыць вербальныя і невербальныя элементы, каб рэаліці не згубіла сваіх прыкмет. У амерыканскай версіі першаснай з’яўляецца карцінка і кожны здымачны план доўжыцца не больш за 5 секунд, таму чаргаванне дыялогаў, маналогаў і палілогаў і асобных фраз у іх вельмі хуткае. Гэта разам са зменай музыкальнай тэмы стварае пэўны тэмпа-рытм праграмы. У рускай праграме нярэдка тэкст паўтарае выяву, тэмпа-рытм больш павольны, а музыка змяняецца не так часта і не так кардынальна.

Прааналізаваўшы маўленчыя паводзіны ўдзельнікаў выбраных праграм, мы вылучылі наступныя рысы, характэрныя для рэаліці-шоу:

1) У эфіры могуць гучаць адначасова два тэксты: маўленне перакладу і арыгіналу (калі гаворка ідзе пра замежнае тэлешоу).

Пры аналізе стылістычных асаблівасцяў маўлення ўдзельнікаў праграмы “Топ-мадэль па-амерыканску” мы звярталіся як да перакладу,

так і да арыгіналу, і можам зрабіць выснову, што перакладчыкі тэлеканала “Муз-Тб” амаль цалкам захавалі стыль і змест маўлення.

2) У размовах ўдзельнікаў і амерыканскага, і рускага рэаліці шмат спецыяльнай, прафесійнай лексікі, якая характарызуе жыццё мадэлі (подыум, кастынг, прагляд, фотасесія, макіяж); неалагізмаў (напрыклад, to “smize” замест “smile with eyes” (усміхацца вачыма)); вобразных сродкаў (“feeling chemistry” (хімія пачуццяў), “волосатая сітуацыя”); фразеалагізмаў (напрыклад, “to touch your Zee’s” (злавіць некалькі “зэ”) – паспаць).

3) На жаль, чысціня маўлення часта не самы моцны бок рэаліці. У тэкстах “Топ-мадэлі па-руску” гучаць варварызмы: “Фэшн любіт это...”, “Её мэйк-ап...”, “артовая фотография”, “ультра-фэшн”, “Для меня это too much!” і інш. За межы літаратурнага стылю “Топ-мадэль па-руску” выводзіць вялікая колькасць прастамоўнай і грубай лексікі і нават інвектыў у маўленні як дзяўчат, так і вядучай, і суддзяў.

У амерыканскай праграме грубая лексіка сустракаецца значна радзей і інвектывы часцей за ўсё не гучаць, а схаваны спецыяльнымі гукамі, ці ўвогуле заглушаны і паказаны візуальнай маскіроўкай вуснаў.

4) У цэлым, стыль тэксту перакладу “Топ-мадэлі па-амерыканску”, як і стыль арыгіналу, можна апісаць як размоўную форму літаратурнага маўлення з элементамі кніжнага. У параўнанні з амерыканскім шоу, маўленне ўдзельнікаў “Топ-мадэлі па-руску” хутчэй не размоўнае літаратурнае, а прастамоўнае з пэўнай колькасцю кніжных метафар і спецыяльнай лексікі.

У аспекце культуры паводзін удзельнікаў камунікацыі амерыканская і руская праграма кардынальна адрозніваюцца. На выніковым савеце ў “Топ-мадэлі па-амерыканску” дзяўчаты амаль заўжды гавораць толькі тады, калі да іх звяртаюцца. У рускім шоу нярэдка ўдзельнікі камунікацыі перакрываюць адзін аднаго, каментарыі журы выглядаюць, як абвінавачванні, суб’ектыўная ацэнка, таму дзяўчаты і імкнуцца хутчэй сябе абараніць, часам перабіваючы суддзяў. Паводзіны ўдзельніц за межамі савету таксама не ідэальныя. На экране – высвятленне адносінаў без цензуры. У рускім рэаліці – гэта не толькі не караецца, але і з’яўляецца звычайнай справай.

І яшчэ адзін важны элемент, які ўплывае на ўспрыняцце праграмы глядачом – маўленчы імідж яе вядучага. У рэаліці фармату “Next Top Model” вядучы грае наступныя ролі: па-першае, мадэратара (найбольш яскрава праяўляецца на савеце); па-другое, рэдактара, “мадэратара за

кадрам” (напрыклад, Тайра Бэнкс уключаецца ў выбар тэматыкі фотасесій і конкурсаў); па-трэцяе, гасця (час ад часу вядучая прыходзіць да ўдзельніц пагаварыць, дапамагчы) і, па-чацвёртае, ролю судзі на выніковым савеце журы.

Але ў амерыканскай і рускай версіі розная ступень уключанасці вядучага ў працэс здымак і камунікатыўныя сітуацыі, і таму першасныя ролі іх вядучых адрозніваюцца. Тайра Бэнкс у “Топ-мадэль па амерыканску” выступае ў якасці эксперта, а таксама праяўляе сябе як “маці” ўсіх удзельніц: з аднаго боку, яна супермадэль, ідэал, мы не ставім пад сумненне аб’ектыўнасць яе каментарыяў, з другога боку, яна дае парады дзяўчатам на працягу шоу, падтрымлівае іх, таму на экране – шчырыя размовы, больш дыялогаў і палілогаў вядучага з удзельніцамі. Гэта значна ўплывае на агульную атмасферу шоу. Стыль камунікацыі Тайры: размоўнае маўленне з пэўнай колькасцю кніжных выразаў, сціслыя, але ёмістыя сказы, шмат лексікі з пазітыўнай канатацыяй, мадальныя словы, а таксама адпаведная сітуацыі невербаліка – шчырая усмешка, жэст запрашэння абняць і г.д.

У “Топ-мадэль па-руску” галоўная роля вядучай – “штучны” эксперт: Ксенія Сабчак не мае вялікага вопыту ў працы мадэлі, таму нярэдка яе каментарыі не выходзяць за межы “мне нравится/не нравится”, хоць яна і імкнецца заняць месца спецыяліста і ўзвышае сябе над дзяўчатамі, часам ставіцца да іх досыць халодна. Стыль камунікацыі Ксеніі – маўленне на мяжы размоўнага і прастамоўнага, ужыванне грубай і ненарматыўнай лексікі, неаднароднасць стылю; манернасць; мінімум дынамікі ў міміцы, блытаніна ў зваротах “ты” і “вы” да ўдзельніц, парушэнне культуры камунікацыі і г.д. Такім чынам, амплуа вядучых рускай і амерыканскай версій шоу вельмі розныя, таму і агульнае ўражанне ад гэтых праграм супрацьлеглае.

У выніку нашага даследавання, можам сказаць, што сакрэт поспеху жанру рэаліці-шоу на прыкладзе “Топ-мадэль па-амерыканску” – дынамічнае чаргаванне галасоў, змястоўныя дыялогі і палілогі, багатая лексіка, просты стыль, а таксама шчырая і кампетэнтная ў сваёй справе вядучая – увасабленне галоўнай ідэі праграмы. Руская версія, на жаль, на сёння не можа падняцца на такія ж самы ўзровень, галоўным чынам з-за горшага тэмпарытму выпускаў, культуры маўлення і паводзін удзельнікаў шоу і вядучай. Бачна, што на кожнай культурнай глебе маўленчая канцэпцыя пэўнага фармату атрымлівае сваю спецыфіку.

Літаратура

1. Беразоўская, А. Рэальнае тэлебачанне: суб'ектыўны аб'ектыў Reality TV / А. Беразоўская // Рэтраспектыва і актуаліі электроннай журналістыкі Беларусі. Зборнік навуковых артыкулаў выкладчыкаў кафедры тэлебачання і радыёвяшчання Інстытута журналістыкі / пад. рэд. В.Р. Булацкага. – Мінск, 2011. – С. 33-44.
2. Булацкі, В. Беларускае радыё на сучасным этапе / В. Булацкі, В. Шейн // Рэтраспектыва і актуаліі электроннай журналістыкі Беларусі. Зборнік навуковых артыкулаў выкладчыкаў кафедры тэлебачання і радыёвяшчання Інстытута журналістыкі / пад. рэд. В.Р. Булацкага. – Мінск, 2011. – С. 5-11.
3. Лепешенков, О. По следам “Мисс Интерконтиненталь-2009” / О. Лепешенков // Рэтраспектыва і актуаліі электроннай журналістыкі Беларусі. Зборнік навуковых артыкулаў выкладчыкаў кафедры тэлебачання і радыёвяшчання Інстытута журналістыкі / пад. рэд. В.Р. Булацкага. – Мінск, 2011. – С. 62-66.
4. Перепелкин, А. С. Реалити-шоу и модели жизни / А. С. Перепелкин // Журналистика в 2005 г.: трансформация моделей СМИ в постсоветском пространстве: сб. материалов научн.-практ. конф. – М., 2006.
5. Уразова, С. Л. Reality TV в России. Первый опыт телеклонирования / С. Л. Уразова // Вестник МГУ. Сер.10. Журналистика. – 2003. – № 3.

<p>Курбачёва Ольга Владиславовна, кандидат философских наук, преподаватель кафедры философии и методологии науки, Белорусский государственный университет, г. Минск, Беларусь.</p>	<p><i>Принцип космополитизма в условиях глобализирующегося мира.</i></p>
---	--

ПРИНЦИП КОСМОПОЛИТИЗМА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗИРУЮЩЕГОСЯ МИРА

Курбачёва О. В.

Белорусский государственный университет

В контексте понимания глобализации как объективного процесса возникают идеи о формировании новой гражданской культуры, которая интегрирует альтернативные ценности и приоритеты в единую социокультурную систему и конституирует новую идентификационную формулу – космополитизм. Хотя идеи космополитизма зародились еще в Древней Греции и были характерны для школы стоиков (Хрисипп) и киников (Диоген), а затем проявились в работах Данте, Т. Кампанеллы, Г.Э. Лессинга, И.В. Гете, Ф Шиллера, И. Канта, А. Печчеи и др., сегодня идеи космополитизма получили новый резонанс и наполнились иным культурным содержанием. Космополитизм как факт осознания единства человеческого рода, конституирует формирование нового этоса социального бытия и формирования единого гражданского мира [1, с. 1285]. Причем новый этос глобализирующегося мира должен представлять собой не простое соглашение, надстраивающееся над различными цивилизационными и культурными системами, а реальную единую этическую систему, с общей символически-знаковой системой и механизмом ее осуществления. Для того чтобы установить гармонию и соразмерность социальной сферы необходимо сконструировать такие принципы и ценности, которые были бы едины и всеобще значимы для всех участников гражданской культуры вне зависимости от религиозных, идеологических, национальных убеждений.

Сегодня уже обнаруживается проявление «глобальной этической инфраструктуры» во всех странах и регионах, активно участвующих в современных экономических, политических и культурных процессах. Происходит постепенная интериоризация культурных ценностей в социальное общечеловеческое сознание в качестве общезначимых стандартов (мировые языки, заимствование христианского

летоисчисления, система измерения и т. д.). Общим знаменателем может выступать идея равенства, свободы, плюрализма. Вместе с тем, плюрализм и свобода, возведенные в универсальный принцип отрицают сами себя и порождают крайние формы проявления (макдональдизация, вестернизация и другие). Более того, культуры и цивилизации по своей природе никогда не являлись гомогенными явлениями, а обладали уникальными характеристиками, которые и конституировали их самобытный статус. Поэтому тенденция к формированию единых культурных, моральных, эстетических и религиозных ценностей, общезначимых для всех народов, этносов и социальных групп является в большей степени утопичной. Сегодня глобальный гражданский мир может быть сконструирован на базе витальных ценностей и приоритетов признания инаковости, без притязания на изменение культур по единому образцу. Однако формирование единого этоса гражданского мира не может быть абстрагировано от экономической или политической трансформации, в рамках которой глобализация проявляется ассиметрично. Поэтому глобализация в сфере культуры и цивилизационной динамике также выступает неравномерным и нелинейным процессом, в котором обнаруживаются ярко выраженные тенденции к универсализации, но вместе с тем отсутствуют реальные механизмы формирования единого гражданского этоса. С другой стороны, обнаруживается тенденция к фрагментации, регионализации и возрождения традиционных форм идентичности. Эта амбивалентность проявляется в большей степени именно в социокультурной сфере.

Утрата контроля над происходящими событиями, возрастающая степень неопределенности и незащищенности перед лицом неконтролируемых процессов является причиной социальной аномии. Формируется потребительское отношение к социальной и природной среде, в котором превалирующую роль занимает стремление получить немедленные результаты. Потребительские ориентации противоположны коэволюционным стратегиям развития общества, поэтому приводят к конфликту взаимоотношений социума, природы и личности. По мнению британского социолога З. Баумана, такое «индивидуализированное» общество, ориентирует на то, что «узлы партнерства рассматриваются как вещи, которые следует потреблять, а не производить» [2, с.197]. Поэтому при общей тенденции социокультурной интеграции усиливается процесс фрагментаризации общества. Глобализация, актуализируя принципы либерализма и прагматизма, противопоставляет общим интересам

индивидуально-эгоистические интенции личности, соответствующие критериям успешности в потребительском обществе. Идеи коллективности, гармонии личности и общества, в которых преобладает значимость общественных интересов, в период глобализации становятся наиболее уязвимыми. Приобщенность к конкретному социальному пространству размывается под влиянием укореняющегося космополитического образа жизни и гиперавтономности морального субъекта. Вызревает социальное противоречие между традиционными и инновационными ценностями. Это еще одно противоречие, которое характерно для современного глобализирующегося общества.

Таким образом, глобализационные тенденции, ориентированные на интеграцию культур и формирование единого смыслового пространства, являются непосредственными катализаторами возрождения локальных ценностей. В контексте пропагандируемой универсализации возникают тенденции сохранения автохтонных черт локальных культур, которые выступают альтернативой глобализационной интеграции. Защитно-протекционистский механизм, ориентированный на возрождение локальных культур, может быть представлен в достаточно радикальной форме: в облике консервативного национализма, националистического фундаментализма или антиглобализма, что, безусловно, связано с пониманием глобализации сугубо как практики вестернизации. В рамках ответной реакции на глобализационные процессы универсализации актуализируется поиск стабильных оснований социального бытия. Поэтому под влиянием глобализационных процессов возникает конфронтация между стремлением к национально-этнической идентификации и к общечеловеческим интересам во взаимозависимом мире. То есть обнаруживаются диалектически противоречивые явления: с одной стороны, происходит форсированное объединение культур и формирование общих нравственных норм и эстетических ценностей, а с другой стороны, возникает тенденция к фрагментаризации и ренессансу национальных культур и традиций.

Литература

1. Гусейнов, А. А. Этнос глобальный / А. А. Гусейнов // Глобалистика. Энциклопедия. – М., 2003. – С. 1283-1285.
2. Бауман, З. Индивидуализированное общество / З. Бауман. – М., 2002.

<p>Легчилин Анатолий Александрович, кандидат философских наук, доцент, заведующий кафедрой философии культуры, зам. декана по научной работе факультета философии и социальных наук, Белорусский государственный университет, г. Минск, Беларусь, Новикова Ольга Владимировна, кандидат философских наук, старший референт Посольства Республики Беларусь в Российской Федерации.</p>	<p><i>Кросскультурный диалог и проблема цивилизационной идентичности человека.</i></p>
---	--

КРОССКУЛЬТУРНЫЙ ДИАЛОГ И ПРОБЛЕМА ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ЧЕЛОВЕКА

Легчилин А. А., Новикова О. В.
Белорусский государственный университет

Наметившийся в конце XX – начале XXI столетий цивилизационный поворот выражается, с одной стороны, в новом качестве социально-культурной коммуникации между цивилизационными регионами Запада и Востока, с другой – в явно выраженной тенденции глобализации мирового сообщества на пути перехода к единой постиндустриальной цивилизации. В этих условиях одной из актуальных проблем, стоящих перед цивилизацией Запада является проблема ассимиляции эмигрантов из стран Азии и Африки и, в этой связи, сохранения ее цивилизационно-культурной идентичности.

В обществе существовали многообразные формы социально-культурной идентификации. Так в традиционном обществе Востока была распространена идентификация человека с родом, племенем, землячеством, наконец, семьей – а Китай, например, согласно Конфуцию, и есть «большая семья». В целом, в традиционных обществах цивилизации Востока, сохранявшем дух толерантности, веротерпимости и верности моральным нормам, сохранение коллективной идентичности (а учитывая присущий этому обществу примат коллективного начала и индивидуальной идентичности) не вызывало особых проблем. Современный человек данной цивилизации, конечно, испытывает искушение смены мировоззрения и системы ценностей под влиянием материально благополучной цивилизации Запада. Но это означало бы для него потерю идентичности, а значит – жизненную дезориентацию.

В Новое время человек западноевропейской цивилизации идентифицировал себя в качестве представителя белой расы, христианина, гражданина государства и члена гражданского общества. При этом в индустриальном обществе Запада складывание цивилизационных общностей с характерными для них образом жизни и культурой происходило двумя основными путями, что позволяет говорить о двух моделях формирования современных цивилизаций.

Первая модель – «плавильного тигля», характерна для «принимающих» стран, в возникновении и развитии которых, решающее значение имела массовая эмиграция людей. В них процесс интеграции представителей различных этносов сопровождался социально-культурной «переплавкой», приведшей к образованию новых политических наций, квалифицируемых как народы США, Канады, Австралии. Их возникновение могло включать элементы насилия и миссионерства в отношении местного населения (например, американских индейцев и австралийских аборигенов), но, целом, происходило мирным и эволюционным путем. В итоге, хотя в социокультурном пространстве этих стран и существуют сегменты, представляющие культурное своеобразие различных этнических диаспор – афроамериканской, латиноамериканской, итальянской и т.д., определяющее значение имеет единая система ценностей. Поскольку в основе формировавшейся культуры и образа жизни новых народов лежали политические (по своей сути, либерально-демократические) и духовные (христианские) ценности переселенцев из Западной Европы, они закрепились в качестве цивилизационных оснований этих общностей. В итоге эти новообразования способствовали их объединению в рамках «политической нации».

Вторая модель социально-культурной интеграции – «томатного супа», характерна для западноевропейских государств. Она фиксирует возникновение в индустриальном обществе интегрированной социальной общности на основе доминирования титульного этноса (немецкого, французского, испанского) и системы его политических и культурных традиций. Ценности титульного этноса являются базовыми, определяя социальное бытие национального государства, а ценности других проживающих в нем этнических групп выполняют функцию «приправы», дополняющей «вкусовыми нюансами» возникший продукт интеграции, не меняя его основы. Существенно, что осуществлявшаяся на основе данной модели социально-культурная интеграция не являлась массовой и не носила конфликтный характер, поскольку предполагала образование,

воспитание и социализацию новых граждан на основе христианской духовности и национального культурного наследия стран Европы.

Глобализация и начавшийся переход к постиндустриальному обществу способствовали интенсификации социальной мобильности в современном мире, имевшей как позитивные, так и негативные последствия. Как следствие, Запад пришел к осознанию остроты вставшей перед ним проблемы социально-культурного диалога между проживающими на территории их национальных государств социальными общностями, представляющими разные типы цивилизаций.

Известно, что заметно усилившийся в 60-70 годы XX века приток в Западную Европу эмигрантов из развивающихся стран первоначально расценивался как позитивное явление, продиктованное потребностью в новой рабочей силе. Не вызывал тревоги и факт равноправного существования в одной стране разнообразных этнических групп со своеобразными культурными и религиозными ценностями, поскольку предполагалось, что они, адаптировавшись и впитав ценности титульной, государственной нации, естественным путем волеются в нее, добавив, согласно привычной модели «томатного супа», еще одну «специю», не более. Именно такой сценарий социально-культурной интеграции был положен в основу возникшей в конце 60-х годов концепции мультикультурализма.

Однако развитие событий привело к существенно иным результатам. В Германии, Франции, Великобритании сформировались достаточно мощные этнические диаспоры, которые, вопреки ожиданиям, не растворились в либерально-демократическом государстве с его христианскими корнями, а составили «параллельный мир». Он пользуется гарантированными государством материальными благами, социально-экономическими и политическими правами, но, в то же время, для него характерно непринятие христианских ценностей и традиций титульного этноса, воспроизводство идентичности, характерной не для нового отечества, а для религиозной и национально-культурной диаспоры.

В частности, о том, что не нравится мусульманам, представляющим значительную часть эмигрантов, в Европе, можно судить по словам директора Исламского правозащитного центра И. Шангареева, являющегося председателем Ассоциации мечетей России и сопредседателем Совета муфтиев России. К числу основных факторов, которые могут оказать наиболее неблагоприятное влияние на воспитание мусульманских детей, он относит:

- отношение к религии как к делу второстепенному и сугубо личному;
- разрушение основ семьи в западном обществе;
- политкорректность;
- стремление к достижению материального благосостояния;
- культ комфорта в европейском обществе;
- индивидуализм;
- ограничение власти родителей над детьми [1, с. 7], то есть те ценности и идеалы, которые составляют фундамент цивилизации Запада.

В результате вместо реальной интеграции культур в современном европейском обществе наблюдается их сосуществование и конкуренция. При этом конкуренция культур тем более сильная, чем больше различия в типах цивилизаций, к которым принадлежат этнические общности. Не случайно, эта модель получила название «слоеного пирога», где каждый слой автономен и отличен от других.

Для локальных цивилизаций, не являющихся очевидными (по крайней мере, пока) лидерами глобализационного процесса, например, китайской, индийской или исламской цивилизации, эта проблема сопряжена с отстаиванием основ своего образа жизни и противостоянием ценностям цивилизации Запада, претендующим на роль универсальных. Для западноевропейских стран, представляющих цивилизацию Запада, как мы видели, проблема сохранения национально-культурной идентичности стоит не менее остро. Особую остроту ей придают, с одной стороны, низкий уровень рождаемости, старение коренного населения западного общества и его превращение в потребительское общество, с другой – высокий уровень рождаемости в семьях эмигрантов из Азии и Африки, их консолидация на почве религиозного фундаментализма. Это ведет к тому, что проблема сохранения культурной идентичности человека Запада трансформируется в проблему выживания коренных европейцев как представителей цивилизации.

Свои оттенки имеет проблема сохранения национально-культурной идентичности и для США, учитывая активную миграционную политику ее администрации. В частности, из 284 миллионов американского населения 56 миллионов, то есть примерно 20% – это эмигранты первого поколения, представляющие различные цивилизационные регионы [2]. Их и без того непростая ассимиляция приходится на сложный для США, да и для всего мира, период экономического кризиса, грозя обострением отношений внутри самих Соединенных Штатов. В частности, известный российский

ученый-политолог, декан Дипломатической академии МИД России Игорь Панарин еще в 1998 году на международной конференции в Австрии предсказал наступление через десять лет в США экономического кризиса, который может привести, по его мнению, к гражданской войне, а затем к распаду государства на пять частей. В качестве одного из оснований для такого, во многом неожиданного прогноза, было взято существенное различие в состоянии национально-культурной идентичности в разных регионах Америки [3]. И хотя в то время этот прогноз был воспринят как шутка и акт политического шоу, сейчас он заставляет задуматься, тем более что подобного рода прогнозы не единичны. Так, по мнению американского футуролога Пола Саффо, «у американских штатов сейчас гораздо больше того, что их разъединяет, чем того, что объединяет. Уже сейчас слышны разговоры о сецессии отдельных штатов. Думаю, шансы США дожить в узнаваемом виде до середины этого столетия можно оценить как 50 на 50» [4, с. 7].

Таким образом, в современном обществе существует реальная проблема сохранения цивилизационно-культурной идентичности, от решения которой зависит характер социальной коммуникации в глобализирующемся мире.

Литература

1. Миронов, Е. Европа начала реконкиту / Е. Миронов // Идея Икс. №9, сентябрь 2009 года.
2. Тосунян, И. Америка прирастает эмигрантами / И. Тосунян // Литературная газета, 18-24 июня 2003 года.
3. Известия, 24 ноября 2008 года.
4. Цит. по: В. Васильева. Человечество ждут большие перемены / В. Васильева // Эхо планеты. № 42, 13-19 ноября 2009 года.

<p>Ленсмент Анжелика, магистр, лектор Института международных отношений Таллиннского технологического университета, г. Таллинн, Эстония, аспирантка кафедры философии и методологии науки, Белорусский государственный университет, г. Минск, Беларусь.</p>	<p><i>Русская диаспора в Эстонии: кризис идентичности.</i></p>
--	--

РУССКАЯ ДИАСПОРА В ЭСТОНИИ: КРИЗИС ИДЕНТИЧНОСТИ

Ленсмент А.

Институт международных отношений
Таллиннского технологического университета

После распада Советского Союза представители русской этнокультурной общины в Эстонии резко изменили свой статус: из представителей русскоязычного большинства в СССР, относящегося к титульной нации, они стали меньшинством в независимой Эстонии.

Кроме того, с момента присоединения Эстонии к СССР и до восстановления независимости, русская диаспора в Эстонии имела в основном опыт сегрегированного сосуществования с представителями аутохтонной группы. Все эти проблемы с неизбежностью ставили перед вопросом самоопределения себя в новых условиях, перед поиском новой идентичности.

В исследованиях Тишкова, Симоняна, Саар, Якобсона, Вихалемма, Калмус и др. отмечается, что в начале 90-х русские переживали ощутимый дискомфорт, связанный с психологической реакцией на новый статус [1, с. 110-124]. Если в Западной Европе большая часть постсоветских эмигрантов была нацелена на ассимиляцию [2], то в Эстонии, в силу неожиданного для многих быстрого изменения статуса представителя титульной нации на статус эмигранта, большая часть русскоязычной этнокультурной группы вначале была настроена на сегрегацию. Тем более, что кроме шока от неожиданности перемены статуса были и другие веские причины: незнание эстонского языка и принятое в наследство от царской России и культивированное в Советское время высокомерное отношение представителей русской культуры к представителям других культур. [3, с. 200]. Многие русские в Эстонии не смогли справиться с ситуацией и до сих пор. По мнению тартуских социологов «воспроизводство социальной депривации среди меньшинства уже является частью процесса

культурного воспроизводства» [4, с. 112]. Отмечается формирование признаков негативной этнической идентичности, при которой собственная национальность рассматривается как помеха в социальной адаптации: «Русские в основном убеждены в том, что этническая принадлежность играет решающую роль в продвижении в эстонском обществе. Это объясняет ситуацию, однако также может служить барьером, который не позволяет людям пытаться вступать в новые отношения и социальные сети» [4, с. 112].

В то же время исследователи отмечают, что в настоящее время уровень адаптации русской диаспоры в странах Балтии существенно повысился. Согласно данным Симоняна русская община в значительной степени адаптировалась. В наибольшей степени это касается молодых людей, выросших в Эстонии. Они, по мнению Симоняна «отличаются от своих российских сверстников деловитостью, практичностью, трудолюбием. ...Они с самого начала не могли рассчитывать на чью-либо помощь и были поставлены в условия жесткой борьбы за выживание. ...Здесь их называют "еврорусскими"... Их меньше интересует проблема самобытности, в их мироощущении определяющую роль играет не столько национальное, сколько региональное сознание, т.е. социально-психологический феномен объединения людей не по этническому, а по территориальному признаку» [5, с. 52]. Однако, по мнению В. Якобсона говорить о формировании нового идентитета «еврорусских» несколько преждевременно [6]. Многочисленные исследователи, занимавшиеся изучением формирования идентичности русскоязычных в Эстонии, сходятся во мнении о наличии множественности идентичностей, которые не вступают в конфликт, а дополняют друг друга.

В структуре идентичности выделяются два взаимосвязанных аспекта – социальный и личностный. Составная часть социальной идентичности-этническая идентичность. Этническая идентичность отражает осознание своей принадлежности к определенной этнической общности и, связанной с ней, определенной культуре. Характеризуя используемые стратегии адаптации, Якобсон отмечает, что большая часть русских в Эстонии рассчитывает на себя, а идентичность с определенной культурой играет в их жизни гораздо меньшую роль, чем стремление к достижению личностного развития [6]. Это соответствует современным мировым тенденциям, заключающимся в том, что «многообразие и относительность современного мира определяют провозглашаемую индивидуальность

идентичности, стремящейся найти опору в себе и своей субъективности» [7].

Можно предположить, что и для русских в Эстонии кризис идентичности разрешается не столько за счет причисления себя к группе русских или «еврорусских», сколько за счет актуализации личностной идентичности. В этом случае субъективная психологическая значимость межэтнических отношений снижается, что позволяет выйти из ситуации межгруппового сравнения и межгруппового противопоставления. Согласно Тэджфелу [8] повышение самооценки может быть достигнуто как за счет идентификации с хорошей и сильной группой, так и за счет акцентирования индивидуального своеобразия и сравнения себя с другими не по групповой принадлежности, а по индивидуальным признакам, что актуализирует личностную идентичность: «человек будет прибегать к межгрупповым формам поведения (актуализируя социальную идентичность), если это кратчайший путь к достижению позитивной самооценки. Если же он может достичь ее на уровне межличностного общения (актуализируя личностную идентичность), ему нет нужды переходить к противоположным формам поведения данного континуума» [9, с. 136].

Следовательно, можно предположить, что для эстонских русских индивидуальные достижения выступают более эффективным средством повышения самооценки, чем опора на социальную идентичность. Соответственно, в восприятии этнического большинства значимым становится не групповая принадлежность, но индивидуальные особенности. В этом случае нет необходимости поднимать самооценку за счет дискриминации группы сравнения. Наличие личностной идентичности предполагает, что представители титульного этноса не воспринимаются как члены группы, по отношению к которой выстраивается противопоставление «мы – они», и потому не вызывают враждебного отношения. Исследование, проведенное автором совместно с Е. Улыбиной и И. Ахмет подтвердило, что актуализация личностной идентичности в межэтническом восприятии среди представителей русской диаспоры в Эстонии связана с особенностями базовых убеждений личности относительно себя и окружающего мира [10, 11].

Т. Вихалемм и В. Калмус в своем исследовании также приходят к выводу, что «самые молодые поколения русских и эстонцев в значительной мере похожи друг на друга. Статистически значимая разница между молодыми людьми из данных этнических групп существует только

в отношении двух ментальных структур: молодые эстонцы больше придерживаются шаблона «адаптивность и воссоздание социального капитала», тогда как молодые русские – «глобальная ориентация и эмансипация» [4, с. 111].

Таким образом, не стремление к усилению этнокультурной идентичности, не национальная, а глобальная культурная индустрия, глобальная ориентация и эмансипация в значительной степени будут влиять на ментальность представителей русской диаспоры в Эстонии.

Литература

1. Тишков, В. А. Русские как меньшинства (пример Эстонии) / В. А. Тишков // *Общественные науки и современность*. – 1993. – № 6. – С. 110-124.
2. Маховская, О. И. Соблазн эмиграции / О. И. Маховская. – М., 2003.
3. Ленсмент, А. Жизнь в эмиграции: социально – психологические черты сознания постсоветского эмигранта / А. Ленсмент // *Audentese Ülikooli Toimetised*. – Nr. 7, 2005.
4. Вихалемм, Т. Калмус В. Дифференциация ментальностей основных этнических групп в Эстонии / Т. Вихаллем, В. Калмус // *Социологические исследования*. – 2008. – № 5. – С. 104-114.
5. Симонян, Р. Х. Перемены в массовом сознании российской диаспоры / Р. Х. Симонян // *Психологический журнал*. – 2004. – том 25. № 2.
6. Якобсон, В. Русскоязычные как часть населения Эстонии: 15 лет спустя / В. Якобсон // *Мир России*. – 2006. – Т. XV. № 4. – С. 143-170.
7. Степанович-Захариевская, Д. Актуальность исследования идентичности в условиях общественной трансформации на Балканах / Д. Степанович-Захариевская // *Социологические исследования*. – 2008. – № 5. – С. 99-104.
8. Tajfel, H. Individuals and groups in social psychology / H. Tajfel // *Brit. J. Soc. and Clin. Psychol.* – 1979. – V. 18.
9. Павленко, В. Н. Представления о соотношении социальной и личностной идентичности в современной западной психологии / В. Н. Павленко // *Вопросы психологии*. – 2000. – N 1. – С. 135-141.
10. Улыбина, Е. Объективные и субъективные факторы отношения этнического меньшинства к этническому большинству / Е. Улыбина, А.

Ленсмент, И. Ахмет // Журнал Высшей Школы Экономики. – 2010. – 6(4). – С. 94-102.

11. Улыбина, Е. Связь базовых убеждений с отношением к представителям аутгруппы на примере отношения русских к эстонцам / Е. Улыбина, А. Ленсмент, И. Ахмет // Человеческий фактор: Социальный психолог. – 2009. – 2(18). – С. 138-151.

Наливайко Инна Михайловна,
кандидат философских наук, доцент, доцент
кафедры философии культуры, факультет
философии и социальных наук, Белорусский
государственный университет, г. Минск,
Беларусь.

*«Новая топология»:
перспективы
кросскультурного диалога в
условиях глобализации.*

«НОВАЯ ТОПОЛОГИЯ»: ПЕРСПЕКТИВЫ КРОССКУЛЬТУРНОГО ДИАЛОГА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Наливайко И. М.
Белорусский государственный университет

Один из основоположников философии диалога М.М. Бахтин утверждал, что диалог между различными культурами отличается определенной «магией», порождаемой ситуацией «взгляда в окно». Другую культуру нельзя продублировать, она уже состоялась на своем месте в бытии. В нее нельзя просто вжиться, так как мы сращены с опытом и традициями собственной культуры. Но встреча с другой культурой открывает нам новые горизонты и новые возможности в нас самих. Мы остаемся в рамках своей культуры, но нам открывается сопредельное нам иное. Все вышесказанное подчеркивает определенную пространственную размерность диалога, что подтверждается и самой этимологией слова. Помимо отсылки к логосу, говорению как таковому, греческое слово содержит в себе приставку «диа», которая переводится как «между», что отсылает нас к определенной топологии диалога.

Несмотря на то, что диалог с необходимостью разворачивается во времени, то есть в нем присутствует встреча и взаимовлияние различных темпорально выстроенных субъектов, своего рода столкновение воле, он совершенно невозможен и без соотнесенности с пространством, местом как некой укорененностью в бытии.

Это теоретическое положение находит определенное подтверждение в истории человеческой культуры. Как мы помним, первые попытки философской проблематизации межкультурного диалога относятся к эпохе романтизма, т. е. ко времени, когда процесс формирования национальных культур, подкрепленный становлением государственности, обрел вполне зримые очертания. Локализация культуры, ее место в пространстве, ее границы являются одной из важнейших составляющих процесса

культурной самоидентификации, без которой диалог вообще не представляется возможным.

Но обращение к этой топологической составляющей диалога заставляет задуматься об интерпретации самой категории места как некой универсалии культуры. Вплоть до XX века в западной культуре доминировало понимание места, которое своими корнями уходит в греческую классику, где самые значимые откровения о физическом устройстве мироздания, космоса были тесно сращены с греческой метафизикой, в свою очередь predeterminedной тем особым видом вживания человека в мир сущего, который выстраивает гражданин греческого полиса. Для уразумения специфики процесса субъективации, который разворачивается в мире античности, нужно вспомнить, что в греческой демократии впервые реализуется *имманентный* характер власти, что означает, что власть не приходит извне, не является внешним оформлением и упорядочением социального пространства. В рамках такой системы властных отношений для того, чтобы осуществлять власть, властвовать над другими, человек принужден выносить власть на себе, то есть опыт управления требует самоуправления, отношения с другими порождают отношение к себе. Греческая самость рождается как результат «складывания» власти, она есть удвоение и оборачивание властных отношений. Она создается как «складка внешнего» (власти), но контуры этой складки задают её *границу*, и тем самым определяют её внутреннюю сущность. Т.е. западный тип субъективности изначально формировался как результат воления, осуществления *власти* и как *форма, граница*. Он возникает в публичном пространстве агоры как политического и смыслового центра полиса и определяет все смысловые приоритеты культуры. Самость, заданная формой и границей, сопредельна другим формам и с необходимостью включена в некий социальный порядок, подчиненный дистанции и мере, где всякая самость и любая предметность имеют свое место в общей структуре космоса.

Именно поэтому категория места становится одним из фокусов философской мысли уже на ранних стадиях ее развития. Но особенно подробную проработку этой категории мы находим в трудах Аристотеля. Место, по Аристотелю, будучи условием существования тел, само телом не является, посему естественно возникает вопрос о его природе и о возможности его бытия. Суммируя опыт предшествующей философии, Аристотель приходит к определению места как первой *неподвижной границы* объемлющего *тела*. Иными словами, место подобно сосуду: оно

вмещает и предполагает *перемещение*, но само статично, само есть граница и предел.

Таким образом, можно сделать вывод, что вплоть до новейшего времени понимание места предполагало его сращенность с границами, т.е. его определенность, его четкую локализацию в пространстве и его включенность в более широкую пространственную перспективу посредством упорядочивающей дистанции, дифференциации с другими топосами. Это в полной мере относится и к опыту самопонимания и самоопределения культуры. Культурная идентичность с необходимостью предполагала некую сращенность с собственным, зафиксированным в пространстве топосом, что являлось необходимой предпосылкой кросскультурного диалога.

Современные глобализационные процессы приводят не только к унификации различных культурных продуктов и форм, не только к серьезной трансформации культурных кодов, но и к размыванию пространственных культурных границ, к феномену детерриториализации, к утрате определенного, зафиксированного в пространстве культурного топоса. Меняется сама «онтология» места, т.к. огромные потоки мигрантов утрачивают возможность идентифицировать себя посредством соотнесенности с местом своего проживания, но тем острее нуждаются в неких точках опоры для сохранения собственной культурной идентичности.

Как эти процессы сказываются на ситуации кросскультурного диалога? Возможно ли плодотворное взаимодействие между культурами, их вхождение в пространство взаимопонимания в той ситуации, когда привычное «место в бытии» практически утрачено? Новая социокультурная ситуация предлагает нам новую топологию, когда различные культуры не рядоположены и дистанцированы в пространстве, а как бы «инкрустированы» друг в друга, когда топос утрачивает привычную нам очерченность и определенность границ и становится чем-то подвижным и аморфным. Вероятно, и само межкультурное взаимодействие становится иным. Диалог между культурами переходит на некий микроуровень, который трудно заметить, находясь в привычной нам позиции дистанцированного наблюдателя. Этот микроуровень неподвластен панорамному видению. Он растворен во множественных повседневных практиках, в «здесь-и-сейчас» людского сообщества. Эта новая ситуация диалога, по очень тонкому наблюдению французского мыслителя Мишеля де Серто, напоминает опыт обживания собственного

дома и родного города, где мы сосуществуем с множеством разнородных людей и вещей, вступая с ними в сложные, многоуровневые отношения, где дорефлексивный, телесно-эмоциональный опыт субъекта оказывается не менее важной составляющей, чем рационально выстроенные стратегии нашего поведения. Это уровень «тактик», а не «стратегий», тактик, отличающихся большей адаптивностью к постоянно меняющейся социокультурной ситуации и большей продуктивностью в понимании другого. Это набросок перспективы нового диалога, позволяющий не опустится до создания и репродуцирования своего рода «культурных гетто» и избежать множества повседневных межкультурных конфликтов. Более того, эта «новая топология» диалога способна открыть новые горизонты понимания и приращения смысла.

<p>Павлова Алевтина Тимофеевна, кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии и методологии науки, факультет философии и социальных наук, Белорусский государственный университет, г. Минск, Беларусь,</p> <p>Свиб Анастасия Ивановна, студентка 1 курса факультета международных отношений, Белорусский государственный университет, г. Минск, Беларусь.</p>	<p><i>Гендерное социокультурное пространство через призму диалога цивилизаций.</i></p>
---	--

ГЕНДЕРНОЕ СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ДИАЛОГА ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Павлова А. Т., Свиб А. И.
Белорусский государственный университет

Мир вступил в эпоху компьютерной революции. Среди этих ослепительных новаций мало заметно изменение положения женщины во всех областях общественной жизни. По-прежнему преобладает мнение, что главное предназначение женщины быть хранительницей домашнего очага. Такое положение существует во всех странах мира. Среди первых руководителей предприятий и учреждений женщины составляют лишь 6-9 %. В сфере общественной деятельности в основном руководящие посты занимают мужчины.

Некоторые астрологи пророчески предрекают, что сегодня над женщиной начинает восходить звезда, дающая силу изменить существующее положение, так как мужчины не справляются с возложенной на них ролью хозяев жизни, им нужно уступить места женщинам, и тогда будет порядок. У женщин есть все преимущества: они работают старательнее и во многом успешнее мужчин, так как им постоянно необходимо доказывать, что они не хуже сильного пола могут справляться с проблемами.

К женщинам все еще относятся с недоверием, а порой и просто с пренебрежением. Самая тяжелая и неквалифицированная работа возложена на их плечи, до сих пор условия труда не всегда соответствуют нормам и стандартам, нарушаются социальные гарантии, особенно в коммерческих структурах. Чрезвычайно пагубное влияние на здоровье женщин и детей оказывает неблагоприятная экологическая среда.

Помочь женщинам в этой ситуации могут только сами женщины, так как никто лучше них не знает и не понимает женских проблем! До середины XX века история человечества была фактически «мужской историей», то есть, ориентирована на мужские персонажи и мужские виды деятельности. Хотя ряд исторических упоминаний о деяниях великих королей, цариц имели место, но о труде, быте, особенностях мировосприятия женщин говорилось чрезвычайно мало. В настоящее время ученые-биологи установили, что даже прием лекарственных средств и их дозы у мужчин и женщин должен быть различным для оказания действенного эффекта на организм. Но до сих пор в медицине сохраняется единая фармакологическая схема, приемлемая только для мужчин.

Социологи при изучении семьи рассматривают женщин преимущественно в одном статусе – жена и мать. Но является ли этот статус подчиненным, вторичным, производным от управляющей деятельности мужчин? По нашему мнению, наоборот – возможность продлевать род, производя на свет потомство – основа основ жизни, а, следовательно, именно женщина должна доминировать в социальной сфере с ее стилем «мягкого», то есть мудрого, безопасного, менее конфликтного лидерства.

Таким образом, мы пришли к выводу о том, что улучшение положения женщины в современном мире – это ее забота, причем, блок гендерных проблем, можно решить лишь общими, коллективными усилиями всех женщин.

Что вообще означает термин гендерное равенство, гендер? В переводе с английского «гендер» означает пол, но пользуются этим термином во всем мире для обозначения социального пола, учитывающего гендерные роли, то есть приобретенные модели поведения данного общества, сообщества или группы.

Гендерное равенство или равенство между мужчинами и женщинами в социальном контексте включает концепцию свободы развития личных возможностей мужчин и женщин, а также свободы выбора без ограничений, обусловленных традиционно устоявшимися гендерными ролями, стереотипами и предрассудками.

Гендерное равенство означает, что различные модели поведения, интересы и потребности женщин и мужчин рассматриваются, оцениваются и учитываются на равноправной основе.

Это не значит, что женщины и мужчины должны стать одинаковыми; это значит, что их права, обязанности и возможности не будут зависеть от того, кем они являются – мужчинами или женщинами.

На современном этапе развития общества, которое принято характеризовать как этап становления «информационного общества», поднимается проблема определения роли гендера. Данная проблема заключается в том, что формирование совершенно нового общественного порядка на мировом уровне ставит задачу поиска новых ценностных ориентиров. В концептуальном плане «гендер» должен стать неким индикатором того, что нельзя допускать, в каком направлении дальше нельзя идти, должен стать основой культурных, этических барьеров вновь создаваемого общества. Гендерное измерение как раз и представляет основу для выбора пути развития в сторону общества равных возможностей для всех. Именно гендеризация процессов построения информационного общества позволит достичь, в конечном счете, уровня высокой синергичности. Любое высокосинергичное общество не оставит никакого человека в униженном состоянии, дав ему шанс подняться. Данное определение вполне подходит и для описания гендерного общества, в котором именно гендерное равноправие являет наилучший пример взаимодействия и самоорганизации. Вместе с тем, необходимо заметить, что информационное общество имеет выраженный гендерный вектор своего развития.

В настоящее время, с нарастанием процессов массовой информатизации, становится очевидным необходимость комплексности в изучении гендерной проблематики информационного общества. Поэтому для нас является очевидным то, что рассматривать идущие ныне в мире процессы становления информационного общества вне учета доминирования всех социокультурных факторов есть непродуктивный процесс. Не стоит забывать и о самом важном факторе процесса глобальной информатизации, которым стал феномен «цифрового разрыва» между различными группами общества. Данный разрыв, проявляющийся в растущем гендерном дисбалансе в проблеме «включенности» женщин в использование информационно-коммуникационных технологий, становится ключевым аспектом нового этапа развития общества. Кроме того, анализ существующей ситуации позволяет утверждать о формировании четко выраженной гендерной направленности в развитии информационного общества, что проявляется в доминировании мужчин в пользовании информационно-коммуникационными технологиями.

Мы бы хотели обратить внимание на так называемый гендерный разрыв в доступности информационно-коммуникационных технологий в разных регионах мира и привести ряд примеров. Так, исследование показало, что в развивающихся странах женщины сталкиваются со значительными препятствиями в получении доступа к информационно-коммуникационным технологиям. К примеру, в Латинской Америке и странах Карибского бассейна в среднем около 38% от общего числа пользователей Интернета составляют женщины. В арабском регионе по исследованиям начала 2000-х гг. 98% пользователей Интернета были мужчины.

Информационное общество должно основываться на принципах гендерной справедливости и уважения человеческого достоинства, должно стремиться к искоренению гендерного неравенства. Из всего этого следует то, что при учете общественной значимости вышеописанных тенденций и их социально-культурного характера, можно вести речь об определении ими самого хода формирования нового этапа общественного развития в течение всего XXI столетия.

<p>Почкаева Ольга Анатольевна, преподаватель кафедры графического дизайна БГАИ, аспирантка 2 курса, Белорусская государственная академия искусств, г. Минск, Беларусь.</p>	<p><i>Товарный знак в кросскультурной коммуникации.</i></p>
---	---

ТОВАРНЫЙ ЗНАК В КРОССКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Почкаева О. А.

Белорусская государственная академия искусств

Товарный знак служит экономическим целям производителей товаров и услуг и является неотъемлемой частью визуальной культуры любой страны в современном мире, поскольку печатные издания, телевидение, интернет присутствуют практически в каждом уголке мира. Товарный знак выступает в роли коммуникационного элемента экономических и социальных отношений в современном обществе. Это неотъемлемый атрибут современной цивилизации и общества потребления. «Образы, как и слова, обладают суггесторным значением и порождают цепную реакцию воображения. <...> Двадцатый век показал немислимые ранее возможности знаковых систем как средства власти. Особое место заняли зрительные образы. <...> Самые эффективные средства информации всегда основаны на контрапункте, гармоничном многоголосии смысла и эстетики. Они одновременно захватывают мысль и художественное чувство» [1, с. 99].

Семантика убеждает, а эстетика обольщает независимо от места проживания потенциального потребителя.

Какую бы форму товарные знаки ни принимали, главная функция их в том, чтобы позволить отличить конкретное изделие или услугу одного предприятия от продукции конкурентов [2, с. 51]. В условиях огромного количества товаров, практически одинаковых по характеристикам, нам все равно нужны различия для принятия решения о покупке. Единственной сферой, где возможно создание различий, становится символический мир. Брендинг можно рассматривать в качестве уникального коммуникативного элемента, позволяющего привязать продукт к тому или иному объекту символического мира. Проблема современного рынка, насыщенного товарами и услугами, заключается в возможности потребителя запоминать и узнавать товарные знаки. Процесс функционирования знака предполагает выявление стоящего за ним предмета и его смысла – то есть,

создание знаковой ситуации. Но не менее важно, что останется в памяти потребителя и сможет ли он узнать, выбрать знак из множества других. «Людам нужна ясность, вследствие чего необходимо иметь выдающееся, отличающееся от других, дифференцированное и запоминающееся послание» [3, с. 100].

Естественным решением стал эмоциональный брендинг.

Количество визуальной информации постоянно увеличивается. Жерар Карон констатирует, что чувственное восприятие мира западного человека перенасыщено. Исследования показали, что «средний европеец ежедневно подвергается воздействию 150 торговых марок, слышит 800 различных слов, видит 2 тыс. образов и 20 тыс. частей образов». В таких условиях для того, чтобы произошло запоминание, необходимо эмоциональное воздействие. «В перенасыщенной медиаобстановке мы можем наблюдать множество примеров, доказывающих, что аффективная составляющая дизайна необходима для выживания торговой марки» [4, с. 95]. Символика формы стимулирует наше поведение, не вызывая к разуму. Это становится актуальным в глобальном мире с его визуальной масскультурой, с «фольклорным», по выражению Ю. Лотмана, типом коммуникации, где знаковые изображения, в отличие от вербального языка, являются языком более емким, понятным и доступным.

Товарный знак – носитель образа и полезной, ценностно ориентированной информации, а также художественно-значимой символики. Художественный образ делает из знакового изображения символ, придавая товарному знаку социально-культурное, коммуникативное значение.

Марк Гобе, один из руководителей бренд-консалтингового агентства, имеющего офисы в Америке, Европе, Азии, отмечает важность эмоционального брендинга. «Мы всегда стремимся построить чувство самоидентификации, принадлежности. Это очень мощный элемент нашей жизни. <...> В мире, который все больше превращается в источник дохода, бренды должны быть культурно направленными и апеллировать к культурным потребностям потребителя» [3, с. 100]. Реклама – одна из отличительных черт современной цивилизации – имеет регулятивную функцию. Потребители видят в рекламе отражение своих желаний, предпочтений, то есть узнают в ней собственное лицо.

Совершенно не случайным выглядит то, что в товарных знаках товаров, ориентированных на внутренний рынок, повседневное потребление, часто встречаются национальные, этнические мотивы. Еще

более глубокие по смыслу архетипические формы можно встретить в знаках, адресованных более широкому кругу потребителей, поскольку в контексте разных культурных традиций знак должен восприниматься позитивно. В идеале, дизайнер должен учитывать наличие той или иной визуальной культуры.

«Товарный знак как символический образ не дает прямого прочтения и требует работы по «расшифровыванию», т.к. он часто является настоящим конденсатом смысла и должен оптимально сочетать сведенное к минимуму пространство знака с необходимой для его правильного понимания ясностью восприятия» [2, с. 50].

У потребителя могут также быть свои сложившиеся представления о происхождении товаров и их качестве: например, немецкое качество, японские технологии, о чем и напоминает товарный знак. Известен случай с фирмой LG, которая отказалась от названия «Золотая звезда», как ассоциирующемся с технологической отсталостью.

После распада Советского Союза потребители считали качественным все, что сделано на Западе. Еще и сейчас отмечается стремление использовать латиницу в логотипах, та же тенденция замечена в Китае. Хуан Ли отмечает, что «традиционные элементы китайского графического дизайна не могут полностью удовлетворить психологические потребности современного человека. Можно отметить очень интересный феномен: добавление названия латиницей на упаковке способствует росту продаж, даже если продукт произведен и распространяется только на местном рынке. Это подтверждает факт огромного влияния западной культуры на китайский графический дизайн» [5, с. 45].

В переполненном визуальной информацией современном мире одним из привлекающих потребителя моментов может быть элемент экзотики, необычности товарного знака. Постмодернистское ощущение «спонтанности» изображения несет в себе и определенный эмоциональный настрой, воспринимается как нечто современное и смелое. Все чаще заявляют о себе дизайнеры Азии, экзотические мотивы проникают в знаки других стран.

«Глядя на логотипы и фирменные стили, созданные японскими дизайнерами, создается впечатление, что им особенно импонирует дизайн на основе квадрата. Очевидно, что многие из этих дизайнеров не испытывают на себе прямого влияния традиционной каллиграфической квадратной каллиграфии, но, на мой взгляд, ознакомление с принципами

коренных каллиграфических традиций расширяет горизонты дизайнера и обеспечивает его свежими идеями» [6, с. 82]. Маммун Саккал приводит примеры знаков американских дизайнеров, в которых удивительным образом куфическая квадратура прекрасно сочетается с латинскими шрифтами, построенными на основе квадратной модульной сетки.

Товарный знак является «агентом» другой культуры на национальном рынке и в то же время отражает своим визуальным обликом меняющийся мир. Глобализация заставляет дизайнеров искать все более действенные средства визуальной коммуникации с потребителем, что непременно отразится на выразительности товарных знаков.

Литература

1. Кара-Мурза, С. Г. Манипуляция сознанием / С. Г. Кара-Мурза. – М., 2005.
2. Двоеглазов, А. В. Функциональные особенности современного товарного знака / А. В. Двоеглазов // Время дизайна. Материалы науч. конф. – СПб., 2005. – С. 50-52.
3. Пуртов, А. Desgrappes Gobe: эмоциональный брендинг / А. Пуртов, Е. Филимонова // IDENTITY. – 2006. – № 8. – С. 98-106.
4. Карон, Ж. Почему дизайн необходим сегодня брендам больше, чем вчера? / Ж. Карон // IDENTITY. – 2006. – № 9. – С. 94-96.
5. Ли, Х. Графический дизайн в Китае: новые возможности и проблемы / Х. Ли // IDENTITY. – 2006. – № 9. – С. 44-45.
6. Саккал, М. Квадратная куфическая каллиграфия в дизайне фирменного стиля / М. Саккал // IDENTITY. – 2006. – № 8. – С. 78-82.

<p>Приходько Фёдор Степанович, кандидат философских наук, доцент, зав. кафедрой философии и политологии, Белорусская государственная сельскохозяйственная академия, г. Горки, Беларусь.</p>	<p><i>Космополитизм как ответ на вызовы глобализации.</i></p>
--	---

КОСМОПОЛИТИЗМ КАК ОТВЕТ НА ВЫЗОВЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Приходько Ф. С.

Белорусская государственная сельскохозяйственная академия

Глобализация создает предпосылки для постепенного сближения народов, выравнивания уровня их социально-экономического, политического и культурного развития. Устраняя непроницаемость государственных и информационных границ, предоставляет новые возможности для человеческого общения, взаимообогащения различных культур, для распространения знаний и технологий.

Но какие бы новые соблазнительные возможности ни предоставляла глобализация человечеству, она одновременно является для него одним из серьезнейших вызовов. Цивилизационное развитие таково: нельзя получить что-либо существенно новое, не заплатив за это весьма высокую цену. В начале третьего тысячелетия с уходом в прошлое «холодной войны» важнейшим глобальным вызовом мировому порядку стали межкультурные и религиозные конфликты, распространение гражданских войн, этнических чисток и геноцида.

Один из вызовов создает кризис идеи и практики мультикультурализма. Еще в 1960-годах ряд исследователей и политиков выдвинул идею национально-государственной интеграции различных этноконфессиональных групп, получившую название мультикультурализма. При всех различиях в подходах к проблеме, теоретики мультикультурализма считали, что необходимо политическое и юридическое конституирование в рамках нации-государства обособленных этноконфессиональных и этнокультурных групп.

Однако сегодня во всем мире наблюдается обратная тенденция. Глобализация вбросила в развитые национальные государства потоки новых мигрантов. В большинстве своем это люди, не желающие или неспособные ассимилироваться и полноценно интегрироваться в автохтонную национально-государственную общность. С одной стороны,

растут замыкающиеся в себе, в том числе в территориальных анклавах и фактических гетто, иммигрантские общины, отчетливо противопоставляющие свои ценности ценностям общенациональным. А с другой стороны – озлобляются также замыкающиеся в себе и все более конфликтующие с иммигрантами автохтонные группы. И на этом фоне растут этноцентризм, ксенофобия, конфликтность. Не случайно в конце прошлого и начале нынешнего года политические лидеры ведущих стран Европы – Ангела Меркель, Дэвид Кэмерон, Николя Саркози – публично заявили о том, что проект «мультикультурализм» провалился.

В условиях глобальных кризисов и угроз, порожденных развивающейся цивилизацией, исследователи, политики, пытаются найти точку опоры для новых юридических норм и политических институтов, начинают обращаться к идеям космополитизма. Как мировоззрение он возник в эпоху античности. Космополитизм философской школы киренаиков выражался формулой «*Ubi bene, ibi patrio*» («Где хорошо, там и отечество»). Космополитические идеи развивают стоики, чья философия начала формироваться в период создания империи Александра Македонского и расцвела в эпоху Римской империи. Христианство возникло как универсальная религия, и ее космополитический характер проявился в проповедях Иисуса и первых священных текстах, начиная с Посланий апостолов. В эпоху Средневековья носителем космополитических идей была католическая церковь, претендовавшая на роль объединителя всего христианского мира. В дальнейшем космополитические воззрения постепенно утрачивали религиозную составляющую и обретали сначала политический (как рассуждения о «Всемирной монархии» у Данте), а позже и гуманистический (в трудах Эразма, Г. Гроция и С. Пуфендорфа) контекст. К началу XVIII века понятие «космополитизм» стало уже широко распространенным. Космополитами считали себя Ш. Монтескье и Ж.-Ж. Руссо, Вольтер и Д. Дидро, Д. Юм и Т. Джефферсон. Французская революция стала мощным толчком к распространению космополитических идей.

Трудно найти философскую концепцию, сущность которой была бы извращена в XX веке так, как сущность космополитизма. Немецкий исследователь У. Бек так характеризует эту метаморфозу: «Тот факт, что этот термин оказался забытым, претерпел немало видоизменений и унижений, превратившись в бранное слово, следует отнести на счет его невольной ассоциации с Холокостом и сталинским ГУЛАГом. В коллективной системе символов эпохи нацизма «космополитизм» был

синонимом смертного приговора. Все жертвы запланированного массового истребления изображались «космополитами». Неудивительно, что и само слово пало жертвой схожей судьбы... Вследствие этого по сей день во многих странах «космополитов» ставят в один ряд с проходимцами, врагами и паразитами, которых можно или даже нужно демонизировать, изгонять и уничтожать» [1, с. 3-4]. После Второй мировой войны советское государство периодически разворачивало кампании борьбы с «безродным космополитизмом».

В настоящее время в ситуации глобальных вызовов, кризисов и угроз, порожденных развивающейся глобализацией, этническим и государственным эгоизмом принятие космополитических идей становится настоящей необходимостью. Космополитизм как идею и практику необходимо реабилитировать в общественном сознании всех стран. Социально-гуманитарные дисциплины в решение этого вопроса могут внести важный вклад.

Космополитизация и глобализация – процессы близкие и взаимообусловленные. К числу качественных показателей космополитизации немецкий исследователь У. Бек относит: распространенность знания иностранных языков и института двойного гражданства; активность импорта и экспорта культурных продуктов и интенсивность трансграничных коммуникаций; мобильность граждан и представительство тех или иных этнических меньшинств в органах власти; интенсивность миграционных процессов; активность транснациональных организаций и инициатив; транснациональные формы жизни, число и характер транснациональных браков и др. [с.139-140].

Литература

1. Бек, У. Что такое глобализация? Ошибки глобализма – ответы на глобализацию / У. Бек. – М., 2001.

<p>Свирид Анастасия Сергеевна, кандидат философских наук, доцент кафедры философии и методологии науки, факультет философии и социальных наук, Белорусский государственный университет, г. Минск, Беларусь.</p>	<p><i>Этическая призма кросскультурной коммуникации.</i></p>
--	--

ЭТИЧЕСКАЯ ПРИЗМА КРОССКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Свирид А. С.

Белорусский государственный университет

Современные глобальные интеграционные процессы показали, что человеческое сообщество подошло в своем техногенно-ориентированном развитии к пределу, преодолеть который возможно лишь путем перехода на качественно иной уровень взаимодействия между миром человека и миром природы. Установка на активное преобразование и подчинение природы утратила свою актуальность под натиском кризисных явлений в отношениях между человеком и биосферой. Сложившиеся представления о природе, оформленные под влиянием идей прогрессизма, сциентизма, рационализма и прагматизма, все больше подвергаются критике по причине заложенной в них идеи противостояния человека и природы. Решение современных экологических проблем требует разработки и обоснования новой программы взаимодействия человека и природы.

Сегодня экологическая проблематика вовлекает в рамки исследовательских проектов ученых различных областей знания, как гуманитарного, так и естественнонаучного направления. Формулируется положение о необходимости критического анализа основных положений техногенной цивилизации выраженных, главным образом, в идеях эконоцентризма и приоритете научной рациональности. На современном этапе особую актуальность в сфере философского и научного знания приобрели концепции коэволюции и устойчивого развития, как приоритетные векторы дальнейшей социодинамики. Акцентируя внимание на изменяющихся условиях окружающей среды, данные подходы отражают необходимость создания единого мирового сообщества, способного сформировать альтернативную систему ценностей, которая легла бы в основу стратегии по эффективному разрешению глобальных проблем. Высшей целью процесса преобразования современной техногенной цивилизации становится создание целостного стабильного

человеческого сообщества, задачей которого станет сохранение человека и природы.

Формирование условий для диалога между обществом и биосферой является лишь одним из необходимых условий в борьбе за совместное сбалансированное существование. Важным остается и наличие причинно-следственной связи между духовно-нравственной сферой в обществе и экологическими изменениями. «Человечество спало – и все еще спит, – убаюканное маленькими радостями своих ограниченных, замкнутых привязанностей. Огромная духовная сила, дремлющая в недрах нашего множества, проявится лишь тогда, когда мы сумеем сломать перегородки нашего эгоизма и, полностью переменив свои установки, подняться до понимания универсальных принципов как чего-то обычного и целесообразного» [1, с. 137]. Наличие аксиологического компонента в рамках программы перехода человечества на более высокий уровень развития является обязательным условием, поскольку способно разрешить вопрос о ценностных ориентациях современной цивилизации в пользу построения парадигмы человеческого бытия, основанной на выработке нового типа экологического сознания.

При переходе на следующий исторический этап своего развития человечество формулирует ряд задач, связанных с попытками систематизации и осмысления полученных знаний. Этот процесс, как правило, сопровождается переоценкой ценностей и параллельными поисками новых стандартов и принципов дальнейшего существования. Моральная форма общественного экологического сознания должна расставить приоритеты в отношении человека к природе, минимизировать число прагматических интересов. Проблема создания универсальных нравственных норм для всего человечества активизирует идею о мировом сообществе как о едином целом, при этом актуализируется вопрос кросскультурного диалога, выступающего исходным фактором при формировании духовного единства. Диалогичность предполагает умелое сопоставление национальных ценностей, что приводит к выявлению закономерностей, свойственных определенной культуре, и к обнаружению набора единых ценностных стандартов, характерных для взаимодействующих культур.

Важно отметить, что «при диалогической встрече двух культур они не сливаются и не смешиваются, каждая сохраняет свое единство и открытую целостность, но они взаимно обогащаются» [2, с. 360]. Решение проблем современной экологической ситуации в мире обнаруживает

глубокую внутреннюю потребность в корректном коммуникативном общении, построенном с учетом выявления уникальных особенностей в отношении человека к природе в каждой отдельной культуре. Кросскультурный диалог можно рассматривать как универсальный принцип по созданию мировой экологической культуры, способной донести до каждого участника диалога ценности современной цивилизации. Однако не стоит забывать, что наличие собственных систем ценностей является иногда непреодолимым барьером в диалоге. В связи с чем, первостепенной задачей все-таки является выработка матрицы общечеловеческих ценностей, основанной на приоритете феномена жизни в любых его проявлениях. Формирование ценностных основ экологической культуры и, соответственно, оформление и становление экологического сознания предполагает глубинный философский анализ, способный повлиять на выбор ориентиров социодинамики, поскольку только в рамках философского знания возможно целостное осмысление мира, устоявшихся систем ценностей и критика культурных трансформаций.

В изменившихся современных условиях философский аспект приобретает особое звучание: трансформирующаяся социальная реальность выдвигает новый стандарт – эффективная практическая применимость для любой формы знания, претендующей на статус объективного и истинного. Доказывая свою значимость в условиях современного мира, философия предстала в конце XX века как динамично развивающаяся область знания, способная и готовая к изменениям, адекватно отвечающая запросам и потребностям современности.

Одно из авторитетных направлений философско-этического исследования представлено в рамках аналитической этики. Традиция аналитической этики представляет собой достаточно широкое течение, объединяющее многочисленные, чаще альтернативные, этические теории на основе их принадлежности к аналитическому стилю мышления. “Лингвоэтическая” революция, начавшаяся с исследования языка морали традиционной этики, привела к конструктивному решению: прозрачность этических высказываний выражает прямую связь моральных норм с реальностью, смысл мораль обретает только через прикосновение к человеческой действительности, поэтому этика должна отбросить теоретико-идеализированные построения и обратиться к исследованию сферы наличного жизненного мира в его взаимодействии с требованиями морали. В результате на современном этапе развития аналитической

философии, этическое знание обретает новый образ и ориентируется на разработку проблем, непосредственно касающихся реальной жизни человека.

Моральные дилеммы, возникающие в различных сферах человеческой действительности, выражают потребность современного общества в идентификации нравственно правильного пути развития. Моральное обоснование, а иногда и оправдание, видится единственно возможным критерием правомерности для большинства современных практик: политики, генной инженерии, ядерной физики и других. Проблемы, разрабатываемые в области прикладной области аналитической этики, характеризуются принципом универсальности, поскольку решения, полученные в ходе их анализа, могут быть применимы к широкому спектру областей человеческой жизни. А для корректной оценки и получения практически-ценных результатов в ходе их решения используется стратегия междисциплинарных исследований, ориентированных на всесторонний анализ проблемы.

Статус современного аналитико-этического знания конкретизируется высокой степенью востребованности морального обоснования научно-практической деятельности и общественных практик. Возможность в полной мере успешной реализации теоретико-аксиологического и методологического потенциала современной аналитической этики определяется сформированными задачами, отвечающими наиболее актуальным потребностям общества.

Аналитическая этика выполняет функции “критической экспертизы” относительно основ и ориентиров нравственной жизни современного человека и общества. Заменяет при этом нормативно-идеализированные теоретические конструкции классической этики конкретными моделями поведения и набором практически пригодных в современном мире нравственных императивов. В связи с чем, исследования, проводящиеся в рамках современной аналитической этики, могут рассматриваться как основные векторы развития целостной системы ценностей, адекватно отражающей реальные потребности современной цивилизации.

Литература

1. Тейяр де Шарден, П. Божественная среда / П. Тейяр де Шарден // Глобальные проблемы и общечеловеческие ценности. – М., 1990. – С. 106-145.

2. Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. – М., 1986.
3. Contemporary Debates in Applied Ethics / edited by: A.I. Cohen, C. H. Wellman. – Malden, 2005.

<p>Семьянов Сергей Сергеевич, преподаватель кафедры философии и методологии науки, факультет философии и социальных наук, Белорусский государственный университет, г. Минск, Беларусь.</p>	<p><i>Глобализация и новый регионализм.</i></p>
---	---

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И НОВЫЙ РЕГИОНАЛИЗМ

Семьянов С. С.

Белорусский государственный университет

Современная цивилизационная динамика характеризуется наличием глобальных международных процессов, происходящих в экономике, политике, культуре. В связи с этим феномен глобализации стал одним из основных предметов изучения экономики, политологии, социологии, культурологии и философии.

Специфика современных международных отношений ярко демонстрирует, что глобализация не подчиняется только логике экономической эффективности. Значительную часть в динамике глобализационных процессов определяют социокультурные факторы.

Глобализация затронула все сферы деятельности современного человека. В экономике она проявляется в устранении таможенных и иных границ для обеспечения более эффективных экономических, торговых и финансовых связей в масштабах всего земного шара. В политико-правовой области глобализация проявляется посредством формирования наднациональных международных организаций (таких, как ООН), а также в появлении систем международного права, в функционировании международных судов. На уровне культуры глобализация усматривается в распространении массовой культуры, унификации современных систем образования, научной деятельности, в формировании единого информационного пространства.

Основу глобализации составляют интеграционные процессы, проходящие на различных уровнях международных отношений, поэтому глобализацию следует воспринимать в качестве многоаспектного социокультурного процесса интеграции. Однако наряду с этим, происходит и процесс культурной дифференциации, который увеличивает значимость региональных образований. Оба этих процесса неотделимы друг от друга, они взаимно дополняемы. В этом аспекте глобализация создает основу для возникновения регионализации.

Процесс глобализации приводит к трансформации институтов государственной власти. Эта трансформация проявляется в передаче части государственных функций на мировой, международный уровень. Иными словами, часть полномочий национальных государств передаются разнообразным международным организациям и транснациональным корпорациям. Одновременно с этим наблюдается процесс расширения самостоятельности отдельных территориальных групп, регионов. Таким образом, мы можем наблюдать процесс регионализации международных отношений.

В рамках современных исследований не дается окончательного ответа по поводу взаимодействия и взаимовлияния процессов глобализации и регионализации. Это обусловлено тем, что оба этих процесса протекают в различных измерениях (экономическом, политическом, социокультурном). Так, создание единых экономических пространств созвучно как процессу регионализации, так и глобализации.

Регионализация и глобализация – разнонаправленные параллельные процессы развития современных международных отношений [1, с. 62]. Поэтому неверно предполагать доминирование какого-либо одного из них. Оба этих тренда существуют в современной геополитике и должны быть учтены при определении взвешенной внутренней и внешней политики государств.

Феномены глобализации и регионализации можно интерпретировать в качестве диалектически взаимодействующих разнонаправленных процессов. Эта диалектика проявляется в стремлении глобализации объединить мировую экономику, политику, культуру. В то же время регионализация фрагментирует все эти сферы человеческой деятельности [2, с. 98]. Например, региональные экономические объединения активно используют механизм свободной внутренней торговли. В то же время, в отношении товаров и услуг из третьих стран существует ряд заградительных мер. Схожая ситуация проявляется также в политической и социокультурной сферах.

Диалектическое взаимодействие регионализации и глобализации проявляется и в динамике развития регионов. Как только определенное экономическое или политическое региональное объединение демонстрирует свою эффективность, происходит постепенное увеличение численного состава участников организации. Это укрупнение, в свою очередь, усиливает влияние региональной группы на планетарном уровне, что способствует развитию и углублению глобализационных процессов.

Таким образом, глобализация и регионализация являются неотделимыми друг от друга процессами. Глобализация реализует свой потенциал с помощью процесса регионализации посредством децентрализации мирового пространства, с последующим повышением жизнеспособности составляющих это пространство территориальных, экономических, политических, социокультурных образований.

Бурное возникновение и активное укрепление региональных объединений, которое происходит сегодня, при первом приближении может восприниматься в качестве тенденции, противоречащей процессу глобализации. Тем не менее, глобализация и регионализация являются понятиями взаимосвязанными и взаимообусловленными. Одновременное существование тенденций регионализации и глобализации, и их взаимозависимость приводят к постепенному ослаблению роли национальных государств.

Следует отметить, что еще до проявления глобализации международных отношений на планетарном уровне, этот процесс активно проходил на уровне региональном. Исходя из экономических, военных и политических соображений близкорасположенные страны объединялись в отдельные группы. Иными словами, проходил процесс регионализации.

Новый импульс регионализация получила после окончания «холодной войны». В этот период наблюдается глубокая интеграция мировой экономики, которая привела к усилению роли наднациональных объединений. Глобализация и регионализация становятся неотделимыми друг от друга процессами. К тому же, помимо экономической, появляется и политическая мотивация данных процессов.

Условно можно выделить старый и новый регионализм. Старый регионализм был естественным процессом, подчиненным объективным факторам. Новый регионализм предполагает наличие свободного выбора. Региональные объединения старого типа старались изолироваться от других государств и регионов, в задачи нового входит активное взаимодействие с международными акторами.

Современный регионализм – это регионализм открытого типа, подразумевающий активное взаимодействие отдельных стран и регионов, которые находятся в условиях экономической взаимозависимости. Регионализация на современном этапе решает не только вопросы сотрудничества в сфере экономики и безопасности, но и в таких сферах, как экология, культура, наука, социально-политическая сфера [3, с. 8]. В

роли акторов выступают не только государства, но и негосударственные организации и субнациональные элементы.

Литература

1. Быков, А. Глобализация и регионализация: российские интересы и перспективы евразийской интеграции / А. Быков // Российский экономический журнал. – 2001. – №7. – С. 59-74.

2. Грибова, С. Н. Глобализация и регионализация – детерминанты мирового экономического развития / С. Н. Грибова // Экономический журнал. – М., 2005. – № 9. – С. 93-108

3. Hettne, B. Globalization and the New Regionalism / B. Hettne // Vol. № 1. – London, 1999. – P. 8.

Сокольчик Валерия Николаевна,
кандидат философских наук, доцент, доцент
кафедры философии и политологии, Белорусский
государственный медицинский университет,
г. Минск, Беларусь.

*Национально-культурная
идентичность как основа
межкультурного диалога в
условиях глобализации.*

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК ОСНОВА МЕЖКУЛЬТУРНОГО ДИАЛОГА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Сокольчик В. Н.

Белорусский государственный медицинский университет

Актуализация проблем национально-культурной идентичности в современном мире выступает как ответ на процессы глобализации, как проявление неоднородности цивилизаций. Чем сильнее «вызовы» глобализации, тем с большей настойчивостью народы стремятся сохранить свою культуру, язык, религию и традиции. В подобной ситуации нужна новая стратегия, способная интегрировать в процесс глобализации общечеловеческое и этническое, обеспечить право народов на культурную и цивилизационную самобытность.

Современные споры о путях развития белорусской культуры, о противоречиях культурной самоидентификации и культурной интеграции сегодня постоянно «сотрясают» белорусское общество. Обсуждение дилеммы сохранения культурной уникальности белорусов либо развития культурной интеграции, диктуемой глобализирующимся миром, буквально разрывает белорусское общество. Однако, как это ни парадоксально, обе позиции отнюдь не противоречат, а даже дополняют друг друга. Суть вопроса состоит в том, что без адекватной культурной самоидентификации нет признания национальной культуры, национальной идеи и, соответственно, национальной уникальности и самобытности. А истинная культурная интеграция по определению есть сближение и пересечение самобытных целостных культурных организмов, каждый из которых может привнести нечто свое – уникальное и своеобразное.

Современная белорусская культура, стремясь к единству, общности ценностных установок и реализации этих процессов в общественной жизни настоятельно требует выработки новой парадигмы развития белорусских приоритетов и ценностей, непосредственно базирующихся на основах ментальности, сформировавшихся в ходе всего историко-культурного развития белорусской нации. Кристаллизация белорусского

«Я», сохранение самобытности, оригинальности и неповторимости культурно-цивилизационного феномена Беларуси неразрывно связано с процессами выстраивания отношений с другими культурами на основе диалога, поликультурности и интеграции.

Дискуссионность вопроса о проблемах национально-культурной самоидентификации в последние десятилетия связана с теми глобальными изменениями, которые происходят в мире. В их числе – модернизация общества, изменение геополитического пространства, нарушение привычных культурных связей, расширение влияния средств массовой коммуникации и порождаемая ими проблема границ культурного пространства и т.д.

М. Кастельс, исследующий современное «сетевое» общество, в своих работах неоднократно поднимает вопрос о значимости идентичности (этнической, национальной, культурной) для современного человека. По его мнению, в мире, пронизанном глобальными потоками богатств, власти и образов, поиск идентичности, коллективной или индивидуальной, приписанной или сконструированной, становится фундаментальным источником социальных значений. В мире глобализирующемся, где угасают крупные общественные движения, деструктурируются организации и общественные отношения, делегитимизируются институты, только идентичность остается «островком безопасности», главным, а иногда и единственным источником смыслов [1].

Еще в начале XX века М. Хайдеггер писал о том, что «бездомность» становится судьбой современного человека, что и порождает в конечном итоге целый спектр психологических и социальных проблем, реализующихся в чувстве «заброшенности», «потерянности» и даже «никчемности» современного человека [2]. Первым шагом решения этих проблем, с точки зрения автора, становится формирование и развитие чувства национально-культурной идентичности, которое воистину способно спасти современного человека, придав ему ощущение укорененности в мире и отчасти чувство собственного дома. Вторым шагом (неизбежным в развивающемся мире), совершенным на основе устойчивой национально-культурной самоидентификации и осознания собственной культурной уникальности, становится участие в межкультурном диалоге, сопричастность процессам культурной интеграции, объединения и глобализации.

Культурная самоидентификация определяется через принадлежность к 3-м главным составляющим социокультурного процесса:

- принадлежность к единому семиотическому полю культуры;
- принадлежность, сопричастность и сопрягаемость с общим историческим путем развития культуры;
- и, наконец, принадлежность (принятие и осознание) к ценностно-традиционному строю культуры, ее ценностной семантике, выраженной в историческом наследии и специфике ментальности.

Сложности культурной самоидентификации белорусов связаны со многими факторами: прежде всего национальным языком и его малоупотребимостью в философии, науке, обыденном дискурсе, недостаточное владение ценностной семантикой культуры, вечная проблема «раздвоения» между востоком и западом. Отечественный философ и историк Игнат Абдиралович считал колебание между Западом и Востоком и неотнесённость ни к одному, ни к другому основной чертой истории белорусского народа. В начале 20-х годов прошлого века в своём философском эссе он писал, что «несмотря на невыразительную культуру белорусов, смутные исторические пути, у нашего (белорусского) народа нет духовной бедности, он способен идти своим особенным путём для создания собственных форм жизни. Если народ не создал выразительной культуры, так это потому, что в историческом наследии его была великая трагедия народного духа: Беларусь от X века фактически является полем борьбы двух культур – западной и восточной...» [3, С.8].

Исключительно актуальным в свете проблемы национально-культурной самоидентификации белорусов становится сегодня выявление национально-культурных контекстов в интерконтекстуальном анализе современной белорусской культуры. Проблема контекстуальной структуры национальной культуры связана с тем, что огромные массивы современной информации социокультурного дискурса представляют в большей степени феномены наднационального образования, вымывающие (особенно в «структурах повседневности») национальное самосознание народа. В сущности своей эти наднациональные образования представляют по большей степени языки и структуры межкультурной коммуникации. Отсутствие адекватного понимания сущности и влияния интерконтекстуальных структур на национальную культуру усложняет проблему воспроизводства этнически самобытных семиотических структур.

В целом, решение обществом и отдельными его представителями важнейшего вопроса культурной самоидентификации это только начало великого пути культурной интеграции, подлинного диалога и общения

культур, построенного на основе национальной уникальности вкупе с признанием самобытности других культур и их внутреннего единства.

Наше место и роль в семье народов всего человечества в XXI веке зависят от нас самих, от нашей работы, нашей способности использовать достижения той цивилизации, к которой мы принадлежим по историческим и культурным корням, включая достижения своей национальной культуры. Лишь в итоге напряжённого социально-культурного творчества можно адекватно выстраивать межнациональные и межкультурные отношения в глобализирующемся мире.

Замечательный русский философ Е. Н. Трубецкой писал о том, что у каждого народа есть своя миссия в мире, но не как единственного, «избранного», а как одного из народов, который совместно с другими призван делать великое дело, восполняя свои ценные особенности не менее ценными качествами всех других народов-братьев. Народ должен иметь представление о своем призвании и достойно, без излишней «экзальтации» исполнять его. Это и создает внутренний духовный (и самый прочный) стержень, объединяет отдельных людей в общность, в единый организм, признающий самоценность себя как необходимого компонента многообразного мира [4].

Литература

1. Кастельс, М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / М. Кастельс. – М., 2000.
2. Хайдеггер, М. Бытие и время / М. Хайдеггер. – М., 1997.
3. Абдіраловіч, І. Адвечным шляхам: дасьледіны беларускага свьетагляду/ І. Абдіраловіч. – Мінск, 1993.
4. Трубецкой, Е. Н. Смысл жизни / Е. Н. Трубецкой. – М., 1994.

Шаврова Ольга Геннадьевна,
кандидат философских наук, доцент, доцент
кафедры философии и методологии науки,
факультет философии и социальных наук,
Белорусский государственный университет,
г. Минск, Беларусь.

*Экуменическое движение и
межконфессиональный диалог
в глобализирующемся мире.*

ЭКУМЕНИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ И МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНЫЙ ДИАЛОГ В ГЛОБАЛИЗИРУЮЩЕМСЯ МИРЕ

Шаврова О. Г.

Белорусский государственный университет

Перспективы развития современной цивилизации в значительной степени определяются темпами и характером глобальных изменений, охватывающих мировое сообщество. Глобальный характер приобретает экологическая проблематика, актуализирующая необходимость формирования нового экологического сознания, экологической этики и экологической культуры. Борьба за мир, социальные и экологические проблемы современности – важнейшие вопросы, к которым обращается экуменическое движение, выступающее за взаимопонимание и сотрудничество христианских конфессий и стремящееся к диалогу с другими религиями мира. В настоящее время экуменизм развивается как движение христианских церквей, направленное на сплочение религиозных сил в международном масштабе под лозунгом «через единство церквей к единству человечества».

Важнейшим условием решения глобальных проблем и преодоления экологического кризиса в христианстве считается религиозно-нравственное совершенствование личности и повсеместное распространение христианских ценностей. Особое внимание в экологических концепциях христианства уделяется религиозно-этическим аспектам мировой социодинамики. Признается тесная связь экологических проблем с проблемами войны и мира, научно-технического прогресса, социального неравенства, религиозной терпимости и др.

В «Основах социальной концепции Русской православной церкви» выражается глубокая обеспокоенность церкви проблемами, порожденными современной цивилизацией, важное место среди которых занимают экологические проблемы. Обострение экологической ситуации связывается и с тем, что «отношения между человеком и окружающей

природой были нарушены в доисторические времена, причиной чего послужило грехопадение человека, и его отчуждение от Бога». Роль и значение развивающейся «экологической этики» определяется тем, что «руководствующееся ею общественное сознание высказывается против потребительского образа жизни, требует повысить нравственную и юридическую ответственность за вред, нанесенный природе, предлагает ввести экологическое обучение и воспитание, призывает объединить усилия по защите окружающей среды на базе широкого международного взаимодействия». В документе раскрывается антропогенная основа современных экологических проблем, взаимосвязь антропологии и экологии, духовного и экологического кризиса [1, с. 70-73].

Содержание и специфику экологической концепции католицизма обуславливает стремление католических теологов осмыслить сущность и последствия научно-технического прогресса и цивилизационного развития. Рассуждая о «жизни в миру», Иоанн Павел II пишет: «Мы осваиваем природные ресурсы и пользуемся ими, не зная меры. В результате возникает прямая угроза природе как естественной среде обитания человека – нашему общему «дому». Во имя нынешних и будущих поколений непременно должна восторжествовать этика почитания человеческой жизни и достоинства» [2, с. 70].

Католическая трактовка экологических проблем современности ориентирует каждого отдельного человека и общество в целом на духовно-нравственное совершенствование путем установления «трансцендентной связи с Богом». Экологические проблемы рассматриваются в католицизме во взаимосвязи с другими глобальными проблемами: войны и мира, технологической и экономической отсталости, демографического развития, охраны и укрепления здоровья людей, образования и культурного роста и др.

Важная роль в развитии экуменизма принадлежит протестантским организациям, многие из которых активно поддерживают движение в защиту окружающей среды и реализуют различные социально-экологические инициативы. Привлекая внимание широкой общественности к обсуждению экологических вопросов, протестантская церковь сотрудничает со светскими экологическими организациями. Проблемы социоприродного взаимодействия в протестантской экотеологии рассматриваются с позиций религиозной веры, соответственно решение социальных и экологических проблем

связывается прежде всего с необходимостью морально-нравственного совершенствования человека и общества.

Ряд проектов, посвященных решению глобальных проблем современного общества, осуществляется христианскими конфессиями на основе диалога и сотрудничества. Различные экологические мероприятия, в частности форумы и конференции по охране окружающей среды, проводятся по инициативе Всемирного Совета Церквей – крупнейшей международной христианской организации, способствующей развитию экуменического движения. Проблема защиты окружающей среды и принципов биоэтики является объектом внимания Европейской христианской экологической сети, которая объединяет ведущих руководителей и специалистов религиозных экологических структур Европы в рамках межконфессиональной организации, интегрирующей усилия христианских церквей для предотвращения локальных и глобальных экологических катаклизмов.

2 декабря 2011 года в рамках 17-ой конференции стран-участниц Киотского протокола (г. Дурбан) была подписана Межконфессиональная декларация об изменении климата. Декларация была создана с целью обратить внимание общественности на глубинные морально-этические и духовно-нравственные аспекты, лежащие в основе экологического кризиса. Декларацию подписали свыше 100 религиозных и светских организаций из разных стран мира, в том числе Всемирный Совет Церквей. В декларации содержится призыв к осознанию глобального характера реальной угрозы, с которой сталкивается человечество, а также признание необходимости немедленных и решительных действий, которые дали бы возможность осуществить позитивные изменения в сфере взаимодействия общества и природы.

Обостряющиеся противоречия в сфере социоприродного взаимодействия обуславливают необходимость формирования глобального экологического сознания, адекватного реалиям современного мира. Особое значение в становлении и развитии экологического сознания приобретают обоснованные в восточных философско-религиозных традициях идеи корреляции преобразующей деятельности человека с уровнем его духовно-нравственного самовоспитания и самоконтроля.

Экологические приоритеты развития современного общества на принципах гармонизации отношений между человеком и природой обосновываются в буддийской этике, важнейшим принципом которой является принцип непринятия вреда живым существам, воплощенный в

любви и сострадания ко всему живому. Выступая в поддержку идеи об экологической ответственности на глобальном уровне, Далай-лама XIV отмечает: «Я верю, что для того, чтобы принять вызов, брошенный нам временем, мы должны развивать в себе повышенное чувство всеобщей ответственности. Каждый из нас должен научиться действовать исходя не только из личных интересов, интересов своей семьи или нации, но для блага всего человечества. Всеобщая ответственность есть ключ к самому нашему выживанию» [3, с. 34]. Проповедуя и развивая идеи ненасилия, глобальной взаимозависимости и всеобщей ответственности, Далай-лама XIV обосновывает экологический подход к положению человека в мире.

Актуальность экологической проблематики признается многими мусульманскими учеными и богословами. В начале 1980-х годов группа саудовских исследователей проанализировала Коран с целью изучения фрагментов, связанных с темой окружающей среды и мира природы. На основе этого исследования был создан особый свод «Исламских принципов охраны природы». Исламская экологическая этика формируется в контексте сакральных представлений о природе и человеке. В исламе утверждается, человек несет ответственность за сохранность окружающей среды; поскольку люди не являются единственным творением, уничтожение окружающей среды и ее варварское использование считаются недопустимыми. В священных книгах и источниках исламской религии обосновываются принципы бережного отношения к природе и милосердного отношения к живым существам.

Обосновывая необходимость согласованного взаимодействия культур и цивилизаций в контексте глобальных изменений современного мира, известный мусульманский ученый-богослов, один из духовных лидеров исламского мира, Фетхуллах Гюлен призывает к активному диалогу, основанному на «платформе толерантности» [4, с. 67-70]. Согласно взглядам Фетхуллага Гюлена, толерантность, предполагающая уважение, милосердие, великодушие и терпимость, занимает в системе нравственных ценностей главенствующую позицию, представляя собой важнейший внутренний фактор духовного самоконтроля, который способен стать источником остальных этических ценностей и норм.

Глобальные проблемы актуализируют необходимость поиска оптимальных способов межконфессионального взаимодействия, диалога существующих культурных и религиозных традиций. Целью межрелигиозного диалога является укрепление толерантных взаимоотношений между конфессиональными общностями, обеспечение

мирного и согласованного сосуществования религий и религиозных объединений, а также организация сотрудничества по решению важнейших проблем развития современной цивилизации. Особое значение в этом процессе приобретают усилия религиозных деятелей и духовных лидеров планеты, направленные на гармонизацию отношений человека, общества и природы. Обращение к опыту мировых и локальных религий может способствовать минимизации последствий глобальной социально-экологической нестабильности и выработке стратегии устойчивого развития общества в условиях глобальных экологических изменений.

Литература

1. Основы социальной концепции Русской Православной Церкви / Юбилейный Архиерейский собор Русской православной церкви. – М., 2000.
2. Иоанн Павел II. Идите с миром: Дар бессмертной любви (избранные речи и молитвы) / Иоанн Павел II. – М., 2004.
3. Далай-лама XIV. Жизнь на Земле: лекции и статьи по проблеме экологии / Далай-лама XIV. – М., 1996.
4. Гюлен, Ф. Диалог и толерантность / Ф. Гюлен. – Минск, 2011.

Шершнёва Ольга Александровна,
аспирантка кафедры философии и методологии
науки, Белорусский государственный
университет, г. Минск, Беларусь.

*Геополитический статус
социума: конфликт
солидаризма и изоляционизма.*

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЙ СТАТУС СОЦИУМА: КОНФЛИКТ СОЛИДАРИЗМА И ИЗОЛЯЦИОНИЗМА

Шершнёва О. А.

Белорусский государственный университет

Рубеж XX-XXI веков ознаменован не только рядом позитивных трансформаций, произошедших на международной арене, в частности таких, как крах тоталитарного мышления, дискредитация основ регламентированного мироустройства, подъем демократических институтов, этот рубеж также полон тревожными тенденциями, связанными с нивелированием нравственных ценностей мирового сообщества, нарастанием конфликтов на региональном, этническом, конфессиональном уровнях, усилением процессов дезорганизации и нестабильности современного общества, потерей целостного представления о мире и места человека в нем.

Сегодня мир предстает как множество систем, картина мира носит децентрализованный характер, а мироцелостность как таковая немыслима в силу утвердившейся разрозненности, мозаичности и бурно нарастающего хаоса. Заданные объективные закономерности и тенденции, которые долгое время господствовали в умах человечества, выступая гарантом исторического развития, оказались иллюзией, пережитком прошлого. Неопределенность, нелинейность, динамичность, сложность, вероятностный характер событий сменяют монолитность, гармоничность, завершенность, статичность.

Мир столкнулся с очевидным покушением на универсализм, идеалы линейного, разветвляющегося от прошлого к единственно возможному будущему, становятся не актуальными. Если классическая традиция ориентировалась на постижение всеобщего, стремилась к целостности и завершенности, то в современную систему знаний буквально врывается логика «иначе возможного». Однозначный причинно-следственный детерминизм уходит в небытие, появляется возможность преодолеть инерцию заранее заданный событий и перекрыть одновариантную

картину мира. Еще У. Бек говорил о становлении «плюралистического универсализма», намекая на то, что имеется много «универсализмов», что единство ситуативно, возникает из многообразия локальностей, и что мировое общество – это «общество без мирового государства и без мирового правительства» [1, с. 201].

Концепция однополярности как возможная альтернатива будущему исключает возможность существования крупных суверенных держав, поскольку отталкивается от единого центра, который является гегемоном всеобщей и нераздельной власти. Таким центром долгое время признавались США, пытавшиеся покорить мир, подобно тому, как в свое время это делал фашизм, держа в страхе не одну державу на планете. Фашизм с установкой на тотальное господство и силовые методы принуждения исчерпал себя, а вот идея безраздельно господствовать и управлять осталась жива.

Многие исследователи, в том числе и А. Панарин, признают тот факт, что сегодня США теряют контроль над евразийским континентом, все больше о себе заявляют страны Востока, выстраивая глобальной власти мирового гегемона соответствующую систему сдержек и противовесов. Более того, автор убежден в том, что ответ на глобальный вызов может быть только глобальным: «для выдвижения глобальной альтернативы американизму...необходима не национальная изоляция, а обостренное чувство общечеловеческой истории, не случайно вмещающей в себя множество цивилизационных вариаций» [2, с. 190].

А. С. Панарин настаивает на том, что нельзя позволить, чтобы реализовалась идея однополярного мира, поскольку тогда власть обретет безграничный тоталитарный и абсолютно бесцеремонный характер. Идеалы «открытого общества» и «свободного рынка», как и самого либерализма в целом оказались развенчанными. В мире, где господствует однополярность, культурное разнообразие стирается с лица земли, в силу чего можно согласиться с А. С. Панариным: «Во-первых, однополярный мир – это вообще недостижимая цель, ориентация на которую означает неслыханный авантюризм, а во-вторых, эта цель не может быть приемлемой, кто бы не претворял ее в жизнь» [3, с. 149].

Таким образом, линейный однополярный мир – это тот сценарий развития истории, от которого следует отказаться, поскольку наш бесконечно многообразный мир невозможно уложить в конечную систему предписаний. Многополярность становится естественным состоянием мировой системы, она способна осуществить деидеологизацию

общественного сознания, отказаться от тоталитаристской установки на всемирное господство и покорение человечества.

С одной стороны, наметилась растущая тенденция к поляризации общества, к многовекторному сценарию развития мировой истории, выходящему за рамки формационного и даже цивилизационного подходов, с другой стороны, движение в многомерном пространстве порождает серьезные социальные проблемы, связанные в первую очередь с нарастающими диспропорциями в распределении общественного богатства. Это неизбежно приводит к экономическому кризису, экологической катастрофе, коллапсу политической системы и другим глобальным проблемам. Получается странная ситуация: смена однополярного мира в сторону полицентричного не снимает, а приумножает противоречия, к тому же в условиях глобализирующегося мира новые вызовы множатся, а путь к устойчивому развитию становится все более иллюзорным.

Новая реальность такова, что мы живем в обществе переходного типа, что человечество находится в точке бифуркации, как бы на сломе эпохи. И по большому счету причиной такой ситуации явилась глобализация, которая подобно лавине накрыло человечество с головой, не дав ему опомниться от бурных потоков информации, от быстрых трансформаций, происходящих во всех сферах общественной жизни. Несмотря на то, что некоторые ученые считают, что глобализация имеет начало и конец, и что «по мере достижения все более высоких степеней интеграции и единения, интенсивность глобализации будет затухать, приближаясь к нулевому значению, тем больше, чем больше указанное единство будет становиться реальностью» [4, с. 370], вопрос о реальности единства мира остается открытым.

Действительно, глобальность буквально поглотила человечество, как сказал У. Бек, «мы живем в мировом обществе, в том смысле, что представление о замкнутых пространствах превратилось в фикцию» [5, с. 25]. Сегодня можно говорить как минимум о двух возможных сценариях будущего: позиция солидаризма с ориентацией на гибкий мировой полилог или позиция изоляционизма, не признающая международного сотрудничества и основывающаяся на отрешенности от мировых событий.

Можно предположить, что может состояться глобальный диалог между цивилизациями, можно будет достичь гармонизации суверенитетов, при этом сохранить плюрализм ценностных ориентаций каждого государства, и тогда солидаризм вместе с дипломатией станут активными

катализаторами культуры XXI века. В то же время также легко можно представить, что новый мировой порядок, ориентированный на гармонизацию отношений между государствами и их культурный полилог, может не состояться в виду возрастающей сложности современного мира социума и нависшей в связи с процессами глобализации опасности тотального уничтожения.

С одной стороны, ориентация на изоляционизм кажется более оправданной, поскольку перспектива провозглашения мирового правительства видится весьма маловероятной, а значит избежать катастрофических последствий под натиском техноцентристской глобализации будет невозможно. В. Д. Зотов в этой связи говорит: «Вероятность образования мирового правительства в XXI веке равна нулю или, во всяком случае, ничтожно мала. Народы и государства явно не готовы к столь радикальному политическому повороту в системе всемирных связей» [6, с. 68]. Соответственно с целью самосохранения национального суверенитета для государств предпочтительнее будут дистанцироваться от тотального поглощения со стороны новой глобальной власти, представленной преимущественно западным миром.

С другой стороны, в виду опасности неконтролируемого применения ядерного оружия, разрастания разрушительных межнациональных и межгосударственных конфликтов на повестку дня выходит вопрос самосохранения всего живого на планете, есть необходимость выработки устойчивой тенденции рационализировать и гуманизировать государственные структуры управления, создать такие условия глобального планирования, которые бы привели к максимально возможному ослаблению стихийных и спонтанных процессов как в социальной, так и в природной среде. В этом случае оказывается продуктивным первый сценарий исторического развития, нацеленный на солидаризм и кросскультурный полилог между странами разных континентов.

Таким образом, если даже предположить, что достичь единства мира невозможно в силу многообразия его форм, сложных дивергентных процессов, неизбежно набирающих силу, нельзя дистанцироваться от такой очевидности, как объективность и необратимость процесса растущей взаимозависимости мира. В силу это политика изоляционизма как, может быть, более приемлемая, но при этом менее реализуемая, не соответствует происходящим сегодня в мире процессам взаимосогласованности.

Литература

1. Бек, У. Что такое глобализация? Ошибки глобализма – ответы на глобализацию / У. Бек. – М., 2001.
2. Панарин, А. С. Православная цивилизация в глобальном мире / А. С. Панарин. – М., 2002.
3. Панарин, А. С. Имперская республика на пути к мировому господству» / А. С. Панарин // Общественный науки и современность. 1999. – № 4. – С. 146-157.
4. Чумаков, А. Н. Глобализация. Контуры целостного мира. – М., 2005.
5. Бек, У. Что такое глобализация? Ошибки глобализма – ответы на глобализацию / У. Бек. – М., 2001.
6. Зотов, В. Д. Запад и Восток / В. Д. Зотов // Свободная мысль. – 1998. – № 6. – С. 67-73.

Щербина Юлия Ивановна,
студентка 3 курса отделения философии,
факультет философии и социальных наук,
Белорусский государственный университет,
г. Минск, Беларусь.

*Феномен пост-Европы в
философии Яна Паточки.*

ФЕНОМЕН ПОСТ-ЕВРОПЫ В ФИЛОСОФИИ ЯНА ПАТОЧКИ

Щербина Ю. И.

Белорусский государственный университет

В своей книге «Закат Европы» Освальд Шпенглер высказывает мысль о том, что в скором времени цивилизация поглотит культуру, что приведет к упадку Европы и европейских ценностей. Он вычеркивает Европу как таковую из истории, полагая, что она является лишь идеальным конструктом, созданным теоретиками, и не имеет никакого отношения к реальным фактам, реальной истории. С момента написания первого тома данной работы прошло более девяноста лет и за этот период некоторые исследователи не только предсказали, но и *констатировали* закат Европы, под которым подразумевается упадок тех ценностей, которые являлись для этого региона центральными, основополагающими.

Одним из таких исследователей стал чешский феноменолог Ян Паточка. В своих работах он не только говорит о кризисе современной технической цивилизации, но и о том, что на смену европейской приходит новая, постевропейская эпоха, основным ядром которой являются, тем не менее, наследники Европы, которые ранее не могли быть причислены к развитым странам.

Основоположениями Европы, по Паточке, помимо рационализма, являются господство разума, господство духовного и духовности людей, а также духовный авторитет. Он считает, что Европа зародилась одновременно с политикой, философией и историей еще в античной Греции (что выявляет основное противоречие со Шпенглером, который не признавал связь Европы с древнегреческим наследием, считая весь конструкт «Древний мир – Средние века – Новое время» идеальной, не имеющей никакого отношения к реальности иллюзией). Философию же чешский мыслитель рассматривает в качестве духовного основания Европы, что является одним из ключевых моментов его концепции.

Паточка разделяет принцип Европы, Европу и наследие Европы. Под принципом Европы он понимает рациональную рефлексию, под Европой –

единство социальной, политической и духовной жизни. Европейское наследие он разделяет на два вида. Первый вид – это «отростки» Европы, такие, как например, США. Достигшие планетарного масштаба, они были возвращены на ценностях Европы. Однако сейчас «отростки» хотя и находятся под влиянием Европы, равным образом и сами влияют на нее. Второй вид – это «до-европейцы» – те страны, которые в европейскую эпоху оставались в стороне, либо являлись не субъектами, а объектами истории. Конец Европы как исторического властного образования, таким образом, связан с генерализацией европейского наследия.

На протяжении долгого периода времени Европа осуществляла экспансию по отношению к другим регионам. Паточка называет этот вид «открытия Земли» внешним: он подразумевает завоевание мира и овладение им, что в итоге приводит к закату Европы как исторически единого образования. Другим путем выступает внутренний, заключающийся в том, чтобы преобразовать жизненный мир в мир как таковой.

По Паточке, опирающемся в данном исследовании на исторические изыскания Дж. Барраклоу, конец Европы наступил после второй мировой войны. Предпосылками упадка называются, среди прочего, промышленная революция, демографический взрыв, возникновение массового общества, а также и то, что носителем политической жизни вместо отдельного индивида становится партия, в то время как государство выполняет функцию медиума, проводника всеобщего избирательного права.

Симптомами кризиса чешский мыслитель называет упадок европейских языков, эрозию классического образования и классических языков, деградацию истории и философии, лишение значимости малых государств и народов.

Таким образом, мы оказываемся в ситуации пост-европейского мира, который обусловлен, прежде всего, генерализацией европейского наследия, т.е. распространением, развитием «до-европейцев», а также деградацией основополагающих черт европейской эпохи (упадком философии, истории и языков). С одной стороны, Европу «съедают» извне, т.к. до-европейцы переняли ее же стиль действия по овладению миром, с другой, европейская идеальная модель гниет изнутри.

В связи с этим, необходимо отметить, что такие процессы как вестернизация (влияние Европы на «до-европейцев») и глобализация (обратное влияние) также сыграли свою роль в упадке европейской культуры. Дело в том, что, допустив развитие мультикультурализма,

вторжения не-европейских народов в свое пространство, в том числе и культурное, Европа утратила то ядро, которое и делало Европу Европой. С одной стороны, все эти процессы имели положительное действие в смысле способствования диалога между культурами. Однако стоит отметить, что в итоге этого диалога (этого «вызова», если говорить в терминах Арнольда Тойнби), Европа утрачивает основную ось, по которой она развивалась, начиная с античности.

Здесь следует вернуться к роли философии в становлении Европы. По Паточке, возможный путь остановки деградации уже пост-европейского мира заключается в применении феноменологической традиции к реальному социальному миру. Европа представляется ему как единый процесс, подчиненный гуссерлевскому принципу созерцания. При этом созерцание видится не абстрактным принципом, а проявлением отваги. «Знание тех общественных сил, которые утверждают и формируют совместное бытие людей... есть не что иное, как момент морального созерцания основополагающих возможностей человеческого бытия друг-с-другом». Тем не менее, чешский мыслитель предостерегает от псевдогероизма. Созерцание есть философская воля к жизни, путь, процесс, а не что-либо готовое, статичное, заранее спланированное. Таким образом, для выхода из кризиса, Паточка предлагает европейцам заново пройти путь внутреннего открытия Земли, не повторяя предыдущих ошибок, приведших к закату Европы.

Литература

1. Паточка, Я. Европа и пост-Европа: постевропейская эпоха и ее духовные проблемы / Я. Паточка. – Минск, 2011.
2. Паточка, Я. Еретические эссе о философии истории / Я. Паточка. – Минск, 2008.
3. Шпенглер, О. Закат Европы Очерки морфологии мировой истории / О. Шпенглер. – М., 1998.

<p>Щёкин Николай Сергеевич, кандидат философских наук, доцент, директор Института государственного управления, Академия управления при Президенте Республики Беларусь, г. Минск, Беларусь.</p>	<p><i>Ценности восточнославянской цивилизации как фактор кросскультурного диалога Востока и Запада.</i></p>
---	---

ЦЕННОСТИ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ КАК ФАКТОР КРОССКУЛЬТУРНОГО ДИАЛОГА ВОСТОКА И ЗАПАДА

Щекин Н. С.

Академия управления при Президенте РБ

В современном мире остро встала проблема сохранения национально-культурной идентичности человека, сохранения традиций региональных цивилизаций, отстаивания их самоценности в едином, но многообразном мире. Диалог цивилизаций как равноправных субъектов исторического процесса является необходимым условием стабильности современного мира и гарантом преодоления опасности возможного «столкновения цивилизаций», прогнозируемого С. Хантингтоном.

Действительно, длительное время господствовали представления о несоизмеримости цивилизационных оснований Запада и Востока, нашедшие свое выражение в известных словах Р. Киплинга: «О, Запад есть Запад, Восток есть Восток, и с места они не сойдут, пока не предстанет Небо с Землей на Страшный Господень суд». Однако события XX–начала XXI вв. показали наличие точек взаимовлияния цивилизаций Запада и Востока, которым есть что заимствовать друг у друга. Посредником в этом процессе может стать восточнославянская цивилизация, для которой характерны многие ценности и приоритеты, как цивилизации Запада, так и цивилизации Востока.

Восточнославянский мир – особая цивилизация, существование которой в мировой истории неоднократно ставилось под сомнение и которой в современном общественном процессе, осуществляющемся по сценарию глобализма, отводится место периферии. Осознание этого факта порождает у восточнославянских народов потребность в изменении стратегии глобализации, которая учитывала бы традиционные для них ценности и идеалы.

Во-первых, это традиционные экосоциальные ценности. Эти ценности, предполагающие уважительное и бережное отношение к

природе и, вместе с тем, отражающие стремление не только приспособиться к ней, но и изменить ее, являются своеобразным «мостиком» между «покорительской» стратегией цивилизации Запада и традиционалистским «вживанием» в природу цивилизации Востока. Осуществлявшийся в работах русских «космистов», в концепциях биосферы В. И. Вернадского и коэволюции человека и природы поиск гармонизации отношений между ними свидетельствует о значимости для восточнославянской цивилизации экосоциальных ценностей. В частности, по мнению А. И. Зеленкова, установка на западно-восточный синтетизм обнаруживает себя практически во всех сферах славянской духовности. Экосоциальные ценности способствуют единению восточнославянских народов, но, в то же время, задают достаточно четкие и существенно важные линии демаркации между ними. «Так, если русское традиционное экосознание во многом определялось экстенсивными мотивами, скоррелированными с имперскими интенциями российской государственности, то белорусские и украинские представления о должном порядке мироустройства и отношения к природе в значительной мере зависели от локально выстроенной хуторской модели землепользования, от свойственного ей человекоразмерного масштаба оценки и понимания окружающей природы» [1, с. 197]. Цивилизация будущего, таким образом, – это экосоциальная цивилизация.

Во-вторых, это культурно-исторические ценности, которые также имеют непреходящий характер и являются системообразующими элементами восточнославянской цивилизации. Они придают ей неповторимый характер и тоже могут служить связующим звеном между цивилизациями Запада и Востока. Основанием для этого является их синтетическая природа, способствующая преодолению ригоризма ценностных установок, как Запада, так и Востока.

Среди социокультурных ценностей восточнославянской цивилизации особо выделяется ценность коллективизма как установки на гармонизацию интересов личности, коллектива и общества в целом. Достижение этой гармонии – фундаментальная проблема и было бы самонадеянно утверждать, что в развитии восточнославянской цивилизации она была однозначно решена. В ее прошлом известны периоды доминирования общинного, затем общественного, над индивидуальным и личностным началами. Но и в этом случае в общественном мнении, художественной и философской литературе существовало понимание неестественности или, как минимум,

проблемности таких отношений. Практически все русские философы исходили из невозможности противопоставления духовных интересов индивида и социума, осознавая, что лишь в их дополнении и взаимопроникновении только и может состояться личность. Наиболее отчетливо это проявилось в творчестве В. С. Соловьева, отмечавшего, что «общество есть дополненная или расширенная личность, а личность – сжатое, или сосредоточенное, общество» [2, с. 285]. Отметим, что как в западной, так и в восточной философско-культурологических традициях оппозиция личностного и коллективного начал жизни общества вплоть до новейшей истории рассматривалась как естественное явление.

Еще одна ценность – ценность государства как оплота и гаранта стабильности общества. Само становление восточнославянской цивилизации стало возможным благодаря созданию сильного, способного обеспечить безопасность границ государства. Вместе с тем, отношение к государству на всем протяжении существования восточнославянской цивилизации было двойственным, что нашло отражение в характерной для русской философско-правовой мысли бинарной оппозиции «государство как орган» и «государство как организм». Первое выражение имело негативное значение, фиксируя бюрократическую сущность управленческого аппарата как инстанции принуждения; смысл второго был позитивным, связанным с оценкой государства как организатора всей общественной жизни.

Отсюда в качестве особой ценности восточнославянской цивилизации вытекает ценность гармонии государства и гражданского общества. Речь идет о «естественном» гражданском обществе, зачатки которого появляются до возникновения государства, и которое в период оформления национальных государств в XVII-XIX вв., перерастает в дополняющее государство «позитивное» гражданское общество. Показательно, что в философско-политической мысли восточнославянских народов, сквозным являлся идеал «народного государства» – государства как организма, вырастающего из гражданского общества и дополняющего его.

Среди других ценностей восточнославянской цивилизации необходимо назвать ценности веры, социальной справедливости и равенства. Эти традиционные ценности восточнославянских народов невозможно рационализировать, уподобив их нормам формального права. Характерный для традиционалистской цивилизации Востока акцент на роли морали как регулятора межличностных отношений и присущая

цивилизации Запада артикуляция правовой нормативной системы, фактически разрывали единство этих двух основных систем социализации человека и регуляции отношений в обществе.

Для восточнославянских народов характерно осознание необходимости гармонизации этих двух нормативных систем, но при этом, признавая важность права, они не могли смириться с его формально-обезличенным характером. Отсюда – знаковая для отечественной философской мысли дилемма «правды-истины» и «правды-справедливости», решаемая, как правило, в пользу последней.

Наконец, самоценностью является сама восточнославянская цивилизация, определившая возможность существования современных восточнославянских народов и являющаяся гарантом их суверенного положения в будущем. Поэтому сохранение и приумножение ее традиционных ценностей и приоритетов – условие цивилизационной идентичности и самого существования восточных славян как этносоциальных общностей.

Литература

1. Зеленков, А. И. Экологическая ментальность восточных славян как социокультурный феномен / А. И. Зеленков // Восточнохристианская цивилизация и проблемы регионального взаимодействия. – М., 2004. – С. 190-198.
2. Соловьев, В. С. Три разговора о войне, прогрессе и всемирной истории / В. С. Соловьев // Сочинения в 2-х т. Т. 2 – М., 1988. – С. 635-763.

Янчук Елена Игнатьевна,
кандидат философских наук, доцент, доцент
кафедры философии и методологии науки,
Белорусский государственный университет, г.
Минск, Беларусь,

*Межкультурный диалог как
цивилизационный феномен.*

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ КАК ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ ФЕНОМЕН

Янчук Е. И.

Белорусский государственный университет

Современное состояние культуры можно охарактеризовать режимом одновременности: культуры традиционные и модернистские, современные и исторические, локальные и с претензией на всеобщность существуют в едином пространственно-временном континууме. И в этой одновременности и однопространственности уникальность каждой культурной формы как системы проявляется через множество связей и отношений с другими формами и системами, через феномен коммуникации. Сегодня сложно расположить культуры в какой-то определенной иерархии: можно говорить о «горизонтальном» и «вертикальном» срезах, о Востоке и Западе, Севере и Юге и т.п. И все это вместе взятое составляет сегодня большой «культурный перекресток», где каждый персонаж дополняет и в тоже время опровергает другого, а человек находится в вечном «культурном промежутке».

Современные средства связи сокращают пространство и время, ранее сдерживающее коммуникацию, погружают человека в информационную среду, обеспечивая «эффект присутствия». При этом коммуницирующие существуют в постоянной обращенности к Другому, чем бы или кем бы этот Другой ни был: личностью, группой, социумом, цивилизацией... *Коммуникативность* при этом означает постоянную соотнесенность с этим Иным, а *коммуникабельность* – меру желания Другого.

С Другим, с коммуникацией с ним связывается и особый персональный опыт, экспозиция личности (Э. Мунье), и «просветление экзистенции» (К. Ясперс), и возможность встречи с самим собой через коммуникацию с иным человеческим бытием (М. Бубер), и любовь, а вместе с ней полнота существования и полнота самовыражения (Ж.-П. Сартр), и открытие подлинных глубин человеческой личности, начало мира (Э. Левинас), и источник нового (Э. Дуссель). Одним словом, Я как

одиноким индивидуум сам для себя «не только не открыт, но и не действителен» (К. Ясперс).

Но в то же время Другой и коммуникация с ним наделяются и рядом негативных характеристик. Другой может сковывать свободу человека, препятствовать его выбору (Э. Мунье), создавать автономно существующий мир обычаев, стереотипизирующий общение (Х. Ортега-и-Гассет), стимулировать различные конфликтные ситуации, делать коммуникацию «первонесчастьем бытия» (Ж.-П. Сартр). Ж.-П. Сартр отмечает: «...В плане сознания другой для меня – это одновременно похититель моего личного бытия и тот, благодаря которому «имеется» бытие, являющееся моим бытием» [1, с. 207]. Ж. Эллюль говорит о Другом в еще более негативных красках: «То, что говорится одним, не понимается, не может быть понято другими. В свою очередь, он не может понять реакций других. Это постоянное недоразумение... Взгляд других невыносим, Ад – это другие... Каждый свободен от другого, поскольку все безразличны друг другу...» [2, с. 153].

То же можно сказать и о культуре. Коммуникативный аспект ее заложен в самом ее основании. Не случайно речные, морские цивилизации, цивилизации на перекрестке торговых путей – самые древние. Ценою огромных усилий цивилизации черпали для себя свежий «культурный материал» в зонах активного культурного контакта: вне родины, «у соседей». Ситуация контакта, или межкультурной коммуникации, далеко не однозначна. В большинстве случаев столкновение культур сопровождается своеобразным культурным шоком, особенно в тех случаях, когда начинают коммуницировать культуры с противоречащими друг другу ориентациями. Это может быть свое и чужое; автохтонное и заимствованное; традиционалистское отталкивание и просветительское овладение, заимствование; традиционность и модернизм; преемственность и инновации; дивергенция и конвергенция; центризм и эйкуменизм и т.д.

Становление и развитие культур в таких условиях следует рассматривать как результат двух процессов. Как показал в своих исследованиях Гарри Триандис (Harry C. Triandis) [3, с. 16], с одной стороны, это процесс *диффузии*, а с другой – *аккультурации*. В первом случае подразумевается, что элементы одной культуры проникают в другую и ассимилируются ею. Во втором же случае в процессе взаимодействия культур происходит формирование новых культурных образований (их Г. Триандис называет локальными культурами).

Среди типологий культур особый интерес в коммуникативном отношении представляет дихотомия «коммуникабельность – самобытность». Под *самобытностью* будем понимать определенность, своеобразие и самостоятельность культуры: культурных характеристик общества и исторического опыта. *Коммуникабельность* требует от культуры высокой степени открытости, доступности к интерпретации и пониманию. Однако эти качества достигаются в ущерб самобытности. Отсюда, чем выше коммуникабельность культуры и другие ее коммуникативные характеристики, тем ниже ее самобытность. Такая культура стандартизируется, редуцируется, что, с одной стороны, делает ее доступной пониманию и интерпретации, а с другой – навсегда теряются некие своеобразные культурные формы.

Данная проекция в понимании культуры требует соблюдения социокультурной *меры в коммуникации* с целью сохранения самобытности: если внешних выходов в культуре будет больше, чем внутренних взаимодействий, то такая культура может в конце концов как самость исчезнуть. Это аспект тем более важен, что каналов для культурной экспансии предостаточно. Они способны вызвать культурный шок, а процесс декультурации может пойти по пути к культурному насилию и уничтожению культуры.

Наряду с потерей самобытности тяжело переживаются в обществе и проявления несовместимости культурных ориентаций. Среди них – отрыв от национальных корней (особенно образованной элиты), а на этой почве – психологическая напряженность, эмоциональные срывы, отказ от контактов... Но не менее опасна и ориентация на изоляцию. Закрытость общества, культуры здесь – это путь эндогенного развертывания культуры, результатом которого вполне может стать ксенофобия и «самодостаточная отсталость».

В реальном культурном пространстве чаще всего мы сталкиваемся с самыми разнообразными типами межкультурной коммуникации и коммуникативного поведения на стыках культур. Российский историк Г.С. Померанц предлагает к рассмотрению по крайней мере три типа исторического поведения на стыках культур: *тибетский* (устойчивый синтез и застывание), *яванский* (повышенная переимчивость с полузабвением собственного прошлого) и *японский* (чередование открытости и закрытости, способность усваивать новое, не забывая старого) [4, с. 42-43]. При этом наиболее приемлемым в плане выживания для культуры будет такой тип коммуникации, при котором основные,

существенные черты культуры целенаправленно и сознательно сохраняются. Это касается и сохранения языков и диалектов, архитектурных и других достижений. Но успешность этого процесса – сохранения самобытных культурных форм – с необходимостью предполагает не изоляцию, а самое широкое обращение ко всему мировому культурному опыту.

В изучении межкультурных взаимодействий большой интерес представляет рассмотрение сложных культурных процессов через призму следующих аспектов: «синхрония – диахрония», «конвергенция – дивергенция», «имика – итика».

Синхронически-диахронический аспект межкультурного исследования сфокусирован, прежде всего, на обращении к универсалиям той или иной культуры. При этом синхронический метод рассматривает различные культуры в режиме одновременности, сосуществующие в одном историческом пространстве, диахронический – культуры различных временных эпох.

Рассмотрение культуры в её динамическом аспекте характерно для конвергентно-дивергентного подхода, разработанного американским учёным Лоренсом Кинкейдом (Lawrence Kincaid) [5]. По мнению автора, культура представляет собой открытую, постоянно развивающуюся информационную систему, в рамках которой возникают два противоположных по значению, но равных по силе явления – *конвергенция* и *дивергенция*. Первое отражает степень совпадения ценностей и мировоззренческих установок различных культур, обуславливающее их сближение, второе – степень их различия, расхождения. Конвергирующие культуры характеризуются обилием коммуникативных связей, что является важным фактором признания данной культуры.

В основе методологии статического анализа культуры можно назвать два принципа, разработанных и предложенных французским лингвистом Кеннетом Л. Пике (Пайком) (K. L. Pike) [6; 7]: *имика* (*emics* от *phonemics*) и *итика* (*etics* от *phonetics*). Суть первого состоит в выявлении уникальных, специфических для данной культуры элементов, того, что собственно отличает данную культуру от других. Имический подход смотрит на культуру как бы «изнутри» ее самой. Второй же принцип предназначен для нахождения неких общих, универсальных характеристик, свойственных различным, нередко существенно отличающимся, культурам. Итический подход требует выхода за пределы культур и дистанцированного их рассмотрения.

При этом следует учитывать предельную разнообразность мира культуры, его множественный порядок. Каждый элемент этого множества вносит свой вклад в разнообразие, без него не полное. Из этого принципа вытекает, что каждая культура ценна и сама по себе, и как часть более широкой цивилизационной системы.

Литература

1. Сартр, Ж.-П. Первичное отношение к Другому: любовь, язык, мазохизм / Ж.-П. Сартр // Проблема человека в западной философии. – М., 1988. – С. 207-228.
2. Эллюль, Ж. Технологический блеф / Ж. Эллюль // Философские науки. – 1991. – №9. – С. 150-178.
3. Triandis, Harry C. Culture and Social Behavior / Harry C. Triandis. – McGraw-Hill, Inc. 1994.
4. Померанц, Г. «Никакая культура не одинока...» / Г. Померанц // Знание – сила. – 1989. – № 6. – С. 36-43.
5. Kincaid, Lawrence. The Convergence Theory of Communication, Self-Organization and Cultural Evolution / Lawrence Kincaid. – Communication Theory: Eastern and Western Perspectives. Ed. by L. Kincaid. – San Diego: Academic Press, 1987.
6. Pike, K. L. Language in relation to a unified theory of the structure of human behavior / K. L. Pike. – The Hague: Mouton, 1967.
7. Lindlof, Thomas R. Emic vs Etic Research / Thomas R. Lindlof // The International Encyclopedia of Communication. – Ed. by Wolfgang Donsbach. – Blackwell Publishing Ltd, 2008. – P. 1504-1506.

	<p>ФОРУМ 2.</p> <p><i>Стратегии модернизации и вызовы постсовременного мира</i></p>
---	--

<p>Анохина Виктория Валентиновна, кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии и методологии науки, Белорусский государственный университет, г. Минск, Беларусь.</p>	<p><i>Постмодернизация как новый тип социальных трансформаций.</i></p>
--	--

ПОСТМОДЕРНИЗАЦИЯ КАК НОВЫЙ ТИП СОЦИАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

Анохина В. В.

Белорусский государственный университет

Вторая половина XX в. в социокультурной динамике передовых стран Запада и Востока отмечена особым типом модернизации, который во многом предопределил их переход к информационно-постиндустриальному типу социально-экономического развития. Социальные теоретики именуют его по-разному: «радикальный, или поздний модерн» (Э. Гидденс), «рефлексивная модернизация» (У. Бек), «глобальный модерн» (Д. Нейберт и Е. Макамо), «альтернативный модерн» (Р. Гринштейн), «отложенный модерн» (А. Малаин), «первый / второй модерн» (К. Леккарди), «глоболокальный модерн» (С.А. Кравченко) и т.д. Сегодня в политической философии и социальных науках по-прежнему дискуссионными остаются проблемы разграничения стадий модернизации и перехода к «постсовременности» как особому социокультурному состоянию, знаменующему выход за пределы классического модерна.

Результатом первых этапов модернизации стран Запада стало формирование индустриального общества, которое вывело на первый план массы усредненных атомизированных индивидов и бюрократию, направленную на организацию и упорядочение масс. Следующий виток

модернизации западных стран привел к становлению развитых форм индустриализма, так называемого «общества потребления», стремящегося к высоким социальным стандартам. Кризис «общества потребления» и необходимость перехода к постсовременной фазе развития означены рядом новых симптомов, среди которых называют следующие.

Во-первых, идеология консьюмеризма привела к ослаблению аскезы труда. Трудовая этика протестантизма, как движущая сила первого модерна, была поставлена под сомнение [4, 212]. Во-вторых, индустриализация и присущая ей стратегия экономического роста обнаружили свою экологическую несостоятельность [1, 269]. В-третьих, внутри западного мира нарастает критика нравственного релятивизма и партикуляризма, которые провоцируют деморализацию общества, ориентируют индивида на ценности инструментального успеха и материальные формы престижеобретения. Все настойчивее звучит призыв к обоснованию значимости пост-материальных ценностей, что изменяет отношение общества к религии. В-четвертых, возникают новые глобальные вызовы и угрозы (международный терроризм, новая конфигурация геополитической карты мира, межцивилизационные конфликты и борьба за ресурсы), которые заставляют изменять содержание проектов модернизации.

Эти, а также другие противоречия современных форм социальной динамики порождают различные точки зрения относительно содержания новой фазы модернизации.

Так, по мнению Ульриха Бека, Запад еще не вступил в эпоху постмодернизма, а продолжает жить в развитом индустриальном обществе, которое лишь приобрело новую форму, став «насквозь современным». Эту форму Бек именуется «обществом риска», причем отмечает, что многие из этих рисков порождены логикой индустриального развития, т.е. являются специфическим проявлением эпохи модерна [2]. Согласно его концепции, все мы являемся свидетелями не конца, а начала современности. Характерной особенностью этой стадии является то, что модернизация уничтожает собственные основания и предпосылки. Фаза «рефлексивной модернизации» окончательно атомизирует индивидов, разрывая традиционные связи и качественно изменяя социально-классовую структуру индустриального общества. Индивид попадает в зависимость от рынков труда и потребления, которые не имеют национальных границ. Новая форма модернизации изменяет характер социальной солидарности. Ульрих Бек говорит о том, что «место общности нужды занимает

общность страха», и это ставит логику распределения благ в зависимость от логики распределения рисков.

В эпоху развитой современности, согласно концепции У. Бека, центральным вопросом является риск и способы его предотвращения, минимизации и управления. На смену идеалам равенства, приходит принцип безопасности. Поэтому модернизация утрачивает характер естественного процесса рационализации общественной жизни. Она становится предметом профессионального прогнозирования и проектирования, а, следовательно, превращается в специфический социальный конструкт, олицетворяющий власть технократических транснациональных элит.

Среди важнейших особенностей новой формы модерна следует отметить следующие, неоднозначные по своим последствиям, трансформации. Во-первых, для нее характерно увеличение степени открытости социальных систем, что сопровождается ростом неопределенности функционирования общественных институтов. Во-вторых, усиливается релятивизация традиционных ценностно-нормативных систем социальной регуляции, что, на первый взгляд, облегчает усвоение либеральных моделей организации общественной жизни, поскольку способствует ее рационализации. Однако релятивизация традиционных ценностей ставит под удар национальную идентичность, лишает культуру темпоральной глубины, способствует массовизации сознания и поведения индивидов, что создает благоприятную почву для воскрешения тоталитарных режимов. В-третьих, для современных обществ характерны усложнение и дифференциация пространственно-временных характеристик социума, в частности, «глокализация» пространства и «компрессия» времени. Эта тенденция имеет несколько измерений. Наиболее опасной для современных форм модернизации является денационализация. Под воздействием глобализации, как отмечает У. Бек, «национальное государство утрачивает... суверенитет и субстанцию, причем во всех сферах – финансовых ресурсов, политической и экономической свободы действий, информационной и культурной политики, повседневной идентификации граждан» [3, 32-33]. Воспринимая глобализацию как реальную угрозу своему статусу, национальные политические элиты не-западных обществ настороженно воспринимают проекты модерна, усматривая в них очередную попытку вестернизации и подчинения страны интересам транснациональных корпораций. Поэтому глокализация социального пространства частично может рассматриваться

как реактивный ответ на вызовы глобализации, как попытка реанимировать традиционный опыт в качестве основания для дальнейшего развития. В-четвертых, отмечается усиление значимости рефлексивных культурных практик и социальной самоорганизации граждан, формирование новых форм демократии и гражданского общества.

Существует и другая точка зрения, согласно которой новая фаза модерна является постмодернизацией, или переходом к постсовременному состоянию, качественно отличному от проекта модерна (Дж. Грей, З. Бауман, Р. Рорти, Ю. Хабермас).

Новая фаза модернизации характеризуется поиском синтетических моделей социальной динамики, которые гармонично сочетали бы экономическую эффективность, ориентированную на стандарты «sustainable development», новейшие технологии как следствие опережающего развития фундаментальных наук и опоры на ценности традиций, задающих знаково-символическую матрицу культурно-цивилизационной идентичности.

Согласно В. Г. Федотовой, «представление о постсовременном обществе (postmodern society) сближает черты традиционного и современного обществ. Оно включает в себя: ориентацию на новое, с учетом традиции; использование традиции как предпосылки модернизации; светскую организацию социальной жизни, но значение религии и мифологии в духовной сфере; значение выделенной персональности и вместе с тем одобрение и использование имеющихся форм коллективности; сочетание мировоззренческих и инструментальных ценностей; демократический характер власти, но признание авторитетов в политике; эффективную производительность, но и ограничение пределов роста; совмещение психологических характеристик человека традиционного и современного общества; эффективное использование науки при осуществлении традиционных, ценностных легитимаций социального выбора» [4, 227]. Перечисленные особенности «postmodern society» позволяют увидеть тенденции изменения старой мировоззренческой парадигмы модерна, а также вычленив новую систему приоритетов, легитимирующих постсовременный этап модернизации.

Прежде всего, для постмодернизационных проектов характерен поиск новых оснований социокультурной идентичности, что определяет возросший интерес к феномену культурной традиции и стремление найти пути адаптации традиционного опыта к условиям глобального развития.

Действительно, переход к многополярному миру предполагает конкуренцию основных цивилизационных центров, интегрирующих вокруг себя родственные в культурном отношении государства. Бурно развивающиеся восточноазиатские государства сплачиваются вокруг общей для них конфуцианской культурной основы. Индия, демонстрируя высокие темпы экономического, научно-технического и демографического роста, возрождает традиции индуизма, позволяющие ей интегрировать свое культурно-цивилизационное ядро в условиях достаточно агрессивного инокультурного окружения – ислама на северо-западе и буддизма на юго-востоке. Арабо-мусульманская цивилизация, втягивающая в орбиту исламского мира ряд государств Центральной Африки и Средней Азии, также демонстрирует рост социальной сплоченности и культурно-цивилизационного возрождения.

В этом контексте дискуссии о евразийской цивилизационной основе России свидетельствуют об обострении проблемы идентичности для входящих в ее состав народов. Кроме того, проблема социокультурной идентичности, без решения которой невозможен успех модернизации, становится все более значимой для соседних с Россией стран восточнославянского региона, охваченного культурным влиянием Православия. Причем активизация роли Православной Церкви в вопросах выбора модернизационных стратегий указывает на процесс разграничивания и различения западно-христианских и восточно-христианских культурно-цивилизационных векторов развития. Радикальные проекты современного Православия связаны с построением теократического государства, что указывает на стремление определенных социальных сил в России рассматривать православную идеологию в качестве культурного ядра социально-политической интеграции восточнославянских народов после распада СССР.

Западная цивилизация, в свою очередь, демонстрирует рост правых, почвеннических настроений и укрепление социокультурных фильтров, обеспечивающих культурно-мировоззренческое единство не только западно-христианской Европы, но и той части западной ойкумены, которая связана с Северной Америкой и развитыми странами тихоокеанского региона (Австралия, Новая Зеландия).

К тому же, намечаются векторы культурно-цивилизационной интеграции латиноамериканских государств, имеющих иберийскую языковую основу, и рост национального самосознания ряда африканских народов.

Специфический «ренессанс» культурных традиций обусловлен не только появлением новых цивилизационных центров мировой динамики, но также необходимостью сбалансировать экспоненциальный рост материальных технологий, усугубляющих экологический кризис и социально-экономическую неравномерность мирового развития, за счет формирования адекватных современным условиям социальных технологий, основанных на специфике культурно-исторического опыта различных народов. В немалой степени это явилось следствием провала линейных экстраполяций модели «догоняющей» модернизации в развивающихся странах.

Далее, следует отметить, что на фоне возрождения интереса к специфике локальных культур и традиционным основаниям социальности вполне закономерна определенная степень ремифологизации массового сознания. Этому способствуют особенности массовой культурной индустрии, ориентированной на коммерческий успех и привлекательность для широкой аудитории, на актуализацию архаических слоев человеческой психики. Наряду с этим, ремифологизация связана с постмодернистской критикой научной рациональности и логоцентризма классической культуры. Также она коррелирует с особенностями постнеклассической науки, не требующей жесткого противостояния ненаучным формам познания, а также со спецификой развивающегося социального знания, имеющего в своей структуре значительный ценностный компонент и четко не разграниченного с идеологией.

Ремифологизация постсовременной культуры является благоприятным условием для развития социальных технологий, направленных на манипулирование общественным сознанием. С одной стороны, это облегчает организацию масс для нового витка модернизации, особенно в странах с авторитарными политическими режимами. А с другой стороны, ремифологизация массового сознания является побочным продуктом формирования новых институтов социализации, которые в условиях постсовременности пытаются опереться на локальные особенности социальных субъектов и различные этнокультурные традиции.

Также, для постмодернизации характерен поиск новых механизмов социальной интеграции и укрепления солидарности, что необходимо для мобилизации человеческого капитала и разнообразных символических ресурсов. В условиях определенного истощения исходной мотивации модерна – протестанской аскезы и трудовой этики – западные страны,

столкнувшись с негативными следствиями индивидуализма и гедонизма, пытаются найти новые основания сплоченности акторов модернизации.

Аналогично, не-западные субъекты постсовременной модернизации стремятся использовать локальные культурные ресурсы, обеспечивающие эффективность коллективных форм труда и творчества масс. Поэтому значимость коммунитаризма в постсовременной культуре скорее всего будет возрастать. Хотя легитимация этого принципа в западной ментальности потребует новой интерпретации связи таких фундаментальных ценностей европейской культуры, как свобода, равенство, справедливость. Это актуально и для духовной жизни не-западных стран, в культуре которых специфическое прочтение и соотношение данных ценностей часто способствовало оправданию различных форм тоталитаризма и деспотизма.

Наконец, все перечисленные выше изменения внутренне связаны с формированием новой иерархии ценностей. Ее стержнем могут стать не принципы инструментальной рациональности, а мировоззренческие основания культурных традиций, моральные, религиозные и социальные идеалы, ориентирующие общество на такую мобилизацию ресурсов, которая позволила бы выработать экологически оптимальную и нравственно легитимную стратегию развития человеческой цивилизации. Новые формы и темпы научно-технического развития человечества должны быть сбалансированы с закономерностями функционирования биосферы и экосистем Земли. Они должны иметь человекомерный характер, коррелировать с возможностями и темпами развития социальных технологий, формирующих определенный тип личности и социальной организации. Именно разрыв между материальными и социальными технологиями эпохи индустриализма, несоответствие темпов их развития во многом предопределили негативные социальные, культурные и экологические последствия индустриальной революции.

Очевидно, что ценностная структура нового модерна, независимо от того, как мы будем его именовать – рефлексивный, постсовременный, радикальный, второй и т.п. – потребует комплексной трансформации социальной жизни всех типов цивилизаций. Изменения затронут не только базовый уровень технологий и экономических институтов, но общество в целом, его культуру и социальные институты, способы коммуникации и системы деятельности.

Таким образом, речь идет о такой постсовременной стратегии модернизации, для которой специфичны следующие приоритеты:

универсальная ценность жизни, мирное взаимодействие цивилизаций в условиях глобализирующегося мира, солидарное противостояние глобальным вызовам в лице обострения демографических и ресурсных проблем, интенсивное сотрудничество по предотвращению экологических катастроф и непредсказуемых социально-антропологических последствий новых технологических революций.

Литература

1. Gore, A. Earth in the balance / A. Gore // Ecology and the Human Spirit. – New York, 1993.
2. Бек, У. Общество риска На пути к другому модерну / У. Бек. – М., 2000.
3. Бек У. Что такое глобализация? Ошибки глобализма – ответы на глобализацию / У. Бек. – М., 2001.
4. Модернизация : от равенства к свободе / В. В. Козловский, А. И. Уткин, В. Г. Федотова. – СПб., 1995.

Асабина Татьяна Юрьевна,
преподаватель кафедры философии и
социальных наук, факультет философии и
социальных наук,
Белорусский государственный университет,
г. Минск, Беларусь.

*Утопии в современных
стратегиях общественного
развития.*

УТОПИИ В СОВРЕМЕННЫХ СТРАТЕГИЯХ ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ

Асабина Т. Ю.

Белорусский государственный университет

Реалии конца XX – начала XXI века характеризуются все более расширяющимися и усложняющимися взаимодействиями отдельных стран и регионов, глобализацией и унификацией, серьезными изменениями в отношении ценностных ориентаций, в сфере культуры в целом. Современная ситуация общественного развития характеризуется повышенной интенсивностью, быстрой сменой технологического и ценностного пространства социума. Во многих областях жизни стали наблюдаться тенденции, которые можно охарактеризовать как кризис парадигмы рационализма в социальной, культурной, интеллектуальной сферах. Этот кризис проявляется в череде т.н. «разочарований»: 1) в науке (которая оспаривает авторитет морали в пользу практической или экономической целесообразности); 2) в прогрессе (который обесценил существование конкретной личности, низвел человека до положения простого инструмента, имеющего лишь функциональное назначение); 3) в высших ценностях (которые используются для манипуляции конкретным человеком и целыми народами); 4) в самих целях человечества (которые декларируют благие намерения, но на практике активно влекут человеческую цивилизацию к глобальному коллапсу).

В результате наступает время активного поиска вектора дальнейшего развития – как для человечества в целом, так и для отдельных цивилизаций и социальных общностей. Для решения этих проблем в философских исследованиях, равно как и в других областях культуры, идут трудные поиски элементов нового мировоззрения, новых духовно-нравственных оснований общественной трансформации, вызванных цивилизационными переменами в современном мире. В контексте этих процессов особое место занимают размышления о

будущем, в которых определяются новые социальные ориентиры, представляются перспективные планы, производится осмысление наиболее эффективных механизмов для их реализации и вырабатываются ценностные приоритеты будущего социального развития. Социокультурный контекст современности обуславливает силу и частоту оживления утопических настроений. Для современного западноевропейского общества утопии оказались содержательны и интересны как способ прогностического мышления, как способ артикуляции и понимания наиболее острых проблем гуманистики и культуры, а также как метод постановки идеального эксперимента. Особенностью современного утопического творчества является, прежде всего, то, что утопические проекции перестали ориентироваться только на экономические проблемы и не отличаются характерной прежде фундаментальностью. В настоящее время различные течения западной утопической мысли ориентируются на такие социальные, культурные и психологические феномены как гендер, расы, сексуальность, религия, любовь и другие [1, с. 7]. С содержательной стороны многие современные утопии рисуют будущее состояние общества, если возобладают те или иные линии цивилизационных изменений. Примером таких утопий могут служить практопия Элвина Тоффлера или «глобальная деревня» Маршалла Маклюэна, являющиеся разновидностью представлений о будущем развитии человечества в рамках постиндустриального общества. Свою теорию Э. Тоффлер называет «практической утопией», в основе которой лежит система социальных реформ, направленных на построение не идеального, но лучшего, чем современный, мира [2]. Несмотря на то, что это образ предпочитаемого будущего, по мнению Тоффлера, он вполне реализуем и даже практически осуществлен. Социокультурные изменения в практопии связаны с развитием техники и технологии, предполагающие новые решения социальных, культурных, философских и даже личных проблем выработкой конкретных практических рекомендаций. В новом обществе должны быть «новые люди» – просто гуманные, счастливые индивиды, испытывающие радость от своей работы, от общения друг с другом и близости к природе, свободно созидающие свой внутренний и внешний мир.

Другой теоретик концепции информационного общества – Маклюэн – для описания новой коммуникационной и культурной ситуации ввел понятие «глобальная деревня», имея в виду все

современное общество, как оно воспроизводится с помощью «электронных» средств общения (телевидения, радио, кино, телекоммуникаций) [3]. Приход электронных средств коммуникации на смену печатным радикально преобразует всю сферу межчеловеческой коммуникации в направлении слияния изолированных друг от друга индивидов, наций и рас в единое коммуникативное сообщество, названное Маклюэном «электронным сообществом». Граждане «электронного сообщества» или «информационного общества» – это и есть жители «глобальной деревни», в которой может жить и поддерживать характер ее глобальности только «электронный человек» с его восприятием, мышлением, мировоззрением и психологией, адаптированными электронными средствами коммуникации. Эта форма коммуникации формирует новую социальную структуру в пределах существующего контекста культуры. Так как в «глобальной деревне» люди вольно или невольно, но все основательнее влезает в жизнь друг друга, встает проблема управления этой «всемирной деревней» с помощью инженерных, управленческих, «менеджеральных» технологий. Маклюэн уверенно утверждает, что со временем можно будет программировать стабильность эмоционального климата целых культур точно так же, как поддерживается равновесие рыночных экономик мира.

Будущее «информационного общества» затрагивается также в концепции холотехнодемократии Марио Бунге [4]. Свою концепцию Бунге представляет как «идеальную» альтернативу капитализму и социализму, которые исчерпали свои исторические возможности и не соответствуют современным реалиям культуры и общественного развития. С точки зрения автора, наилучшим вариантом для современного общества может стать холотехнодемократия, или интегральная демократия, пронизанная социотехнологией, основанной на науке, рациональном и просвещенном правлении союза народа и экспертов. По замыслу Бунге, обществом будет управлять некая постклассовая научно-техническая элита, т.е. сообщество таких научно-технических работников (математиков, программистов, экономистов и др.), которые будто бы лучше всех остальных знают, как найти и обеспечить наиболее оптимальные и эффективные решения проблем функционирования и развития общества. Интегральная технодемократия призвана дополнить политическую и экономическую демократии демократией культурной – так возникнет общественный

строй, который не только позволит, но и станет поощрять равный доступ к богатству, культуре и политической власти. Холотехнодемократия установит т.н. «квалифицированное равенство», т.е. равенство посредством кооперативной собственности, самоуправления, политической демократии и технической экспертизы.

Примером еще одной попытки глобального научно-культурного проектирования выступает экоутопия, адресованная экологически озабоченному сознанию. Основной ценностью экоутопии является уважение к природе и бережное к ней отношение. Это модель экологически идеального общества, в котором все живут по гуманным законам, сознательно питаются вегетарианской пищей, для производства электричества используют возобновляемые источники энергии (например, солнечной), тщательно сортируют мусор и используют для передвижения безопасный для окружающей среды транспорт. То есть в основе экоутопии лежит дружественный, «охранный» по отношению к окружающей среде стиль жизни, а главной формой осуществления этой современной социальной утопии стали т.н. экотопии, или выездные международные лагеря, где люди собираются вместе для проживания по принципам экоутопии. В рамках экоутопии также развивается движение зеленого туризма. Целью сторонников современной экоутопии называется демонстрация примеров жизни в гармонии с природой, экологическое воспитание людей и поддержка общественных организаций «зеленых».

Вместе с тем, углубление индивидуализма в современной культуре и атомизация общества вызывает усиление интереса к внутреннему миру личности и, соответственно, порождает различные варианты утопии, ориентированные на достижение душевного равновесия и физического здоровья и выдающие себя за чисто научные практики. К такого рода утопическому программированию социальной терапии личности можно отнести «эупсихию» Абрахама Маслоу [5]. Маслоу назвал этим термином идеальное общество, которое может быть создано как объединение психологически здоровых, самоактуализирующихся людей. Все члены такого общества стремятся как к личному развитию, так и к свершениям в своей работе и совершенству в своей жизни. А. Маслоу исходил из того, что мир нельзя улучшить посредством индивидуальной психотерапии, поэтому он выдвинул идею «эупсихологии», или «хорошего психологического управления». Он утверждал, что рабочие достигнут максимально возможного уровня

производительности труда, если их «человеческие качества» и возможности самоосуществления смогут развиваться в направлении удовлетворения их высших потребностей, к которым Маслоу отнес любовь, уважение и самоактуализацию. Если использовать в качестве технологии социального управления принципы «психологии здоровья», то возникнет особая закрытая среда – идеальная культура, не подверженная внешнему воздействию. Она смогла бы породить тысячи «самоосуществляющихся» личностей, уже удовлетворивших свои низшие потребности в физиологическом благополучии и безопасности и направленных на высшие устремления человеческой природы – «осуществить себя», т.е. стать тем, кем они могут стать. Позже Маслоу заявил о существовании метапотребностей, которые выходят за рамки самоосуществления. Это трансперсональные потребности в самотрансцендировании – т.е. «превосхождении себя». По мнению автора эупсихии, эти транчеловеческие метапотребности сосредоточены вокруг космоса, религии и мистического царства бытия.

Таким образом, именно глобальные проблемы современности побуждают общество ставить вопросы о будущих формах его развития, его социокультурных основаниях, ориентирах. Общество как развивающаяся система нуждается в определении целей и программ своего развития, которые призваны сохранить его и обеспечить ему стабильность. Утопическое сознание как особая форма восприятия и подхода к социальной реальности является одним из тех способов футурологического видения и моделирования социальных альтернатив, которые оказываются в фокусе общественного внимания и научного интереса. Культурные и социально-политические реалии постмодерна, такие как вхождение в постиндустриальное общество с его глобальными информационными сетями и технологиями, а также возрастающая роль образования и концентрация общественной жизни во внеэкономической – публичной, гражданской, культурной, духовной – сфере, привело к возникновению нового типа утопий – технологических, генно-инженерных, информационных, компьютерных, футурологических и др.

Литература

1. Александер, Дж. Прочные утопии и гражданский ремонт / Дж. Александер // Социологические исследования. – 2002. – № 10. – С. 3-11.
2. Тоффлер, Э. Метаморфозы власти: знание, богатство и сила на пороге XXI века / Э. Тоффлер. – М., 2009.

3. Маклюэн, М. Законы медиа / М. Маклюэн // История философии. – М., 2001. – С. 124-162.

4. Бунге, М. Холотехнодемократия: альтернатива капитализму и социализму / М. Бунге // Вопросы философии. – 1994. – № 6. – С. 42-46.

5. Маслоу, А. Мотивация и личность / А. Маслоу. – СПб., 1999. – С. 77-105.

Бабосова Екатерина Сергеевна,
кандидат социологических наук, старший
научный сотрудник, Институт социологии
Национальной академии наук Беларуси,
г. Минск, Беларусь.

*Средства массовой
информации как фактор
формирования социально-
политических ориентаций
населения Беларуси.*

СРЕДСТВА МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ОРИЕНТАЦИЙ НАСЕЛЕНИЯ БЕЛАРУСИ

Бабосова Е. С.

Институт социологии НАН Беларуси

В настоящее время большое влияние на формирование социально-политических ориентаций населения оказывают средства массовой информации. Они способствуют расширению возможностей реального участия самых широких слоев населения в политическом процессе и дают возможность оказывать большее влияние на правительственные органы, на законодательную и исполнительную власть, руководство партий, политических деятелей, на процесс принятия политических решений.

Для выяснения специфики воздействия средств массовой информации на социально-политические ориентации необходимо определить, какие источники информации являются наиболее предпочтительными для населения. Согласно данным ежегодного республиканского мониторинга общественного мнения, проведенного Институтом социологии Национальной академии наук Беларуси в ноябре 2011 года по общереспубликанской выборке, в качестве основного источника информации лидерство сохраняется за центральным телевидением – 85,2 % респондентов используют этот канал получения информации (таб. 1).

Табл. 1. Источники, из которых население Республики Беларусь предпочитает получать информацию

Из каких источников Вы обычно получаете информацию?	Количество ответивших, %
Телевидение	85,2
Интернет	43,1
Периодические печатные издания	40,1
Радио	39,9
От родственников, друзей, коллег и т.п.	33,9
Официальное информирование по месту работы	7,4
Из других источников	0,8

Данные, приведенные в таблице, свидетельствуют о том, что на второе место по популярности среди населения Беларуси выходит Интернет – отсюда черпают информацию 43,1 % респондентов, а за ним следуют периодические печатные издания – их предпочитают использовать для получения информации 40,9 % респондентов. В удовлетворении информационных интересов белорусов меньшую роль по сравнению с вышеперечисленными источниками информации играют такие каналы как родственники, друзья и коллеги, информирование по месту работы и другие источники.

При этом все более возрастающую значимость в процессе информирования и формирования социально-политических ориентаций населения Беларуси играет функционирование глобальной компьютерной сети Интернет. Социально-политическая информация занимает в этой сфере значительное место – это электронные версии и дайджесты газет, сетевые газеты и журналы, электронные сайты, посвященные обсуждению животрепещущих вопросов, оперативно меняющие содержание и получаемые в режиме реального времени. Быстро расширяется, в том числе и в Беларуси, сеть пользователей этой информационной сети. Так, согласно данным исследования белорусской онлайн-аудитории gemiusAudience в период с 2009 по 2011 г. ее количество увеличилось на 31,1%. На данный момент общее количество пользователей сети Интернет в Беларуси составляет более 3,78 миллионов человек. Больше всего пользователей среди лиц в возрасте от 25 до 34 лет (28%). Также активно пользуется ресурсами Всемирной паутины молодежь в возрасте от 19 до 24 лет (27,6%). Доля людей в возрасте от 35 до 44 лет среди белорусских

пользователей сети Интернет составляет 18,35%. Исследование онлайн-аудитории gemiusAudience проводится на европейских рынках с 2002 года. В Беларуси оно запущено в 2009 году и реализуется по технологии Cookie Panel. В июне охват исследования составил 85,56% аудитории. Число просмотренных страниц белорусскими участниками исследования превысило 1,45 млрд. Время, проведенное на сайтах-участниках, составило около 35,16 миллионов часов.

То, что Интернет является сейчас самым быстро развивающимся средством коммуникации и источником социально-значимой информации в обществе, подтверждают и данные социологических опросов, осуществленных Институтом социологии Национальной академии наук Беларуси. В период с 2006 по 2011 гг. количество пользователей, применяющих сеть Интернет для поиска интересующей информации, увеличилось в несколько раз: если в 2004 году обращались к ресурсам всемирной сети лишь 6,4% респондентов, то в 2011 их количество возросло до 43,1% (таб. 2).

Табл. 2. Динамика использования средств массовой информации населением Беларуси

Виды СМИ	Годы (количество опрошенных, %)					
	2004	2005	2006	2007	2010	2011
ТВ	86,6	86,4	86,2	86,4	94,0	85,2
Журналы, газеты	45,8	43,0	44,0	41,7	52,3	40,1
Радио	22,5	27,8	22,9	25,3	44,3	39,9
Общение с друзьями, знакомыми, родственниками	30,2	16,5	19,6	20,3	30,0	33,9
Интернет	6,4	10,2	11,7	15,0	31,7	43,1
Информирование по месту работы, учебы	3,1	3,6	3,5	3,5	9,7	7,4

Подводя итог вышесказанному можно сделать вывод о том, что средства массовой информации играют большую роль в процессе формирования социально-политических ориентаций населения Беларуси. Результаты социологических исследований свидетельствуют о том, что белорусы предпочитают получать информацию из таких традиционных источников как телевидение, печатные издания и радио. Кроме того, в последнее десятилетие в Беларуси, как и во всем мире, интенсивное развитие информационных технологий внесло существенные коррективы во влияние традиционных средств массовой информации – использование сети Интернет приобретает все большую популярность среди населения. Это свидетельствует о формировании новых информационных и коммуникационных традиций у нынешнего и будущих поколений белорусов и актуализирует дальнейшее изучение влияния средств массовой информации на формирование социально-политических ориентаций.

Балбуцкая Марина Александровна, младший научный сотрудник, Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск, Беларусь.	<i>Репродуктивное поведение женщин малых городов и сельских поселений Беларуси.</i>
--	---

РЕПРОДУКТИВНОЕ ПОВЕДЕНИЕ ЖЕНЩИН МАЛЫХ ГОРОДОВ И СЕЛЬСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ БЕЛАРУСИ

Балбуцкая М. А.
 Институт социологии НАН Беларуси

На современном этапе Республику Беларусь характеризует сложная демографическая ситуация. Более пятнадцати лет наблюдается тенденция сокращения общей численности населения [1, с. 13-14]. При снижающейся рождаемости не обеспечивается простое воспроизводство населения. Так, суммарный коэффициент рождаемости по республике в целом в 2010 году составил 1,494, в том числе 1,383 для городского и 2,112 для сельского населения Беларуси [1, с. 273-275]. Статистические данные по-прежнему свидетельствуют о процессе естественной убыли населения республики [1, с. 123]. При сохранении тенденции, по мнению учёных, к концу XXI века в республике будет проживать около 3-х млн. человек [2; 121]. В репродуктивном поведении белорусов необходимы изменения, в частности, крайне важно, чтобы белорусы ориентировались на увеличение детности семьи.

Демографические проблемы являются чрезвычайно актуальными для РБ и требуют внимания учёных различных областей знания. Использование статистических методов позволяет определить какими объективными факторами обусловлены изменения демографической ситуации. Между тем, именно с помощью социологических методов становится возможным выявление субъективных факторов. Опрос населения позволяет исследовать личностные причины, обуславливающие отказ от рождения в семье желаемого числа детей, изучать мнения и сравнивать оценки различных категорий респондентов. Так, по результатам проведённого в мае 2011 года Отделом социологии регионального развития Института социологии НАН Беларуси социологического исследования (руководитель – д.ф.н. Р.А. Смирнова), помимо репродуктивного поведения женщин малых городов и сельских поселений были проанализированы факторы, препятствующие

планированию рождения ребёнка и реализации репродуктивных установок. Общий объем республиканской репрезентативной выборки по исследованию составил 1768 человек. Опрашивались жители сёл и малых городов. Подвыборка жителей малых городов составляет 363 человек в возрасте от 16 лет и старше, из них 45,2% – мужчины, 54,8% – женщины. Число женщин, проживающих в малых городах, в возрасте до 49 лет включительно составляет 127 человек. Подвыборка сельских жителей составляет 1405 человек в возрасте от 16 лет и старше, из них 42,6% – мужчины, 57,4% – женщины. Число сельских женщин в возрасте до 49 лет включительно составляет 543 человека.

Репродуктивное поведение – система действий и отношений личности в связи с рождением или отказом от рождения детей любой очередности в браке или вне брака. На репродуктивное поведение влияет *репродуктивная установка* – предрасположенность личности к рождению определенного числа детей. В зависимости от того, удовлетворяют ли репродуктивные установки потребностям общества, их делят на благоприятные и неблагоприятные. Благоприятной репродуктивной установкой является желание иметь в семье более двух детей. Однако желание без намерения никогда не исполнится. Намерение – это осознанная цель, решимость и готовность к действию при отсутствии сомнений в его необходимости. Желание иметь ребёнка, при намерении его иметь побуждает личность планировать рождение ребёнка. *Репродуктивный план* является результатом планирования – оптимального распределения ресурсов для достижения поставленной цели – и касается будущего рождения детей. Таким образом, репродуктивный план приводит к реализации репродуктивной установки.

Нормативно-ценностная система личности, определяющая саму потребность в детях (в том числе, количество детей в семье), стереотипы, выработанные под влиянием родительской семьи, ближайшего окружения обуславливают репродуктивную установку, как и само репродуктивное поведение. Факторами, препятствующими реализации репродуктивных установок, могут выступить и биологические, и социально-экономические, и социокультурные, и психологические. Оценка личностью своей реальной жизненной ситуации позволяет либо не позволяет от репродуктивной установки перейти к репродуктивному плану, от воплощения которого зависит репродуктивное поведение.

Острый характер демографических проблем в сельской местности, как и в Беларуси в целом, свидетельствует о преобладании среди

населения неблагоприятных репродуктивных установок. Для изучения особенностей репродуктивного поведения из общего объёма выборочной совокупности были извлечены две подвыборки: жители малых городов и жители сельских поселений, внутри которых затем были извлечены подвыборки женщин фертильного возраста, так как эта категория респондентов включает в себе основной репродуктивный потенциал малых городов и сёл. Дальнейшая работа была направлена на выявление факторов, препятствующих женщинам реализовать желание иметь большее число детей. Предстояло решить ряд исследовательских задач: выявить и сопоставить репродуктивные установки и репродуктивное поведение; выявить наличие планов рождения ребёнка; выявить факторы, обуславливающие отказ от планирования рождения ребёнка и не позволяющие реализовать репродуктивную установку.

Среди женщин фертильного возраста, проживающих в малых городах, 19,7% опрошенных не имеют детей, 32,3% имеют одного ребёнка, 37,8% – двоих, 10,3% – троих и более детей (Здесь и далее анализ данных проведён от числа ответивших, т.е. из анализа исключены пропущенные ответы респондентов). Притом, что 24,5% данных женщин хотели бы иметь одного ребёнка, 54,3% – двоих, 21,3% – троих и более детей. В то же время среди сельских женщин фертильного возраста, 18,6% опрошенных не имеют детей, 18,6% имеют одного ребёнка, 43% – двоих, 19,8% – троих и более детей. Хотели бы иметь одного ребёнка 11,9% опрошенных сельских женщин, двоих – 60,1%, троих и более детей – 28%.

Сопоставление (в анализ помимо женщин, у которых есть дети, включены женщины, которые ещё не имеют детей) репродуктивных установок и репродуктивного поведения позволило выделить три группы женщин, различающихся в зависимости от того, соответствует ли желаемое число детей фактическому (реальному):

1) женщины, у которых желаемое число детей больше фактического (в малом городе – 51,1%, в селе – 39,4%);

2) женщины, у которых желаемое число детей соответствует фактическому (в малом городе – 47,9%, в селе – 59%);

3) женщины, у которых желаемое число детей меньше фактического (в малом городе – 1,1%, в селе – 1,6%).

Дальнейшему анализу подвергались лишь мнения и оценки женщин, у которых желаемое число детей больше фактического. Так, выявлено, что желаемое число детей у женщин малых городов не превышает четверых, у сельских женщин – не превышает шести. Значительная часть опрошенных

женщин, имеет установку на среднедетную семью (в малых городах – 52,1%, в сёлах – 56,2%). Число женщин, которые хотели бы иметь более двоих детей в семье, в малых городах составляет – 33,4%, в сёлах – 33,8%.

Установлено, что среднее фактическое число детей у женщин, проживающих в малых городах, составило 0,92, желаемое – 2,21. У сельских женщин среднее фактическое число детей составило 0,80, желаемое – 2,41.

В группах женщин фертильного возраста, у которых желаемое число детей в семье больше фактического, репродуктивные планы рождения ребёнка в ближайшем будущем встречаются у 31,3% опрошенных в малых городах и у 42% – в сельской местности.

Причинами, по которым рождение детей не планируется в ближайшем будущем, для женщин, проживающих в малых городах, чаще всего являются недостаточный уровень доходов (58,8%), возраст и состояние здоровья (38,2%), недостаточно хорошие жилищные условия (32,4%), семейное положение «не замужем» (29,4%), отсутствие уверенности в будущем (29,4%). Данные причины значимы и для сельских женщин, хотя в пятёрку основных они входят и в другом порядке – состояние здоровья (41,2%), семейное положение «не замужем» (38,2%), недостаточный уровень доходов (28,4%), отсутствие уверенности в будущем (19,6%), недостаточно хорошие жилищные условия (14,7%).

Это говорит о том, что социальные факторы, связанные с социальной политикой, уровнем развития экономики, оказывают существенное влияние на реализацию репродуктивных установок женщин. Кроме этого, велика роль биологических и социокультурных факторов.

По результатам исследования репродуктивного поведения сделаны следующие выводы:

а) женщины фертильного возраста

- среди женщин, проживающих как в малых городах, так и в сельской местности, практически каждая пятая не имеет детей. Практически каждая третья опрошенная женщина в малом городе имеет лишь одного ребёнка – этот показатель практически в два раза выше, чем в сельской местности;

- среди женщин, проживающих как в малых городах, так и в сельской местности, преобладают установки на среднедетную семью. Число женщин, ориентированных лишь на одного ребёнка в семье, среди тех, кто проживает в малых городах, в два раза выше, чем в сельской местности;

- репродуктивные установки реализованы не всеми женщинами – в малом городе у каждой второй женщины желаемое число детей в семье больше фактического, в сельской местности – у каждой третьей.

б) женщины фертильного возраста, у которых желаемое число детей больше фактического

- женщины из малых городов ориентированы иметь не более четверых детей в семье – этот показатель в полтора раза ниже, чем у женщин, проживающих в сельской местности;

- как в малых городах, так и в сельской местности, большая часть женщин имеет репродуктивную установку двухдетности, притом, что на многодетность ориентирована каждая третья женщина;

- среди женщин, проживающих в малых городах, среднее желаемое число детей более чем в два раза выше среднего реального. Среди сельских женщин оно выше в три раза.

- в малых городах 2/3 опрошенных женщин фертильного возраста не планируют рождение ребёнка в ближайшем будущем. В сельской местности репродуктивные планы встречаются среди женщин на 10,7% чаще;

- в малых городах, чаще отмечается влияние на реализацию репродуктивной установки женщин социально-экономических факторов (недостаточный уровень доходов не позволяет планировать рождение ребёнка в ближайшем будущем каждой второй женщине, живущей в малом городе, а в сельской местности – каждой четвёртой).

Литература

1. Население Республики Беларусь: статистический сборник. – Минск, 2011.

2. Злотников, А. Г. Демографический фактор развития Беларуси / А. Г. Злотников // Социальные и социокультурные процессы в современной Беларуси. – Минск, 2005. – С. 108-123.

Балич Наталья Леонидовна,
кандидат социологических наук, старший
научный сотрудник, Институт социологии НАН
Беларуси, г. Минск, Беларусь.

*Влияние глобализации на роль
женщины в обществе и семье.*

ВЛИЯНИЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ НА РОЛЬ ЖЕНЩИНЫ В ОБЩЕСТВЕ И СЕМЬЕ

Балич Н. Л.

Институт социологии НАН Беларуси

В современном мире на всех континентах, независимо от уровня развития стран, в условиях глобализации протекают сходные процессы и возникают одни и те же проблемы, которые одинаково отражаются на роли женщин и гендерных отношениях.

Женщины составляют большую часть населения Земли. Им принадлежит ключевая роль в процессах воспитания на индивидуальном и общественном уровнях. Многие женщины в странах с христианской культурой участвуют в производственной, экономической и политической деятельности. Обычны их вклад в финансовое благополучие семьи и равная, а порой и ведущая роль в принятии семейных решений. Это, с одной стороны, способствует росту самосознания женщины, ее равенству в супружеских отношениях, но с другой – усугубляет конфликтную ситуацию между полами, воздействует на демографическое поведение женщин, что приводит к снижению рождаемости. Традиционные роли женщины и мужчины в семье (ведение домашнего хозяйства, воспитание детей; обеспечение главой семьи экономического достатка) дополнились еще и социальными ролями. Это существенно изменило характер современной семьи и повлекло за собой ряд позитивных и негативных для общества последствий, что побуждает осознать важность сохранения и укрепления духовно-культурных традиций семьи.

На протяжении тысячелетий семья является основной формой социализации человека. Вопрос о роли семьи и ее влиянии на формирование человека привлекал внимание многих ученых и философов разных эпох. Еще Платон считал, что все зло мира и эгоистичность людей, их сословное неравенство произрастают, прежде всего, из наличия неравных условий воспитания в семье. Действительно, определяющая роль семьи обусловлена ее глубоким влиянием на весь комплекс физической и

духовной жизни растущего в ней человека. Семья для ребенка является одновременно средой обитания и воспитательной средой. Но кроме физического воспитания, ему нужно воспитание общественное, т. е. нравственное. Именно в семье ребенок получает весь комплекс первых представлений о культуре, которая является инструментом формирования сознания человека и качественно изменяет его с помощью полученной информации. С. Московичи доказал устойчивость социальных когнитивных схем, которые состоят из единиц информации культуры, т. е. мышление оперирует теми понятиями, которые являются заданными конкретной культурой [1]. Результат присвоения «культурного мышления» – успешная социализация индивида, т. е. усвоение и применение соответствующих социально-культурных установок, позволяющих ему успешно функционировать в обществе.

Воспитание детей относится к самым трудным сферам человеческой деятельности. По мнению педагогов, большинство родителей приступает к этому сложному и ответственному делу, «имея лишь иллюзии осведомленности» [2, с. 159]. Об этом парадоксе еще К.Д. Ушинский писал, что искусство воспитания имеет ту особенность, что почти всем оно кажется делом знакомым и понятным, а иногда даже делом легким – и тем понятнее и легче кажется оно, чем менее человек с ним знаком теоретически или практически.

В современной отечественной педагогической литературе семейное воспитание рассматривается как процесс педагогического взаимодействия родителей и детей в целях создания необходимых социальных и педагогических условий для гармоничного развития ребенка, формирования у него жизненно важных качеств и свойств личности. Такое воспитание не должно быть односторонним, а совершаться под совместным влиянием мужчины и женщины как представителей обеих половин человеческого общества. Это обуславливает важность совместного проживания мужчины и женщины как необходимого условия полноценного воспитания своих детей.

Выделяют семьи разных типов – патриархально-авторитарные, нуклеарно-демократические, семьи смешанных форм, когда совместное проживание нескольких поколений уже не связано со строгой семейной иерархией. Но в любой из них система внутрисемейных отношений основывается, прежде всего, на взаимоотношениях между супругами. От характера и формы этих отношений зависит нравственно-эмоциональный климат семьи и, следовательно, ее воспитательные возможности.

Вероятно, не случайно в обществе бытует мнение, что современная семья поддерживается не столько необходимостью совместного выживания, сколько психологическими мотивами.

Для понимания роли женщины в сохранении духовно-культурных традиций в семье большое значение имеет анализ ролевых отношений супругов. Ролевые отношения образуются при выполнении определенных функций в семье и могут характеризоваться ролевым согласием или ролевым конфликтом. Социологи отмечают, что ролевым конфликтом может проявляться в том случае, если одна из ролей включает в себя противоречивые требования. В современных семьях такого рода проблемы чаще всего присущи женской роли. Это имеет свое проявление в следующем:

- традиционная роль хозяйки и воспитательницы детей сочетается с современной ролью, предполагающей равное участие супругов в материальном обеспечении семьи;
- более высокий статус жены в социальной или профессиональной сфере переносит свои ролевые функции во внутрисемейные отношения;
- трудное психологическое освоение семейной роли связано с неподготовленностью девушки к исполнению супружеских и особенно родительских ролей (нежелание переложить на свои плечи хозяйственные заботы семьи и рождение ребенка, попытка вести беззаботный образ жизни).

М. Л. Михайлов еще в 1860 г. писал, что «только коренное преобразование женского воспитания, общественных прав женщины и семейных отношений представляется спасением от нравственной шаткости, которой, как старческой немощью, больно современное общество» [3, с. 486].

Белорусский народ имеет богатейшие духовно-культурные традиции, которые направлены на формирование истинных духовных ценностей. Поэтому очень важно в условиях глобализации сохранить культурное наследие, привлечь женщин к использованию накопленного опыта в деле сохранения семейной культуры:

- осознание ценности семьи как принадлежности к своему народу, Отечеству;
- понимание и поддержание нравственных устоев семьи: любовь, ответственность, взаимопомощь, почитание родителей, забота о младших и старших;

- бережное отношение к жизни человека как высшей ценности, забота о продолжении рода.

Культурное наследие – духовный, культурный, экономический и социальный бесценный капитал. Наравне с природными богатствами это главное основание для уважения нации и признания мировым сообществом. Поэтому сохранение духовно-культурных традиций должно быть одной из приоритетных задач для любого государства. Сказанное немыслимо без приобщения к принятым в обществе основополагающим ценностям, без осознания важности сохранения и укрепления духовно-культурных традиций семьи. Это позволит ребенку развивать свой эмоциональный и социальный резерв, что в дальнейшем определит его социально-психологическое благополучие, тесно связанное с качеством его взаимоотношений с членами семьи, которые в большей мере определяются женщинами.

Литература

1. Moscovici, S. *La psychanalyse, son image, son public* / S. Moscovici. – Paris, 1976.
2. Луковцева, А. К. Стиль взаимоотношений в семье. Отношения родителей и детей / А. К. Луковцева // Психология и педагогика. – М, 2008.
3. Михайлов, М. Л. Женщины, их воспитание и значение в семье и обществе / М. Л. Михайлов // Современник. – 1860. – № 4. – С. 473-500.

<p>Данилова Екатерина Александровна, кандидат социологических наук, доцент кафедры экономической социологии Института социально-гуманитарного образования, Белорусский государственный экономический университет, г. Минск, Беларусь.</p>	<p><i>Изменение ценностных основ как рефлексия на глобальные вызовы современного мира.</i></p>
--	--

ИЗМЕНЕНИЕ ЦЕННОСТНЫХ ОСНОВ КАК РЕФЛЕКСИЯ НА ГЛОБАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОГО МИРА

Данилова Е. А.

Белорусский государственный экономический университет

Сегодня постсовременный мир только прорисовывается в туманных сценариях новой архитектуры мироустройства. Позиции ведущих аналитиков сближаются по вопросу, который с их точки зрения прояснен достаточно, чтобы утверждать, что этот мир станет ответом на глобальные вызовы современности. Русский мыслитель А.С. Панарин назвал XXI век стратегически нестабильным, когда «человечество стоит перед дилеммой: либо оно откроет дверь в качественно иное будущее – либо будущего у него не будет вовсе» [1, с. 6]. Он утверждал, что «главный вопрос выживания связан не с новыми научными открытиями и технологиями, а с тем, существуют ли какие-то новые могучие средства *пробуждения совести и ответственности*, включая ответственность, диктуемую глобальными проблемами» [2, с. 9]. Осуществляемый сегодня поворот глобальной истории демонстрирует, в первую очередь, кризисность «основ нашей духовности, наших мироустроительных установок и ценностей» [2, с. 9]. В этих условиях нежелание или неготовность вовремя взглянуть в лицо реальности, игнорирование очевидных вызовов только усугубляет катастрофические прогнозы.

В настоящее время человечество во всех своих основных измерениях становится интегральным целым при увеличивающемся разнообразии. Современный мир породил беспрецедентные глобальные кризисы. Отметим только самые важные с нашей точки зрения. Это: 1. Порождение второй половины XX в. – оружие массового уничтожения, использование которого во всю мощь обнажила хрупкость и незащищенность нашей планеты, обнажила глобальную проблему выживания человечества вообще, основы человеческого бытия как такового. 2. Биосфера планеты уже не справляется с ее загрязнением, что породило глобальный

экологический кризис. 3. Все более очевидным становится антропологический кризис, когда происходит изменение генофонда человечества, возрастание стрессовых нагрузок на человека, попытки переконструировать его биологические основы.

Обострение глобальных вызовов ставит перед человечеством проблему новых стратегий развития. Обычно этот поиск связывают с необходимостью изменить фундаментальные цели человеческой деятельности. Но за каждым набором целей стоят ценности, которые в свою очередь санкционируют тот или иной вид деятельности. И тогда проблема стратегии перехода к постсовременному миру становится проблемой изменения базисных ценностей современной культуры. «Любой новый тип цивилизационного развития требует выработки новых ценностей, новых мировоззренческих ориентиров. Необходим пересмотр прежнего отношения к природе, идеалов господства, ориентированных на силовое преобразование природного и социального мира, необходима выработка новых идеалов человеческой деятельности, нового понимания перспектив человека» [3, с. 99-100].

Готовы ли мы к такому кардинальному пересмотру своего образа и понимания жизни? Увы, известные нам и проводимые нами исследования дают на сегодняшний день отрицательный ответ. «Несмотря на тенденции гомогенизации, Европа остается конгломератом национальных культур, и их невозможно уравнивать при помощи законов европейской экономической и валютной политики» [4, с. 44]. И далее они заключают, что «ценностные ориентации возникают в зависимости от национального контекста и исторического развития нации» [4, с. 55], т.е. получается, что даже глобальные кризисы и опасности пока будут решаться в рамках национальных структур, а значит, и базовые ценности останутся практически без изменений.

Учитывая, что в постсовременном мире «любая деятельность ... социально детерминирована, определена базисными ценностями культуры, которые программируют деятельность, влияют на формирование ее ценностно-целевых установок» [5, с. 6] очень важно во время заметить точки бифуркации ценностных основ данного общества, отследить направленность и содержательную компоненту неизбежных перемен, механизм их реализации. Системная трансформация всех сфер жизнедеятельности современного общества, и в первую очередь, его социокультурного пространства, ставит как отдельных индивидов, так и различные их общности (семейные, профессиональные, этнические,

территориальные, субкультурные и др.) перед необходимостью изменения их ценностных основ. Изучая ценности в контексте изменения общественного сознания и поведения людей, мы можем получить достаточно точное представление о тенденциях развития общества и индивида, а также прогнозировать, насколько эти изменения ориентированы на сохранение и воспроизводство сложившихся в данном обществе норм жизни, насколько и какие конкретно ценности становятся «точками роста» нового мира.

Для человека, живущего в переходный период, характерно обостренное восприятие действительности, стремление к переменам, поиску нового. Именно в этот период кардинально меняются основы и частично формируются долговременные жизненные установки и ценностные ориентации различных социальных групп населения. Эта перегруппировка ценностей происходит вокруг некоторого стержня, который обычно связывают с представлением человека о смысле жизни. Поиск смысла жизни, необходим, прежде всего, потому, что, в процессе его, человек приобретает новую психологическую энергию, жизненно важную для выживания и развития в новых жизненных условиях. В. Франкл, известный исследователь поведения человека в кризисных, пограничных ситуациях, считает, что здесь девизом могли бы быть слова Ф. Ницше: «У кого есть Зачем жить, может вынести почти любое Как» [6, с. 150]. И чем жестче условия, тем безусловнее должен быть смысл жизни, который помогает человеку выстоять. Он должен быть бесспорным с точки зрения фундаментальных человеческих ценностей и превращаться в конкретную цель как «фиксированную точку отсчета в будущем» [7]. «Тот же, кто уже не мог больше верить в будущее, в свое будущее, был потерян. Вместе с будущим он утрачивал и духовный стержень, внутренне ломался и деградировал как телесно, так и душевно. Чаще всего это случалось довольно внезапно, в виде своеобразного кризиса...» [6, с. 150].

В данном контексте весьма показательна динамика базовых ценностей молодежи, которая дает возможность понять аксиологические приоритеты и жизненные стратегии наиболее активной части общества, реально устремленной в будущее. При рассмотрении динамики аксиологических приоритетов белорусской молодежи на основе результатов социологических исследований (WVS, 1990; EVS, 2000, 2008) можно отметить, что основными жизненными ценностями молодежи остаются семья, работа, дружба, досуг, тогда как значение религии и политики остается относительно небольшим. Несмотря на негативные

явления, происходящие в брачно-семейных отношениях, ценность семьи не только сохранилась, но стала больше по значимости: возрастает количество молодежи, отдающей предпочтение традиционной форме совместной жизни – семье, сформировавшейся на основе заключения брака. В мотивационной структуре трудовой деятельности преобладает материальный фактор; в то же время растет число молодых людей, ориентированных на творческую, перспективную работу. Для молодежи особое значение имеет ориентация на личностное общение, которое является одним из ведущих видов проявления активности молодого человека. Несмотря на то, что ценность религии для молодежи, по сравнению с другими базовыми приоритетами, не столь велика, наблюдается тенденция увеличения среди молодых людей числа верующих, роста частоты посещения богослужений, что способствует повышению значимости религии в жизни белорусской молодежи. В политической сфере большинство молодых людей ориентировано на демократические ценности, полагая, что к демократии нужно идти путем постепенных реформ. Основными среди тенденций, отражающих динамику ценностных ориентаций белорусской молодежи, являются следующие: увеличение значимости работы и личностного общения; возрождение национальных и религиозных ценностей; рост индивидуализма и рациональности.

Теоретическая модель ценностей современной молодежи Республики Беларусь находится в процессе преобразования, происходящего под влиянием ценностных детерминант национальной идентичности и западного общества. Данная модель состоит из совокупности индивидуальных ценностей молодежи, каждая из которых, взаимодействует друг с другом, образуя тем самым единое целое. Многие прежние аксиологические приоритеты (духовно-нравственные, семейные ценности) не утратили своего значения и в совокупности с новыми установками (ориентации на собственные силы и самореализацию, преобладание материальной и прагматической составляющих, индивидуализация), обусловленными современными социокультурными процессами, способны создать благоприятную среду для успешной адаптации молодежи к столь быстро изменяющимся социальным условиям.

Современная молодежь вобрала в себя противоречия сложного периода системных преобразований белорусского общества, приведшие к изменению в их понимании образа будущего и возможных путей

достижения жизненного успеха. Но удастся ли им реализовать свои планы и мечты зависит от образцов и стандартов постсовременного общества, которое сегодня только в проектах. Мы вынуждены будем изменить мир, сделать его более справедливым и гуманным, чтобы сохранить жизнь на земле. И это правило должно стать аксиомой для постсовременного мира. Иного нам не дано.

Литература

1. Панарин, А. С. Глобальное политическое прогнозирование / А. С. Панарин. – М., 2000.
2. Панарин, А. С. Реванш истории: Рос. стратег. инициатива в XXI веке / А. С. Панарин. – М., 2005.
3. Степин, В. С. Цивилизация и культура / В. С. Степин. – СПб., 2011.
4. Хальман, Л. Карта культур Европы. Исследование основных ценностных ориентаций населения европейских стран / Л. Хальман, Ж. Хагенаас, Г. Моорс // Социология. – 2004. – № 4. – С. 44-55.
5. Степин, В. С. Новые проблемы философии науки / В. С. Степин // Социология. – 2011. – № 3. – С. 5-13.
6. Франкл, В. Человек в поисках смысла / В. Франкл. – М., 1990.
7. Динамика ценностей населения реформируемой России. – М., 1996.

Дедолко Юлия Владимировна,
студентка 5 курса отделения философии,
факультет философии и социальных наук,
Белорусский государственный университет,
г. Минск, Беларусь.

*Социальный капитал как
фактор социокультурного
развития Республики
Беларусь.*

СОЦИАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ КАК ФАКТОР СОЦИОКУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ БЕЛАРУСИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Дедолко Ю. В.

Белорусский государственный университет

Феномен социального капитала является объектом пристального исследования ряда современных социогуманитарных дисциплин в течение последних десятилетий как теоретическая концепция и как предмет эмпирических исследований. Возникнувшая в конце 1970 годов в англоамериканской социологии метафора «social capital» была выдвинута для определения и описания ресурсов социальных отношений между людьми с целью поиска дополнения, необходимого для оптимального функционирования физического и человеческого капиталов. Активное развитие этой концепции, продолжающееся по сей день, объясняется тем, что ее основоположники в четкой форме определяют функционирование современного общества в таких понятиях, как доверие, социальные сети, добровольческие ассоциации и т.д. Интерес к феномену социального капитала со стороны различных областей социальных наук связан с тем, что данная концепция позволяет адекватно оценивать роль социальных ресурсов в жизнедеятельности общества как на уровне всего социума, так и для отдельного индивида; применять некоторые принципы экономического подхода к исследованию социального поведения; создавать эффективную систему политических институтов, опирающихся на общественную активность граждан и пользующихся высоким уровнем общественного доверия.

Сегодня исследование феномена социального капитала особенно актуально, т. к. весь мир находится в состоянии серьезных изменений: переход наиболее развитых западных стран в постиндустриальное состояние; подъем индустриальных стран в азиатском регионе; радикальный характер изменений на постсоветском пространстве; процессы глобализации, затрагивающие все общества, независимо от уровня их развития. Эти тенденции привели к тому, что закономерности

воспроизводства социума были нарушены, но на фоне происходящих изменений в общественном мнении доминирующую роль приобрела исключительно высокая оценка социальных отношений как важнейшего фактора социокультурного развития общества.

В 1991 г. Республика Беларусь стала суверенным государством, получив возможность самостоятельно развиваться и проводить свою внутреннюю и внешнюю политику, вырабатывать формы взаимодействия с мировым сообществом. Разрушение устоявшихся многолетних экономических и социальных связей, последовавшее в результате краха СССР, повлияло не только на состояние экономик новообразовавшихся государств, оно непосредственным образом затронуло и их граждан. Не будет преувеличением сказать, что процессы трансформации так или иначе затронули каждого белоруса, повлияв на его систему ценностей, взглядов, взаимоотношений. Изменение траектории развития социума в результате радикальных трансформаций, начавшихся после краха социалистической модели развития и воздействия общемировой тенденции к глобализации, привело к тому, что закономерности воспроизводства общества были нарушены. Как показывают исследования, социализация людей осуществляется преимущественно в ближайшем окружении, общественное же воспроизводство социальных связей, находящееся в зависимости от ближайшего окружения, ослаблено. Однако, решение актуальных для нашего государства проблем совершенствования демократии и рынка, экономики, а также в целом задач развития белорусского общества неосуществимо без учета того, что раньше называли человеческим фактором, а в современной интерпретации – социальным капиталом.

Феномен социального капитала, как показывают данные теоретических и эмпирических исследований зарубежных и белорусских ученых, позволяет обнаружить продуктивность ресурса социальных связей, способных выступать катализатором эффективности экономического действия, политической мобилизации и общественного контроля деятельности социальных институтов общества даже в тех условиях, когда социальные институты находятся в состоянии трансформации или системного кризиса, что актуализирует исследования социального капитала странах с переходной социально-экономической системой, находящихся в условиях модернизации и «догоняющего развития».

Для белорусских ученых проблематика социального капитала стала предметом анализа сравнительно недавно, поэтому собственная

исследовательская традиция и методология исследований в указанной области находятся на стадии формирования. Однако имеющийся опыт становления гражданского общества, трудности формирования атмосферы общественного доверия, неэффективность социальных институтов в нашей стране убеждают в том, что теория социального капитала, ее концептуальный аппарат принципиально применимы для осмысления путей развития современного белорусского общества.

Проблема социального капитала становится особенно актуальной в современную эпоху глобализации, когда вопросы культурной самоидентификации индивидов и социумов выходят на первый план. Господствовавшие ранее трактовки глобализации с позиции доминирования экономического интереса, восприятия формирующегося социального порядка с позиций экономики оказались несостоятельными. Сегодня общепризнано, что экономика, как на региональном, так и на мировом уровнях сама нуждается в социальных и культурных условиях для своего развития. К этому необходимо добавить актуальность сохранения мира и политической стабильности, также во многом базирующихся на таких составляющих социального капитала, как доверие и развитое гражданское общество. Процессы глобализации, захватывающие все стороны жизни человеческого общества, способствующие международному распространению культуры и формированию единого мирового социально-экономического строя, оказывают очевидное воздействие на белорусское общество и его социальный капитал.

Согласно исследованиям белорусских социологов А.Н. Данилова и Д.Г. Ротмана, разработавшим логическую модель становления государств на посткоммунистическом пространстве, Беларусь находится на втором, названном стабилизационным, этапе развития (его предваряют поисковый этап и завершает устойчивый), характеризующимся усилением авторитета власти и постепенным улучшением жизни граждан, продуманностью действий органов социального управления, прогнозированием последствий принятия общезначимых управленческих решений, постепенным ростом уровня безопасности и спокойствия в обществе, постепенным укреплением демократических институтов, что присуще современной Беларуси [1, с. 8].

Постепенный и поэтапный подход к проведению экономических реформ позволил Беларуси избежать их наиболее негативных социальных последствий и сохранить стабильность и спокойствие в обществе. Тем не менее, в стране наблюдается ряд существенных диспропорций как в сфере

экономики, так и в области социального развития. Как отмечает А.И. Зеленков, провозглашенный в начале 90-х гг. прошлого века отказ от социалистических принципов в политике и экономике и принятие новых либерально-демократических ориентаций, приоритетов и ценностей не стали реальными регуляторами социальной жизни, поскольку не обеспечивались необходимыми законами и политическими решениями, по сей день носящими противоречивый и непоследовательный характер. В результате этого массовое сознание оказалось дезориентированным, в нем слабо просматриваются общепринятые социальные стандарты и эталоны. Возникла ситуация аномии, когда прежняя ценностно-нормативная система уже не способна реально обеспечивать социальную регуляцию, а новая еще не сформировалась.

Специфика современной социокультурной ситуации в Беларуси состоит в том, что успешная модернизация и проведение реформ в немалой степени зависят от того, насколько эффективно и рационально властвующие элиты распорядятся таким важным социальным ресурсом как высокий потенциал доверия и толерантности белорусского населения, характерные для него формы реакции на трудности переходного периода и относительно невысокие стандарты качества жизни. В данном случае мы имеем дело с одной из смыслообразующих характеристик социального капитала, приобретающего все более высокое значение для проведения структурных реформ в обществе и фронтальной его модернизации [2].

Решение проблем повышения уровня жизни, улучшение работы систем образования и здравоохранения, усиление государственной поддержки семьям с детьми и сокращение разрыва между условиями жизни в городской и сельской местности, требует существенных материальных затрат, финансирование которых зависит от устойчивого экономического роста. А стабильный экономический рост, в свою очередь, невозможен без устойчивого человеческого и социального развития. Именно поэтому на данном этапе развития Беларуси роль социального капитала особенно возрастает.

Согласно исследованиям, позитивной морально-психологической обстановке в белорусском обществе способствуют широкие межличностные контакты граждан и сохраняющийся пока высокий уровень межличностного доверия. В качестве негативной тенденции следует отметить консервацию неразвитости гражданского общества в Беларуси: добровольными ассоциациями охвачена лишь небольшая часть населения, у граждан отсутствуют навыки спонтанной

социализированности и они слабо участвуют в местных инициативах. Однако для сохранения и наращивания социального капитала чрезвычайно важно поддерживать добровольные объединения граждан. Упрощение процедур регистрации и регуляции деятельности общественных объединений, поддержка досуговых и просветительских общественных будет способствовать социализации граждан, особенно молодежи, воспитанию чувства ответственности, развитию навыков здорового образа жизни, общественному контролю за антисоциальным и противоправным поведением. Все это позволит существенно повысить эффективность социально-экономической политики белорусского государства, ускорить продвижение страны по пути устойчивого развития, сохранить самобытные черты национальной модели социально ориентированной системы хозяйствования, адаптироваться к вызовам глобализационных тенденций и интеграционных процессов в Европе.

Литература

1. Ценностный мир современного человека: Беларусь в проекте «Исследование европейских ценностей» / Д. Г. Ротман [и др.]. – Минск, 2009.
2. Зеленков, А. И. Феномен глобальной нестабильности и проблемы социокультурного развития современной Беларуси / А.И. Зеленков // Пути к стратегической стабильности и проблема глобального управления : материалы II Междунар. научного конгресса «Глобалистика – 2011», Москва, 18-22 мая 2011 г. В 2-х тт. – Т. 2. – М., 2011. – С. 55-56.

Квятковский Дмитрий Олегович,
кандидат философских наук, Южноукраинский
национальный педагогический университет им.
К.Д. Ушинского, г. Одесса, Украина.

*Изменение ценностных основ
как рефлексия на глобальные
вызовы современного мира.*

ГУМАНИСТИЧЕСКИЙ ИДЕАЛ В БЫТИИ ОБЩЕСТВА: АКТУАЛЬНОСТЬ И ПРАКТИЧЕСКАЯ ЗНАЧИМОСТЬ

Квятковский Д. О.
Южноукраинский национальный
педагогический университет им. К. Д. Ушинского

Проблема гуманистического идеала как высшего образца, регулятора и ориентира для человека и общества сложна и многозначна и внимание к ней в современных условиях повышается. Гуманистический идеал выступает важнейшей этической предпосылкой всякой человеческой деятельности. Именно он (если сформирован в сознании человека или общества) оказывает решающее воздействие на содержание и форму взаимоотношений между людьми, на отношение людей к духовным и материальным ценностям прошлого и настоящего, на экономические, экологические, политические, правовые, управленческие, образовательные и другие процессы в обществе. Так, стабильность гражданских прав обеспечивается не только формами их общественно-политической реализации, но и укоренёнными в сознании людей нравственными нормами и принципами. Возрастающая во всем мире тенденция социально-ориентированной организации экономики не может осуществляться без возрастания моральной ответственности её организаторов и исполнителей перед своими и будущими поколениями за причиняемый ущерб в хозяйственном процессе по отношению к другим людям и природе.

Трудно переоценить воздействие гуманистических ценностей, идеалов, императивов на социальные отношения людей. Так, совпадающие нравственные представления о жизненных ценностях – не единственное, но обязательное условие формирования дружеских отношений, семьи, сохранения счастливого брака, успешного воспитания детей. И, наконец, гуманизм и приоритет человека признаны одними из высших духовных ценностей современной цивилизации.

Происходящие во второй половине XX – начале XXI века изменения, в том числе и мировая глобализация, показали невозможность ограничиваться в понимании этики гуманизма только традиционными представлениями.

Главной тенденцией современной глобализации является движение к полифоническим социальным формам, всё более сложным, неоднозначным, неопределённым и мировоззренчески-хаотическим, что приводит к обесцениванию многих традиционных моральных идеалов, росту правонарушений и преступности, широкому распространению псевдокультурных и псевдогуманистических ценностей «массовой культуры» в её агрессивном воздействии. Произошедшие деформации культурных традиций и устоев общества приводят к тому, что диаметрально противоположные представления о добре и зле в значительной степени разрушают существовавшие ранее нравственные идеалы и моральные критерии оценок поведения людей, что вызывает у них проявление растерянности и неопределенности, когда они в ходе повседневной практики сталкиваются с взаимоисключающими ценностными ориентациями: от святости и сострадания до коварства и полного пренебрежения ко всему происходящему.

Вместе с тем, всемирная глобализация направляет на поиск определённой модели социального и экономического развития, способов обновления социокультурного бытия, способствует общей гуманизации общества через признание всего многообразия индивидуальных практик и установок. И в этом процессе демократизации и гуманизации общественной жизни, утверждения свободы личности складываются благоприятные возможности для формирования у человека нравственного сознания.

Я думаю, что все большую роль в этом процессе будет иметь возрастание удельного веса гуманистических идеалов в его сознании. От того, каким ценностным ориентациям отдаёт предпочтение человек, как трансформируется его нравственное сознание, в каком соотношении духовно-культурные доминанты связаны с гуманистическими идеалами, в значительной степени будет зависеть морально-духовная атмосфера социума, формирование общественной нравственности, внутренний настрой человека на добро.

Эти обстоятельства обязывают иметь более глубокие современные знания о гуманизме, гуманистических ценностях и идеалах, их сущности, структуре, содержании и императивной специфике, что и составляет цель

предлагаемого диссертационного исследования. Недостаток существующих научных знаний о гуманистических ценностях и идеалах объясняется тем, что в современную эпоху само понятие гуманистического идеала трансформировалось; оно вышло за рамки прежнего социального идеала и приобрело новые качества и характеристики.

Развитие философской мысли показывает, что проблема гуманистических идеалов человечности, справедливости, человеческого достоинства, доброты, чести, совести, милосердия, сочувствия, равенства и единства является одной из важнейших в истории развития человеческого знания. Значительное внимание ей уделяли Гераклит, Демокрит, Сократ, Платон, Аристотель, Эпикур, Р. Декарт, Ф. Бекон, Т. Гоббс, И. Кант, Г. Гегель, К. Маркс, А. Шопенгауэр и другие. В XX столетии философская мировая мысль кардинально осуществляет поворот к гуманизму и проблематике человеческого существования. Глубокое отображение проблема гуманистических идеалов нашла в исследованиях классиков философской мысли – А. Швейцера, П. Флоренского, М. Ганди, Э. Фромма, Д. Сантаяны, Ю. Хабермаса, С. Булгакова, Н. Лосского, В. Соловьева, Н. Бердяева.

Наибольший интерес к проблеме идеалов был проявлен отечественными учеными в 60-70-ые гг. XX ст. В этот период наиболее актуальными стали исследования понятия идеала, категории ценности и оценки, типов и видов ценностных ориентаций, которые были проанализированы В. Тугариновым, В. Василенко, С. Алексеевым, Н. Рыбаковой, О. Крутовой, А. Гусейновым. Становлению и функционированию моральных ценностей и идеалов личности посвящены исследования О. Дробницкого, Г. Кузьминой, О. Шишкина, К. Шварцмана, С. Королева. Современные философы – В. Василенко, В. Давидович, М. Дмитриева, О. Дробницкий, А. Кавалеров, В. Кувакин, Г. Кузнецова, Л. Максимов, Е. Осичнюк, А. Ручка, В. Тугаринов, Д. Черкашин, А. Яценко – внесли значительный вклад в изучение проблем, связанных с раскрытием природы идеала, его ценностных и социально-этических аспектов.

Исследования духовного мира и моральных ценностей и идеалов человека в обществе проводились в работах В. Антоненко, В. Астаховой, В. Бабюна, О. Бабиной, В. Баюрова, И. Бежа, В. Бежа, А. Бычко, Г. Бойченко, Н. Головатого, Л. Губерского, В. Евтуха, И. Зязюна, В. Князева, А. Конверского, В. Кременя, В. Литвина, Н. Михальченко, Н. Мокляка, Г. Надольного, Б. Новикова, В. Пазенко, Г. Прокопенко,

А. Семашко, О. Сидоренко, В. Ярошовца, Т. Ящука, П. Водопьянова, А. Зеленкова, М. Можейко, Я. Яскевич, А. Долгунова, Л. Когана, В. Лисовского, Л. Рубиной, Н. Буткевича, В. Чупрова, М. Култаевой, Н. Победы. Проблемам формирования гуманистических ценностей и идеалов молодежи посвящены научные исследования В. Андрущенко, В. Бабкина, В. Бебика, А. Колодия, С. Рябова, В. Чугуенко, О. Савченко, О. Сухомлинской, Л. Морозовой, С. Кострюкова, В. Заболоцкого, Л. Блохиной.

Для изучения интересующей нас проблематики особенно актуальными являются работы последних десятилетий, в которых философско-теоретический уровень исследования личностных идеалов непосредственно связан с осмыслением их этических аспектов. Так, моральная сфера идеалов и ценностные аспекты мировоззрения глубоко и всесторонне проанализированные в исследованиях Л. Франка, Ю. Кудрешова, В. Табачковского, В. Шинкарука, Б. Шубняка, Н. Бортниковой, А. Ермоленко, В. Малахова, А. Ручки, П. Гайденко, Б. Починка, Г. Сибашвили, О. Соболева, Д. Угриновича, И. Яблокова, О. Якубы, В. Гараджи, Ю. Левады, М. Писманика, П. Биленчука, В. Гвоздецкого, С. Зливы, Л. Удовиковой, Б. Топорнина, В. Бачинина, В. Бондаренко, М. Заковича, В. Зоца, А. Колодного, Г. Пирога, П. Сауха, А. Черного, Л. Чуприя, М. Гладкого, Л. Пилиповича, А. Верецкой, Н. Имамвердиева, В. Сиверс, А. Кавалерова, С. Пьянзина, А. Решетниченко, Л. Панченко, Н. Юхименко, И. Мухина, Л. Овсянкиной.

Отдельный важный аспект составляет проблема формирования гуманистических идеалов молодежи, в частности, их развитие посредством воспитания молодых людей. Фундаментальные исследования в области гуманизации воспитания (И. Арановской, Е. Бодиной, Л. Большуновой, В. Петрушина, С. Мильтоняна и др.) и основные идеи педагогов-гуманистов (Ш. Амонишвили, Я. Корчака, В. Сухомлинского и др.) подготовили научно-обоснованный подход к осмыслению этой проблемы. Отдельному направлению посвящены исследования, которые касаются проблем ценностей и идеалов в образовании. В работах М. Скилбека, Д. Маклеланда, Л. Комфорта, О. Рубля, К. Гершмана и др. исследуются проблемы гуманистических аспектов педагогики, основанных на традиционных западных ценностях: индивидуальной воле, равенстве возможностей, правах человека, демократическом порядке, открытости общества и т.д. Особого внимания заслуживают философские труды председателя Совета по светскому гуманизму, профессора П. Куртца,

посвященные фундаментальным проблемам гуманизма и морали человека в обществе.

Насущную актуальность философского осмысления гуманизма и гуманистических идеалов характеризует и тот факт, что современный гуманизм принадлежит к числу идейных движений, получивших организационное оформление в XX в. и интенсивно развивающихся в наши дни. Сегодня организации гуманистов существуют во многих странах мира, объединены в Международный этический и гуманистический союз, насчитывающий более пяти миллионов членов, управляемы нормативными программными документами – декларациями, хартиями, манифестами. Наиболее известными из них являются I Гуманистический манифест (1933), II Гуманистический манифест (1973), Декларация светского гуманизма (1980) и Гуманистический манифест 2000 (1999).

Несмотря на высокую социально-этическую значимость гуманистических идеалов для жизнедеятельности общества и самореализации человека, они пока не стали предметом пристального внимания философской науки, где представления о них носят, главным образом, оценочный или историко-ретроспективный характер. Отсутствуют комплексные фундаментальные работы, где были бы выявлены и исследованы сущность и структура идеалов, их этическое и аксиологическое содержание, связь и отличие гуманистических идеалов от социальных идеалов, условия и факторы формирования идеалов гуманизма в современных условиях мировой глобализации, влияние гуманистических идеалов на развитие гуманных отношений в обществе. Это еще раз подчеркивает актуальность современного социально-философского исследования гуманистических идеалов в общественном бытии.

Киреева Юлия Ивановна,
студентка 2 курса факультета международных
отношений, Белорусский государственный
университет, г. Минск, Беларусь.

*Концепция глобального
общества в контексте
современной мировой
динамики.*

КОНЦЕПЦИЯ ГЛОБАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА В КОНТЕКСТЕ ВСЕМИРНОЙ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Киреева Ю. И.

Белорусский государственный университет

Под глобализацией понимается процесс непрерывной интеграции в различных сферах общественной деятельности во всем мире: политической, экономической, социальной, культурной. Этот процесс характеризуется объединением инфраструктуры, экономических отношений, политического и межкультурного взаимодействия. Происходит формирование так называемой геоэкономики – единой рыночной экономической системы. Основным следствием данного феномена является мировое разделение труда, миграция трудовых и производственных ресурсов, концентрация капитала в отдельных регионах, а также сближение общественного и культурного сознания в различных государствах. Глобализация носит системный характер и охватывает все сферы общественной жизни мирового сообщества.

В настоящее время развивается концепция глобального общества (Global society), с точки зрения которой все люди нашей планеты являются гражданами единого глобального общества, которое состоит из множества локальных обществ отдельных стран мира. Эта концепция значительно упрощает рассмотрение процессов глобализации, которые в этом случае превращаются в обычные общественные преобразования в рамках глобального общества.

Идея глобального общества не нова. В свое время идеи о едином мировом сообществе высказывались древнегреческими мыслителями, в частности, Диогеном: он использовал понятия «космополит» и «космополия». Космополит, по Диогену, это гражданин мира, а космополия – это общество мира, и в свою очередь космополит является гражданином космополии.

Азиатские мыслители в период так называемого «золотого века» китайской философии выдвигали идеи о том, что Поднебесная – эта вся Земля, а также общество, существующее на ее просторах.

Глобализация – это сложный и противоречивый процесс. С одной стороны глобализация облегчает взаимодействия между государствами в различных сферах деятельности, а с другой стороны способствует снижению уровня жизни в некоторых странах, не участвующих в достаточной степени в интеграционных процессах. Для того, чтобы глобализация приносила пользу не только странам, входящим в так называемый «золотой миллиард», необходимо время, а также изменение существующих интеграционных моделей.

Глобализацию часто критикуют антиглобалисты, некоторые экономисты, ученые, политики. Например, известный экономист Джозеф Стиглиц написал несколько книг, в которых содержится острая критика глобализации. Стиглиц доказывает на многочисленных фактах и примерах, что она разрушает промышленность, способствует росту безработицы, нищеты, тормозит научно-технический прогресс и усугубляет экологическую катастрофу на планете. Некоторые авторы указывают на то, что глобализация используется США как инструмент для ослабления или уничтожения своих геополитических противников. Эта позиция весьма важна, так как глобализация нередко отождествляется с американизацией. Во второй половине XX века влияние Соединенных Штатов Америки усиливалось и распространилось на все мировое сообщество в политической, экономической, социальной, военной сферах. Даже в культурной сфере, в частности, в кинематографе, США занимают лидирующую позицию, выпуская большую часть фильмов для мирового проката. Многие корпорации, ставшие уже транснациональными, начинали свою деятельность в США. Известная американская компания McDonald's, имеющая огромное количество филиалов и представительств по всему миру, стала своего рода символом мировой всеобщей глобализации.

Другие страны тоже вносят свой вклад в глобализацию. Например, один из символов глобализации – ИКЕА – появилась в Швеции. Популярная служба мгновенных сообщений ICQ впервые была выпущена в Израиле, а известная программа для IP-телефонии Skype была разработана эстонскими программистами.

Глобализация в сфере культуры ведет к интенсификации процессов, лежащих в основе формирования широкого спектра явлений современной

культуры – "культуры избытка", которая характеризуется перенасыщенностью значений и нехваткой оценочных суждений, переписыванием всех знакомых вещей в новых терминах.

Важным фактором процессов заимствования и последующей институционализации культурных практик является их коммерческий потенциал – все, что может приносить прибыль, в условиях рыночной экономики обречено на коммерциализацию. Можно сказать, что в мире существует спрос, мода на культурные продукты глобализации.

Мазур Светлана Олеговна,
магистр философии, аспирантка кафедры философии и методологии науки Белорусского государственного университета, преподаватель кафедры социально-гуманитарных дисциплин Барановичского государственного университета, г. Барановичи, Беларусь.

Феномен «религиозного возрождения» в культуре глобализирующихся обществ.

ФЕНОМЕН «РЕЛИГИОЗНОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ» В КУЛЬТУРЕ ГЛОБАЛИЗИРУЮЩИХСЯ ОБЩЕСТВ

Мазур С. О.

Белорусский государственный университет

В конце XX начале XXI века происходит оживление религиозной жизни и усиление активного влияния религии на разные сферы жизнедеятельности общества. Большинство исследователей (С. Хантингтон, Р. Белла, П. Тиллих, Д. Бонхоффер) указывают на то, что на рубеже тысячелетий человечество столкнулось с феноменом «религиозного возрождения»: логика, масштабы и перспективы которого еще далеко не достаточно исследованы социально-философскими науками. Понятие «религиозное возрождение» («religion revival», «la Revanche de Dieu») получило широкое распространение еще в конце XX века и в XXI веке уже прочно вошло в научный обиход, о чем свидетельствует употребление его ведущими социологами и философами (С. Хантингтон, Р. Белла, Э. Гидденс и др.). «Религиозное возрождение» по определению означает процесс, обратный процессу секуляризации или «секуляризацию наоборот». Данный процесс предполагает нарастание в культуре и обществе приоритета религиозной составляющей, и снижение доминирования светской составляющей. Феномен «возрождения религиозности» связан с возрастающей сложностью современной жизни, с поисками стабильности, психологической устойчивости в условиях возникновения проблем, порождаемых современным этапом общественного развития: экологическая (отчуждение от природы); кризис традиционных укладов; утрата смысложизненных ориентиров; ценностные конфликты, а также обостренные поиски идентичности в рамках процессов глобализации. Во многих социологических и философских исследованиях (Я. С. Яскевич, Т. В. Кароткая, Ю. В. Яковец и др.) религия рассматривается как фактор, способствующий поддержанию стабильности

общества, стимулирующий его изменения, интегрирующий и «дающий надежду» на дальнейшее социальное развитие. Об изменении социального статуса религии констатируют ведущие религиозные деятели, в частности Святейший Патриарх Кирилл, характеризует современное общество как «постсекулярное», в котором огромное значение начинают занимать религиозные ценности и религия в целом. Религия сегодня является основным фактором, формирующим моральные ценности. Она рассматривается как сила, которая способна восстановить национальную культуру, решить проблему нравственного и социально-экономического возрождения нации. Межрелигиозный мир, который сохраняется не без поддержки государства, во многом обеспечивает общественную стабильность. Религия способна объединять людей даже принадлежащих к разным религиозным конфессиям, в настоящее время религиозность становится живой и действенной [2]. В «Основах социальной концепции Русской Православной Церкви» также делается акцент на том, что развитие науки и техники под влиянием секулярных идеологий породило последствия, которые вызывают серьезные опасения. Процессы глобализации приводят к духовной и культурной экспансии, к тотальной унификации. В итоге наблюдается стремление представить единственно возможной универсальную бездуховную культуру, основанную на понимании свободы падшего человека, не ограничивающего себя ни в чем, выступающего абсолютной ценностью и мерилom истины. Поэтому в развитии современного мира необходимо возвращение к утраченной связи научного знания с религиозными духовными и нравственными ценностями [1].

Российский исследователь Сергей Филатов отмечает, что с некоторой долей огрубления сложной и противоречивой реальности можно говорить, что глобализация – это американизация. Американская система ценностей и общественного устройства более универсальна, в первую очередь, поэтому она адекватна универсальному порядку. Православные критики глобализации обвиняют ее в том, что она несет секуляризацию и бездуховность, разрушает религиозные ценности. Однако если внимательно проанализировать реальное положение вещей, этот тезис вызывает серьезные сомнения. Поэтому неправомерно утверждать, что глобализация повсюду несет безрелигиозность. Для мусульманских стран Ближнего и среднего Востока или Индии это в основном так, в большинстве стран Европы глобализация в чем-то способствует религиозности и традиционным, основанным на религиозных ценностях

институтам, в чем-то их разрушает. Но главным является то, что глобализация не столько их разрушает, сколько изменяет и делает иным их положение в обществе [3, с. 10-27].

Исследователь Ю. В. Яковец акцентирует внимание на тенденции религиозного возрождения в обществе. Религии стали одним из факторов усиления духовного единства локальных цивилизаций четвертого поколения, глобализации духовной сферы, восстановления гармоничного единства чувственных и сверхчувственных элементов в социокультурной сфере. Религия восстановит и сохранит присущую ей нишу в социокультурном пространстве постиндустриального общества. Положительный в целом процесс интеграции сопровождался довольно опасными тенденциями усиления религиозного фанатизма, сектантства, нетерпимости к инаковерующим, что противостоит процессам цивилизационного единства и глобализации. Вновь стали реальностью религиозные войны, столкновения цивилизаций на религиозной почве [6].

Белорусская исследовательница Я. С. Яскевич отмечает, что на фоне глобализации и трансформационных процессов в мире, происходит развитие межкультурного и межрелигиозного диалога. Глобализация детерминирует процессы и механизмы национальной, культурной и религиозной самоидентификации, подрывает традиционный образ жизни, рушит барьеры на пути к общению и открытому диалогу отдельных религий и народов. Такая близость контактов может источником взаимообогащения, но может быть источником конфликтов, рождающихся в результате незнания глубинных основ иных культур и религий. Для преодоления таких негативных тенденций и укрепления взаимного понимания особенно важен межкультурный и межконфессиональный диалог в контексте глобализации современной жизни. Сегодня религиозный фактор начинает играть важную роль в жизни любого общества. Поэтому религия является основой национальной культурной традиции, тесно связана с духовными ценностями народа [7, с. 200-221].

Американский исследователь С. Хантингтон выделяет религиозный фактор как ключевой в развитии современных обществ, так как конец двадцатого века стал свидетелем повсеместного возрождения религий. Это возрождение заключалось в усилении религиозного сознания и религиозности. Глобальное религиозное возрождение, «возвращение к святыням», является ответом на тенденцию восприятия мира как «единого целого». Поэтому различия между религиями усилились. Однако именно религия в сегодняшнем мире – одна из центральных и самых главных сил,

которая мобилизует и определяет мотивы поступков людей [4]. Большая часть земного шара сегодня отвергает секуляризм, двадцать первое столетие обещает стать веком религиозности. Религиозное возрождение охватывает большинство стран мира, крупнейшие мировые нации и народы. Религия восстановила свою значимость, как в частной, так и в общественной жизни, на уровне национальных государств, и в межгосударственных отношениях [5].

Таким образом, «поворот к религии» или «религиозное возрождение» характерно для обществ, вступающих в переходную эпоху своего развития, и расстающихся с прежними идеологическими устоями, ведущими поиск новых мировоззренческих основ. В результате традиционные религии видоизменяются или возникают новые формы религии, новые варианты религиозности, соответствующие потребностям человека, живущего в современном обществе. В XXI веке значительная часть мира развивается под знаком религиозного возрождения. Обновление религии в современном мире возможно лишь на пути обретения нового опыта в условиях процессов глобализации, которые порождают взрыв этнического самосознания, международный терроризм, фундаментализм и многочисленные поиски национальной идентификации. Будущее религии зависит от того, в какой мере может быть социально значимым ее вклад в поисках ответа на глобальные вызовы современности.

Литература

1. Сборник документов и материалов юбилейного архиерейского собора русской православной церкви, Москва, 13-16 августа 2000 г. – Нижний Новгород, 2001.
2. Сила нации в силе духа. Книга размышлений Святейшего Патриарха Кирилла. – Минск, 2010.
3. Филатов, С. Религиозная жизнь Евразии: реакция на глобализацию / С. Филатов // Религия и глобализация на просторах Евразии. – М., 2009. – С. 10-27.
4. Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон. – М., 2006.
5. Хантингтон, С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности / С. Хантингтон. – М., 2004.
6. Яковец, Ю. В. Глобализация и взаимодействие цивилизаций / Ю. В. Яковец // Междунар. ин-т П. Сорокина – Н. Кодратьева. – М., 2001.

7. Яскевич, Я. С. Межрелигиозный и межкультурный диалог в контексте устойчивого развития / Я. С. Яскевич // Россия: многообразие культур и глобализация / Институт философии РАН, Московское философское общество. – М., 2010. – С. 200-221.

Мельник Наталья Николаевна,
аспирантка кафедры социологии факультета
философии и социальных наук, Белорусский
государственный университет, г. Минск,
Беларусь.

*Активный субъект в теориях
действия.*

АКТИВНЫЙ СУБЪЕКТ В ТЕОРИЯХ ДЕЙСТВИЯ

Мельник Н. Н.

Белорусский государственный университет

XXI век требует решения множества новых задач, поставленных перед человечеством. Одним из самых главных и насущных вопросов становится задача формирования активной личности, которой доступны многие каналы коммуникации, и которая получает информацию из различных источников – как традиционных, так и новых. Ответы на данные вопросы лежат также в зоне компетентности социологов, которые занимаются теорией социального действия. В этой связи особый интерес вызывает немецкая социология, в рамках которой в XX в. была сформулирована одна из наиболее перспективных интеграционных теорий современности – теория коммуникативного действия Юргена Хабермаса, а на рубеже XX – XXI вв. появилась не менее значимая теория креативности действия Ханса Йоаса. Обе эти теории дают возможность формулирования рекомендаций в сфере формирования активной развивающейся личности, – субъекта действия (включая назревшие в ряде стран трансформации) и актора в современном обществе.

В своей теории коммуникативного действия Ю. Хабермас [1] акцентирует внимание на том, что социальное действие характеризуется коммуникативностью. Под коммуникативностью немецкий социолог понимает совместную выработку intersubjectивных смыслов для координации своих действий по схеме достигнутых ранее соглашений. При этом в intersubjectивные смыслы включены цели и ценностные ориентации взаимодействующих субъектов.

Таким образом, субъект сам становится создателем и транслятором информации, которая включена в коммуникативные процессы, продуцируемые через коммуникативное действие. Этот процесс, как показывает Т. Фарман, Хабермас обозначает «через «понятия «коммуникативной рациональности» и «коммуникативного действия»,

которые являются основными для его социокультурной концепции в целом и его проектов» [2].

Значимым в связке коммуникация-действие становится то, что субъект уже является коммуникативно-действующим. Что подразумевает постоянное осознание себя в мире повседневных действий и при совершении разного рода социальных действий, которые все еще ориентированы на Другого.

Для Хабермаса коммуникация не ограничивается только межличностными контактами, но и включает межличностное взаимодействие в разных сферах. Субъект персонифицируется через взаимодействие не только через контакты с Другим, но и через взаимодействие с большими общностями.

Следовательно, «коммуникативными действиями называются такие социальные действия, целью которых является свободное соглашение участников для достижения совместных результатов в определенной ситуации» [2].

Таким образом, в теории коммуникативного действия Хабермас акцентирует внимание не только на уровень действия отдельного субъекта, но и пытается проследить влияние действия субъекта на систему. Хабермас строит свою теорию на основе полного консенсуса и понимания каждым индивидом происходящего. Отсюда он стремится показать как возможно комплексное взаимодействие двух и более субъектов, которые находятся внутри действия.

Другой немецкий социолог, Ханс Йоас, также работает в сфере теории социального действия. Он стремится показать активность субъекта действия через понятие креативности.

Йоас подчеркивает, что он не стремился свести креативность действия индивидов к некой тотальности (для объяснения макропроцессов). Для него не менее важным является исследование непредвиденных обстоятельств. Наличие у актора огромного числа вариантов выбора ведет не к увеличению количества вариантов выбора на коллективном уровне, а, как правило, создает типичные новые проблемы на уровне самого действия. Таким образом, «взаимосвязь индивидуального действия в непредвиденных условиях с большим выбором вариантов ведет к моделям, которые парадоксальным образом вновь ограничивают индивидуальный выбор» [3, с. 119]. Здесь уместно вернуться к рациональной и нормативной модели социального действия, которые помогают объяснить, почему имея неограниченные возможности действия,

индивиды все же осуществляют типичные формы поведения, которые и охраняют макросубъекта, в данном случае социальную жизнь, от неразрешимых непредвиденных обстоятельствах. Каждый субъект при выборе решения, поставленной перед ним ситуации, руководствуется своими возможностями и ориентацией на других.

Отличием теории креативности действия от предшествующей немецкой традиции становится трактовка гениальности как присущая каждому индивиду, способному решать проблемы. Поскольку, рамки креативности действия расширяются не только на форс-мажорные обстоятельства, но и на повседневную деятельность среднестатистического индивида (которому присуща гениальность). Описывая креативность как потенциальные возможности каждого, как эгалитарность в способностях любого индивида Йоас тем самым отсылает нас к идее демократии в прагматической традиции, в ответ на идею «Ницше, которая совершенно элитарна, где ограничен круг креативных личностей, и тогда историческая роль всех других – это быть слугами узкого круга этих личностей» [3, с. 114]. В этом суть нового подхода Х. Йоаса, не строить пьедесталы для узкого круга индивидов, а дать возможность каждому развить свои потенциальные возможности для решения задач социальной жизни.

Одним из ведущих стимулов к развитию креативности немецкий социолог считает критику и самокритику. Последние призваны заставить действовать субъекта и раскрыть его потенциал в ситуативных действиях.

При этом действие для Йоаса выступает динамическим процессом, актер постоянно существует в таком состоянии динамики, как бы, внутри него. Это утверждение расширяет рамки самостоятельного действия актера на все существование индивида, даже находясь в покое человек действует.

Поставленная перед актером проблема или ситуация, требующая решения изначально приводит любого индивида к обдумыванию, рефлексии будущего действия. При этом данная рефлексия всего лишь промежуточный этап в самом процессе действия актера. Постоянство процесса действия (возникающая перед нами задача действия) требует от актера повсеместного внимания, что в совокупности приводит к постоянной рефлексии, которая преобразуется в действие. Поэтому действие субъекта постоянно, даже в покое, поскольку принятие решения и возможность выбора также являются действием.

Теория креативности действия становится симбиозом предшествующих теорий социального действия. Йоас опирается на идеи классиков как немецкой социологии, так и американской социологии. Его трактовка действия строится на противопоставлении с ранее представленными и характеризуется новизной, непредсказуемостью, самостоятельностью в действии актора. Вводя понятие креативности он смещает акцент с рационального действия, нормативно-регулируемого действия и пытается внедрить идеи демократичности, почерпнутые в американском прагматизме в свою теорию креативности действия.

Литература

1. Habermas, J. Theory of communicative action: 2 V. / J. Habermas. – Boston: Beacon Press, 1984.
2. Фарман, Т. Социально-культурные проекты Юргена Хабермаса / Т. Фарман [Электронный ресурс]. – 2004. – Режим доступа: http://www.i-u.ru/biblio/archive/farman_socialno/02.aspx. – Дата доступа: 19.04.2011.
3. Йоас, Х. Действие – это состояние, в котором существуют люди в мире / Х. Йоас // Социологические исследования. – 2010. – № 8. – С. 112-122.

Никулина Юлия Владимировна,
кандидат философских наук, доцент, зам.
заведующего кафедрой теории и практики
государственного управления, Академия
управления при Президенте Республики
Беларусь, г. Минск, Беларусь.

*Теоретико-методологические
подходы к определению
феномена модернизации.*

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ФЕНОМЕНА МОДЕРНИЗАЦИИ

Никулина Ю.В.

Академия управления при Президенте Республики Беларусь

Модернизационная теория, опирающаяся на междисциплинарный подход к объяснению и обоснованию процессов социально-экономического развития, является важным направлением современной общественной мысли. В рамках парадигмы модернизации было разработано множество теоретико-концептуальных и дисциплинарных подходов, призванных объяснять различные аспекты модернизационных процессов. Сформулировать точное определение модернизации нелегко, ибо она представляет собой многогранный процесс и не сводится только к преобразованиям в экономике или совершенствованию производственных технологий, как порой принято считать. Под модернизацией обычно понимается совокупность процессов индустриализации, секуляризации, урбанизации, становления системы всеобщего образования, представительной политической власти, усиление пространственной и социальной мобильности, ведущие к формированию современного общества в противовес традиционному.

Модернизационная парадигма была сформулирована в середине XX столетия в условиях распада европейских колониальных империй и появления большого количества «молодых наций» в Азии, Африке и Латинской Америке. Сегодня существует множество теорий и понятий модернизации. Так, в 60–70-е гг. прошлого века, господствовала точка зрения, что это естественноисторический процесс, состоящий в приобщении к западному (прежде всего, американскому) образу жизни, западным либеральным ценностям, принципам рациональности и эффективности. Эта концепция была разработана американскими специалистами по странам «третьего мира» (С. Липсет, Ф. Риггс, Д. Энтер, Р. Уарт и др.) для объяснения происходящих там процессов – ломки

традиционного порядка и перехода этих стран к современному (индустриальному и демократическому) обществу.

Чуть позже данная теория была взята на вооружение официальными государственными ведомствами США для обоснования их политики в отношении этих стран. Программа модернизации (ускорения перехода от традиционности к современности) была предложена учеными и политиками США и Западной Европы странам Третьего мира в качестве альтернативы коммунистической ориентации. Распад СССР и крах социалистического лагеря, резкое ухудшение экономической и политической ситуации на постсоветском пространстве привели к тому, что по отношению к бывшим советским республикам стали говорить о модернизации по аналогии с вышеназванными странами.

Сегодня категория «модернизация» во многом утрачивает свой первоначальный смысл и этим термином зачастую пользуются для обозначения всех процессов реформаторского толка. В широком смысле модернизация сводится к формированию сильной в экономическом, политическом, военном, научном и иных отношениях страны при росте благосостояния ее населения. На уровне социальной организации общества эти процессы проявляются в форме движения от индустриализма к постиндустриализму в экономической сфере, в политической сфере – как движение от авторитарных к демократическим режимам. Как отмечает российская исследовательница Э. А. Орлова, «им соответствуют изменения в области социально значимого знания и мировоззрения: в религиозной сфере заметен сдвиг от священного к более светскому обоснованию миропорядка; в философии – от монистического к плюралистичному миропониманию; в искусстве – от стремления к стилистическому единству к полистилистике; в науке – от объективизма к антропному принципу» [1, с. 7].

Традиционно выделяют два основных типа модернизации. Первый – органическая (эндогенная) модернизация, осуществляемая естественно, в ходе исторической эволюции общества. Второй тип – неорганическая (экзогенная) модернизация, требующая влияния извне на модернизируемую культуру, которое осуществляется как целенаправленное внедрение новых культурных ценностей, образа жизни. С этой точки зрения всю мировую систему подразделяют на три исторических эшелона модернизации.

Страны Западной Европы и Северная Америка (США и Канада), а также Австралия и Новая Зеландия составили первый эшелон, от которого

импульсы модернизации распространились по всему миру. В этих странах модернизация была эндогенной. Она имела внутренние предпосылки и проистекала из всего предшествующего развития общества, а темпы и размах преобразований в разных сферах общественной жизни – в экономике, политике, культуре, общественных отношениях, социальной структуре и т.д. – в общем и целом соответствовали друг другу.

Ко второму эшелону модернизации исторически принадлежали страны Восточной и Юго-Восточной Европы, Турция, юг Италии, Португалия и отчасти Испания, некоторые наиболее развитые страны Латинской Америки, а также Япония и Россия. В этих странах складывались некоторые внутренние предпосылки капиталистического развития, но они все же были недостаточными, чтобы эти страны смогли встать вровень с мировыми лидерами. Реакция правящих кругов на внешние угрозы и обстоятельства играла куда более важную роль в модернизации этих стран, чем внутренние импульсы к социально-экономическим и политическим преобразованиям. Таким образом, их модернизация носила экзогенный характер и оказывалась возможной благодаря форсированному заимствованию готовых форм организации производства и социальной жизни у более развитых стран. Ускоренное развитие стран второго эшелона, как правило, было неравномерным. Одни сферы общества приближались по своему уровню к тому, который существовал в центре мировой системы, а другие очень сильно и надолго отставали.

Страны, исторически принадлежавших к третьему эшелону капитализма, – это страны, где изначально не было условий для модернизации, а развитие капиталистических отношений стало результатом их колонизации и вовлечения, нередко насильственного, в мировую торговлю под давлением европейских колониальных держав.

В соответствии с модернизационными теориями модернизационные процессы сопровождаются трансплантацией западных ценностей и западного образа жизни в традиционные общества. Так, например, известный американский социолог У. Мур, характеризуя динамику развития незападных обществ, писал, что «все идет в одном направлении, несмотря на различие темпов, рубежей и препятствий, модернизация – это рационализация общественной организации и социокультурной активности. Такой рациональный процесс ведет к сближению уровней развития. Модернизация поэтому – путь к конвергенции стран с различной исторической судьбой в едином мировом сообществе» [2, с. 26].

Вместе с тем проблемы и противоречия современного мира свидетельствуют о том, что обстоятельства социокультурного порядка в настоящее время оказывают неоднозначное влияние на процессы модернизации. В модернизирующихся обществах достаточно часто наблюдается трансформация имплантированных инокультурных образцов, их редукция к более примитивным формам. Еще одним распространенным проявлением модернизации становится вестернизация – целенаправленное, жесткое навязывание западной, чаще всего – американской культуры в условиях запроса на эту культуру со стороны местной элиты. Это приводит к потере вестернизируемой стороной своей культурной самобытности, что может вызывать социальный протест, враждебность по отношению к западной культуре со стороны этнической.

Сложности реализации, вплоть до кризисов и провалов, «универсальной» концепции модернизации показали западным теоретикам, что далеко не всегда и не везде западные ценности оказываются полезными для незападных культур. Следствием этого стала «модернизация» самой концепции модернизации. Ее современная трактовка учитывает высокую значимость традиционной культуры для устойчивости общества, большое разнообразие конкретных интерпретаций процессов модернизации. Форма реализации потребности модернизации определяется совокупностью культурных особенностей каждого общества.

В свете этого представляет особый интерес идеология «модернизации без вестернизации». Сама эта идея была высказана С. Хантингтоном в отношении стран «третьего мира», которые стараются поставить западный опыт на службу традиционной культуре. Она описывает отношение к проблемам социально-экономического и технологического развития некоторых стран, которые, понимая объективную необходимость развития и совершенствования политических и хозяйственных механизмов своих социальных систем, отказываются при этом слепо следовать за Западом. И наоборот, стремятся поставить некоторые западные технологии – в отрыве от их либерального идеологического содержания – на службу традиционным системам ценностей национального, религиозного и политического характера. Так, многие представители элит Третьего мира, получившие высшее западное образование, возвращаются в родные страны с набором важных познаний, но вместе с тем применяют эти познания для укрепления мощи собственных национальных систем.

Все это свидетельствует о том, что на сегодняшний день ни одна страна, пусть даже и достигшая высот технического прогресса, не выработала таких мировоззренческих установок, которые объединяли бы человечество в единое целое. Именно поэтому постоянное развитие чисто технических составляющих процесса модернизации, не соотнесенного с развитием институтов социализации, институтов культуры, обречено на провал. Актуальной задачей в этих условиях является формирование собственной модели модернизации, основанной на учете отечественных традиций и условий успешности социальных преобразований, совместном участии в решении задач социального развития основных его субъектов: государства, социально-ориентированного бизнеса и самих граждан. Необходимым условием успеха модернизационного проекта является также идейно-политическая и нравственная консолидация общества, расширение национального согласия и сохранение культурных традиций.

Литература

1. Орлова, Э. А. Социокультурные предпосылки модернизации в России. / Э. А. Орлова // Библиотека в эпоху перемен (Дайджест). – Вып. 2 (10). – М., 2001. – С. 6-15.
2. Гавров, С. Н. Модернизация во имя империи. Социокультурные аспекты модернизационных процессов в России / С. Н. Гавров. – М., 2004.

Познякова Ольга Леонидовна,
аспирантка кафедры философии культуры,
факультет философии и социальных наук,
Белорусский государственный университет,
г. Минск, Беларусь.

*Актуализация идеи
Просвещения И. Канта в
условиях поиска позитивных
сценариев развития будущего
человечества.*

АКТУАЛИЗАЦИЯ ИДЕИ ПРОСВЕЩЕНИЯ И. КАНТА В УСЛОВИЯХ ПОИСКА ПОЗИТИВНЫХ СЦЕНАРИЕВ РАЗВИТИЯ БУДУЩЕГО ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Познякова О. Л.

Белорусский государственный университет

За последние несколько десятков лет в мире обострилась необходимость разработки приемлемой программы будущего развития человечества. В свете переосмысления регулятивов деятельности и поведения людей, от которых будет зависеть вектор направления этого развития, идея Просвещения И. Канта представляет собой конструктивный элемент одного из возможных позитивных сценариев развития будущего нашей цивилизации.

По мнению российского академика В. С. Степина, строго однозначного прогноза развития человечества в ближайшем и отдаленном будущем никто не берется делать, поскольку только для очень простых систем, стабильно воспроизводящих свои состояния, предсказания могут быть строгими. «Когда ставится задача предсказать дальнейший ход исторического процесса, то реально выстраивается несколько сценариев. Какой из них реализуется, заранее определить невозможно, так как превращение потенциальных вариантов в действительность зависит от множества факторов, в том числе и случайных. Все, что возможно сделать сейчас – это обозначить веер возможностей и в лучшем случае определить, какие из них более, а какие менее вероятны». Тем не менее, несмотря на всю трудность предстоящей задачи, «из набора сценариев возможного будущего, среди которых большинство катастрофических, человечеству предстоит отыскать наиболее благоприятные, обеспечивающие не только его выживание, но и устойчивое развитие» [5, с. 3].

Целесообразность обращения к антропологическим аспектам социально-политического учения И. Канта сегодня определяется, прежде всего, их позитивной окраской. Как уже было сказано выше, большинство

современных сценариев, прогнозирующих будущее человечества, увы, предсказывают катастрофический исход. И здесь прогрессистское понимание развития истории, так характерное для И. Канта и в целом для эпохи Просвещения, дает надежду современному человеку на выживание. Одним из таких антропологических аспектов, способных обеспечить человечеству выход из кризисных ситуаций, порожденных техногенной цивилизацией и научно-техническим прогрессом, является идея Просвещения.

В основе идеи Просвещения И. Канта находится автономный субъект, наделенный разумом и способностью им свободно пользоваться не зависимо от эмпирических обстоятельств. Просвещение, с точки зрения немецкого философа, должно быть «подлинной реформой в способе мышления», которая, в итоге, состоит во все более увеличивающейся способности руководствоваться не только рассудочным мышлением, но и идеями чистого разума. Смысл постоянного Просвещения И. Кант видит в создании все больших предпосылок для превращения разума в определяющие основания человеческой воли. Однако этот процесс он понимает как устремленный в бесконечность, где полное разрешение поставленной задачи никогда не может быть достигнуто.

По И. Канту, сама природа хочет, чтобы человек в ходе просвещения постепенно научился свободно пользоваться идеями чистого разума в эмпирических условиях, то есть научился поступать сообразно категорическому императиву. Условием тому служит становление «всемирно-гражданского состояния» и вечного мира на земле. В результате И. Кант предвидит полное развитие природных задатков индивида в человеческом роде, которые проистекают из практического разума. И если даже состояние общества, определяемого разумом, никогда не может быть достигнуто, тем не менее, в качестве идеала оно должно быть для нас целью, направленной на создание наиболее благоприятных условий для бытия цивилизации в будущем. Поэтому Просвещение не сводится у И. Канта к исторически ограниченной философско-политической акции. Важен постоянный процесс просвещения в употреблении нашего разума, причем для немецкого философа этот процесс представляет собой скорее просвещение человеком самого себя, нежели чем процесс просвещения непросвещенных со стороны просвещенной элиты. Более того, на дорогу Просвещения наталкивает человека необходимость, беда [die Not], которую приносят друг другу люди, не имеющие должного руководства со стороны собственного

разума. В конечном счете, такое положение вещей принудит людей перейти к гражданскому устройству, в котором будет возможно беспрепятственное просвещение человеком самого себя.

Как отмечает немецкий исследователь Ф. Кумпф, кантовское понимание Просвещения обращено, прежде всего на сам способ мышления, а не на его содержание, оно «не дает нам картины будущего состояния общества и не описывает путей к его достижению. Оно обращено к самому центру человеческого мышления, на его способ» [3, с. 326]. Здесь важно подчеркнуть, что формальное в практическом разуме вовсе не тождественно формальности логических правил. Прежде всего формальное заключается, с одной стороны, в отвлечении от объективных склонностей, определяющих человеческие поступки в эмпирическом мире, а с другой – «в указании на необходимость уяснения требований, которые должны лежать в основе деятельности человека, понимаемого в его всеобщности как субъекта чистого разума» [3, с. 325]. Именно формальный характер предписаний разума и морально-категорического императива является условием их всеобщей значимости и объективности для всех разумных существ. И никакой частный интерес не может служить основанием такой всеобщей значимости. В наше время, когда мотивом поведения людей служат чаще всего их личные интересы, когда прагматизм человека всецело заслонил собою идею общего блага человечества, кантовская концепция Просвещения с необходимостью должна быть учтена при разработке одного из конструктивных сценариев развития будущего цивилизации.

В XX веке мыслители М. Адорно и Т. Хоркхаймер в работе «Диалектика Просвещения» (1947 г.) показали, как человек незаметно для самого себя из кантовского «автономного субъекта» превратился в инструмент, вполне заменимую крошечную шестеренку, движение которой неизменно обусловлено целями и общими законами функционирования огромного механизма индустриального общества. Спустя 200 лет после И. Канта Просвещение становится обманом масс, мышление человека перестает быть автономным, и «весь мир становится пропущенным через фильтр культуриндустрии» [1, с. 57]. Эти идеи не потеряли своей актуальности и в наше время. Господство массовой культуры сегодня ведет к тому, что сфера человеческого духа оказывается перед угрозой развития или насаждения «плоских» моделей личности, в частности, «человека развлекающегося», или «человека забавляющегося» [2, с. 19]. Развитие таких моделей, как результат наступления

унифицирующей глобально-информационной и развлекательной сферы с их манипуляцией сознания человека, обуславливает падение интеллектуально-нравственного уровня личности, снижения уровня свободы как общественного идеала. В результате, становится все более очевидным, что шансы справиться с нависшими над человечеством проблемами, зависят не столько от интеллектуальных и организационно-технических возможностей современной цивилизации, сколько от нравственной зрелости самого человека. А это еще больше раскрывает и подчеркивает актуальность концепции Просвещения И. Канта в наши дни, показывает необходимость морально-нравственного совершенствования каждого отдельно-взятого индивида.

Таким образом, сегодня кантовская концепция Просвещения стала еще более актуальна, нежели во времена самой эпохи Просвещения. При построении возможных сценариев развития будущего человечества жизненно необходимо учитывать то, что И. Кант сумел предвидеть еще 200 лет назад, а именно: либо разум в совместной жизни людей добьется своего признания, либо шансы человечества на выживание сведутся к нулю. Разумное поведение человека, в основу которого положен формальный принцип морально-категорического императива, с необходимостью должно стать универсальной ценностью для всего человечества XXI века и превратиться в одну из самых настоятельных задач, неразрывно связанных с выживанием цивилизации. В противном случае, как предупреждал М. Мамардашвили, человечество в целом ждет «угроза «вечного покоя», т.е. возможность вечного пребывания в состоянии ни добра, ни зла, ни бытия, ни небытия... Просто цивилизации может и не быть на Земле до какой-либо атомной катастрофы и совершенно независимо от нее. Достаточно необратимых разрушений сознания, последовательного ряда перерождений структуры исторического человека» [4, с. 189].

Литература

1. Адорно, Т. Диалектика просвещения / Т. Адорно. – М., 2007.
2. Киселев, Г. С. Мир человека: тупиковая ветвь эволюции? / Г. С. Киселев // Вопр. философии. – 2007. – №4. – С. 9-23.
3. Кумпф, Ф. Понятие разума у Канта и его видение перманентного Просвещения / Ф. Кумпф // Иммануил Кант: наследие и проект: [материалы Международного кантовского конгресса, 24—28 мая 2004 г. – М., 2007. – С. 321-330.

4. Мамардашвили, М. К. Если осмелиться быть / М. К. Мамардашвили // Мамардашвили, М. К. Как я понимаю философию. – М., 1992.
5. Степин, В. С. Россия в глобализирующемся мире: мировоззренческие и социокультурные аспекты. – М., 2007.

<p>Романова Светлана Павловна, кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры экономической социологии Института социально-гуманитарного образования, Белорусский государственный экономический университет, г. Минск, Беларусь.</p>	<p><i>Модернизм, постмодернизм и культура: смена этапов или логики развития?</i></p>
--	--

МОДЕРНИЗМ, ПОСТМОДЕРНИЗМ И КУЛЬТУРА: СМЕНА ЭТАПОВ ИЛИ ЛОГИКИ РАЗВИТИЯ?

Романова С. П.

Белорусский государственный экономический университет

Многие современные социальные мыслители с абсолютной уверенностью утверждают, что для человеческого общества эпоха модернизма закончилась, и сейчас оно переживает процесс постмодернизации – переход, изменение от модернистского к постмодернистскому, или постсовременному, обществу. Оснований для подобных утверждений достаточно много – и экономика, и политика в сегодняшнем мире предоставляют множество тому доказательств. Однако довольно распространенной является точка зрения, согласно которой основным двигателем и свидетельством подобного перехода являются процесс глобализации и изменения в сфере культуры. Любопытной представляется логика рассуждений, предложенная австралийскими социологами Стефаном Круком, Яном Пакульски и Малькольмом Уотерсом в работе [1] с позиций сравнительного анализа модернистской и постмодернистской культур.

По мнению Крука и его коллег, существует три основные характеристики модернистской культуры: дифференциация, рационализация и коммодификация. *Дифференциация* обозначает разделение экономической, политической, социальной и культурной сфер, каждая из которых в модернистском обществе приобретает свои специализированные институты и отличается особыми видами деятельности. В таких обществах культура, отделяясь от других сфер жизни, сама становится глубоко дифференцированной – прежде всего, разделенной на народную и высокую (элитарную). *Рационализация* отражает упорядоченность модернистской культуры, в которой все большее значение приобретала система расчета, технология, применявшаяся при создании, копировании, воспроизведении и массовом

потреблении практически всех элементов культуры. *Коммодификация* культуры включает превращение продуктов культуры в товары, которые могут продаваться и покупаться. С одной стороны, в данном случае мы можем констатировать подрыв эстетических ценностей, распространение массовой «девальвированной» культуры. С другой стороны, австралийские исследователи абсолютно убеждены, что данный процесс обладал положительным воздействием на состояние культуры в целом. Вследствие общего повышения уровня жизни начало наблюдаться распространение более широких возможностей (ресурсов) для выбора людьми потребляемых ими товаров (в том числе и элементов культуры, превратившихся в товар), что привело к присоединению к элементам высшей культуры достаточно широких слоев населения, относящихся далеко не только к классу элит общества, и развитию у них вкуса.

По мнению Крук и его коллег, интенсификация большей части из действовавших процессов в эпоху модернизма привела, в конце концов, к постмодернизации. Дифференциация, рационализация и коммодификация заменяются гипер-коммодификацией, гипер-рационализацией и гипер-дифференциацией. *Гипер-коммодификация*, с одной стороны, окончательно размывает те культурные границы, которые существовали между представителями различных социальных слоев с точки зрения их экономических возможностей и базовых социокультурных характеристик (стиль жизни, система ценностей). С другой стороны, формируется такое разнообразие доступных во всех отношениях вариантов стилей жизни, что они фактически в процессе потребления освобождаются от любых связей с теми или иными статусными группами. *Гипер-рационализация* обозначает использование сложнейших технологий при ярко выраженном индивидуальном способе распространения и потребления элементов культуры членами общества. Следуя идеям Бодрийера, Крук и его коллеги утверждают, что подобный процесс ослабляет различия между аутентичной и неаутентичной культурой, и вызвано это тем, что медийные образы начинают доминировать в обществе, высокая культура инкорпорируется в структуру массовой культуры, а медийные копии и воспроизводимые шаблоны начинают заменять подлинные (аутентичные) вещи, которые они повторяют. В конце концов, образы и знаки зачастую вообще теряют свою связь с реальностью и становятся тем, что Бодрийер назвал «симулякр». Увеличившаяся фрагментация культуры – *гипер-дифференциация* – приводит в конечном счете к де-дифференциации, при которой различия между типами культуры вовсе размываются. Не только

высокая культура встраивается в популярную культуру, но и популярная культура все больше претендует на статус серьезного искусства.

Хотя каждый из названных процессов является продолжением предыдущего этапа развития, усиливая процессы, характерные для эпохи модернизма, они имеют эффект изменения направления тенденций на обратные тем, которые были свойственны для модернизма. Это, в свою очередь, приводит к появлению нового типа культуры, который Крук и его коллеги назвали посткультурой.

Таким образом, австралийские исследователи рассматривали постмодернизацию как процесс перехода от культуры модернизма к культуре постмодернизма, который набирает обороты с конца XX века и должен привести, по их мнению, к окончательному разрушению модернистской культуры. Очевидно, что упомянутые авторы являются яркими сторонниками утверждения, что современные общества движутся в направлении постсовременности. Британский же социолог Доминик Стринэйти настроен более скептически, представив в своей работе [2] всесторонний анализ того, как в теориях постмодернизма анализируется культура. Стринэйти предложил выделять пять основных черт постмодернизма.

Во-первых, отмечается разрушение границ между культурой и средствами передачи информации на фоне формирования «медиаанасыщенного общества». При этом медиа получают настолько широкое распространение, что начинают не просто отражать реальность, но и формировать ее, создавая «аналоги реальности», вмешиваясь в сферу культуры, фактически становясь средством ее создания. Поддерживает (и даже провоцирует) эти процессы доминирующая в обществе ориентация на постоянное, безграничное потребление всего, в том числе элементов культуры. Популярная культура и масс медиа начинают действовать при этом как единственные системы координат, доступные для конструирования коллективных и личностных идентичностей.

Во-вторых, подчеркивается преобладание авторитета определенных внешних характеристик и стилей над содержанием, сущностью и значением элементов культуры. Данную черту Стринэйти охарактеризовал так распространение «дизайнерской идеологии», в результате действия которой массово начинают продаваться и покупаться не сами элементы культуры, обладающие реальной ценностью, исторической значимостью и т.д., а их иерархически упорядоченные и целенаправленно сконструированные образы, которым в массовом сознании «приписаны»

свойства быть статусными, престижными и ценными, которые, в свою очередь, распространяются и на их «владельцев». Появляется даже специализированная группа профессионалов, которые воспринимаются как «авторитетные эксперты» в области вкуса и стиля (дизайнеры, маркетологи, имиджмейкеры и т.д.), а пользование их услугами расценивается членами общества как свидетельство высокого статуса.

В-третьих, отмечается нарушение границ между искусством и популярной культурой, при котором элементы одного проникают в другое, в результате чего постмодернистская популярная культура снижает вероятность реализации претензий высшего искусства на самобытность, создавая бесчисленное множество примеров простого (с точки зрения возможностей современных технологий) воспроизведения элементов культуры и, как следствие, их широкую доступность и постоянное присутствие в повседневной жизни.

В-четвертых, констатируется развитие беспорядка в восприятии людьми пространства и времени как следствие временного ускорения передачи сообщений и увеличения дистанций территориальных перемещений, почти мгновенных коммуникаций и возрастание скорости, с которой капитал, информация и элементы культур перетекают из общества в общество. Мир культуры превращается в некоторый хаос, наполненный бесчисленным множеством взаимопересекающихся элементов, каждый из которых потерял связь с конкретными пространством и временем. Сознание людей в их восприятии культуры, как следствие, также превращается в хаотичное, раздробленное, и в этом даже начинает усматриваться некоторая «правильность», «организованность».

И в-пятых, описывается упадок метанарративов – веры людей в любые абсолютные истины или великие идеи о мироустройстве. Постмодернизм скептически настроен ко всем абсолютным, универсальным и всеохватывающим претензиям на знание, таким, как религия, наука, истинное искусство, модернизм или идеология. Как следствие в процессе создания культурных артефактов все чаще начинают использоваться принцип коллажей, провокации, своеобразные «логические перевертыши» и шоковые приемы, с помощью которых элементы из самых различных источников соединяются вместе непредсказуемым образом. Наиболее удачными, заслуживающими внимания оказываются те культурные объекты, авторам которых удалось с помощью тех или иных приемов произвести нестандартное, непредсказуемое впечатление на зрителя (слушателя, покупателя и т.д.).

Стринэйти абсолютно убежден, что общество, для которых на сегодняшний день можно было бы объявить «смерть модернизма», пока не существует. Можно обнаружить, считает он, множество примеров постмодернистского влияния на аспекты культуры в тех или иных обществах, но пока это всего лишь примеры, а не базовое их свойство. Современный мир – это переходный мир, в котором широко представлены модернистские характеристики и начали распространяться определенные элементы постмодернизма.

Представленный анализ идей австралийских социологов и британского исследователя служит ярким свидетельством незавершенности научной дискуссии относительно того, как следует воспринимать взаимосвязь модернизма и постмодернизма на нынешнем этапе развития человеческого общества. Остается открытым вопрос о том, какие трансформации и свойства социума призваны отразить два широко используемых понятия – модернизм и постмодернизм – смену этапов или логики развития.

Литература

1. Crook, S. *Postmodernization: Changes in Advanced Society* / S. Crook, J. Pakulski, M. Waters. – London, 1992.
2. Strinati, D. *An Introduction to Theories of Popular Culture* / D. Strinati. – London, 1995.

Рыбчак Светлана Владимировна,
научный сотрудник, Институт социологии НАН
Беларуси, г. Минск, Беларусь.

*Политическая культура как
регулятивный механизм
гражданского поведения.*

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА КАК РЕГУЛЯТИВНЫЙ МЕХАНИЗМ ГРАЖДАНСКОГО ПОВЕДЕНИЯ

Рыбчак С. В.
Институт социологии НАН Беларуси

Поведенческий аспект политической культуры представляет собой важный составляющий структурный элемент, выступая способом ее существования, без которого она как социальный феномен невозможна. Интериоризированные индивидами нормы, ориентации, стереотипы, традиции политической культуры трансформируются в определенные ролевые модели их политического поведения, включающие в себя обязательный нормативный аспект, который представляет собой определенную ценностно детерминированную систему поведенческих реакций на других политических акторов. Такая модель социокультурных регуляторов, ориентирующая актора в сфере социально-политических отношений, может заключаться в отношениях власти, господства, конфликта, согласия, совместных действий и т.д. Определяет поведенческий аспект политической культуры комплекс внутренних и внешних факторов, включающий в себя общемировой контекст, социально-экономическую ситуацию в стране, нормы и ценности самой политической культуры, баланс политических сил, личные интересы политического актора и т.п.

Политическое поведение включает в себя совокупность реакций акторов на деятельность политической системы, и по степени их включенности в политический процесс подразделяется на политическое участие и абсентеизм. Политическое участие представляет собой перечень определенных видов политического поведения: электоральное поведение, активистское участие в избирательных кампаниях, посещение митингов и собраний, участие в демонстрациях и пикетах, членство в партиях и группах интересов и т.д. Анализ характерных для белорусского социума форм и типов политического участия позволяет определить наличие тех или иных политических ориентаций, выступая в качестве своеобразного индикатора, а также степень эффективности воздействия структур

формирующегося в стране гражданского общества на сферу социально-политических отношений.

Согласно данным социологических исследований, для общества политизация мира социальной повседневности не характерна и его политическая поляризация как вариант обозримого будущего мало реальна. Мир социально-политических отношений и порождаемых ими конфликтов находится на периферии общественного сознания. Для белорусских граждан характерно спокойное отношение к политике и разнообразные политические коллизии не воспринимаются социумом в алармистском ключе, что обусловлено ментальностью народа его историческим опытом. Естественно, это откладывает свой отпечаток на политическое поведение граждан, прежде всего в выборе того или иного типа политического участия. Согласно социологическим данным, полученным Институтом социологии НАН Беларуси, политический радикализм абсолютно не ограничен белорусскому обществу, даже включая такую традиционно склонную к эскапизму социальную группу как молодежь.

Более половины населения страны – 54,7% категорически не собираются воплощать на практике такие конвенциональные формы политического участия, как митинги, демонстрации и пикеты. В забастовках не собирается участвовать 61,1% населения республики. Для большинства населения страны – 69,2%, вооруженная борьба является неприемлемой формой неконвенционального политического участия, а реально воплощали ее на практике только 0,5% населения. Таким образом, это позволяет констатировать отсутствие социальной базы для политического радикализма в стране и подчеркивает толерантность, характерологическую черты политической культуры социума.

Достаточно высокие показатели готовности, как свидетельствуют результаты данного исследования, молодых белорусов к участию в неконвенциональных формах политического участия, а также само участие – это показатель слабости структур гражданского общества, не способного канализировать социальную агрессию молодежи в соответствующие институты, трансформировав в приемлемую для общества форму. Однако наблюдаемая диспропорция в степени радикализма между двумя возрастными группами, особенно в варианте психологической готовности к действиям, скорее акцентирует разницу в их социальной зрелости, чем кардинальные отличия ориентация, что позволяло бы выделить именно по возрастному критерию разновекторные политические субкультуры. Такой

вывод позволяют сделать данные, дифференцирующие политическое участие тех респондентов, которые заявили, что принимали или готовы принять участие в тех или иных формах социального протеста.

Можно констатировать, что в политической культуре современного белорусского общества рейтинг конвенциональных форм политического участия достаточно высок и стабилен. Так, на вопрос анкеты «Как Вы относитесь к участию в публичных действиях для выражения своего мнения?», в 2010г. в среднем 63,4% респондентов, кто ответил, что принимал или готов принять участие в тех или иных формах публичного политического действия, для себя выбрали вариант электорального поведения. Это является свидетельством определенной гражданской зрелости современного белорусского социума, предпочитающего легальные формы воздействия на государственную власть.

С этим коррелирует отрицательная динамика неконвенциональных форм политического участия, актуализированных респондентами. Наиболее радикальные формы участия – вооруженную борьбу и голодовки, считают для себя приемлемыми и готовы воплотить в реальной социально-политической практике только 6,8% и 4,9% респондентов, соответственно. Именно они и составляют реальную социальную базу радикально-активистской политической культуры, в силу крайне выраженной, инструментально или эмоционально, политической ангажированности, и, одновременно, протестный потенциал белорусского общества. Таким образом, законопослушание как сущностная ментальная характеристика белорусов закономерно порождает минимум неконвенциональных форм политического участия, что не только определяет степень социальной прочности политического режима, но и выступает в качестве стабилизирующего фактора трансформационных процессов.

Однако если учитывать проблему перспектив демократизации в стране и процесса формирования развитого гражданского общества, такое положение вещей вызывает определенные вопросы. Согласно результатам опроса, проведенного Институтом социологии НАН Беларуси в 2011г., 53,% населения страны выражали категорическое неудовлетворение условиями своей жизни и максимум недоверия к основным социально-политическим институтам: парламенту, правительству, партийной и судебной системе и т.д. При этом, однако, данные этого же социологического опроса показали минимальную готовность людей к

акциям протеста, что свидетельствует о восприятии себя большей частью общества как объекта, а не субъекта властных воздействий.

Проблема заключается в том, что в аспекте становления демократического, развитого гражданского общества в Беларуси эпифеноменом этого социального процесса, развивающегося параллельно, является становление культуры гражданственности в стране. Гражданская культура не только культура «лояльного участия», по словам Г. Алмонда, но и актуализированные индивидом и социумом демократические поведенческие стандарты, которые предполагают наличие социальной ответственности, минимизирующей проявления политического абсентеизма со стороны значительной части общества.

Однако в «белорусском обществе не проявляется готовность к активной защите конституционных основ государственности, а, следовательно, и гражданского общества, что говорит о большой проблематичности формирования и развития последнего как важнейшего гаранта прав и свобод человека, конституционного порядка в стране» [1]. Акцент на конституционный порядок предполагает актуализацию проблемы реального соблюдения в стране всего комплекса прав и свобод граждан: политических, гражданских, социальных, экономических и культурных.

Тем не менее, столь однозначная оценка гражданского потенциала белорусского общества представляет излишне драматизированной. Как показывают вышеприведенные социологические данные, количество человек, которые выбирают такую цивилизованную форму гражданской активности как подписание петиций и обращений, достаточно велико и составляет 34,3% населения страны. Эта рационально выстроенная модель политического участия имплицитно предполагает диалог граждан и структур формирующегося в стране гражданского общества с властью, логике которого имманентно присущи процессы институализации гражданских инициатив. «Следует иметь в виду, что общественные организации – не оппозиция существующей власти, а та действенная сила, которая должна сосуществовать с властью и помогать ей конструктивной критикой» [2]. Наличие гражданских инициатив актуализирует проблему формирования действенной обратной связи между политической системой и гражданским обществом, установления процесса коммуникации на принципах паритета.

Таким образом, логика исследования позволяет в аспекте институционализации развитого демократического гражданского общества

в стране типологизировать те формы конвенционального политического участия индивидов, которые ориентированы на установление диалога между политическими акторами, как практическое проявление гражданской культуры. Особо следует подчеркнуть их распространенность, при том не только в актуализированном виде, в социально-политической практике современного белорусского социума.

В данном случае еще раз необходимо подчеркнуть, что именно политическая культура является наиболее адекватной для демократической политической системы и наличие в современном белорусском обществе соответствующей ей социальной базы позволяет положительно оценивать перспективы построения в Беларуси развитого гражданского общества. Однако сравнительно небольшой объем социальной базы формирующейся в стране культуры гражданственности объективно обуславливает долговременные сроки данного процесса, ускорение которого возможно только в случае инициирования политическими акторами и, в первую очередь, государством, эффективного и действенного курса политической социализации граждан страны в духе демократических ценностей и установок.

Литература

1. Божанов, В. А. Конституционность государства – категорический императив гражданского общества / В. А. Божанов // Становление гражданского общества в Беларуси в контексте устойчивого развития. Материалы международной научно-практической конференции, Минск, 24-26 мая, 1999 г. – Минск, 1999. – С. 41-43.

2. Хостад, Э. Гражданское общество в контексте устойчивого развития / Э. Хостад // Становление гражданского общества в Беларуси в контексте устойчивого развития. Материалы международной научно-практической конференции, Минск, 24-26 мая 1999г. – Минск, 1999. – С. 25-26.

Сергиенко Надежда Александровна,
аспирантка кафедры философских и социальных
наук факультета финансов и банковского дела,
Киевский национальный торгово-экономический
университет, г. Киев, Украина.

*Перспективы
институционального подхода
в современных исследованиях
теории и практики
модернизации.*

ПЕРСПЕКТИВЫ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО ПОДХОДА В СОВРЕМЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ МОДЕРНИЗАЦИИ

Сергиенко Н. А.

Киевский национальный торгово-экономический университет

Современный социологический и социально-философский дискурс ставит на повестку два ключевых вопроса, которые коррелируют с проблематикой модернизационных стратегий в условиях глобальных вызовов постсовременного мира. Первый: являются ли современные социальные системы обществами типа «модернити» [1], т.е. обществами, которые были успешно индустриализированы и, шире, модернизированы в соответствии с «классическими», исторически первыми (1960-70-х годов) представлениями о том, каким образом должен проходить этот процесс; или же они (полностью или частично, все или некоторые) совершили скачок на качественно иную стадию развития, называемую зачастую «постмодернити» [2]? Вопрос второй: каковы произошедшие в обществах современного мира структурные, функциональные, институциональные изменения, свидетельствуют ли они о переходе на новый «постмодернити» этап или же о том, что развитие продолжается в концептуально-мировоззренческих рамках эпохи модерна? Перефразируя, можно спросить: имеет ли место быть «второй модерн» как продолжение традиционно понимаемого модерна – рационального, просвещенческого, прогрессивного? Иначе говоря, нас будет интересовать, какого рода связь между технико-технологической и институциональной подсистемами современного социума установилась и продолжает формироваться в наше время и насколько понимание природы и содержания этой связи влияет на разработку методологии теории модернизации и конкретных стратегий ее практического применения в политико-экономической деятельности.

Широкое распространение и горячее признание получила концепция «модернити» Гидденса [1], который увязывает становление социальной

системы такого типа с появлением двух институтов: национальное государство и систематическое капиталистическое производство. При этом сам автор концепции придерживается того мнения, что эпоха модернити продолжается в наше время, а специфика современности состоит в некоей «радикализации» [3, с. 113] черт общества модерна, особенно в резком повышении уровня социологизации всех областей жизненного мира и уровня рефлексивности общественного самосознания. Дискутирующее направление провозглашает наступление эпохи постмодернити, но только для западных обществ – европейского и англосаксонского мира. При этом, что характерно, Инглегарт [2] заявляет о принципиальной невозможности реализации идентичной модернизационной стратегии для обществ, в которых не окончены, стагнируют или еще не запущены процессы модернизации, – заявляет на том основании, что институциональное оформление данных процессов в каждом конкретном национальном обществе, государстве, культуре слишком специфичное. Так, например, Инглегарт отрицает связь наличия демократических институтов с успехом или провалом модернизации в конкретном обществе.

Конечно, данный тезис нуждается в развернутой аргументации. Замечательные исследования последних лет обнаруживают тенденции социальных изменений в современном постмодернизационном мире, коренящиеся в институциональных особенностях развития различных стран и регионов [4]. Так, выдающиеся ученые наших дней: экономист Дуглас Норт, политолог Барри Вайнгафт и историк Джон Уоллис – предлагает уникальный взгляд на проблему пересмотра теории и стратегий модернизации. Суть их методологии такова. Авторы каталогизируют все существующие в мире социальные порядки и подразделяют на три типа: *примитивный порядок*, *порядок ограниченного доступа*, или состояние «естественного государства» (*natural state*) и *порядок открытого доступа* [4, с. 33]. Интерес представляют последние две модели, поскольку, по результатам статистического исследования, к первой принадлежит 175 стран мира, ко второй же – всего 25, причем за обладание ею идет ожесточенная борьба. Государства, в которых установился порядок открытого доступа, экономически и политически гораздо успешнее, чем государства типа *natural state*. Именно в этих государствах модернизация сопровождалась ростом всеобщего народного благополучия.

Неортодоксальность и новизна выводов, сделанных авторами монографии «Насилие и социальные порядки» [4], состоит в отрицании концепции устойчивого развития как эталона нормального исторического

процесса, в отказе признавать за государствами нынешнего «постмодернити» эталоны прогрессивного развития, своего рода примеры для подражания, обращенные к остальным государствам мира. Наоборот, – в установлении порядка открытого доступа ученые усматривают отклонение от исторической нормы, редкое исключение, которым государства обязаны некоторому стечению обстоятельств и выполнению условий, возможному, опять таки, лишь при определенных исторических обстоятельствах. Продолжая данный ряд умозаключений, нетрудно прийти к выводу: модернизация не может и не должна считаться целью, для достижения которой необходимо всего лишь применить известные (опробованные другим государством) средства, – для каждого конкретного народа, страны, региона модернизация является проблемным вопросом, ответ на который еще неизвестно, может ли быть найден. Далекое не всегда проблема может быть решена путем политического или экономического реформизма, – по крайней мере, не существует универсальных рецептов.

Норт, Уоллис и Вайнгаст предлагают собственную теорию насчет того, при каких условиях технология и просвещение влекут за собой изменения, поддающиеся определению «прогрессивные». В более широкой перспективе, авторы стремятся «объяснить, каким образом формируются различные типы институциональной инфраструктуры, которые задают траекторию экономического развития» [4, с. 14]. Порядки открытого доступа, утверждают они, имеют сильные институты. «Сильные» означают то, что институты обладают известной гибкостью, позволяющей амортизировать непредвиденные экономические и исторические обстоятельства; общество с сильными институтами не будет испытывать резких, глубоких и затяжных спадов, однако и рост в благоприятные периоды будет не столь ускорен. Общество сильных институтов произрастает, следуя аргументации исследователей, на почве длительного протекания трех фундаментальных процессов: а) элита (правящие классы) подчиняются верховенству закона; б) негосударственные организации существуют дольше, чем живут их основатели, и даже дольше, чем государства; в) имеет место быть консолидированный контроль за средствами насилия. Если в модернизируемом обществе работают эти три главных рычага, то с течением времени сила институтов влечет за собой стабильный рост.

Институциональные исследования открывают широкое поле исследований социальной системы современного мира – мира, в котором росту благосостояния сопутствует немислимое классовое неравенство,

эмансипация информационного пространства сочетается с обострением межкультурных отношений, а модернизация проходит зачастую очень искаженно. Модернизация больше не считается безусловным благом, а универсальной программы развития не существует. Каждое государство, каждое национальное общество призвано отыскать собственный, уникальный путь к прогрессу, методы укрепления собственных общественных институтов, исходя из их глубинных культурных основ. Разработка теорий и программ на базе институционального подхода только начинается.

Литература

1. Giddens A. *The Consequences of Modernity* / Anthony Giddens. – Cambridge, 1996.
2. Inglehart R. F. *Modernization and Postmodernization* / Ronald F. Inglehart. – Princeton (NJ), 1997.
3. Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология. – М., 1999.
4. Норт Д. *Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества* / Д. Норт, Дж. Уоллис, Б. Вайнгафт. – М., 2011.

Сидоренко Ирина Николаевна,
кандидат философских наук, доцент, доцент
кафедры философии и права, Белорусский
государственный технический университет,
г. Минск, Беларусь.

*Модернизация и
фрагментарная реальность.*

МОДЕРНИЗАЦИЯ И ФРАГМЕНТАРНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

Сидоренко И. Н.

Белорусский государственный технический университет

Глобализация очень сильно изменила статус и место модернизационных процессов, показав, вместе с тем, что классическая модернизационная теория уже не может эффективно и достоверно объяснять социальные реалии. Глобализация разрушила представления о единственности модернизационной теории, акцентировав основной вопрос о современности как завершенном или незавершенном проекте. Многогранность социальной реальности требует для своего понимания и объяснения новые, альтернативные варианты модернизационной теории.

Классическая модернизационная теория объясняла социальную динамику как переход общества от традиционной к современной стадии развития. Современное общество коренным образом отличается от традиционного и может быть охарактеризовано как фрагментарная реальность. Критика классической теории модернизации заключается в том, что в ней акцентируется линейность, одновариантность развития и делается ставка на социальный прогресс как заданный для реализации образец. Классическая модернизационная теория не учитывает такой факт как нелинейность и многовариативность развития, что в целом делает ее неэффективной для объяснения современной социальной реальности как фрагментарной.

Одним из важнейших признаков современного общества как фрагментарной реальности является утрата прошлым своей детерминирующей силы для современности. Место прошлого занимает будущее как нечто несуществующее, конструируемое, то, чего нет, но что еще может быть, а значит переживаемое как возможность выигрыша или проигрыша. Такой тип современного общества З. Бауман определяет как индивидуализированное общество, в котором для человека значимо разрешить проблемы собственной идентичности в условиях небезопасности любого выбора. Фрагментарность реальности можно

выразить в следующем: парадоксальное сочетание реального и виртуального; размывание центра и периферии; утрата целостного образа реальности, индивидуализированность множества субъективных конструкций реальности.

Фрагментаризация как новый гибридный тип рациональности упорядочивает неопределенности, правда, до определенной степени, придавая ситуативному фрагменту реальности очертания целостного образа. Фрагментаризацию можно измерить в соответствии с критериями, предложенными М. Вебером для определения формальной рациональности. Так, под эффективностью фрагментаризации понимается оптимальный способ достижения прагматической цели, связанный с нарушением общепринятых правил за счет создания ситуативных норм. Такая позиция характерна для индивида общества постмодерна, видящего реальность как текст и извлекающего фрагменты из первоначального контекста и выстраивающего их заново так, чтобы они оказались вообще свободны от каких бы то ни было контекстов, приписывающих им смысловые коннотации. Калькулируемость предполагает подсчет возможных рисков и их параметры. Предсказуемость связана с сознательным принятием отсутствия принудительной каузальности. Именно поэтому в качестве конкретного осуществления фрагментаризации выступает техника монтажа, предполагающая случайное комбинирование типичных социальных практик. Контроль не может осуществляться как прямой. Фрагментарная реальность представляет собой загадку, предполагающую множественность прочтений и интерпретаций, в силу этого контроль уступает место аллегорическому прочтению реальности. Таким образом, аллегория выступает единственным способом репрезентации истории и времени как катастрофы, как разрыва с ценностями и традицией. Поэтому фрагментаризация, выступая гибридным типом рациональности, проявляется только в моменты социального перехода и трансформации общества, ценностных ориентаций и выбора новых социальных практик. Только в силу этого она может оказывать общее рационализирующее влияние на социокультурное развитие современного общества.

Классическая модернизационная теория с ее установкой на однолинейность и признание за историей наличия логики и закономерности развития, представляет собой идеальный тип, искажение которого не минуемо при попытке его переноса на социальное пространство фрагментарной реальности. В силу этого, как попытки

минимизации недостатков классической теории появились в середине 90-х гг. XX в. альтернативные теории модернизации или постмодернизационные теории, основная черта которых заключается в их прагматизме и применимости к конкретным социо-культурным реалиям современных обществ.

В качестве одной из альтернативных моделей модернизации, являющейся эффективной формой описания и объяснения развития фрагментарной реальности, можно указать выделенную С. Хантингтоном локальную или национальную модель модернизации, возникающую на некотором уровне уже достигнутой вестернизации. Национальный, в данном контексте, понимается не как этноцентристский, а как соответствующий интересам национального государства. Согласно такому утверждению получается, что необходимый и достаточный уровень усвоения западного опыта ведет сегодня к национальной модели развития, а значит, к многообразию типов модернизации. Так, например, в доказательство этого утверждения С. Хантингтона приведем слова одного из крупных специалистов по теории модернизации Ш. Айзенштадта, который убедительно показал, что в условиях глобализации находящийся в процессе трансформации Запад уже не может по-прежнему выступать универсальным образцом развития. Более того, каждое общество само решает, в каком типе модернизационного развития оно нуждается. В силу этого появляется множество модернизаций, складывающихся на локальном уровне [1, р. 4-30]. Славянский мир вступил в третье тысячелетие раздробленным и обессиленным, подверженным внутренним распрям и разрушительному внешнему воздействию. Поэтому наиболее важно в геостратегическом плане для восточнославянских народов в данный исторический момент – это формирование восточнославянского цивилизационного центра развития и силы на собственной культурно-цивилизационной основе.

Локальная или национальная модель модернизации предполагает рассмотрение истории как особого рода темпоральности, т. е. историчности. Выделим два ракурса рассмотрения историчности: в экзистенциализме, заостряющем индивидуальный аспект темпоральности, и в постмарксизме, акцентирующем его социальный аспект. Экзистенциальная трактовка историчности предполагает вовлеченность индивидуального существования человека в пространство свершения судьбы его народа и решительное принятие этого наследия как уже своей судьбы. Так, М. Хайдеггер в центр истории ставит историчность *Dasein*,

подразумевая под этим то, что человек всегда уже определен результатами прошлого, т. е. вовлечен в традицию и судьбу своего народа. Продвигаясь в будущее, решимость человека никогда не может начинаться с нулевой точки. Свой набросок на будущее человек должен делать в напряженном взаимодействии с заданным наследием. В мире существует наследие, прошлое потому, что этот мир есть мир языка. Наследство – это область, куда вписываются традиции. Поэтому только там, где мир есть наследие, настоящее есть сообщество, в котором, согласно мысли М. Хайдеггера, власть исторического пути оборачивается для человека свободой.

В постмарксизме, в частности в исторической концепции К. Касториадиса, история рассматривается как движение масс, которые активно преобразуют пространство социальной жизни на основе коллективных решений. При этом глобальные генерализации исторического материала невозможны в принципе, а универсальность знания должна обнаруживать себя в способности вдохновлять и ориентировать определенные виды социального действия. Таким образом, национальная культура представляет собой уникальный феномен, способ существования и трансформации которого не могут быть выведены из предшествующего мирового исторического контекста. Уникальность культуры предполагает и уникальность ее истории. Историчность истории раскрывается здесь через концепт «воображаемого» времени: «Социальное – это самоизменение, и если оно им не является, оно ничто. Социальное самоорганизуется как история, как темпоральность, и в каждом отдельном случае как специфический способ темпоральности...» [2, с. 273]. Таким образом, историчность как воображаемое время дает возможность массам реализовывать изменения, которые в свою очередь образуют саму основу социальной «ткани». В силу этого история имеет принципиально разомкнутый характер и в случае конкретного национального общества она складывается в результате обусловленного, но жестко не детерминированного выбора определенных возможностей. Однако на этот выбор надо еще решиться.

Решимость принять свое прошлое, свою историю, не только является основой для реализации национальной модернизационной стратегии, но и в определенной степени нивелирует недостатки фрагментарности. Так, белорусское общество, будучи пограничным пространством между Западом и Россией, оказалось своеобразной «фронтирой» между Восточной и Западной христианской культурой. Это не значит, что именно географическое положение было причиной, по

которой линия раскола «легла» на белорусскую территорию, скорее противостояние культур проходило на этой территории, что позволяет сегодня говорить об особом положении Беларуси. Именно двустороннее культурное влияние привело к тому, что белорусы не могут соотнести себя ни с западной, ни с восточной культурами, оставаясь «тутэйшымі», оставаясь «между». Однако эта пограничность в пространстве фрагментарной реальности может стать выигрышной позицией.

Классическая теория модернизации рассматривает Запад как единственно возможный образец для модернизации других стран. При этом эмпирические несовпадения модернизаций других стран с западным образцом этой теорией трактовались как незавершенные или неуспешные проекты модернизации. Альтернативная модель национальных локальных модернизаций рассматривает различия в модернизации разных стран как закономерный процесс и отрицает единый образец и путь развития. Именно поэтому в качестве наиболее адекватной и эффективной формы развития современного общества как фрагментарного была указана локальная или национальная модель модернизации.

Литература

1. Eisenstadt, S. N. Multiple Modernities / S. N. Eisenstadt // *Daedalus*. Winter. – Vol. 29. – № 1.
2. Касториадис, К. Воображаемое установление общества / К. Касториадис. – М., 2003.

<p>Слизень Игорь Игоревич, студент 3 курса отделения философии, факультет философии и социальных наук БГУ, Белорусский государственный университет, г. Минск, Беларусь.</p>	<p><i>Сущность «осевого времени» К. Ясперса как ключ к пониманию современности.</i></p>
--	---

СУЩНОСТЬ «ОСЕВОГО ВРЕМЕНИ» К. ЯСПЕРСА КАК КЛЮЧ К ПОНИМАНИЮ СОВРЕМЕННОСТИ

Слизень И. И.

Белорусский государственный университет

Очевидной целью немецкого мыслителя Карла Ясперса, как яркого представителя европейской философии, был выход за пределы европоцентризма, поиск единства несхожих мировых цивилизаций, активно возвращавшихся в мировую политику, попытка осмыслить человечество с надцивилизационной позиции.

Современный глобальный кризис национального государства и гражданской нации, требующий переосмысления статуса государства, как социального института, в конце 40-х для Ясперса и его современников был далек и неактуален.

С точки зрения сегодняшнего кризиса социальной теории, выдающейся научной заслугой К. Ясперса стало само выделение Осевого времени, как исторически короткого ключевого периода, в ходе которого региональные цивилизации совершили синхронный прорыв не только от мифа к Логосу, но и от родоплеменной архаики к развитым государствам, объединяющим десятки локальных этносов и исторических провинций.

Само понятие К. Ясперс пытается утвердить, привлекая исторические факты, но важно понимать, что осевое время, безусловно, не историческая реальность. Это понятие даже не теоретический конструкт, призванный упорядочить и объяснить те или иные исторические данные, хотя оно и выполняет подобную роль. «Осевое время» у Ясперса связано с представлением о скрытом, трансцендентном смысле истории, который можно уловить, расшифровать, но не обнаружить эмпирически, и понятие осевого времени изначально нагружено этим содержанием [5, с. 34].

Возникшие в Осевое Время религиозно-философские системы включали в себя инструменты научного познания – рефлексии, логики, представлений о причинности [1, с. 212], создав, тем самым,

«методологическую матрицу» для накопления и обобщения эмпирического опыта и, в конечном счете – создания науки в Новое время.

Но ключевая социальная инновация Осевого Времени – выход на первые позиции государства, как искусственного социально-политического конструкта, социальной машины, создаваемой по чертежам и лекалам религиозно-политических учений. Государство, как новый, более совершенный, тип социального организма, победил неолитический этнос, не уничтожив его, а используя его как социальный фундамент.

Характерно, что религиозно-философские учения, возникшие в Осевое время, включали в себя развернутые нормативные модели идеального государства с их идеологическим обоснованием. Если до начала Осевого Времени катастрофы и кризисы первых, изолированных друг от друга, цивилизаций и государств вели к социальному регрессу на сотни лет, утрате письменной и устной традиции, то после Осевого Времени гибель политических образований не вела к утрате непрерывности социального развития, так как политическая надстройка социума восстанавливалась на основе готовой социальной модели

Таким образом, социальная сущность «Осевого времени» Карла Ясперса – качественный переход развития от этнической эволюции с ее социобиологической природой к возникновению и эволюции государств, имеющих социально-политическую природу и способных в исторически ничтожные сроки консолидировать громадные пространства и разнородные этносы. При этом этнос не исчез, а перешел на уровень обеспечивающей подсистемы нового, политически сконструированного социума. Политика отделилась от родоплеменных структур, в то время как этническая, родоплеменная компонента политики ушла в тень, сохранившись на цивилизационной периферии и консервируя этнографическую периферийность [4, с. 135].

Характерно, что Ясперс завершает «Осевое время» возникновением полиэтнических и мультикультурных эллинистических государств, завершивший длительный период бурного социально-государственного строительства предшествующих веков. Более того, сложившиеся в те годы религиозно-философские системы были не только источником, но и порождением периода первоначальной эволюции политического государства, сменившего и поглотившего и вытеснившего на геополитическую периферию догосударственные формы социальной организации.

Введя понятие «Осевого времени», Карл Ясперс сконцентрировал внимание на генезисе философских учений, опустив качественный скачок в социальном развитии соответствующих обществ, поднявшихся над родоплеменными отношениями с их социобиологическими корнями на уровень гражданских обществ, протонаций, в которых этническая идентичность отошла на второй план.

Сегодня, мировая история завершает двухтысячелетний виток, принудительно возвращая Человечество к проблематике «Осевого времени». По сути, «Осевое время» было периодом интенсивной апробации, естественного отбора и сравнительного испытания на прочность, конкурентоспособность и устойчивость самых разных социальных и политических моделей, выстроенных на различном этнокультурном субстрате. Очевидно, именно в Осевом Времени надо искать ключи к пониманию современного глобального кризиса, угрожающего системообразующим институтам и ценностям цивилизации, возникшим два тысячелетия назад.

Литература

1. Ясперс, К. Всемирная история философии. Введение / К. Ясперс. – СПб., 2000.
2. Ясперс, К. Введение в философию / К. Ясперс – Минск, 2000.
3. Ясперс, К. Духовная ситуация времени / К. Ясперс. – М., 1990.
4. Ясперс, К. Истоки истории и её цель / К. Ясперс. – М., 1991.
5. Ясперс, К. Смысл и назначение истории / К. Ясперс. – М., 1991.

Станкевич Наталия Александровна,
младший научный сотрудник, Институт
социологии НАН Беларуси, г. Минск, Беларусь.

*Философские основания
современных теорий
модернизации.*

ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВАНИЯ СОВРЕМЕННЫХ ТЕОРИЙ МОДЕРНИЗАЦИИ

Станкевич Н. А.
Институт социологии НАН Беларуси

Современный этап мирового развития характеризуется процессами размывания идеалов техногенной цивилизации, нарастанием кризисных явлений в экономической, экологической, гуманитарной, духовной областях. Особую остроту эти проблемы приобретают в посткоммунистических странах, модернизирующие экономические, социокультурные механизмы своего развития, т.е. решающих задачу поиска своей цивилизационной идентичности, становления типов государственности, соответствующих историческому опыту этносов и обеспечивающих их продвижение к современным формам общественного устройства, достижения идеалов благосостояния и социальной справедливости.

Многообразие программ модернизации фокусируется в конечном счете либо на идее «шоковой терапии», ориентированной на тотальную приватизацию средств производства, развитие частной предпринимательской активности, либо на представлении о постепенном вызревании современных форм социальной организации, поэтапном выстраивании рыночного хозяйствования, формировании демократических общественных институтов. Очевидно, что в основаниях указанных программ сконцентрированы различные философско-мировоззренческие идеи о направленности цивилизационной динамики, ее движущих силах, о соотношении традиций и новаций в процессе исторической эволюции.

Теория «шоковой терапии» ориентируется на идеал комплексной социально-экономической реформы, включающей в себя определенную последовательность действий. Задача реформирования сводится в этом случае к сознательно направляемой трансформации системы стимулов, приданию ей такой конфигурации, которая инициирует изменения мотивационной сферы агентов социальной активности, придаст их деятельности определенную векторность. Философской предпосылкой

этой концепции является, на наш взгляд, ряд мировоззренческих презумпций, выступающих в известной взаимосвязи и обладающих поэтому содержательным единством. Среди них следует выделить представления:

- О «прозрачности» социально-экономической системы, доступности этой системы в ее интегративном качестве, а также ее отдельных элементов и их связей рациональному наблюдению;
- О «естественном» характере интересов социальных агентов, совокупности их потребностей, влечений, стремлений, выступающих в качестве само собой разумеющихся признаков участников социальных взаимодействий; об имманентно присущей индивидам способности в рамках реализации своих интересов действовать разумно и эффективно;
- О существовании единой качественно гомогенной рациональности, присущей агентам социальной активности, что является основанием социально-культурной консолидации социума;
- О достаточной степени полноты информации, концентрируемой индивидами, организациями, институтами, позволяющей им осознавать свои интересы и действовать в направлении намеченных целей;
- О возможности рациональной понятийной экспликации социокультурного опыта, являющегося достоянием как общественных институтов, так и отдельных индивидов;
- О податливости социальных систем по отношению к модифицирующим воздействиям, их готовности принимать новые формы и состояния в соответствии с замыслами реформаторов.

Теоретическая недостаточность такой программы заключается, по нашему мнению, в том, что линейное видение модернизационных процессов, имеющее в своей основе идею от «традиционной отсталости и неразвитости» к «передовой и эффективной современности» на практике ведет к утрате устойчивой социокультурной идентичности, к дезорганизации, когда не создается условий для вызревания новых ценностей институтов, их адекватного вписывания в традицию. Неoliberalная парадигма модернизации не обеспечивает на деле обновления социума, ибо не ориентирует на создание нового культурного синтеза на месте трансформируемых оснований традиционного общества, где ценности солидаризма, коллективизма, социальной справедливости образуют несущий фундамент общественной жизни.

Осознание этих обстоятельств переориентирует современные модернизационные теории с идеала «догоняющей модернизации» на идеи социокультурного, цивилизационного, институционального разнообразия обществ, форм, типов и темпов социальной динамики. При этом признаются: высокая значимость социокультурных факторов как основы устойчивости развития различных обществ в их цивилизационной, этнической специфике; содержательный плюрализм социокультурных, символических, идеологических ресурсов, обладающих потенциалом инициирования модернизационных процессов. В этом случае теория модернизации стремится рассмотреть традиционные культурные ценности и нормы, которые, будучи помещенными в обновляемый социальный контекст, трансформируются из факторов, тормозящих развитие, в ресурсы социальных преобразований.

В качестве социально практической проекции этого идейного комплекса выступает концепция постепенного, поэтапного социально-экономического реформирования (в лексиконе современной экономической теории: концепция градуализма), базирующаяся на специфических философских основаниях. На наш взгляд, они включают в себя следующие идеи:

- Экономическое поведение определяется не только наличной системой стимулов, но и в значительной степени задается развитием культуры, исторической эволюцией данного социума;
- Социокультурный опыт, задействованный в контексте экономической деятельности, воплощен в формальных институтах (законы, правила, инструкции), а также в институтах неформальных: мораль, привычки, «рассеянное знание», носителями которого являются индивиды, концентрирующие в ходе своей деятельности приемы, умения, навыки, зачастую не выводимые на уровень вербального выражения, а потому мало поддающиеся процедурам формализации и интересубъективной передачи;
- В силу того, что функционирование социума поддерживается усилиями многих агентов экономической деятельности, опирающихся на комплексы «рассеянного знания», – в социуме принципиально не может быть выстроена универсальная программа реформирования. Соответствующее знание может быть приобретено в конкретном опыте социальных реформ, связанным с экспериментированием и последующим институциональным закреплением позитивных, эффективных новаций;

- Программа социального реформирования опирается на вовлечение в инновационные виды деятельности значимых по количественному составу социальных групп;

- Общественные институты представляют собой инерционную систему; их развитие соединяет в себе разноскоростные эволюционные потоки: формальные институты обновляются быстрее; неформальные – медленнее. Преобразование институтов требует оптимального темпа, дифференцируемых по типам реформируемых обществ и учитывающего их способность к адаптации;

- Практика реформирования опирается на наработанный в конкретной культуре организационный и социальный капитал. Соответственно, демонтаж сложившихся институтов допустим лишь в случае, когда новые демонстрируют свою устойчивость и функциональность.

Эффективность «градуалистской модели» следует связывать с меньшей остротой социальных противоречий, а главное – с вовлечением в трансформационный процесс культурного потенциала определенного социума, с дополнительными возможностями для соединения инноваций с системой ценностей, транслируемой культурной традицией, с повышением уровня адаптивных качеств социальных систем.

Широконова Анна,

магистр социологии, аспирантка кафедры социологии факультета философии и социальных наук, Белорусский государственный университет, г. Минск, Беларусь.

The Postmaterialist Shift and Individualization in The Black Sea – Baltic Region.

THE POSTMATERIALIST SHIFT AND INDIVIDUALIZATION IN THE BLACK SEA – BALTIC REGION

Shirokanova A.
Belarus State University

1. What Has Become of the Theory of Modernization?

Classical modernization theory embraces social theorists as diverse as Karl Marx, Max Weber, Talcott Parsons, Daniel Bell, and Samuel Huntington. The main claim of the theory of modernization concerns natural developments in the economic and political structures of societies. The theorists have divided along two major lines of argumentation. On the one hand, Marx, Bell and others claim that “social being determines social consciousness”, i.e. socioeconomic development is the major driving force behind cultural development. On the other hand, Weber and, later, Huntington have underlined the cultural component behind different paths in the development of societies. There are also complex theories such as that of Parsons that combine both the development of culture and technology as the sources of social change.

While in philosophy this division has been epitomized in the dichotomy of socioeconomic formation vs. civilizational approach. In the 20th-century social and political theory, it was mostly presumed that all societies shared the same ways of development by sharing either capitalist or communist futures. The concepts of the “first” and “second” worlds have both reflected and shaped common ways of thinking about social development.

However, social research has detected “deep-rooted changes in world views” [1, p. 215] that have been happening in the last thirty years across the globe. The challenge to sociology has been to theorize the empirically discovered changes and to update the existing theories of modernization. Since that time, two major strands of modernization theory have gained momentum. The generalization strand attempts at seeing through cross-national evidence in order to explain why common social change takes place over the globe and what are the underlying factors behind it. The most prominent social and political theorists of this direction are R. Inglehart and C. Welzel [2; 3]. The other,

particularization strand of thinking takes on a perspective of “multiple modernities” (S. Eisenstadt) [4]. This approach supports the idea that “modernity and Westernization are not identical” [5, p. 2], i.e. there are Chinese, Japanese, or Indian modernities that can be found along the “axial civilizations” [5, p. 7]. A common feature of both strands is the desire to capture “the nature of the modern world” [4, p. 283]. In addition, both of them clearly deny the idea of social convergence leading to the state of common values being shared across the globe. More profoundly, these theories aim at discovering patterns and reasons for the common change and diversity while not attaching to social reality the self-explanatory concept of “globalization.” This paper takes on the former approach. Taking into account the unique condition of post-Soviet countries, where the abrupt fall of economic well-being has caused a steep increase in the importance of materialist values [2, c. 64] and a decrease in subjective well-being [1, p. 218], another theory might be needed in order to describe and analyze prevailing values and tendencies for the post-Soviet region [6, p. 429]. Luckily, Inglehart and Welzel’s theory is well-suited to describe value change as space rather than arrow, which means that plural directions of development are still possible.

2. Double Value Shift And The Emancipative Turn

Originally, Inglehart described two major value shifts. The first one was connected to the growth of welfare and the movement from “survival” to “self-expression” values. The second shift detected by the surveys was the movement from “traditional” to “secular-rational” behaviour [2, c. 39]. Later, due to the ambiguity invested in the chosen labels, and to the progress in research, the dimension titles were changed. To pinpoint the facts that, as people obtain existential security, individuals gain greater independence of thinking and self-reliance [2, p. 14]. Inglehart and Welzel also “specify this syndrome as ‘human development’, arguing that its three components have a common focus on broadening human choice.” Socioeconomic development gives people the Objective means of choice by increasing individual resources; rising emancipative values strengthen people’s subjective orientation towards choice; and democratization provides legal guarantees of choice by institutionalizing freedom rights [7].

The older groups that we re brought up in ex-Communist societies exhibit stronger secular-rational values than do those of comparable age in any other type of society During the last two decades, however, these societies experienced economic stagnation and the intergenerational differences flatten out – virtually disappearing among the young. Conversely, the oldest cohorts in

advanced industrial societies show much more traditional values than do their peers in ex-Communist societies; but advanced industrial societies show a steeper slope that continues longer, so that their youngest cohorts are even less traditional than are their peers in the ex-Communist societies [8]

What has become of individual resources in Black Sea – Baltic Europe after the 1990s? To explore the data, I use the 3rd (1994-1999) and 5th (2005-2008) waves of World Values Survey in the countries of Moldova, Russia, Ukraine (both waves) and Belarus, Lithuania, Latvia, and Turkey (5th wave) [9].

The cross-wave comparison of emancipative, traditional-secular, and survival-self-expression values shows the following results:

1. The average shift in emancipative values in 1994-2008 has been almost inexistent (.37 to .37) and non-significant (ANOVA, $p < .05$). When Turkey is out of the sample, then the shift is from .37 to .38 (on a 0 to 1 scale), and it is significant.

2. However, the shifts in secular and self-expression values the difference are identified in divergent directions. Russia, Ukraine, and Moldova share a shift towards the “self-expression” values and from towards “traditional.”

3. In emancipative values, Ukraine and Russia are moving to “traditional”, albeit the group average is relatively low which is no surprise as in the Soviet Union, overt religious practices were prosecuted. By contrast, in Moldova, “secular” values have increased in the 2000s.

4. The shift of Moldova, Russia, and Ukraine to “self-expression” values has been unanimous. Notably, the average of “self-expressional” value in Turkey (-.34) in 2005-2008 is relatively higher to “self-expression” than in Ukraine (-.63), Moldova (-.93), or Russia (-.62) (variables vary from -1; to 1).

Inglehart and Baker proposed a revised theory of modernization, showing that cultural zones have a significant additional impact on the effect that individual resources have on emancipative values [10, p. 370]. In the Black Sea – Baltic region, more observations at different time points should be made before the patterns could be truly studied. However, even the first glance at country averages shows that the value scores in Belarus are statistically not different from Russia or Ukraine.

The growth of self-expression values speaks in favor of the economic progress reached so far in the post-Communist countries. The decrease in “secular” values is a reflection of the growing meaning of the church in society as well [11]. Here, Belarus is no different from its neighbouring countries except Latvia, where the values more traditional. As of the 2005-2008 wave, Ukraine, Russia, and Moldova scored higher than Turkey in emancipative and secular

values, while Turkey was leading in self-expression values. While theory says that the emancipative values are a better grounded indicator, the tentative conclusion is that the Black Sea – Baltic region is heterogeneous within itself but there are distinct similarities in the values of Belarus, Russia, and Ukraine, and no full consistency in the hierarchy of self-expression and the rising emancipative values.

References

1. Inglehart, R. Globalization and Postmodern Values / R. Inglehart // *The Washington Quarterly*. – 2000. – Vol. 23. – No. 1. – P. 215-228.
2. Инглхарт, Р. Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития / Р. Инглхарт, К. Вельцель. – М., 2011.
3. Inglehart, R. Modernisation, Cultural Change, and Democracy: The Human Development Sequence / R. Inglehart, C. Welzel. – Cambridge, 2005.
4. Eisenstadt, S. N. Multiple Modernities in an Age of Globalization / S. N. Eisenstadt // *Canadian Journal of Sociology*. – 1999. – Vol. 24. – No. 2. – P. 283-295.
5. *Multiple Modernities* / ed. by S.N. Eisenstadt. – New Jersey, 2005.
6. Titarenko, L. G. Post-Soviet Youth: Engagement in Civil Society – Belarus and Beyond / L. G. Titarenko // *Demokratizatsiya. The Journal of Post-Soviet Democratization*. – 1999. – No. 7. – P. 413-436.
7. Welzel, C. The Theory of Human Development: A Cross-Cultural Analysis // *European Journal of Political Research*. – 2003. – Vol. 42. – P. 341-279.
8. Inglehart, R. Modernization, Cultural Change, and the Persistence of Traditional Values / R. Inglehart, W.E. Baker // *American Sociological Review*. – 2000. – Vol. 65. – P. 19-51.
9. Download data files of the Values Studies [Electronic Resource]. – Mode of access: <http://www.wvsevsdb.com/wvs/WVSDData.jsp>. – Date of access: 01.02.2012.
10. Welzel, C. The Theory of Human Development: A Cross-Cultural Analysis / C. Welzel, R. Inglehart, H.-D. Klingemann // *European Journal of Political Research*. – 2003. – Vol. 42. – P. 341-379.
11. Titarenko, L. On the Shifting Nature of Religion during the Ongoing Post-Communist Transformation in Russia, Belarus and Ukraine / L. Titarenko // *Social Compass*. – 2008. – Vol. 55. – P. 237-254.

Щегрикович Дмитрий Васильевич, аспирант кафедры интеллектуальных систем, факультет радиофизики и компьютерных технологий, Белорусский государственный университет, г. Минск, Беларусь.

Философско-методологические проблемы внедрения нанотехнологий в жизнь современного общества.

ФИЛОСОФСКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ВНЕДРЕНИЯ НАНОТЕХНОЛОГИЙ В ЖИЗНЬ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Щегрикович Д. В.

Белорусский государственный университет

Нанотехнологии настолько глубоко вошли в нашу жизнь, что в настоящий момент трудно представить производство электроники, оптическую и химическую промышленности без применения наноразмерных объектов [1, с. 92]. Многочисленные преимущества наноструктурированных материалов обусловлены специфическими свойствами, которые приобретают различные вещества при достижении ими размеров (хотя бы по одному измерению) порядка десятков нанометров [2, с. 5]. Например, для многих металлов при переходе в наносостояние существенно изменяются механические, электрические, магнитные, оптические и химические свойства. Это позволяет усиливать или ослаблять известные свойства металлов, а также создавать совершенно новые металлические или металлосодержащие материалы с необычными, до сих пор неизвестными свойствами [3, с. 18]. Пример наночастиц металлов является лишь одним из многих существующих в области нанотехнологического прогресса. В целом термин «нанотехнология» указывает на то, что характерные пространственные размеры процессов, протекающих под управлением молекулярных машин, равны нескольким нанометрам, то есть нескольким десяткам характерных размеров атома. Это позволяет оперировать отдельными молекулами и даже отдельными атомами. В области подобных наноскопических размеров законы здравого смысла, на которых основано рациональное человеческое мышление и, в частности, традиционное научное мышление, начинают давать сбои, поскольку вступают в силу законы квантовой механики, часто приводящие к тому, что именуют идеальным поведением систем [4, с. 36]. Из всего сказанного следует, что нанотехнологии открывают возможность для принципиальных инноваций и требуют их адекватного осмысления.

Один из аспектов специфики нанотехнологии состоит в том, что это высокая технология особого рода, которая является не только технологией практической деятельности, создания материальных объектов, обращенных на природный мир, но и социальной технологией, нацеленной на конструирование социального мира, что выражается в спектре возможностей ее применения. Его принципиальная широта связана с кардинальным отличием нанотехнологии от всех остальных технологий, состоящим в том, что она позволяет преобразовывать мир на атомно-молекулярном уровне и использовать его неисчерпаемые ресурсы. Социальные последствия развития нанотехнологии носят двойственный (конструктивный и деструктивный) характер, связанный с противоречивой природой социума, проявляющейся в таких социально значимых областях, как военная сфера, информационная сфера, экология, энергетика, сфера повседневной жизни. Специфика двойственного характера развития нанотехнологии заключается в кардинальном преобразовании физического мира, а это требует учета возможных необратимых последствий [5, с. 83].

Таким образом, с точки зрения философской проблематизации теоретические вопросы нанотехнологий могут быть сгруппированы следующим образом: общие философско-методологические проблемы нанотехнологий и специальные проблемы нанотехнологий, в контексте параллелей с проблематикой постнеклассической философии науки в целом [6 с. 61]. Вопросы ответственности, проблемы самосознания современных ученых, основных «виновников» прогресса, аспекты морали, этики, социальной специфики грядущих подвижек остаются открытыми. Наряду с данным рядом проблем существует еще один. В частности набор проблем связанных с межотраслевой коммуникацией исследователей, особенности характерных пробелов в знаниях современных ученых в областях межотраслевой науки, некоторая несовершенство международной правовой базы. Все эти сложности требуют пересмотра существующего уклада, способа сотрудничества между учеными, руководящими лицами и государствами в целом. В процессе поиска адекватного ответа на вызовы постсовременности, в ходе развития нанотехнологий очень важным остается аспект заботы, в первую очередь, о людях, недопустимость возврата к ориентации государств исключительно на развитие военно-промышленного комплекса.

Современное общество находится на пути внедрения новых технологий в производство и в природу в целом. Последствия попыток глобальных изменений остаются под завесой тайны. Можно с

уверенностью сказать, что требуется открытый диалог по проблемам внедрения и исследования последствий инновационного развития, в частности по проблемам нанотехнологий.

Литература

1. Parkansky, N. Scale-up in particle processing / N. Parkansky, B. Alterkop, R. L. Voxman // Powder Technology. – 2005. – Vol. 150, № 36. – P. 91-95.
2. Витязь, П. А. Наноструктурные материалы / П. А. Витязь. – 2004.
3. Аваделькарим, О. О. Нанонаука и нанотехнологии. Энциклопедия систем жизнеобеспечения. / О. О. Аваделькарим, Ч. Бай, С. П. Капица. – М., 2011.
4. Горохов, В. Г. Проблема технонауки – связь науки и современных технологий (методологические проблемы нанотехнологий) / В. Г. Горохов // Философские науки – 2008. – №1. – С. 33-57.
5. Семирухин, Л. В. Нанотехнологии и сознание / Л. В. Семирухин // Философские науки – 2008. – №1. – С. 80-96.
6. Аршинов, В. И. Философские проблемы развития и применения нанотехнологий / В. И. Аршинов, М. В. Лебедев // Философские науки – 2008. – №1. – С. 58-79.

	<p>ФОРУМ 3.</p> <hr/> <p><i>Феномен экологической нестабильности и перспективы устойчивого развития</i></p>
---	---

<p>Авсюкевич Диана Олеговна, студентка 4 курса отделения философии, факультет философии и социальных наук, Белорусский государственный университет, г. Минск, Беларусь.</p>	<p><i>«Традиция управления» и «традиция сотрудничества» в европейской духовной культуре.</i></p>
--	--

«ТРАДИЦИЯ УПРАВЛЕНИЯ» И «ТРАДИЦИЯ СОТРУДНИЧЕСТВА» В ЕВРОПЕЙСКОЙ ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЕ

Авсюкевич Д. О.
Белорусский государственный университет

В западноевропейской культурно-исторической традиции считалось, что субъектами нравственного отношения могут быть только люди. Принято было, что долг по отношению к природе – это в конечном счёте всё тот же долг по отношению к людям, в который природа вовлекается подчинённым образом [1, с. 145].

Идея господства над природой коренится в самих истоках западноевропейской культуры. Однако стоит отметить, что нельзя понимать «традицию управления» исключительно как эксплуататорскую, деспотическую установку на использование природы по своему желанию. Она имела своим истоком определённые мировоззренческие основания (онтологические основания). Традиция «управления природой» имеет сложное и противоречивое смысловое наполнение, что в первую очередь выражается в большом количестве противоречащих друг другу интерпретаций и неуёмном желании некоторых авторов найти в рамках данного подхода ответ на вопрос: «Кто виноват в экологических проблемах 20-21 вв.?

Современные исследователи указывают в качестве оснований данной традиции те «человек-природа»-размерные отношения, которые

складывались в античности и средние века. Здесь можно выделить несколько интерпретационных версий: «стоически-христианское высокомерие» и «хозяйственно-трудовая» (бенедиктинская).

Античная идея вытекает из античного космоцентризма и имманентного характера власти. Организовывать и упорядочивать, управлять, господствовать – это абсолютно естественная, обладающая онтологическим статусом установка античного человека. Его отношение к окружающему миру природы обусловлено не сознательным пренебрежением или неким преступным умыслом, или недостатком экологической грамотности, а той картиной мира, в которой жил античный человек.

Как указывает в своих статьях Л. И. Василенко, среди стоиков была сильна тенденция считать свою позицию антропоцентризмом, как бы порождённым самой природой. Согласно Цицерону, природа предписала и человеку думать, что нет ничего красивее человека [1, с. 146].

Линн Уайт-младшая усмотрела исторические корни нашего экологического кризиса в специфическом антропоцентризме христианской религии. Отношение человека к природе здесь определяется во многом тем, что человек, как и Бог, трансцендентен по отношению к миру, что даёт ему явное преимущество перед Иным.

Однако следует отметить, что обвинения христианства в порождении высокомерного отношения к природе явилось следствием смены мировоззрения, смены специфического античного антропоцентризма (как следствия космоцентризма) на средневековый теоцентризм, в котором человек понимается как сотворённый по образу и подобию. Человек – творец, он выше всех существ. Но точно так же человек несёт ответственность за свои действия и не имеет права поступать, исключительно в целях получения собственной выгоды.

В противовес полаганию христианской догматики началом эксплуататорского отношения человека к природе, стоит отметить, что именно в христианской традиции «управление» природой приобрело смысл соучастия в творческой деятельности Бога.

Установки на практически-трудовую деятельность, по признанию ряда авторов, особенно полно осуществил Бенедикт Нурсийский. Бенедикт утверждал, что лучший способ сохранения природы – это не просто защита её от неправильных действий человека, а развёртывание масштабной хозяйственно-трудовой деятельности на основе гармонического и творческого взаимодействия с природой. Л. И.

Василенко пишет о Бенедикте так: «Основав ещё в 6 в. монастырь в Монте Кассино, он, хорошо зная вред праздности, установил правило для всех монахов, обязывавшее их работать в полях и мастерских, провозгласив, что трудиться – значит молиться» [1, с. 148].

Подобный подход оказал крайне важное влияние для развития в Европе науки и техники, т.к. знаменитый «бенедиктинский устав» изначально нёс на себе печать духа управления, нацеленности на активную преобразовательную деятельность во благо человека и не во вред природе. Люди этого духа были достаточно мудрыми, чтобы не нарушать экологическое равновесие.

Резюмируя все выше перечисленные моменты, стоит отметить, что «традиции управления» включает в себя четыре основополагающие установки: определённую задачу или миссию человека в мире; господство над природой; нравственную ответственность за средства реализации этого господства; подотчётность некоторой инстанции за свои действия.

Пристального внимания экологической критики заслуживает не сама «традиция управления», а явления, связанные с её внутренним перерождением. Оно состоит в переходе от задач сохранения, улучшения, вдумчивого преобразования природы к задачам её радикальной переделки. Идея господства изначально не содержала в себе тенденции к реализации каких-то извращённых властных амбиций или жажды уничтожения природы. Проблема заключается в потенциально существовавшей в рамках данной традиции угрозы – какой смысл вкладывать в понятия «господство», «управление».

Внутренняя противоречивость «традиции управления» заключается в том, что вопрос о «господстве над природой» имеет несколько ракурсов рассмотрения и соответственно понимания.

Самый распространённый вариант: «господство» равно произвол! Нравственное отношение к природе здесь исключается. Но вопрос о господстве над природой может быть связан с неутилитарным пониманием её ценности, а также с такими творчески-созидательными задачами человека, как саморазвитие, формирование личностной и духовной зрелости. Данный вектор рассмотрения находится в плоскости понимания: «господство» равно ответственность!

В основе «традиции сотрудничества» лежит неутилитарное и неинструментальное отношение к миру, благодаря которому преодолевается неравноправие человека и природы, ведущее к нравственному оправданию господства над ней. «Освобождение природы»

или «освобождение животных» от физического и морального подавления сторонники «традиции сотрудничества» считают необходимыми составляющими экологической гармонизации и нравственного обновления самого человека, так как «сотрудничество» предполагает взаимность и нравственную основу.

Несмотря на то, что эпоха Средневековья нами была рассмотрена в качестве одного из идейных истоков «традиции управления», именно Франциска Ассизского считают основателем «традиции сотрудничества». Этот факт ещё раз подтверждает неоднозначный характер соотношения этих двух традиций, которые вовсе нельзя рассматривать в качестве исключительно антагонистических позиций.

Франциск Ассизский верил, что природа сама по себе имеет значение, потому что создана Богом, и не зависит от ценности, придаваемой ей человеком. Таким образом, он предвосхитил краеугольную идею экологической этики о внутренней ценности дикой природы, разрабатываемой современными экофилософами.

В современных терминах этот подход называется «коэволюцией», что обозначает процесс совместного развития биосферы и человеческого общества. Концепция коэволюции природы и общества предполагает оптимальное соотношение интересов человечества и всей остальной биосферы, взаимно скоординированное развитие человека и природы, при котором совершенствование природы нуждается в тщательной работе человека с ее возможностями.

Основные положения не-антропоцентристского видения взаимоотношений человека и природы сводятся к следующим установкам: природный мир есть разнообразие биотических и абиотических структур; объекты природы взаимосвязаны; в окружающей природе любой ее вид неповторим и ценностно значим; человек не вправе руководствоваться принципом пользы или целесообразности в определении ценности любого биологического вида; человек должен заботиться о сохранении всех видов и объектов природы, не допуская потерь в биоразнообразии.

Однако, несмотря на кажущуюся стройность и непротиворечивость «традиции сотрудничества», в рамках данного подхода можно выделить несколько наиболее существенных проблем.

Во-первых, несмотря на универалистский характер экологии как науки о биосфере, вряд ли возможно обращаться с призывами «любить природу» ко всему человечеству. Подобные заявления и призывы выглядят утопично. Во-вторых, призывы к оппозиционным настроениям по

отношению к научному видению мира (которое якобы провоцирует собственническое отношение к природе) могут вызвать антиинтеллектуалистическую и антиморалистическую реакцию. И наконец в-третьих, необходимость осознания того, что противопоставление «традиции сотрудничества» и «традиции управления» не имеет смысла, если понимать обе как целенаправленную нравственно-ориентированную деятельность человека по отношению к природе.

«Если считать, что «сотрудничество» с природой имеет целью взаимно скоординированное развитие человека и природы, то совершенствование природы в ходе её коэволюционного развития требует тщательной работы самого человека с её возможностями, а это, в свою очередь, требует от человека умения, т.е. совершенного овладения, мастерства, господства» [3, с. 16].

Литература

1. Василенко, Л. И. Отношение к природе: «традиция управления» и «традиция сотрудничества» / Л. И. Василенко // Вопросы философии. – 1987. – № 7. – С. 145-154.
2. Василенко, Л. И. Поиски оснований и источников экологической этики / Л. И. Василенко // Вопросы философии. – 1986. – № 2. – С. 142-151.
3. Василенко, Л. И. Судьбы традиции «управления природой» / Л. И. Василенко // Философская и социологическая мысль. – 1991. – № 6. – С. 3-21.
4. Залыгин, С. Разумный союз с природой / С. Залыгин // Наш современник. – 1987. – № 1. – С. 113-120.
5. Уайт, Л. Исторические корни нашего экологического кризиса / Л. Уайт // Глобальные проблемы и общечеловеческие ценности. – 1990. – С. 188-202.

Барковская Алла Викторовна,
кандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры философии и
методологии науки, Белорусский
государственный университет,
г. Минск, Беларусь.

*Экологическая этика и ее
приоритеты в контексте
постметафизического мышления.*

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ЭТИКА И ЕЕ ПРИОРИТЕТЫ В КОНТЕКСТЕ ПОСТМЕТАФИЗИЧЕСОКОГО МЫШЛЕНИЯ

Барковская А. В.

Белорусский государственный университет, Минск

Экологическая этика сегодня позиционирует себя в качестве самодостаточной дисциплины в регулировании отношений между человеком и миром природы, хотя эта проблема значительно раньше разрабатывалась и в других сегментах культуры – философии и экологии. Но свой приоритет экоэтика отстаивает не столько в полемике с ними, сколько в подчеркивании прикладного характера своих концептуальных предпочтений, несмотря на проводимую ею конвертацию базовых принципов философии, экологии, философской и нормативной этики. В этом проявляется и ее претензия на некоторую автономию в конституировании моральных предписаний и экоэтических идеалов, способных не только трансформировать моральные убеждения современных людей, но и предложить конкретные пути разрешения конфликта интересов человека и природы. Достаточно сильным аргументом, с точки зрения экологической этики, становится то, что благодаря ее прикладному статусу все прежние принципы экологической направленности утрачивают свой предельно общий и абстрактный характер, поскольку переформулированы в контексте реального устранения причин социоприродного конфликта и его последствий.

Следует отдать должное таким устремлениям, поскольку работа в пространстве экологической этики с целью построения собственной архитектоники, включающей в качестве основных элементов новое энвайронментальное сознание, интегрирующее глобальное видение мира с гуманистическими ценностями; этические нормы и принципы, выражающие ценностно-мировоззренческое отношение людей к природе; безопасные и благоприятные для природного равновесия навыки поведения и технологии человеческой деятельности в природном мире [см.

1, с. 12] активно ведется с прошлого века, прежде всего в западном ареале. Но и восточноевропейский вектор не отстраняется от такой работы – свидетельством тому является обширная теоретическая и учебная литература.

В этом смысле у экоэтики реально имеются перспективы стать общепризнанной и практически значимой дисциплиной, проводником нового типа мышления и механизмом снятия угрозы неразрешимого конфликта интересов обеих сторон, ибо этому способствует не только ее внутренняя работа, но и постметафизическая философия, манифестирующая многомерный способ мышления, превращая его в «агон» – противоборство альтернативных позиций. Это означает, что природный мир приобретает шанс не восприниматься в качестве управляемого и прозрачного для познающего сознания. Сегодня, выражаясь словами прагматика У. Джемса, он, скорее, предстает в образе «плюралистической Вселенной», похожей на «великий цветущий, жужжащий беспорядок», чем аморфного и гомогенного целого. И с точки зрения постнеклассической науки, это мир процессов самоорганизации, спонтанного становления, необратимых изменений, он открыт, индетерминистичен, темпорален, плюралистичен, эмерджентен, в нем доминируют случайность, необратимость, спонтанность, нестабильность, чувствителен к антропогенным воздействиям. «Мы живем в опасном и неопределенном мире, внушающем не чувство слепой уверенности, а лишь чувство умеренной надежды» [2, с. 386]. Таким образом, постметафизическое мышление – это мышление свободной личности, занимающей критическую позицию по отношению к социокультурной жизни во всех ее измерениях, проявлениях, манифестациях.

В контекст постметафизического мышления вписывается, в частности, и так называемая «чернолебяжья философия, которая во многом хорошо коррелирует с вышесказанным. «Черный лебедь» Нассима Талеба стал главной философской книгой нулевых лет. С точки зрения автора, «черный лебедь» – маловероятное событие, но оказывающее на мир невообразимо большее воздействие, которое задним числом может произвести впечатление предсказуемого, таковым не являясь. Суть заключается в том, что непредсказуемые события важнее предсказуемых. «Чернолебяжья философия» утверждает, что исходить следует не из средних обычных показателей, а учитывать возможность появления черного лебедя и действовать соответствующим образом. Психологический парадокс, по мнению Талеба, состоит в том, что

сознание людей традиционно ориентировано на отсечение крайностей [3, с. 26].

Для исследовательской и концептуальной перспективы самой экоэтики и типа мышления, формирующегося в ее пространстве, подобный вывод имеет определенное значение, прежде всего, потому, что объявив субъект-субъектные отношения своей идеологией и программой, она берет на себя ответственность и за смену ценностных установок, и за разработку адекватных нормативных условий принятия решений и действий, т.е. в целом за адекватную мыслительную практику, но самое главное –держит ответ перед инаковым миром, позиционируя его в качестве субъекта, партнера по социоприродной коммуникации. Реализация такой программы задача непростая, поскольку субъект-субъектная парадигма разрабатывалась исключительно только в рамках межличностной коммуникации и поэтому экстраполяция данной схемы выглядит привлекательной, но сопряженной с рядом известных трудностей: во-первых, в традициях этики было ориентироваться на человека, на закрепление его власти и господства над природой; во-вторых, новоевропейская цивилизация канонизировала субъект-объектную оппозицию, согласно которой природа должна ориентироваться на Я-субъекта, соответственно конструирование становится ключом к пониманию природы, и ее значимость для субъекта определяется соответствием его требованиям; в-третьих, хотя постклассическая философия и возрождает фигуру другого, феноменологический анализ которого предпринят в онтологическом, этическом и социальном измерениях, в конечном итоге все это не расширяет диапазон функционирования этого концепта, поскольку другой здесь важен с позиции intersubjectivity, коммуникации, возможностей диалога. Соответственно он рассматривается в качестве условия и посредника моей самости, т.е. «другой... не только раскрыл мне то, чем я был: он конституировал меня в новом типе бытия... Мне нужен другой, чтобы целостно постичь все структуры своего бытия...» [4, с. 147]; в-четвертых, дискуссионным является вопрос о правах природы и способах их реализации, поскольку право – юридическая институция, продукт человеческой конвенции и подразумевает еще и обязанности, которые должен выполнять правовой субъект, т.е. не только человек, но и природное существо; и др. При этом следует иметь в виду, что современные технологии организуют новый мир – виртуальный мир, а,

значит, формируют и иной характер социальных отношений, которые сегодня квалифицируют как объект-объектные.

Фактическая разработка данной проблематики позволит экологической этике избежать присутствующей пока еще в ней декларативности, предстать в качестве практической философии и полноценной нормативной дисциплины, способной воплотить свои установки в современной социальной практике и стать гарантом их реализации в глобальном масштабе.

Литература

1. Апресян, Р. Г. Экологическая этика в системе прикладного этического знания: предмет, методология, проблематика // Р. Г. Апресян / Экологическая этика: учеб. пособие / Т.В. Мишаткина [и др.]. – Минск, 2011.
2. Пригожин, И. Порядок из хаоса / И Пригожин, И. Стэнгерс – М., 1986.
3. 20 ключевых идей 2000-х // Prime Russian Magazine. – 2010. – № 3.
4. Сартр, Ж.-П. Бытие и ничто. Эссе феноменологической онтологии / Ж.-П. Сартр // От Я к Другому: сб. пер. по проблемам интерсубъективности, коммуникации, диалога. – Минск, 1997.

<p>Гапанович Ярослав Валериевич, соискатель кафедры региональной политики и публичного администрирования факультета государственного управления, Одесский региональный институт государственного управления, Национальная академия государственного управления при Президенте Украины, г. Одесса, Украина.</p>	<p><i>Экостратегии регионального развития Украины в сфере информатизации.</i></p>
---	---

ЭКОСТРАТЕГИИ РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ УКРАИНЫ В СФЕРЕ ИНФОРМАТИЗАЦИИ

Гапанович Я. В.

Одесский региональный институт государственного управления,
Национальная академия государственного управления
при Президенте Украины

В исследовании рассматривается новейшее состояние регуляторной политики Украины в сфере информатизации и основные направления ее реализации в регионах. Акцент сделан на анализе состояния экостратегий развития Южного региона Украины в сфере информатизации, выявлении возможных рисков информационного общества и задачах государственной политики информатизации. Определены проблемные вопросы государственного регулирования сферы информатизации региона, предложены практические рекомендации относительно их решения.

Актуальность проблем формирования и реализации государственной политики развития региона путем информатизации процессов, отраслей и сфер деятельности, обусловлена процессами общественно-политических трансформаций регионов Украины, мировым опытом развития стран, который свидетельствует о приоритетности выбора информатизации – как механизма успешного решения проблем и обеспечения постоянства развития общества. Внедрение новейших технологий информатизации процессов управления и регулирования, применение когнитивных средств телекоммуникаций, прикладных программ, способствуют достижению намеченных стратегических целей региона в развитии наукоемких производств и высоких технологий, росту производительности труда, улучшению социально-экономических и политических отношений, росту качества жизни человека и дальнейшей демократизации общества, обеспечению национальных интересов.

Новейшее, посткризисное состояние государственной регуляторной политики в сфере связи и информатизации в Южных регионах Украины (Одесская, Кировоградская, Николаевская, Херсонская области, Автономная республика Крым) характеризуется тем, что сегодня для достижения намеченных целей идут процессы модернизации, интеграции в мировое информационное пространство, воплощения новаций, поиск эффективных механизмов государственного регулирования рынков информационных услуг и информационно-коммуникационных, коммуникативных технологий, разработка и внедрение систем электронного администрирования с привлечением широкого спектра институций гражданского общества регионального и национального уровня.

В условиях необходимости устойчивого развития региональной, и как следствие, национальной экономики, устранения влияния имеющихся и ожидаемых рисков, реализация экостратегий государственной политики ("Good governance") в сфере связи и информатизации приобретает ключевое значение. Создание благоприятного климата для регионализации рынков предоставления телекоммуникационных, информационных услуг, осуществления взаимодействия в регионе всех субъектов публичной власти на основе размежевания их функций и полномочий по принципу субсидиарности, обеспечения баланса в вопросе централизации и децентрализации власти, построения и использования конвергентных интегрированных мультисервисных телекоммуникационных сетей и систем обмена информацией становится главным направлением государственной политики в каждом регионе страны.

Перед Южным регионом Украины поставлены новые стратегические задачи, решение которых обуславливает не только судьбу достижений сегодня, но и перспективу их развития в последующие десятилетия. Чрезвычайно актуальными являются вопросы определения экостратегии, экоресурсов и экомеханизмов. Под экостратегией нами понимается комплекс мероприятий, направленных на достижение качественно нового уровня жизни человека, главным мерилom которого является здоровье человека, а именно его физическое, духовное и социальное благополучие. Пути реализации экостратегии включают в себя модернизацию (на основе информатизации) административно-территориальных единиц страны (областей, районов, городов, сел, поселков) во всех сферах жизнедеятельности общества, которая сможет обеспечить развитие регионов при эффективном использовании

минимального количества ресурсов, особенно учитывая те процессы, которые набирают обороты в мире с начала XXI века, а именно глобализацию и информатизацию.

Уточняя термин "информатизация" отметим, что в общем смысле информатизация в научной литературе определяется как "глобальная мировая тенденция, которая затрагивает в той или другой степени все страны, и характеризует процесс перехода к информационному типу общества" [1, с. 15].

Конкретизируя понятийные границы термина, предлагаем следующую формулировку определения рынка информатизации Украины: рынок информатизации – это совокупность социально-экономических отношений между субъектами в процессе изготовления, распределения, купли-продажи (обмена) технических средств информатизации, новейших программ и технологий информатизации, во время эксплуатации информационно-телекоммуникационных сетей, а также предоставление/потребление созданных с их помощью информационных, информационно-телекоммуникационных и коммуникационных услуг, услуг информатизации, посредством чего осуществляется реализация результатов человеческой деятельности в сфере связи и информатизации в пределах определенного пространства и территории регионов Украины.

Разработка и применение предлагаемых экомеханизмов вызвано необходимостью поиска новых путей достижения намеченных стратегических целей на основе синтеза зарубежного и украинского опыта в сфере информатизации.

Особого внимания в сложившихся условиях заслуживает вопрос создания и определения правил доступа к ресурсам украинского сегмента всемирной сети Интернет, который стал частью рынка, а также его государственного регулирования, обеспечения права свободного доступа к ней граждан в населенных пунктах регионов Украины. 21.03.2012 Президентом Украины об этом было дано отдельное поручение Премьер-министру Украины и Председателю Национальной комиссии, которая осуществляет государственное регулирование в сфере связи и информатизации [2, с. 1].

Учитывая изложенное, явствует, что в механизмах государственного регулирования целесообразно применить такие алгоритмы действий институтов публичной власти, которые в нынешних экономических условиях были бы способны сохранить имеющихся субъектов рынка, обеспечить приток инвестиций и реальное развитие сферы

информатизации в запланированный срок в условиях ограниченных ресурсов и наличия определенных рисков. К ним отнесем следующие экомеханизмы:

- ✓ разработка и внедрение информационно-аналитических систем мониторинга здоровья человека;

- ✓ экономия природно-материальных ресурсов путем информатизации процессов и проектов (введение региональных систем электронного слежения за состоянием экологии и природных ресурсов, систем электронного документооборота, предоставление административных услуг по модели "одного окна", используя кибер-пространство);

- ✓ разработка соответствующих нормативно-правовых актов, административно-правовых процедур государственного регулирования и надзора;

- ✓ введение государственного администрирования адресного пространства украинского сегмента сети Интернет с применением соответствующих программно-аппаратных комплексов, использование процедур государственно-приватного партнерства;

- ✓ определение стандартов, критериев и показателей качества информационных услуг и создание инструментов их оценки и обеспечения охраны прав, свобод, законных интересов и здоровья людей и национальных интересов на рынках услуг.

Исследуя состояние сферы связи и информатизации, можно сделать промежуточный вывод о том, что отсутствие средств государственного влияния на программное обеспечение, ИТ-технологии и технические средства телекоммуникаций, на е-код в киберпространстве может вызвать целый ряд региональных рисков разного уровня, а именно:

- возможное противодействие защите информационного пространства Украины;

- возникновение реальных и потенциальных угроз информационной, экологической и экономической безопасности региона;

- нарушение (блокирование) электронных алгоритмов ликвидации негативных последствий влияния рисков следующих категорий: экологических, политических, экономических, социальных, других;

- другие риски.

Степень снижения рисков в большей мере зависит от государственных усилий по прекращению их негативного влияния. Одним из инструментов нивелирования влияния рисков есть "Доктрина

информационной безопасности Украины" (далее – Доктрина), утвержденная указом Президента Украины от 08.07.2009 № 514/2009 [2, с. 9].

В завершение доклада сделаем ключевой вывод: информационно-коммуникационные технологии заняли свое весомое место в современном мире, концепции электронного правления воплощаются в жизнь, а развитая экономика знаний становится доминирующим фактором успешности регионов в глобальном измерении. Поэтому процесс формирования и реализации государственной регуляторной политики Украины в сфере информатизации в современных условиях наполнен новым содержанием с акцентом на экологически-ориентированные стратегии.

Литература

1. Андрущенко, В. П. Организованное общество / В. П. Андрущенко // Институт высшего образования АПН Украины. – Киев, 2006. – С. 15.

2. Поручение Президента Украины от 21.03.2012 "О внедрении новейших технологий в сфере телекоммуникаций, которые будут соответствовать международным стандартам, обеспечении права свободного доступа граждан к сети Интернет". – Официальное Интернет-Представительство Президента Украины. – [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.president.gov.ua/documents/14611.html>.

3. Указ Президента Украины от 08.07.2009 № 514/2009 "Доктрина информационной безопасности Украины". – Официальное Интернет-Представительство Президента Украины. – [Электронный ресурс] – Режим доступа : <http://www.president.gov.ua/documents/9570.html>.

<p>Дубравина Александра Михайловна, магистр исторических наук, преподаватель цикловой комиссии социально-гуманитарных и специальных дисциплин специальности «Туризм и гостеприимство» Гуманитарного колледжа УО «Гродненский государственный университет им. Я. Купалы», аспирант кафедры философии, Гродненский государственный университет им. Я. Купалы, г. Гродно, Беларусь.</p>	<p><i>«Духовно-экологическая цивилизация» – социальная иллюзия или императив общественного развития?</i></p>
--	---

«ДУХОВНО-ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ» — СОЦИАЛЬНАЯ ИЛЛЮЗИЯ ИЛИ ИМПЕРАТИВ ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ?

Дубравина А. М.

Гродненский государственный университет им. Янки Купалы

В последние десятилетия экологическая проблематика является одной из наиболее значимых и сложных. Несмотря на то, что о возможности экологической катастрофы говорилось еще в XVIII и XIX вв., глобальность и реальная опасность негативных изменений в окружающей среде стали очевидны именно во второй половине XX века. Это связано с возникновением возможности получения научно достоверных, объективных данных, которые показали всеобъемлющий характер антропогенного фактора. Ряду исследователей вышеозначенные данные позволяют констатировать экологический кризис, грозящий перерасти в экологическую катастрофу. Данное кризисное состояние, как правило, рассматривается как часть общесистемного кризиса техногенно-потребительской модели мирового развития. В большей степени такая модель цивилизационного существования присуща странам Запада. К числу ее существенных свойств относятся:

- «взгляд на европейскую культуру как на безусловную вершину мировой истории, а на западные ценности (демократия, рынок, правовое государство) как на ценности общечеловеческого характера;
- культ научно-технического прогресса;
- бытие в социальном линейном времени, практически полностью игнорирующем биосферно-космические циклы, ритмы и зависимости;

— взгляд на природу как на безликую окружающую среду, подлежащую освоению, переделыванию и подчинению интересам человека;

— последовательный индивидуализм гражданского общества, только отчасти сдерживаемый демократически-правовыми институтами;

— меркантилистский культ абстрактного производительного труда ради получения прибыли и денег как универсального мерила экономической эффективности производства;

— богатство и социальная карьера как критерии жизненного успеха;

— промышленная буржуазия и финансовая олигархия как господствующие социальные слои;

— приоритет опосредованных связей (правовых и экономических) перед непосредственными (семейными, дружескими, любовными, духовными) связями между людьми» [1, с. 9].

Вышеперечисленные принципы, присущие странам «золотого миллиарда», в ходе глобализации (во многом благодаря СМИ, СМК) распространились по всему миру. Нивелируя национальные отличия, они порождают у представителей менее развитых в экономическом отношении стран стремление любыми способами достичь разрекламированного уровня жизни. Не случайно некоторые исследователи квалифицируют глобализацию как процесс тождественный вестернизации и характеризуют ее как техногенно-потребительскую. Расширение ареала укорененности ценностных ориентиров такой глобализации не только не способствует разрешению назревших противоречий в системе «человек – природа», но и ускоряет приближение экологической катастрофы.

Приведем некоторые, наиболее очевидные отрицательные последствия господства техногенно-потребительской глобализации в области экологии: «дестабилизация биосферы оборачивается неуклонным нарастанием числа силы природных катастроф, а также человеческих жертв. Так, с 1973 по 1982 год произошло 1,5 тыс. природных катаклизмов, с 1983 по 1992 – 3,5 тыс., с 1993 по 2002 – уже 6 тысяч. Экономический ущерб от них в 60-ые годы составил 70 млрд. долларов, а в 90-ые – 600 млрд. В 2002 году в природных катаклизмах погибло 11 тыс. человек, а величина ущерба составила 55 млрд. долл., в 2003 г. – 50 тыс. погибших и 60 млрд. ущерба, а в 2004 году по самым скромным подсчетам погибло около 200 тыс. человек, а величина ущерба составила 106 млрд. долларов. Не уменьшилось число жертв и в последующие годы. Число человеческих жертв в 2008 году составило 220 тыс. человек» [1, с. 12].

Нельзя сказать, что здравомыслящие ученые и политики, анализируя сложившуюся ситуацию, не представляют масштабов опасности и не пытаются найти решений. Международная общественность стала осознавать угрозу глобального экологического кризиса еще в 40-х гг. XX века. В 1948 году по инициативе ЮНЕСКО была создана первая неправительственная международная организация, занимающаяся исследованием природных процессов – Международный союз охраны природы и природных ресурсов (МСОП). С тех пор на протяжении шести десятилетий ежегодно проводятся конференции, разрабатываются программы, концепции, преследующие одну цель: найти пути разрешения накопленных в системе «человек — природа» противоречий, определить матрицу устойчивого развития мира. К сожалению, все усилия до сегодняшнего дня не принесли значительного результата.

Недостатками предлагаемого пути изменений является половинчатый характер и эклектичность предполагаемых реформ, отсутствие понимания необходимости системного преобразования существующей действительности.

Проблема разрешения экологического кризиса в том, что для его адекватного восприятия необходимо выйти за пределы стереотипных представлений об отношениях человека к природе. А это достаточно болезненный шаг, поскольку данные представления формировались на протяжении четырех последних веков, начиная с эпохи Возрождения.

Академик Н. Н. Моисеев очень точно определил стоящую перед современным мировым сообществом глобальную задачу: «Человечеству предстоит отказаться от иллюзии безграничных возможностей. Это, может быть, самая трудная задача, с которой человечество когда-либо встречалось: осмыслить свое место в биосфере».

Иллюзорные установки техногенно-потребительской цивилизации в большой степени сохраняют свои позиции в массовом сознании, благодаря тому, что опираются на систему современных мифов. Например, очень популярен миф о невозможности остановить научно-технический прогресс, миф о постиндустриальных компьютерных технологиях как вершине человеческого творчества и средстве решения всех глобальных проблем, включая экологическую. Эти мифы призваны внушить уверенность в том, что избранный путь цивилизационного развития не имеет никаких альтернатив и не нуждается в коррекции.

В то же время идея перехода человечества к принципиально иному способу построения линии развития, получившему название «духовно-

экологическая цивилизация», представляется широкой общественности как не имеющая под собой реальных оснований социальная иллюзия.

Между тем, по мнению многих современных исследователей, таких как А. А. Алимов, П. А. Водопьянов, А. А. Горелов, К. Х. Делокаров, Г. Г. Дилигентский, В. А. Зубаков, Л. Г. Ивашов, Ч. С. Кирвель, Б. Т. Лихачев, К. Лоренц, А. И. Субетто и других для разрешения экологического кризиса необходима именно духовная революция. Данная революция должна заключаться в отказе от инструментально-потребительского отношения к миру и приближению к качественно новому уровню цивилизационного развития – ноосферному.

Суть духовно-экологической (или ноосферной) цивилизации заключается в том, что «научно-технический прогресс, производство материальных товаров и услуг, политические и финансово-экономические интересы должны быть не целью, а средством гармонизации отношений между обществом и природой» [2, с. 11].

Согласно принципу коэволюции, человечество для того, чтобы обеспечить свое будущее, должно не только изменять биосферу, приспособлявая ее к своим потребностям, но и изменяться само, приспособляваясь к объективным требованиям природы. «Мы столь радикально изменили нашу среду, что теперь для того, чтобы существовать в ней должны изменить себя» [3, с. 398].

Только такой кардинальный пересмотр взглядов, базовых ценностей который, по мнению некоторых исследователей, произойдет вследствие крупномасштабных катастроф и катаклизмов, сможет положительно решить вопрос о сохранении человеческой популяции на планете Земля.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что перед человечеством стоит задача перехода общественного развития на новые принципы – принципы экоцентризма и создание на их основе духовно-экологической цивилизации. Такая трансформация ценностных ориентаций массового сознания в сторону коэволюции является не социальной иллюзией, а единственным реальным путем разрешения общечеловеческого системного кризиса.

Именно коэволюционная парадигма, лежащая в основе духовно-экологической цивилизации должна стать императивом общественного развития человечества в XXI веке.

Литература

1. Иванов, А. В. Духовно-экологическая цивилизация: устои и перспективы / А. В. Иванов, И. В. Фотиева, М. Ю. Шишин. – Барнаул, 2010.
2. Иванов, А. В. Время великого размежевания: от техногенно-потребительской – к духовно-экологической цивилизации / А. В. Иванов, И. В. Фотиева, М. Ю. Шишин // Вестн. Моск. ун-та. – 1999. – сер.7. №6. – С. 3-25.
3. Большой энциклопедический словарь: философия, социология, религия, эзотеризм, политология / Главн. научн. ред. и сост. С.Ю. Солодовников. – Минск, 2002.

<p>Екадумов Андрей Иванович, кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии и методологии науки, Белорусский государственный университет, г. Минск, Беларусь.</p>	<p><i>Экологический императив и предпосылки культуры консенсуса в глобальном мире.</i></p>
---	--

ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ ИМПЕРАТИВ И ПРЕДПОСЫЛКИ КУЛЬТУРЫ КОНСЕНСУСА В ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ

Екадумов А. И.
Белорусский Государственный университет

С распадом биполярной мировой системы модерному универсализму, провозглашающему единство человечества не основании либерально-демократического нарратива, вместо целостной идеологической доктрины, единой военно-политической и экономической организации, противостоят локальные идеологии трайблаистского и фундаменталистского толка. В идеологическом отношении мир оказался многополярным, и вместо мирного сосуществования различных локальных нарративов наблюдается их конкуренция, зачастую преходящая в конфронтацию.

Вместе с тем, вопреки такому конфронтационному идеологическому разнообразию, глобализация по-прежнему развивается в рамках, очерченных требованиями экспансии капитала. Противоречивая и крайне сложная глобальная экономическая интеграция не гарантирует ни политического мира, ни толерантного мультикультурализма. Напротив, социокультурные противоречия обнаруживают себя все более очевидно.

Закат биполярного мира выступает отправным пунктом, задающим направление интеллектуального поиска социокультурных оснований консенсуса в эпоху глобализации. Биполярный и постбиполярный мир мыслятся, соответственно, в оппозиции модерного универсализма (пусть в двух, взаимоисключающих проектах, коммунистическом и либерально-капиталистическом) и постмодерного партикуляризма. На место конфликта двух доминирующих идеологий, восходящих к общему проекту европоцентрического гуманизма, в качестве определяющего мировую социодинамику, предлагается модель противостояния и симбиоза локальных культур. Однако такой подход игнорирует формирование транснационального, трансгосударственного и транскультурного уровня

взаимодействия разноуровневых сообществ и институтов. Он не учитывает детерриторизацию насущных проблем, прежде оценивавшихся как локальные или региональные, описывавшихся и решавшихся в структурах государственного и межгосударственного, но не трансгосударственного мирового устройства.

Идеи универсальных оснований культуры и единства человечества, утратившей легитимность модерного метанарратива, противопоставляются фундаменталистские учения, концепты столкновения цивилизаций и заката Просвещения. Однако по мере медиатизации и взаимовлияния культур кризис легитимности, пережитый западным обществом модерна, ожидает локальные традиционалистские сообщества, осуществляющие догоняющую модернизацию. Распространение научно-технической рациональности и развитие глобальной информационно-коммуникативной среды создает предпосылки формирования универсальных культурных образцов на базе общности повседневных практик и востребованных форм рациональности, общее культурное пространство как условие консенсуса в диалоге различных локальных сообществ. Вместе с тем предпосылки для развития универсальной культуры диалога блокируются стратегическими интенциями в политике и экономике, а также семантическими помехами в коммуникации культурных традиций.

Коммуникативные стратегии консенсуса имеют препятствия в реализации. С одной стороны, это конфликты интересов господствующих групп, связанные с ними инструментальные ориентации, борьба за ресурсы власти. С другой стороны, в самой структуре коммуникативного поведения присутствуют объективные помехи консенсусу, обусловленные потребностями воспроизводства идентичности и конфликтом мировоззренческих моделей акторов, включенных в различные символические миры локальных культурных традиций. Сопrotивление хаосу означающих как следствию радикального подрыва единства системы значений, вынуждает представителей культурных сообществ не просто вступать в диалог с другими, но также ограничивать его интенсивность и глубину взаимопонимания.

Стремление к пониманию ограничивается потребностью в воспроизводстве символической идентификации. Распространение рационалистической современной культуры в процессе технологических инноваций, развитие системы образования, ориентированной на научно-техническое знание и системы коммуникаций ослабляет действие этого фактора. Но властные отношения как отношения стратегические

нивелируют коммуникативный компонент, когда речь идет о взаимодействии между социально-политическими общностями.

Тем не менее, стратегическое поведение, инструментальная рациональность, рассматриваемая как препятствие взаимопониманию в диалоге культурных сообществ, также может выступить фактором, способствующим достижению консенсуса. Помимо общности дискурса, связанного с инструментальной, научно-технической компонентой догоняющей модернизации, преодолению социально-психологических, культурно-аксиологических препятствий взаимопониманию способствует общность стратегических ориентаций, иницирующая поиск взаимопонимания.

Успех коммуникативного поведения может быть обеспечен успешной реализацией стратегических интенций в случае, когда ориентация на взаимопонимание сопряжена с ориентацией на инструментальный успех, когда они взаимообусловлены в своей реализации, т.е. инструментальное действие, нацеленное на эффективное целедостижение, требует взаимопонимания, а коммуникативные интенции иницированы потребностями инструментального успеха.

Экологический императив формирует пространство полилога локальных культур, в котором инструментальная составляющая коммуникации способна иницировать интенции на взаимопонимание в случае совпадения стратегических целей участников коммуникативного процесса. Глобальный характер экологических проблем, особо отчетливо проявляющий себя в ситуации экологических катастроф, выступает объективным фактором, подрывающим изоляционистские, монологические культурные самоописания и стратегии. Формирование объективных предпосылок единой, глобальной политической стратегии подготавливается не столько в политическом взаимодействии государств и блоков, и не только в транснациональной экономике, но в сфере с ними взаимосвязанной, и, притом, достаточно автономной в своей динамике. В сфере мировой экологии.

Биполярный мир мыслился в контексте противостояния двух идеологических, политических, экономических систем. Полиполярный глобальный мир, в согласии с националистической теоретико-методологической оптикой, мыслился по аналогии с миром национальных государств, как мир локальных самодостаточных культур, равноценных, и, в принципе, равноправных, хотя неравных по влиянию. В социально-политической перспективе, упускающей из внимания глобальный фактор

динамики биосферы, модель постбиополярного мира ассоциируется с идеями глобального государства или цивилизации-гегемона. Но политически монополярный мир глобального человечества, в котором одни социокультурные стратегии доминируют вопреки локальным обычаям, а другие третируются, формируется не посредством общности идеологий, совпадения локальных символических порядков, партикулярных политических и экономических интересов. Формирование единого полюса политической воли предпосылается общностью проблем и потребностью в перспективных стратегиях их разрешения как на глобальном, так и на локальных уровнях.

Экономика сформировала глобальное измерение политики. Однако экономические и политические интересы не могут обеспечить универсальных оснований для развития консенсуса на транснациональном уровне глобальной политической стратегии. Экономическое развитие невозможно без конкуренции. Международная политика, за неимением более надежной на сегодняшний день формы политической автономии, чем национальное государство, существует как институционально оформленное пространство соперничества партикулярных интересов. Чтобы консенсус был достижим как через реализацию коммуникативных, так и, в первую очередь, стратегических интенций, необходимо совпадение универсальных и партикулярных аспектов этих интересов, локального и глобального уровней их артикуляции.

Такой сферой совпадения выступает не мировая экономика и политика, а, прежде всего, мировая экология. Монополярное измерение глобального, но мультикультурально и политически разобщенного мира изначально формируется не в сфере международной политики (при этом зачастую истолкованной как репрезентация субстанциальных культурных различий), а в сфере экологии глобального человечества.

Если в политическом противостоянии биполярного мира акцентировалось соперничество организаций и идеологий, то в глобальном мире помимо мультикультуральной разобщенности присутствует мощное интегрирующее начало за пределами непосредственно политики и культуры. Оно заключается в столкновении социокультурной системы, объемлющей все человечество, со всеми ее внутренними противоречиями, с глобальной экологической угрозой. Эта угроза всякий раз реализуется локально, в совокупности локальных катастроф, однако факторы их возникновения, последствия, как и условия эффективного преодоления, уже не могут быть локализованы исключительно регионом бедствия.

Глобальный цивилизационный вызов, актуальный для всех локальных сообществ и способный снизить актуальность межкультурных и политических противоречий, исходит не от иных цивилизаций, а от биосферы, трансформированной антропогенным воздействием.

<p>Ищенко Артём Сергеевич, студент 2 курса специальности международное право, факультет международных отношений, Белорусский государственный университет, г. Минск, Беларусь.</p>	<p><i>Технологическая сингулярность.</i></p>
--	--

ТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ СИНГУЛЯРНОСТЬ

Ищенко А. С.

Белорусский государственный университет

*В течение ближайших тридцати лет
у нас появится техническая возможность
создать сверхчеловеческий интеллект.
Вскоре после этого человеческая
эпоха будет завершена.*

Сейчас, человечество стоит на пороге одного из самых величайших событий в истории, событие которое радикально изменит облик современного мира. Возможно, это будет началом конца эры господства Homo sapiens, эры, когда мы справедливо считаем себя высшей формой известной жизни, с самым совершенным разумом. Это событие заставит нас изменить свое мнение, так как впервые за всю историю человечества мы, возможно, окажемся в обществе существ, более разумных, чем мы сами. Это событие – «технологическая сингулярность», понятие которой впервые прозвучало из уст Вернора Винджа, известного математика и писателя, на симпозиуме VISION-21, который проводился в 1993 году Центром космических исследований NASA им. Льюиса и Аэрокосмическим институтом Огайо.

Технологическая сингулярность – гипотетический момент, по прошествии которого, по мнению сторонников данной концепции, технический прогресс станет настолько быстрым и сложным, что окажется недоступным пониманию, предположительно следующий после создания искусственного интеллекта и самовоспроизводящихся машин, интеграции человека с вычислительными машинами, либо значительного скачкообразного увеличения возможностей человеческого мозга за счёт биотехнологий [1].

Как видно из определения, началом «технологической сингулярности» является создание искусственного интеллекта, т.е.

создание человеком сущностей, с интеллектом превышающим человеческий. По мнению В. Винджа наука может достичь такого прорыва разными путями:

1. Компьютеры обретут "сознание", и возникнет сверхчеловеческий интеллект.

2. Крупные компьютерные сети могут "осознать себя" как сверхчеловечески разумные сущности.

3. Машинно-человеческий интерфейс станет настолько тесным, что интеллект пользователей можно будет обоснованно считать сверхчеловеческим.

4. Биология может обеспечить нас средствами улучшения естественного человеческого интеллекта.

Все вышеперечисленные возможности напрямую связаны с совершенствованием компьютерного аппаратного обеспечения. Компьютерная техника развивается беспрецедентными темпами. Последние несколько десятилетий вычислительная мощность процессоров, удваивается приблизительно каждые 1,5 года. Если бы с подобной скоростью развивалась авиатехника, полет, тридцать лет назад занимавший 7 часов, сегодня длился бы не более секунды. Опираясь на эти данные можно сделать вывод, что вероятно в ближайшем будущем будет создан «искусственный интеллект»; и если правильно понимать теорию технологической сингулярности, то – эта та точка во времени, когда наступят первые минуты работы этого сверхразума, в результате чего произойдет невиданный ранее всплеск информации, объемы и скорость операций с которой будут просто недоступны не только человеку, но и самым совершенным машинам. По сути, сам этот всплеск информационной активности и станет началом «сингулярности».

Каковы же будут последствия данного явления, точно предсказать их практически невозможно, но можно предположить, что благодаря «сингулярности» человечество сможет, наконец, решить ряд глобальных проблем. Таких, как загрязнение окружающей среды, голод, болезни и, в конечном счете, приобрести практическое субъективное бессмертие [2]. Это конечно будет не всеведение и всемогущество, но очень близкое практическое их подобие.

Как показывает история, человечеству не удалось найти универсальное оправдание своего существования. Достижения отдельных людей, религий и философских систем не сходятся друг с другом и не способны убедить сомневающихся. Но то, что откроется человеку в

результате наступления «технологической сингулярности», поможет ответить на вопросы, интересующие нас на протяжении всей истории, или хотя бы приблизить нас к ним. Поэтому глобальная цель нашей жизни на ближайшее время – достичь «сингулярности». Там нас ждут ответы.

Литература

1. The Coming Technological Singularity, © 1993 by Vernor Vinge [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.accelerating.org/articles/comingtechsingularity.html> – Дата доступа: 27.04.2012.

2. Рассвет Сингулярности. Майкл Дириг, Translated into Russian by Pavel Vassiliev. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://transhumanism.org/languages/russian/dawnofsingularity/Deering.htm> – Дата доступа: 26.04.2012.

Калимулина Арина Рифхатовна,
студентка 4 курса отделения философии,
факультет философии и социальных наук,
Белорусский государственный
университет, г. Минск, Беларусь.

*Экопоселения как вектор
устойчивого развития.*

ЭКОПОСЕЛЕНИЯ КАК ВЕКТОР УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

Калимулина А. Р.

Белорусский Государственный Университет

Экопоселение представляет собой нечто новое как в отношении традиционного, так и индустриального общества. При этом, обладая чертами и того, и другого, создает новое качество жизни. Являя сегодня инновационный вектор развития, экопоселения могут стать одним из способов оживления деревни, заселения оставленных земель, а также примером устойчивого развития.

Движение экопоселений началось в 60-е годы XX века в США и странах Европы, а затем распространилось по всему миру. Оно возникло на волне стремления небольших городских сообществ людей к гармоничному проживанию в природе, в ответ на обезличивание городской жизни и все большую индустриализацию сельского хозяйства. В 1997 г. была создана Глобальная Сеть Экопоселений и три её подразделения – Европейское, Американское и стран Азии и Океании. Сегодня эта НКО имеет консультативный статус в экономическом и социальном Совете ООН, а также других межправительственных организаций по вопросам образования в области устойчивого развития. Наиболее известное экопоселение в мире – Findhorn (Шотландия), активно участвующее в программах ЮНЕСКО, и было инициатором создания Глобальной сети экопоселений (GEN). Российская сеть экопоселений была создана в 2005г. Из созданных на «первой волне», в первой половине 1990-х годов, наиболее известны поселения Китеж (Калужская обл., начало строительства 1992), Гришино (Подпорожский район, 1993), Невозковиль (Сортавальский район, Карелия, 1993), Тиберкуль (Курагинский район, Красноярский край, 1994). На настоящий момент их существует уже более 159 в России, есть они и в Беларуси.

Экопоселение – это имеющее разумный масштаб группы, обладающее всеми необходимыми возможностями человеческой

деятельности поселение, в котором она безопасно интегрирована в природную среду таким образом, который обеспечивает здоровое развитие человека и позволяет успешно существовать неопределенно долгое время.

Разумный масштаб предполагает, что все в общине знают друг друга, и каждый чувствует, что может влиять на направление развития поселения. Датские группы соседствующих семей пришли к тому, что 30 жилищ, или приблизительно 75 человек, составляют верхний предел для сохранения чувства дружного коллектива. В данном вопросе многое решает география местности и другие характеристики окружающей среды.

Все аспекты жизни людей: проживание, отдых, общественная деятельность и коммерция – должны быть представлены в сбалансированной пропорции. Экопоселение становится слепком всего общества в миниатюре. Однако это вовсе не означает, что экопоселения станут полностью изолированы от окружающих: есть потребность в целом ряде специализированных услуг, таких как больницы, аэропорты и т.д. Поселение разумных пределов не может быть совершенно многоплановым.

Безопасная интеграция в природную среду предполагает идеал равенства между человеком и остальными формами жизни, при котором человек не пытается доминировать над природой, а находит подобающее место в ней. Другим важным аспектом является цикличное использование материалов вместо линейного подхода (вырыть, использовать один раз и выбросить навсегда), характерного для индустриального общества, применение возобновляемых источников энергии (солнечной, ветровой и т.д.); компостирование органических отходов и возвращение их земле; вторичная переработка стоков; неупотребление ядовитых и вредных веществ.

Принцип устойчивости обязывает к определенной честности в концепции экопоселения. Без него было бы легко в короткое время создать поселения, которые покажутся гармонично вписанными в природу и имеющими все необходимые черты экопоселения, но на самом деле будут в скрытом виде проживать капитал, накопленный в других частях общества, или зависеть от антиэкологической деятельности в других частях общества, или же не включают какой-нибудь важный аспект жизни (например, детей или стариков). Принцип устойчивости требует неэксплуатации других частей современного мира, а также принадлежащего потомкам. Ведь устойчивое развитие – это развитие,

которое удовлетворяет нужды настоящего без ущерба будущим поколениям в удовлетворении их потребностей.

Экопоселение как вектор устойчивого развития требует пристального внимания при рассмотрении нынешней ситуации села. В некоторой степени принципы экопоселений могут быть применены к уже существующим деревням. Это позволит на практике реализовать принцип устойчивого развития, давно ставший ключевым в концепции экологического движения. В экопоселениях встречаются разные природоохранные ограничения производства и оборота товаров, применения тех или иных материалов или технологий, образа жизни. В качестве распространённых примеров можно привести следующие.

Устойчивое земледелие – использование неистощительных технологий обработки земли (например, принципы пермакультуры). Как правило, также бывает запрещено использование ядохимикатов и пестицидов на территории экопоселения.

Устойчивое лесопользование и поликультурное лесовосстановление – бережное использование лесов и работы по высадке разных пород деревьев для формирования в лесах устойчивых экосистем, в отличие от монокультурных посадок (подверженных болезням и вредителям), активно практикуемых лесопромышленными организациями.

Минимизация энергопотребления – достаточно распространённая практика, проявляющаяся в строительстве энергоэффективного жилья, использовании возобновляемых источников энергии, минимизации бытового энергопотребления. Ряд экопоселений используют автономную малую альтернативную энергетику.

Часто встречается стремление к автономности и независимости от поставок извне, к определённому самообеспечению. Жители стремятся сами выращивать для себя продукты питания, с применением технологий органического сельского хозяйства. В некоторых (как правило, более крупных) экопоселениях удаётся создавать собственное производство так же одежды, обуви, посуды и других вещей, необходимых для жителей экопоселения и (или) товарообмена с внешним миром. Как правило, продукция должна производиться из местных возобновляемых природных материалов или отходов/вторсырья, по экологически чистым технологиям, а также безопасно использоваться и утилизироваться.

Среди жителей экопоселений обычной практикой являются те или иные системы естественного питания, например, вегетарианство, сыроедение, веганство и т. д. Большинство жителей экопоселений обычно

придерживаются систем здорового образа жизни, который включает в себя сбалансированное питание, закаливание, посещение бани, активную физическую нагрузку, позитивный жизненный настрой.

Разумное обращение с отходами предполагает их деление по пятнадцати позициям и полная утилизация, максимальное использование очистных сооружений, где систематически осуществляют контроль сточных вод, пробное – электромобилей, с конечной целью обеспечить устойчивое развитие в условиях возрастающего дефицита ресурсов.

Каждая территория обладает уникальным комплексом природных и социокультурных факторов. Исходя из этого комплекса, необходимо разрабатывать конкретную стратегию развития данной территории. Эта стратегия, помимо вышеперечисленного, включает в себя ранжирование по типу, глубине хозяйственной деятельности (заповедная — с полным запретом, ограниченного доступа, хозяйственной деятельности); расчёт и поддержание оптимальной численности населения поселений, в зависимости от ресурсов данной территории, через разработку механизмов миграции и обмена внутри сети поселений; объединение в сеть поселений на основе общих принципов для сети; развитие диалога между экопоселением и городом; распространение опыта жизни в экопоселениях в обществе на государственном и на международном уровне.

Как известно, трудно быть первооткрывателями в любом деле, в том числе в создании устойчивых экопоселений, и на этом пути встречаются преграды. Стоит отметить возможные проблемы управления. Идеалы справедливости и неэксплуатации указывают общее направление развития, но не дают четких рекомендаций по их воплощению. Перед экопоселением наиболее вероятно встанут следующие вопросы: как будут приниматься решения, какие методы будут использоваться для разных типов решений? Каковы будут отношения с администрацией района? Для того, чтобы справиться со всеми проблемами, члены экопоселения должны иметь в качестве опоры общие ценности. Необходимость развития и поддержания такой общности поднимает следующие вопросы: какие общие ценности, какое поведение и виды деятельности должны ожидаться в группе? Каким должно быть общее видение группы, если оно вообще должно быть? Каковы будут взаимоотношения с теми, кто находится за пределами группы? Проблема целостной системы состоит в том, чтобы составить правдивое представление о размахе предприятия и найти подход, позволяющий общине развиваться постепенно и стабильно. Все эти проблемы вкупе могут показаться непреодолимыми. Однако, в качестве

примера целостного экопоселения, можно привести «поселок антропософов» в Ярне (Швеция, 1970-1990 гг.). Другими примерами могли бы служить «Солнечная деревня» на 435 домов в Певки (Греция), поселок «Эколония» на 101 дом в Нидерландах, поселок «Анингервик» на 140 домов в Австрии.

Едва ли есть что-либо более привлекательное и вместе с тем более неуловимое для человечества конца XX столетия, чем перспектива жизни в гармонии с собой и природой. Один из самых многообещающих подходов в воплощении этой мечты – создание устойчивых равновесных экопоселений. Концепция экопоселений проводит идею о том, что стихийное развитие человечества не просто может, но и должно смениться вначале направляемым, а в перспективе и разумно управляемым развитием в планетарном масштабе. И если в постиндустриальную эпоху мы пришли в ходе естественно-исторического процесса, то в «царство разума» (о котором еще мечтали просветители), или эпоху ноосферы, человечество придет лишь благодаря обретению свойства глобального самоуправления переходом к своему устойчивому будущему.

Литература

1. Гилман, Р. Экодеревни и устойчивые поселения / Р. Гилман. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.seu.ru/cci/lib/books/ecoderevni/>. – Дата доступа: 27.04.2012.
2. Тетиор, А. Н. Архитектурно-строительная экология / А. Н. Тетиор. – М., 2008.
3. Марков, Ю. Экопоселения как элемент национальной стратегии / Ю. Марков // Наука в Сибири. – 2006. – N 42 (2577). – С. 3-9.

Калюжина Дарья Сергеевна,
магистрант кафедры социологии,
факультет философии и социальных наук,
Белорусский государственный
университет, г. Минск, Беларусь.

*Формирование экологического
сознания у молодежи как условие
устойчивого развития.*

ФОРМИРОВАНИЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ У МОЛОДЕЖИ КАК УСЛОВИЕ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

Калюжина Д. С.
Белорусский государственный университет

Современное общество сталкивается со многими «вызовами», среди которых экологический кризис является одним из важнейших. В XXI веке экологические проблемы угрожают не только хозяйственной и экономической сферам общества, но и существованию человечества в целом. Для предотвращения надвигающейся катастрофы необходима глубокая трансформация системы ценностей современной цивилизации. Для достижения целей концепции устойчивого развития необходимы преодоление и трансформация существующей антропоцентристской мировоззренческой картины.

Одним из важнейших векторов такой трансформации является гуманизация и экологизация ценностных установок социума. Данные процессы должны иметь целенаправленный и рациональный характер, стихийное насаждение экологических ценностей в данном случае является недопустимым. Таким образом, логику решения экологических проблем можно построить от изменения экологического сознания у каждого конкретного индивида к формированию экологической культуры в отдельном государстве с последующим выходом на глобальный уровень. Однако формирование экологической культуры в национальном разрезе, не говоря уже о глобальной перспективе, является довольно сложной задачей. Несмотря на рост объемов информации об экологических проблемах и основных ориентирах проэкологического образа жизни, знания являются лишь гносеологической основой формирования экологической ориентации сознания. Для успешной экологизации сознания и формирования экологически ответственной личности необходимо, чтобы инвайронменталистские императивы рассматривались не только, как мировоззренческие, но и как практические принципы образа жизни индивидов. Только в том случае, если экологические установки

будут иметь практическую реализацию, можно говорить о переходе человечества к модели устойчивого развития, сущность которой состоит в обеспечении выживания человечества как такового, гармонизации его взаимоотношений с природой [1, с. 6].

Высшей формой и результатом процесса экологизации является проинвайронменталистски ориентированная экологически сознательная личность. То, насколько будут соблюдаться принципы устойчивого развития, напрямую зависит от уровня экологического сознания, которое детерминирует экологическое поведение индивидов. Становление экологического сознания и такие его ключевые аспекты, как источники знаний о проблемах экологии, динамика отношений индивидов к проблемам окружающей среды, а также структура повседневных проэкологических практик нуждаются в постоянном социологическом мониторинге.

Устойчивое развитие и преодоление экологического кризиса напрямую связаны с воспитанием экологически ответственной личности. Молодое поколение олицетворяет ближайшее и отдаленное будущее социума, поэтому весьма важным представляется формирование у него устойчивого экологического сознания и экологической культуры в контексте эоцентристской установки. Особенно важным представляется изучение студенчества, т.к. именно в рамках высшей школы формируются основы проэкологически ориентированного профессионального мировоззрения, происходит становление ценностно-смысловой сферы личности, осваиваются на практике экологические нормы и требования [2, с. 67].

Изучение взаимоотношений молодого поколения и природы охватывает 3 направления: 1) знания (знание существующих проблем окружающей среды и знание политики, проводимой для их решения, а также оценка респондентами своего знания); 2) отношения (отношение к своему состоянию здоровья, а также к существующим национальным/глобальным экологическим проблемам, и степень обеспокоенности индивида проблемами окружающей среды); 3) практики (повседневные действия индивида и их способность уменьшить негативное воздействие индивида на окружающую среду) [3, с. 34-35].

В 2010-2012 гг. были проведены три среза («волны») в рамках социологического исследования экологически ориентированного образа жизни студентов столичных вузов. Целью исследования являлось изучение и описание экологической составляющей образа жизни студенчества.

Исследование было проведено методом группового раздаточного анкетного опроса. Было опрошено 584 человека (первая волна – 150 чел., вторая – 210 чел., третья – 224 чел.).

Знания

Студенческая молодежь достаточно высоко оценивает свои знания относительно проблем окружающей среды (средний показатель по 5-балльной шкале составил 3,15). Было выявлено статистически значимое различие: студенты первой волны склонны оценивать свои знания выше, чем представители второй и третьей волн (3,39 против 3,06 и 3,07 соответственно). Знания о политике, проводимой для решения экологических проблем, студенты оценивают значительно ниже (2,45 балла из 5), что свидетельствует о недостаточной информированности студенчества в этой области. При этом следует отметить, что большинство из ответивших считает, что имеющихся у них знаний недостаточно для перехода к более экологическому образу жизни. Примечательно, что значительная часть студентов затруднилась дать ответ на данный вопрос, что может свидетельствовать об отсутствии связи между имеющимися у молодежи знаниями и их практическим воплощением в повседневной жизни, что является несомненным препятствием переходу к модели устойчивого развития.

Основным источником получения знаний об экологических проблемах и экологически ориентированном образе жизни для студентов первой волны является школа/вуз (61%), для второй и третьей – Интернет (54,9% и 76,7% соответственно), что свидетельствует о росте влияния средств массовой коммуникации и снижении роли высшей школы в трансляции экологических ценностей и установок.

Отношения

Поскольку экологические проблемы и проблемы здоровья населения являются тесно связанными, одним из важных показателей является оценка индивидом состояния своего здоровья (т.н. самочувствие), определяющая отношение респондента к явлениям окружающей действительности. Среди студентов наблюдается тенденция к росту удовлетворенности состоянием своего здоровья (с 61,4% в 2010 г. до 74,5% в 2012 г.).

Для студенчества характерен высокий уровень обеспокоенности проблемами окружающей среды (3,44 балла из 5). Наряду с признанием важности глобальных проблем, молодежь придает исключительную

важность такой национальной проблемы, как радиационное загрязнение территорий.

В ходе исследования было выявлено статистически значимое различие в уровне обеспокоенности в зависимости от пола респондента: девушки выражают большую озабоченность проблемами окружающей среды, чем юноши.

Практики

Свой образ жизни в той или иной мере экологически ориентированным считают 74,7% студентов. Однако наблюдается тенденция снижения количества студентов, чей образ жизни изменился в сторону защиты окружающей среды за последние пять лет (с 63,3% в 2010 г. до 50,9% в 2012г.).

Для студентов интегральный показатель экологически ориентированного поведения в среднем составил 3,35 баллов из 6, что является средним уровнем экологической активности. Для данного показателя не наблюдалось значимой динамики на протяжении всего периода исследований.

Более половины студентов указали, что большая часть потребляемых ими продуктов питания произведена в Беларуси. В качестве основных причин своего потребительского выбора респонденты называли то, что продукты отечественного производства являются экологически чистым и натуральными. Такие потребительские практики можно косвенно отнести к экологическому поведению, поскольку предпочтение белорусских товаров сокращает дальние перевозки продуктов, способствующие загрязнению окружающей среды. В ходе исследования было выявлено статистически значимое различие в уровне экологического поведения юношей и девушек: последние склонны вести себя более дружелюбно по отношению к окружающей среде.

Исследование выявило противоречие между достаточно высокой обеспокоенностью проблемами окружающей среды и средними уровнем знаний и уровнем экологического поведения. Однако о сформированности экологического сознания можно говорить лишь тогда, когда знания и отношения подкрепляются конкретными практическими действиями, которые позволяют уменьшить негативное воздействие деятельности человека на окружающую среду, снизить экологические риски и угрозы экологической безопасности. Преодоление этого диссонанса является ключевым моментом для перехода к модели устойчивого развития и успешной реализации гуманизации и экологизации общества.

Литература

1. Каландаров, К.Х. Коммуникативные основания устойчивого развития (философский анализ): дисс. ... докт. филос. наук: 09.00.11 / К.Х. Каландаров. – Москва, 2000. – 156 с.
2. Ахметова, М.Х. Экологическое образование как основной фактор формирования экологического сознания учащейся молодежи / М.Х. Ахметова // Власть. – М., 2007. – №11. – С. 67-70.
3. Титаренко, Л.Г. Экологический образ жизни минчан / Л.Г. Титаренко // Социологические исследования. – 2011. – №3. – С. 32-37.

<p>Лысикова Ольга Валерьевна, кандидат исторических наук, доцент, зав. кафедрой менеджмента туристического бизнеса Института социального и производственного менеджмента, Саратовский государственный технический университет имени Ю.А. Гагарина, г. Саратов, Россия.</p>	<p><i>Экологический туризм: глобальные тренды и локальные модусы социальных изменений.</i></p>
---	--

ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ ТУРИЗМ: ГЛОБАЛЬНЫЕ ТРЕНДЫ И ЛОКАЛЬНЫЕ МОДУСЫ СОЦИАЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ

Лысикова О. В.

Саратовский государственный технический университет
имени Гагарина Ю.А.

Современный экологически ориентированный туризм одновременно является продуктом современной культуры и фактором ее обогащения экологическим мировоззрением. В статье рассматриваются глобальные тренды и локальные модусы социальных изменений в контексте современного экологического туризма. Используются данные проведенного нами анкетного опроса российских туристов – клиентов туристических фирм (N=1277) трех федеральных округов: Центрального (Москва), Приволжского (Саратов), Южного (Волгоград, Астрахань), 2010 год; критический анализ транскриптов передач радиостанции «Эхо Москвы» за 2005-2010 годы о тематической структуре трансформации экологического туризма. Предпринимается вторичный анализ социологических опросов клиентов Центра экологических путешествий (N=52) о специфике экологического туризма в России, 2009 год; потребителей туристских услуг Хабаровского края (N=180), 2001-2003 годы о факторах выбора ими туристской дестинации.

Экологический туризм сегодня – это путешествия преимущественно в природные области, сводящие к минимуму воздействие на окружающую среду, содержащие образовательный компонент, содействующие охране природы и объектов культуры, предусматривающие экономическую выгоду местному населению. На сайте министерства спорта, туризма и молодежной политики РФ содержится информация об основных направлениях туризма в России: экологический туризм; спортивный и экстремальный туризм; рыболовные и охотничьи туры; горнолыжные

туры; морские и речные круизы; событийный и гастрономический туризм; экскурсионные туры; туры на лечение; детский и молодежный отдых; индивидуальный отдых; бизнес-туризм; сельский туризм. Ни один из видов туризма не развивается вне природной среды, и, как правило, предполагает сочетание природного и культурного компонентов.

В современную туристскую классификацию Г.П. Долженко вводит блоки видов туризма в качестве свободной, не структурированной группы, объединенной определенной формой деятельности. Исследователем выделяется два блока – событийного и экологического туризма [1, с. 67]. Обратимся к рассмотрению социальных изменений практик современного экологического туризма.

С 1970-х годов в западно-европейских странах наблюдается возрастание социальной роли экологического императива. На рубеже XX-XXI веков на фоне развития глобальных проблем современности в общественном сознании стало укрепляться понимание того, что экологическое мировоззрение представляет собой необходимый компонент культуры. В 1980-е годы в экономически развитых странах сформировалась новая форма туристско-рекреационной активности – экологический туризм.

В 1980 году мексиканским экономистом и экологом Г. Цебаллос-Ласкурейном была введена в научный дискурс дефиниция «экологический туризм» – сочетание путешествия с экологически чутким отношением к природе, позволяющим объединить радость знакомства и изучение образцов флоры и фауны с возможностью способствовать их защите. В принятом 1 октября 1999 года на Генеральной ассамблее Всемирной туристской организации в г. Сантьяго «Глобальном этическом кодексе туризма» пятый пункт третьей статьи «Туризм – фактор устойчивого развития» гласит: *«Природный туризм и экотуризм признаются как особо обогащающие и ценные формы туризма в силу того, что они проявляют уважение к природному наследию и местному населению и соблюдают потенциал приема туристских объектов»* [2].

Сущность экологического туризма состоит в ориентации на отдых и восстановление человеческих ресурсов в условиях природной окружающей среды и бережного, щадящего отношения к ней. Современные коннотации экологического туризма позволяют соотносить его с такими видами туризма как рекреационно-оздоровительный, природоохранный, культурно-познавательный, научно-экспедиционный, образовательный, спортивный, приключенческий, сельский, аграрный.

Применительно к нему часто используются понятия «экологически ориентированного», «зеленого», «мягкого» туризма. Задачи экологического туризма состоят в соблюдении экологических норм в разработке маршрутов; экологическом воспитании туристов; помощи местным жителям в осуществлении локального сбалансированного природопользования. Сегодня в мировой практике экологическая ниша туризма велика: по оценкам экспертов Всемирной туристской организации, темп роста в данном сегменте рынка составляет до 7% в год. В отличие от стран ЕС, где экологический образ жизни становится неотъемлемым компонентом повседневности, приобретая черты массовости и доступности, в российском социуме экологические практики остаются единичными, в большей степени характерными для участников экологических движений [3].

Обращаясь к систематизации целевых групп экологического туризма среди россиян, можно выделить следующие: самостоятельные туристы – инициаторы и участники походов; приверженцы сельских и дачных практик; грибники, охотники, рыболовы; экскурсанты выходного дня; велосипедисты и отчасти автотуристы; так называемые классические экотуристы. Западных экотуристов отличает от российских относительно безразличие к активным формам отдыха, таким как рафтинг и альпинизм, стремление к пешим, а не к велосипедным и конным походам. Так, американские туристы предпочитают посещение парков и особо охраняемых территорий, пешие походы и походы по экотропам, наблюдение «дикой жизни», эколого-просветительские туры, бердвотчинг, велотуры [4, с. 278]. Для активных занятий существуют другие специализированные туры, не относящиеся к экологическому туризму западной модели. По результатам проведенного Центром экологических путешествий в 2009 году анкетного опроса среди клиентов Центра (N=52) был сделан вывод, что в российском туризме классические экотуры не получили широкого распространения [5, с. 318].

В рамках нашего опроса клиентов туристических фирм (N=1277) согласно частотному распределению ответов на вопрос о степени важности причин, по которым респонденты отправляются в турпоездки, вариант «насладиться природой» является важным для 85,1% туристов, в то время как для 14,9% он не имеет значения. Среди респондентов, отметивших для себя значимость фактора природы, 70,7% туристов настаивают на его большом значении. Частотное распределение ответов на вопрос о степени важности причин, влияющих на выбор турпоездки,

показало, что 75,8% респондентов высоко оценивают воздействие природных достопримечательностей на их решение о поездке. И только для 10,4% туристов эта причина не важна. Из чего делаем вывод о том, что природный фактор является весьма значимым мотивом путешествий россиян.

В исследовании О.В. Лешковой среди потребителей туристских услуг Хабаровского края (N=180) был задан вопрос о том, что определяет туристское направление. Вариант с ответом «природа и климат» был выбран 50,2% респондентов [6]. Из чего следует вывод о сопоставимости результатов двух опросов относительно важности природного фактора в мотивации туристов.

Трансформации современных практик экологического туризма активно освещаются масс-медиа. Критический анализ транскриптов радиопередач позволяет выявить особенности репрезентации и дискуссионные вопросы социальных практик экологического туризма в России. Информационным источником были выбраны ресурсы Интернета – сайт радиостанции «Эхо Москвы» [7]. В общей сложности проанализирован 21 транскрипт радиопередач с августа 2005 года по август 2010 года по ключевой дефиниции «экологический туризм». Количественное распределение материалов по годам: 2005 – 1 публикация, 2006 – 4, 2007 – 1; 2008 – 2, 2009 – 2, 2010 – 11. Контексты освещения экологического туризма различны, тематической структурой обусловлена модальность дискурса трансформации социальных практик экологического туризма.

1). Мировые тенденции развития экологического туризма (2006 – 2; 2008 – 1; 2009 – 1; 2010 – 2). Динамика развития темы на протяжении последних лет устойчивая.

2). Нерешенность экологических проблем в России как препятствие развития туризма, экологические угрозы на курортах и в туристско-рекреационных зонах страны (2008 – 1; 2010 – 6). Количественно и содержательно наблюдается фокусировка внимания ведущих эфира, экспертов, радиослушателей, посетителей сайта на данных сюжетах в 2010 году.

3). Государственная политика и перспективы развития экологического туризма в российских регионах (2005 – 1; 2006 – 2; 2007 – 1; 2009 – 1; 2010 – 3). Наблюдается устойчивая динамика развития данной проблематики.

Материалы сайта радиостанции нами разделены на три блока: аналитический, информационно-познавательный, критический. В аналитический блок отнесены суждения и комментарии экспертов по проблематике развития экологического туризма в России и за рубежом. В программе «Лукавая цифра» состоялась беседа с президентом сообщества профессиональных социологов, профессором Н.Е. Покровским на тему «Жизнь в русской деревне глазами социолога» (29.04.2009). По мнению ученого, экологический туризм – это целая наука: *«...осваивать территорию можно только под жесточайшим контролем и местных властей, и озабоченных экологов... Что там можно строить, что можно восстанавливать, где можно прокладывать туристические тропы, и где их нельзя прокладывать... Для местной власти это... миссия. Миссия регулировать сохранность культурной и природной среды, в том числе, в условиях туризма экологического. Но экологический туризм приносит с собой новую работу для местных людей... И для сельского хозяйства... большая перспектива»* [Там же].

Сделаем вывод о важности участия местных жителей наряду с местными органами власти, общественными организациями в работе по обустройству локальных территорий в местах, предназначенных для освоения и прокладывания туристических маршрутов, приема, размещения, экскурсионного сопровождения туристов. Однако развитие туристской инфраструктуры приносит не только положительные результаты, связанные с ростом материального благосостояния местных жителей, созданием новых рабочих мест и трудоустройством, но и влечет за собой риски и разочарования, связанные, главным образом, с осложнением экологической обстановки.

Тема одной из передач под рубрикой «Город» звучала так: «Как привлечь иностранного туриста» (ведущий С. Бунтман, 08.10.2005). Участник передачи – президент Российского союза туриндустрии С. Шпилько считает:

«Чтобы развивать вообще экологический приключенческий туризм, включая спортивную охоту, рыбалку, нужны маломерные суда, импортные желательнее, нужна малая авиация, потому что сплошь и рядом без нее не доедешь. Опять это вопрос тех же таможенных пошлин. Это вопрос других формальностей... сплошь и рядом едут на егеря именно, а не на фирму. А попробуйте вырастить в нашей стране егеря, который не будет пить, будет говорить на иностранных языках, будет внахлыст ловить... Сколько лет нужно на это потратить? Чтобы

он внахлыст ловил лучше, чем человек, который к нему приехал, а тот ловил с 10 лет в английском клубе, которому 300 лет» [Там же].

Изменению приоритетов потребительской культуры в туризме российских граждан посвящена статья С. Шейхетова «Граждане общества потребления (путешествия)» (30.06.2010). По его мнению, россияне в скором времени будут отдавать предпочтения путешествиям по родной стране, странам бывшего СССР, а также экологическому туризму за границей [10]. Роли государства в развитии горнолыжного туризма посвящено интервью с начальником правового управления Федерального агентства по туризму РФ Е. Писаревским (02.03.2007) [Там же].

Информационно-познавательные материалы представлены периодической передачей «История одного города» на темы: «Богота» (05.02.2006), «Каракас» (15.09.2006) о развитии основанного на природном разнообразии экологического туризма в Колумбии и Венесуэле. В информационном выпуске «Экологический туризм становится все более бурно растущим» (02.05.2010) представлены материалы журнала Forbes с топ-десяткой «зеленых» маршрутов мира на Багамах, Карибах, Галапагосах, Аляске, в Кении, Гималаях, Бразилии, Коста-Рике, Индонезии, на острове Гренада. Российские «зеленые» маршруты в списке Forbes отсутствуют. «Горячая десятка» обеспечивает упрощение миропорядка и конструирование или деконструирование окружающей нас реальности. Согласимся с мнением Д.В. Иванова, что общество консюмеризма ориентируется на такие организационные принципы как «горячая десятка», топ-лист, номинация, хит-парад, рейтинг, структурирующие смыслы и установки массового сознания [8]. В интервью главного редактора радиостанции А. А. Венедиктова с первым заместителем председателя правительства России И. И. Шуваловым на тему «Южная Осетия и Абхазия. Таможенный союз. Интеграция с ЕС. СНГ» (06.08.2010) рассмотрены возможности развития туризма, в том числе экологического, в Абхазии и Южной Осетии.

Критические материалы отражают обстоятельства, препятствующие развитию экологического туризма в российских регионах, в частности, две «болевые точки», активно транслируемые в медийном пространстве, – события вокруг целлюлозно-бумажного комбината на Байкале и балкерного терминала в Туапсе. В статье Д. Хмелевского «Туапсе – зона экологического бедствия» (19.07.2010) повествуется о митинге и принятой жителями Туапсе резолюции с требованиями о проведении референдума по вопросу закрытия Туапсинского балкерного терминала.

«Это только в России можно додуматься строить экологически вредные предприятия в курортной зоне активного туризма и отдыха, при этом делая вид, что ничего серьезного не происходит. А потом мы возмущаемся, почему россияне едут отдыхать в Турцию и Египет, а не на побережье Черного моря».

Целый ряд материалов посвящен экологической обстановке на Байкале: «Ситуация вокруг Байкальского целлюлозно-бумажного комбината» (28.01.2010); «Байкальские мифы: хватит врать!» (17.03.2010).

Итак, в выборке материалов Интернет-сайта радиостанции «Эхо Москвы» представлены 4 аналитических обзора современного состояния и перспектив развития экологического туризма; 2 информационных сообщения; 10 статей об экологических угрозах на курортах и в туристско-рекреационных зонах; 7 сводок о развитии экологического туризма в российских регионах и 5 – за рубежом.

Критический анализ транскриптов радиопередач позволяет сделать вывод о положительной динамике освещения масс-медиа социальных изменений зарубежных и российских практик экологического туризма, пристальном внимании к нему в последние годы как со стороны экспертного сообщества, так читателей и радиослушателей. Апогей активности обсуждений проблем развития экологического туризма приходится на лето 2010 года.

С 1975 г. ЮНЕСКО ежегодно пополняет список мест Всемирного наследия, которые представляют природные и культурные ценности, составляющие достояние всего человечества. На 1 августа 2008 года в этот список включено 878 объектов из 145 стран мира, их них 174 природных, 679 культурных, 25 смешанных. В России выделено 23 объекта (2,8% от общего количества памятников Всемирного наследия), из них 14 культурных и 9 природных объектов. К числу природных объектов Всемирного наследия ЮНЕСКО в России относятся: Девственные леса Коми с 1995 года, озеро Байкал с 1996 года, вулканы Камчатки с 1996 года, Алтайские горы с 1998 года, Западный Кавказ с 1999 года, горный хребет Сихотэ-Алинь в Приморском крае с 2001 года, бассейн Убсу-Нура в республике Тыва (совместно с Монголией) с 2003 года, Куршская коса в Калининградской области (совместно с Литвой) с 2003 года, остров Врангеля в Северном Ледовитом океане с 2004 года. В России создано семь туристско-рекреационных зон: «Алтайская долина» в республике Алтай, «Бирюзовая Катунь» в Алтайском крае, «Байкальская гавань» в республике Бурятия, «Ворота Байкала» в Иркутской области, «Новая

Анапа» в Краснодарском крае, «Гранд СПА Юца» в Ставропольском крае, «Куршская коса» в Калининградской области. Данные объекты и туристско-рекреационные зоны являются важным ресурсом развития экологического туризма не только в локальном контексте, но и в глобальной перспективе.

В настоящее время внесенные в список мирового наследия ЮНЕСКО природные объекты планируется «приблизить» к российскому и зарубежному туристу с помощью реализации проекта «Зеленое кольцо России», что вызывает сдержанный оптимизм экспертного сообщества. В данном проекте предполагается задействовать такие природные достопримечательности из списка ЮНЕСКО как Кижы, Байкал, Алтай, Камчатка, плато Путорана, Сахалин. Однако их невысокая посещаемость туристами объясняется неразвитостью туристической инфраструктуры в большинстве регионов будущего «Зелёного кольца» и высокими ценами на перевозку. Эти проблемы планируется решать посредством создания сети туристических кластеров в привлекательных для туристов природных уголках России [9].

Таким образом, экологический туризм имеет глобальные тренды и локальные модусы своего развития, анализ которых способствует поддержанию устойчивого баланса в социально-экономическом развитии российских регионов. К глобальным трендам экологического туризма отнесем, во-первых, интеграцию природного и культурного компонентов; во-вторых, зависимость от природно-климатических и социальных изменений; в-третьих, стремление к устойчивости развития территории; в-четвертых, высокий уровень общественного интереса к проблематике природной окружающей среды и экологического туризма как со стороны экспертного сообщества, так и граждан. Современный турист пребывает между освоением символического пространства и его присвоением, между социальными практиками познания и потребления, где одно не исключает другого. Множественность социальных коммуникаций и информационных потоков в туризме формирует пространственно-временные и символические поля взаимодействий акторов, разрушая ранее сложившиеся и конструируя новые стереотипы массового сознания и поведения. Нам представляется, что своевременно говорить о перманентном характере современного туризма, совмещающего или чередующего реальные, идеальные, виртуальные, визуальные, рефлексивные практики, где период реального туризма сменяется

периодом рефлексивного туризма, так называемой переработки, интеллектуального и эмоционального осмысления прожитого.

Литература

1. Долженко, Г. П. Опыт разработки классификации современного российского туризма / Г. П. Долженко // Труды Международной туристской академии. Вып. 5. Приоритеты и перспективы научных исследований международного туризма в XXI веке. – М., 2010. – С. 59-69.

2. Глобальный этический кодекс туризма. Туристическая библиотека. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://tourlib.net/books_tourism/sakun_pr5.htm. – Дата доступа: 12.04.2012.

3. Яницкий, О. Н. Экологическая социология. 2005 / О. Н. Яницкий. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ecsocman.edu.ru/images/pubs/2005/08/19/0000218682/008.YANITSKIY.pdf> – Дата доступа: 20.04.2012.

4. Покровский, Н. Е. Туризм: от социальной теории к практике управления / Н. Е. Покровский, Т. И. Черняева. – М., 2008.

5. Басанец, Л. П. Специфичны ли представления российских профессионалов туризма об экологическом туризме? / Л. П. Басанец, А. В. Дроздов // Туризм и рекреация: фундаментальные и прикладные исследования: труды V Междунар. науч.-практ. конф. МГУ. – СПб., 2010. – С. 312-318.

6. Лешкова, О. В. Стратообразующая функция туризма и репрезентация нового обеспеченного класса в России: на примере Хабаровского края: дис... канд. социол. наук / О. В. Лешкова. – Хабаровск, 2003.

7. Сайт радиостанции «Эхо Москвы». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.echo.msk.ru>.

8. Иванов, Д. В. Глэм-капитализм / Д. В. Иванов. – СПб., 2008.

9. Туризм в России будет прирастать кольцами: по примеру «Золотого кольца» для туристов организуют «Зеленое» // Турпром. Бюллетень. №75. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://mail.yandex.ru/neo2/#message/2060000002230812133>. – Дата доступа: 26.04.2012.

<p>Овсейчик Евгений Владимирович, студент 4 курса отделения философии, факультет философии и социальных наук, Белорусский государственный университет, г. Минск, Беларусь.</p>	<p><i>Феномен лоббизма в современных технологиях природопользования.</i></p>
---	--

ФЕНОМЕН ЛОББИЗМА В СОВРЕМЕННЫХ ТЕХНОЛОГИЯХ ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ

Овсейчик Е. В.

Белорусский Государственный Университет

На сегодняшний день экологическое состояние нашей планеты является отрицательным и нестабильным в устрашающих масштабах. И с течением времени эта тенденция динамично возрастает. Природа дает однозначный сигнал тревоги человечеству в связи с его деятельностью. Сложная экологическая ситуация современности требует решительных конструктивных действий со стороны человека. Необходимо радикально пересмотреть наши подходы в природопользовании, найти им альтернативу и отказаться от тотальной экспансии природы. То, каким образом мы воздействуем на природу, приведет в недалеком будущем к глобальным экологическим катастрофам, и тогда предпринимать что-то будет поздно.

Существующие средства борьбы с загрязнением окружающей среды ограничиваются формальными законами и квотами для отдельных стран на выброс в атмосферу вредных веществ. Фактически экологическая ситуация не улучшается и объем выброса определенного количества парниковых газов лишь распределяется между странами, но не уменьшается. Тем более любая страна, входящая в сообщество Киотского протокола, имеет право, заплатив расширить квоту на выброс парниковых газов в атмосферу.

Следует проанализировать подходы в современном природопользовании, в частности в энергетической сфере. Можно говорить о том, что сегодня наблюдается тенденция осознания необходимого отхода от добычи исчерпываемых ископаемых ресурсов и атомной энергетики. Это обусловлено тем, что в недалеком будущем человек столкнется с ситуацией оскудения ископаемых ресурсов и не будет способен предложить вынужденную альтернативу. Самая главная

проблема использования такого рода ресурсов в их неэкологичности: сжигая продукты нефти, газа, используя АЭС, мы оказываем огромный вред окружающей среде, в которой мы живем. Уже сегодня человечество способно перейти на «чистые» возобновляемые источники энергии (ветер, солнце, вода, биотопливо). Но мы сталкиваемся с глобальной проблемой лоббирования атомной и нефтяной промышленности, которые тормозят процесс развития природопользования, уменьшения вреда окружающей среде.

Лоббизм (англ. lobbyism, от англ. lobby – кулуары) – давление на парламентариев путём личного или письменного обращения либо другим способом (организации массовых петиций, потока писем, публикаций, подкупом) со стороны каких-либо групп или частных лиц, цель которого – добиться принятия или отклонения законопроекта, решения. В современном демократическом обществе существует множество различных добровольных объединений людей (групп интересов), стремящихся довести свои требования до властных структур. Одни из них используют экономические рычаги, другие действуют менее заметно – в коридорах власти.

Нефтяная промышленность является самой прибыльной, и ее организаторы всячески повышают спрос на нефть (в ход идут и не совсем справедливые средства лоббирования). Являясь крайне вредной в использовании для окружающей среды, нефть все-таки не уступает первенство другим, «чистым» источникам энергии. Вопрос здесь в большей степени политический и экономический. Нефтяные корпорации, обладая огромными капиталами, лоббируют свою деятельность на государственном уровне. Происходит вытеснение, подавление передовых (менее «обеспеченных») технологий, производится техника, принцип работы которой вынуждает потреблять нефть.

Подобным образом обстоят дела и с атомной энергетикой. Но на сегодняшний день, в частности после событий на АЭС «Фукусима-1», в мире установилось негативное отношение к атомной энергетике. Многие страны отказываются от своих программ по развитию энергетике такого типа (кроме США, Чили, Франции, Турции, Индии, Китая). США в лице Б. Обамы не намерены отказываться от атомной энергетике. И причина здесь не только и не столько в экономическом факторе. В этой ситуации действует механизм лоббирования. Б. Обама преследуя властные интересы, не хочет подрывать отношения с большинством в Палате

представителей (коим являются республиканцы, давние сторонники и лоббисты атомной энергетики).

Из вышеизложенного становится понятным, что современная практика лоббизма является нелегитимной и в какой-то степени незаконной, нарушающей принципы демократии. Огромные средства выделяются на лоббирование интересов определенных общностей олигархов, в то время как экологическая ситуация требует скорейшего разрешения. Введение квот на эмиссию парниковых газов – лишь видимость охраны окружающей среды. Человечеству необходимо перейти на «чистые» технологии для сохранения природы и человеческого вида. Такие технологии уже сегодня доступнее любых других (ветряки, ГЭС, солнечные батареи). Дело остается за малым: необходимо разработать механизмы обеспечивающие разработку и внедрение «чистых» технологий. Переходом от нефте-атомной энергетики к энергетике из возобновляемых и безвредных источников может стать биотопливо из сельскохозяйственных культур, внедрение энергоэффективных технологий. Даже такие меры положительно скажутся на энергетической безопасности и на качестве окружающей среды.

Становится очевидным, что деструктивный для общества и природы лоббизм – барьер для прогрессивного движения человечества на пути к гармонии с природой и благополучию. Большому бизнесу невыгодна независимость человечества и отсутствие спроса на энергетический «товар».

Литература

1. Бинецкий, А. Э. Лоббизм в современном мире / А. Э. Бинецкий. – М., 2004.
2. В пользу природе – не в ущерб себе // Lobbying.ru [Электронный ресурс]. – 2011. – Режим доступа: http://lobbying.ru/content/sections/articleid_4266_linkid_33.html. – Дата доступа: 24.05.2011.
3. Лоббизм // Википедия [Электронный ресурс]. – 2011. – Режим доступа: <http://ru.wikipedia.org/wiki/Лоббизм.htm> – Дата доступа: 24.05.2011.
4. Любимов, А. П. Профессиональный лоббизм. Технологии лоббирования / А. П. Любимов. – М., 1998.

Олейник Инесса Витальевна,
студентка 3 курса отделения философии,
факультет философии и социальных наук,
Белорусский государственный
университет, г. Минск, Беларусь.

*Бытие природы и социума:
фундаментальное двуединство и
отличие.*

БЫТИЕ ПРИРОДЫ И СОЦИУМА: ФУНДАМЕНТАЛЬНОЕ ДВУЕДИНСТВО И ОТЛИЧИЕ

Олейник И. В.

Белорусский государственный университет

Современное общество всеми своими внутренними движениями артикулирует внимание специалистов-гуманитариев на том моменте, что категория «социального» требует, по меньшей мере, отличного и особого рассмотрения в сравнении с категорией «природного». В настоящее время, в эпоху техногенной цивилизации, становящегося информационного общества, разрыв между способами существования природы и социума становится в достаточной степени очевидным. Это различие приводит к ряду специфических проблем в области экологии и экологического сознания. Чем является человечество в ряду последовательности природных циклов, что есть история социальная, является ли последняя необходимым моментом истории природы, как соотносятся природа и социум в контексте столкновения социальных потребностей и природного гомеостаза – вот вопросы, которые требуют аналитического и, вместе с тем, глобального рассмотрения, но которые вызывают больше оцепенения и тревоги, а не конструктивной активности по разрешению обозначенных проблем.

Постулируя фундаментальное двуединство природного и человеческого бытия, мы, с одной стороны, делаем разумный ход по сглаживанию разности потенциалов (в качестве последних выступают природа и социум), признаем их равнозначность и равноценность, относительную автономность и наличие собственных оснований существования: законы – в природе, тенденции – в обществе. С другой стороны, мы вступаем в сферу противоречий постольку, поскольку принадлежа к сфере «социального», будучи ее одновременными продуктами и конструкторами, мы судим о ней так, будто способны мыслить «социальное» беспристрастно и сторонне.

Такая позиция была в достаточной степени обоснована в первом позитивизме, в частности французским философом Огюстом Контom. Мыслитель провозглашает единственно возможную разумную установку на «позитивное» познание мира, т. е. на познание действительного, определенного, полезного. Это познание основывается на наблюдении за фактами природного и социального миров, на подчинении фантазии и аргументации умению наблюдать. Цель такого «позитивного» познания, как ее определяет Конт, заключается не в постижении сущности вещей, а в экспликации связей, закономерностей, которые наблюдение усматривает между явлениями. Наука, которая является порождением «позитивной» стадии развития общества, состоит не в накоплении фактов, а в выявлении связей, поиске законов. Интересно, что в своей классификации наук Конт определил в качестве сложнейшей социологию, т. к. ее предметом является общество – самый сложный и «исторический» объект. В данном случае социальная физика выступает для Конта наукой о законах существования и функционирования социума. На сферу «социального» проецируется сфера «природного» с присущими ей законами как необходимыми, устойчивыми, повторяющимися отношениями между явлениями.

Несмотря на значимость подобного взгляда на социум и на то, чем может и должно являться знание о нем – наукой, фундаментальное двуединство «природного» и «социального» означает также и их фундаментальное различие. Наука как историческая форма сознания всегда подразумевает интенциональность, направленность на нечто как объект, противостоящий субъекту. Наука в данном контексте – это форма познания человеком мира природы, отличного от мира социального. Но может ли быть наука формой познания человеком самого себя как существа социального, т. е. в условии, когда человек является одновременно и объектом и субъектом познания? Насколько адекватным являются проекции наших знаний о природе на мир социального?

Позиция, согласно которой наука состоит в открытии фундаментальных законов природного мира на микро-, макро- и мегауровнях реализует себя в фундаментальных научных исследованиях. Многие из этих исследований не предполагают получение результатов в приближенном будущем, т. е. их сложно уличить в утилитаризме, учитывая «окупаемость» подобных научных проектов в долгосрочной перспективе. Но, в отношении общества, человек, как правило, нуждается в быстросхватываемом, тенденциозном знании, которое отвечало бы злобе дня. Знание о социуме должно, во-первых, объяснять уже произошедшие

события, эксплицировать неявные связи явлений, а во-вторых, оно должно обладать достаточным прогностическим потенциалом, предоставлять варианты будущих событий с тем, чтобы уменьшить социальные риски путем маркирования максимального диапазона возможных событий.

Фундаментальное различие природного и человеческого бытия означает также и принципиальное различие наших знаний о природе и социуме: первое характеризует необходимый, повторяющийся, вечно длящийся ход событий природного мира, второе обозначает изменчивый, почти стихийный характер социального мира, отсутствие в нем абсолютных законов и наличие тенденций как намеченных векторов развития, которые, тем не менее, могут быть изменены событием, волей одного человека, в общем тем, что Бродель называл «пенной истории». Знание о природе оказывается «внеисторичным». Действительно, природно-онтологические основания бытия социумов представляются дынными, вечными, т. к. ни одна локальная социальная история не обладает длительностью достаточной для того, чтобы заметить движение природных циклов – они происходят в веках, во «времени большой длительности».

Знание же о социуме – это всегда знание «историчное», относительное, преходящее. Знание о социуме никогда не может быть полным, абсолютным, возможно именно потому, что сам человек не завершен, т. е. историчен. Имманентное становление исключает какую бы то ни было завершенность. Интересно, что до тех пор, пока человек был органично вписан в природные циклы, пока его задачей было сохранение статуса-кво в целях физического выживания, до тех пор истории социальной не существовало. Это позиция, артикулированная в работах Карла Ясперса, обозначает тот момент, что диссоциирование человеком себя с природой – это необходимым шагом на пути к историческому самосознанию. Человек, таким образом, осознает себя в качестве существа социального, историчного только тогда, когда он переживает свое отличное от природы и космоса существование.

В чем же заключается сущностное отличие «социального» от «природного»? Человек как существо деятельное, волевое способен изменять привычный ход вещей, начинать ряд событий «от себя», от поставленной цели. С позиции законов природы человек может действовать нерационально, может поступаться инстинктом самосохранения во имя своих убеждений. Воля человека, таким образом, наделяет сферу «социального» субстанциальностью, самодостаточностью.

Природа выступает онтологически более фундаментальной в сравнении с социумом, т. к. в истории природы и космоса было время, когда человечество отсутствовало не только в качестве осознающего себя в истории социума, но и в качестве биологического вида. В то время как бытие социума вне природной среды не мыслимо. Так чем же является человек в ряду эволюции природного мира: необходимым апофеозным моментом, одним из множеств вариантов проявления природой себя, или же иной по отношению к природе фундаментальной формой бытия?

Человек представляет собой одновременно существо природное и социальное. В качестве первого он обусловлен и детерминирован в своем природно-биологическом существовании. В качестве второго человек образует особое – социальное – измерение, которое обретает свою специфику именно в моменте разотождествления себя с природным миром. Фундаментальное двуединство природного и человеческого бытия оказывается неразрывно связанным с их фундаментальным отличием. Признавая последнее, необходимо также принять и особый, специфический характер нашего знания о социуме. Попытки выстроить знание о сфере «социального» в форме науки по аналогии с естественнонаучным комплексом знаний не оправдали себя, также как и излишняя гуманизация и антрополагизация социального знания. Вопрос о том, что же следует из двуединства природы и социума является сегодня весьма актуальным, особенно, в контексте экологического знания. Возможно, именно в области синтетического, пограничного, междисциплинарного знания будет реализован потенциал, способный органично связать кажущуюся контрверзу относительно одновременного двуединства и противостояния природы и социума.

Литература

- 1) Бродель, Ф. История и общественные науки. Историческая длительность / Ф. Бродель // Философия и методология истории. – М., 1977. – С. 115-142.
- 2) Бродель, Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV-XVIII вв.: в 3 т. / Ф. Бродель. – М., 1986.
- 3) Ясперс, К. Истоки истории и ее цель / Ясперс. // Ясперс, К. Смысл и назначение истории. – М., 1991. – С. 28-287.

<p>Петров Евгений Олегович, ассистент кафедры философии, истории и политологии, Белорусский государственный университет транспорта, г. Гомель, Беларусь, аспирант кафедры философии и методологии науки, Белорусский государственный университет, г. Минск, Беларусь.</p>	<p><i>К вопросу о расширении сферы медиа и формировании нового типа мышления в условиях глобальной социально-экологической нестабильности.</i></p>
---	--

К ВОПРОСУ О РАСШИРЕНИИ СФЕРЫ МЕДИА И ФОРМИРОВАНИИ НОВОГО ТИПА МЫШЛЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНОЙ СОЦИАЛЬНО-ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ

Петров Е. О.

Белорусский государственный университет транспорта

Экран – универсальная категория современных медиа. Вместе с расширением сферы медиа-коммуникации, её категории транслируются в другие области социальной жизни и трансформируют её. Экраны повсюду. Дома, на улице, в транспорте, на работе – везде нам сопутствуют экраны. Даже когда мы выбираемся на природу, то и там не расстаёмся с ними, имея под рукой экран мобильного телефона. Универсалии медиа делаются универсалиями культуры. О современной культуре можно, поэтому, говорить как о «культуре экрана».

Экран это поверхность. Его действительность есть действительность поверхности. Глубина же не свойственна ему, т.к. глубина экрана это глубина цвета, то есть его интенсивность. При этом интенсивность цвета, в случае с экраном, следует понимать иначе, чем в случае с живописью (картиной). Для живописи интенсивность, глубина цвета нераздельна с границами цветового элемента. За счёт сочетания фигуры и цвета создаётся композиционный динамизм живописного произведения. Сами по себе фигуры и цвет на картине – статичны. Поэтому, интенсивность цвета на картине это лишь потенциальная интенсивность, в то время как для экрана характерна актуальная интенсивность сменяющих друг друга цветов и фигур. Динамизм живописного произведения обнаруживается «за» пределами самого произведения, в его глубине, к которой сужает пространство прямая перспектива. Это происходит именно потому, что цветовые и фигурные элементы картины сами по себе статичны. В них можно и должно всматриваться, тем самым как бы проникая вглубь

картины. Экран же не знает глубины, так как постоянная смена цвета и фигур на экране создаёт обратную перспективу. Изображение направлено вовне себя, а именно: на поверхность.

Можно, также, сравнить экран с книгой, журналами или газетой, служившими некогда основными формами хранения, ретрансляции и отображения знания. Здесь, опять же, налицо поверхностная динамичность первого наряду с поверхностной статичностью вторых. Глубина книги сокрыта под переплётом, фиксирована в некую устойчивую целостность. Но, стоит этой же книге в оцифрованном виде предстать на экране, как эта глубина теряется в потоке сменяющихся друг друга элементов системы, границы которой – необозримы.

Картины, книги, газеты и пр. перенесены на экран. Поверхностный динамизм его растворяет в себе глубину культуры. Очевидно, в этом заявляет о себе описанная Делёзом и Гваттари общая черта всей современной западной культуры: переориентация с традиционной для неё «идеи «корня», выражающей презумпцию проникновения в глубину и презумпцию линейности движения, на идею «корневища луковицы», выражающую презумпцию отказа от какого бы то ни было проникновения в якобы наличную глубинную сущность (так называемый – смысл) объекта и презумпцию потенциальной возможности нелинейной процессуальности» [2, с. 798]. Речь идёт об отказе от самой идеи глубины. Экран в этом отношении может быть понят как пространство и принцип такого отказа.

В онтологическом смысле экран есть реальность отражения или отображения. Более всего он похож на зеркало, с той лишь разницей, что это активное зеркало, отображающее не действительные, актуально наличествующие объекты материальной действительности, но объекты некогда существовавшие, или наличествующие «не здесь», или такие, которые вообще никогда и нигде, кроме как на экране, не существовали. Эти ожившие зеркала вторгаются в повседневную жизнь, так, что реальность «по эту» сторону зеркала в своих изменениях начинает отражать мир зазеркалья. Экран, воздействуя, побуждает к действию, и так как специфика этого воздействия заключена в его поверхностности, то и само действие приобретает соответствующий характер, представляя собой действие восприятия, а не действие устремления. Воспроизводство, таким образом, начинает доминировать над производством, а воспроизведение над производением. Это и есть отказ от поиска «якобы наличествующей глубины», и этот отказ влечёт за собой далеко идущие последствия.

Экран существует как поверхность, и в своём существовании подчинён лишь ей. Как самодовлеющее бытие поверхности, экран, следовательно, не предполагает никакого удвоения реальности. Экран являет и, стало быть, он есть мир явлений, за которым нет никаких вещей в себе. Это чисто феноменальная реальность, для которой нет никакой нужды в ноуменах. В этом отношении тот тип мышления и отношения к действительности, который влечёт за собой «культура экрана» более всего походит ни мифологический. Религия и наука имеют дело с удвоенной реальностью, так как в первом случае над «земным» мыслится «небесное», во втором – за явлениями предполагается сущность. Мифология же не знает никакого «другого» мира, всё существующее помещая в пределы этого. Экран не передаёт какой-либо реальности лежащей за его пределами, он сам является своей реальностью, и по существу творит мифы, дословно – повествования, сказания. Он передаёт нечто, что есть лишь как передаваемое. Однако, если прежде, например, в древнегреческой мифологии, повествование осуществляло себя как изложение, то через экран оно осуществляется как изображение.

В понятии изложения можно усмотреть этимологическую связь с понятием «логос». Из-лог-ать (если отвлечься от правила написания чередующихся гласных «а», «о» в корнях «лаг», «лож») значит из логоса, слова «слогать» некую действительность. Этимология понятия изображать, очевидно, восходит к понятию образ. Соответственно, повествование здесь конструируется иными средствами, а именно: образами. Слагать повествования – дело поэтов, и потому мифологическое мышление древних греков можно, в полном соответствии с традицией, назвать мифопоэтическим. Тот же тип мышления, а, следовательно, и отношения к миру, который формируется при посредстве экрана можно назвать мифо-созерцательным. Слово требует речи, и побуждает, таким образом, к активному действию. Поэзия как словесная деятельность есть «поэзис» – от греческого – акт творения [2, с. 276]. Поэт это тот, кто творит. Образ требует восприятия, а, следовательно, побуждает к пассивной деятельности, деятельности созерцания. Зерцало на древнерусском языке значит зеркало, со-зерцание отсюда может быть проинтерпретировано как со-зеркалие. Именно в качестве созеркалия существует экран. Множество зеркал сталкиваются поверхностями своих отражений и порождают химер.

Мифосозерцательное мышление делает субъекта мышления проекцией экрана, зеркалом, в котором отражается его поверхность. Такое мышление носит не интенсивный, но экстенсивный характер. Оно не

нацелено на какие бы то ни было сущностные изменения или преобразования, но наоборот ориентировано на сохранение, преумножение и бесконечное воспроизведение уже существующего. Ситуация в современном мире, отображаемая и зачастую продуцируемая средствами медиа, находится в полной гармонии с таким типом мышления. Социальные потрясения, опосредованные в общественном сознании поверхностью экрана, порождают свои отражения в подобных им социальных потрясениях. (Именно по такому принципу разворачивались события «арабской весны» или «оранжевых революций», где далеко не последнюю роль сыграли экраны). То же самое можно сказать и относительно экологических потрясений, также являющихся своего рода отражениями друг друга (землетрясение в Японии, «Фукусима», перебои в электроснабжении, человеческие жертвы, и целая волна протестов направленных против «мирного атома», прокатившаяся по Европе). Устойчивое развитие чуждо такому типу мышления, так как всякое развитие предполагает диалектику внешнего и внутреннего, сущности и явления и т. д., оно же ориентировано преимущественно на внешнее, на явление, и т.д. В этом смысле перманентная социально-экологическая нестабильность соответствует данному типу мышления гораздо в большей степени. Само это мышление так же соответствует эпохе, хотя, всё чаще и чаще проявляет свою оборотную сторону – страсть к прорыву – ненависть к экранам и зеркалам.

Литература

1. Делёз, Ж. Что такое философия? / Ж. Делез, Ф. Гваттари. – М., 2009.
2. Дугин, А. Г. Евгений Головин и сущность поэзии / А. Г. Дугин, Е. В. Головин. – СПб., 2011. – С. 273-296.
3. Можейко, М. А. Поверхность // История философии: энциклопедия / науч. ред. А. А. Грицанов. – Минск, 2002. – С. 798-799.

Петрушак Валентин Львович,
кандидат философских наук, доцент
кафедры философии, Гродненский
государственный университет имени Я.
Купалы, г. Минск, Беларусь.

*Духовно-экологическая цивилизация
как проект преодоления
экологической нестабильности
мира.*

ДУХОВНО-ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ КАК ПРОЕКТ ПРЕОДОЛЕНИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ МИРА

Петрушак В. Л.

Гродненский государственный университет им. Янки Купалы

Закат индустриального общества и предчувствие цивилизационного слома, является следствием нахождения мира в точке перехода от индустриального общества к совершенно новому качественному его состоянию. Этот мир должен ознаменоваться «новой мировоззренческой ценностной революции, равной по масштабам, но принципиально отличной по своему содержанию от той, которая произошла в эпоху Возрождения» [1, с. 34]. Очевидно, что в эту эпоху люди должны будут сознательно стремиться к раскрытию своих способностей и духовному самосовершенствованию используя достижения нано-, био- и психотехнологий.

Для выживания человечества и преодоления экологической нестабильности необходимо кардинально изменить систему ценностей и приоритетов человеческого существования на Земле. Реальным воплощением этого может и должен стать переход к духовно-экологической (или ноосферной) цивилизации. Ее суть заключается в том, что «научно-технический прогресс, производство материальных товаров и услуг, политические и финансово-экономические интересы должны быть не целью, а всего лишь средством гармонизации отношений между обществом и природой, подспорьем для утверждения высших идеалов человеческого существования: ненасилия и нестяжательства, всестороннего творческого развития и нравственного совершенствования, сердечного отношения к другому человеку и к иной культурной традиции» [2, с. 11]. Важнейшим на этом пути должно стать построение агиократии («власть святынь»), идея которой была высказана П. И. Новгородцевым, и означает, что принятие любых политических и производственно-экономических решений, проведение культурно-информационной политики, функционирование

государственных институтов и правовых механизмов должны базироваться на духовных и экологических императивах.

В агиократическом фундаменте новой цивилизации будут лежать по крайней мере три общечеловеческих ценности. Во-первых, признание безусловной значимости и необходимости защиты национальных святынь и чужих идеалов не подавляющих святынь твоей собственной культуры. Во-вторых, взгляд на любые формы естественной природной эволюции (от минералов до биогеоценозов) как на сокровище, вверенное человеку для сохранения и творческого преумножения. В-третьих, понимание человека как духовно-космического деятеля, имеющего не только безграничные возможности для расширения сознания и актуализации резервов своей телесно-физиологической организации, но и несущего нравственную ответственность за эволюционные процессы на Земле и в Космосе.

Можно предположить, что роль лидеров в духовно-экологическом прорыве будут играть прежде всего те страны и регионы, которые обладают наиболее мощным биосферным потенциалом, этнокультурным разнообразием и духовными ценностями бытия, например, Россия совместно с другими восточнославянскими странами. Какими же конкретными стратегическими ресурсами обладает восточнославянское общество для перехода к духовно-экологической стратегии развития?

Во-первых, это бесценный исторический опыт выживания в экстремальных условиях своего собственного существования в XX–начала XXI века.

Во-вторых, – это их уникальный духовно-интеллектуальный потенциал, специфика их сознания и менталитета. Восточнославянским народам присуще искание правды, принципы совместного духовного единения, общинно-артельные навыки самоуправления и организации хозяйственной жизни, аскетизм и духовное подвижничество, неприятие стяжательства и эгоизма и служение Отечеству. Все эти качества, были им жизненно необходимы в «суровых природно-климатических условиях существования, и, само собой разумеется, формировались они под их непосредственным воздействием и влиянием» [1, с. 29–30].

В-третьих, Россия, как ключевое звено восточнославянской цивилизации сохраняет уникальный биосферный потенциал, являясь глобальным биосферным донором. Ненарушенные хозяйственной деятельностью площади составляют 700–800 млн. га, 60% болот

северного полушария расположены на ее территории, которые, наряду с болотами Полесья Белоруссии и Украины связывают основную массу углерода, поддерживая экологический баланс в биосфере Земли. Сибирские леса дают 40% мирового кислорода. У нас самые большие в мире запасы чистой пресной воды и качественной древесины. Фактически Россия, это «огромная естественная фабрика по воспроизводству жизни на Земле, и уже в силу этого имеет полное право отказаться от всех своих финансовых долгов европейским странам и США» [3, с.16–17].

В-четвертых, восточнославянский мир, обладая особым северным евразийским типом собственной цивилизации, имеет исключительно выгодное геополитическое положение между цивилизациями Востока и Запада, полиэтнический состав населения с вековыми традициями мирного сосуществования и сотрудничества различных народов, культур и религий, в том числе христианства, буддизма и ислама.

В-пятых, необходимо отметить глубочайшие философские и научные прозрения отечественной культуры конца XIX–начала XX в. Это всестороннее обоснование евразийского характера российского культурно-географического мира (евразийцы); идеи русского космизма о принципах сознательной регуляции природы и космической сущности человека; учение о мире как органической и живой целостности; концепция ноосферы В. И. Вернадского; теория экономических циклов Н. Д. Кондратьева и солнечных циклов А. Л. Чижевского; теория кооперации А. В. Чаянова; тектология А. А. Богданова; евригенетические исследования Н. А. Вавилова, А. С. Серебровского, Н. К. Кольцова и учение об этнической пассионарности Л. Н. Гумилева создает условия для формирования у восточных славян духовно-экологического мировоззрения.

В-шестых, в отличие от Запада восточнославянские народы не потеряли способность к порождению стратегических идей и воли к будущему. Это касается открытия «долевых форм» жизни и материальной мощи сознания, разработок в области общей теории систем и синергетики, физики вакуума и нетрадиционной энергетики. Важно в этой связи сделать решительную ставку на теоретические модели и воплощение чудесных закрывающих технологий будущего в жизнь.

В-седьмых, в восточнославянских странах формируются неправительственные и некоммерческие организации культурной и экологической направленности. Они силами немногих энтузиастов и подвижников организуют заповедники и национальные парки;

спасают и восстанавливают архитектурные памятники, разворачивают культурно-просветительскую деятельность и пытаются внедрить в жизнь технологии XXI века.

В-восьмых, Россия как никакая другая страна располагает целой россыпью уникальных биосферно-культурных регионов, являющихся естественными «стартовыми площадками» для ноосферного прорыва – Урал, Алтай, Восточная Сибирь и Дальний Восток.

Если избравшим путь общего блага и будущего удастся отстоять свои святыни и придать духовно-экологический импульс развитию восточнославянского мира, тогда завтра мы будем обладать всем необходимым для построения общества нейромра, где широко раскроется потенциал человека-творца нового типа.

Литература

1. Кирвель, Ч. С. Движение к духовно-экологической цивилизации как способ исторической самореализации восточно-славянских народов / Ч. С. Кирвель // Веснік ГрДУ. Серыя 1, Гуманітарныя навукі. – 2001. – № 2 (7). – С. 33-61.

2. Иванов, Л. В. Время великого размежевания: от техногенно-потребительской – к духовно-экологической цивилизации / Л. В. Иванов, И. В. Фотиева, М. Ю. Шишин // Вестник Моск. ун-та. – Сер. 7, Философия. – 1999. – № 6. – С. 3-25.

3. Кирвель, Ч. С. Капитализация восточнославянских стран: утопический выбор или реальная перспектива? / Ч. С. Кирвель // Беларуская думка. – 1999. – № 2. – С. 23-33.

Фесенкова Лидия Васильевна, кандидат философских наук, старший научный сотрудник, Институт философии РАН, г. Москва, Россия.	<i>Экологическая стратегия в рамках системного подхода.</i>
--	---

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ СТРАТЕГИЯ В РАМКАХ СИСТЕМНОГО ПОДХОДА

Фесенкова Л. В.

Институт философии РАН, Москва

Сегодня угроза экологического кризиса встала во весь рост. Истощение озонового слоя, изменение климата, потеря биоразнообразия, активизация процессов опустынивания и обезлесения постоянно сопровождают технологические достижения науки и промышленности. Это означает, что человечество перешло пределы роста и находится вне области устойчивости [1] И дело не только в истреблении видов животных, вырубке лесов и в нарастающем загрязнении мирового океана, а в нарушении стабильности глобальных биосферных циклов и биоценозов планеты. Осознание этой ситуации активизировало экологическую мысль планеты. После Стокгольмской конференции (1972 г.) в мире произошел огромный сдвиг в создании инфраструктуры по охране окружающей среды. Были созданы консультативные органы: Межправительственная комиссия по изменению климата и неправительственная программа «Глобальных изменений». Развиваются мощные национальные программы по глобальной экологической политике в большинстве стран. Создана государственная программа «Глобальные изменения природной среды и климата» и в России. Экологические общества под эгидой ООН выпускают манифесты и декларации, проводят дискуссии о правах природы, публикуют широкоэвентельные заявления лидеров ведущих стран мира о необходимости уменьшения деструктивной деятельности человека.

И, тем не менее, экологическая общественность вынуждена констатировать, что за период активной, целенаправленной деятельности экологов, глобальная экологическая ситуация на Земле ухудшилась. Стало ясно, что, несмотря на совершенствование технологий и расширение знаний по природоохранной политике, потоки загрязнений не уменьшаются. По мнению академика Г. А. Заварзина наша биосфера превращается не в ноосферу, а в антропогенную техносферу [2, с. 26-34].

Более того анализ показывает, что вектор развития цивилизации (ее промышленности, культуры, бизнеса, и образования) имеет направление отнюдь не на остановку кризисных явлений, сотрясающих планету, а, напротив, на их всемерное развитие [3].

Сегодня становится очевидным, что для выхода из экологического кризиса нужно приобщить человека к новым нормам поведения, сберегающим, а не разрушающим природу. Эта точка зрения получила широкий резонанс в работах известных ученых. Так Э. В. Гирусов считает, что смена мировоззрения и становление новой системы ценностей, является основной осью экологической культуры. [4, с.508]. Представление о центральной роли сознания в решении экологических проблем и необходимости его изменения вошло в арсенал экологической мысли и выступает сегодня как альфа и омега экологической проблематики. Это означает, что нужно искать способы изменения современного мировоззрения, лежащего в основании, как массового сознания, так и сознания индивидов, которое определяет поведенческие нормы человечества.

Каково же должно быть это новое мировоззрение, способное остановить или, по крайней мере, замедлить наступление экологической катастрофы?

Наше мировоззрение пропитано эволюционными представлениями о мире. Это – образ бытия, находящегося в состоянии развития. Это и эволюционистское мышление, и умонастроение, в котором выражается стремление осмысливать мир в терминах процесса и становления.

В современном мировоззрении основополагающую роль выполняет идея глобальной эволюции. Глобальный эволюционизм задает объяснительные и смысловые ориентации нашей эпохи. Он лежит в основании идеи единства мира. Он может быть представлен разными теоретическими моделями эволюции, по-разному представляющими процессы усложнения мира. В современном массовом сознании эволюционизм понимается в рамках дарвиновской теории эволюции с центральной идеей естественного отбора.

Онтологические представления дарвинизма вытекают из мальтузианства, которое Дарвин положил в основу своей эволюционной модели, конструируя ее по типу экономических теорий конкуренции и рыночных отношений, где мир предстает в виде поля жестокой

конкурентной борьбы за выживание наиболее приспособленных, победы сильных и вымирания слабых.

Дарвинизм через установившееся мировоззрение влияет на психику человека, задавая определенный ориентир его отношения к миру (социальному и природному) и давая обоснование центральной установке современной потребительской парадигмы. Успех (выгода) – вот главная цель поведения современного индивида. Антикризисные мероприятия в планетарном масштабе невыгодны для миллионов индивидов, живущих сегодняшним днем, как лицам, находящимся в стадии «выживания», так и обслуживающим международные корпорации и заинтересованных в сверхприбылях. Такие моральные установки развязывают массированные действия по уничтожению природы в интересах частных лиц и монополий. Какая же концепция может заменить всеобщую парадигму естественного отбора, ориентированную на жесткую конкуренцию, и утвердить этические нормы, необходимые для защиты природы? Сегодня для многих специалистов очевидно, что дарвинизм выглядит гипотезой сильно упрощающей действительное положение вещей. Перед биологической наукой возникли новые проблемы, на которые дарвинизм (неодарвинизм) не может дать ответа, и которые решаются путем обращения к другим – недарвиновским, представлениям. Возникли теории альтернативные градуалистической модели, которую исповедует дарвинизм: теория прерывистого равновесия, разработанная палеонтологами С. Д. Гоулдом и А. Элдриджем, теория нейтральности М. Кимуры [5, с. 166] и др. Особенно важным для рассматриваемой проблемы является ориентация эволюционных теорий на системный подход. Идея системного подхода присутствует в концепциях В. А. Красиловой, выдвинувшего экосистемную теорию эволюции (ЭТЭ). Многие известные ученые – Г. А. Заварзин, В. А. Кордюм, В. И. Назаров, Ю. В. Чайковский, В. И. Данилов-Данильян, В. Г. Горшков, К. И. Лосев, С. Д. Хайтун и другие развивают далее этот поход в своих исследованиях, провозглашая необходимость в целостном подходе к природе.

Уже В. И. Вернадский исходил из понимания природы как целостной и единой системы и рассматривал эволюцию в целом как единый системогенез, а не как набор актов приспособления каждого вида к его собственной среде.

Г. А. Заварзин пишет: “Как противовес взглядам дарвинизма выступает анализ систем с вниманием не столько к отдельному

индивидуальному объекту и его изменениям, столько к совокупности взаимодействующих объектов [6, с. 306].

Универсальный процесс развития здесь строится не на адаптации отдельных видов к своей среде, а на целостном процессе видообразования, начиная с высших уровней иерархически построенной системы биоценозов [7, с. 403]. Такую направленность эволюционной причинности В. И. Назаров называет «нисходящей», а сам процесс эволюции – «эволюцией сверху». В системных представлениях мир предстает не в виде конкуренции отдельных индивидов, а как единая система, где индивиды являются взаимосвязанными элементами целого. Если такое понимание эволюции живого займет приоритетную позицию в мировоззрении общества, то конкретное содержание понимания эволюционизма может вскоре измениться, а значит, в принципе может измениться и в общественном сознании современная лидирующая эволюционная парадигма.

Здесь возникает новый аспект рассмотрения биологического эволюционизма – аспект аксиологический, поскольку идея системности несет не только кардинальное изменение современной картины мира, но создает совсем другой подход к осознанию роли человека в мире, а следовательно, и другое решение его жизненных задач и поведенческих норм, которые строятся на понимании того, что человек выступает теперь не как вершина природных процессов, а в виде элемента гармонизированной системы. Системный подход фиксирует внимание на процессах сотрудничества и симбиоза в живой природе, порождает ощущение каждого своей «вписанности» в природу. Он акцентирует внимание на гармоничности и целесообразности природы, дает ощущение зависимости от нее и чувство неразрывной связи с ней. Возникает новое ощущение человека не как хозяина природы, а как ее части, осмысление себя не вне природы, а внутри ее.

Мы полагаем, что этот подход несет в себе реальную возможность создания нового отношения к миру и решения экологической проблемы. Поэтому необходимо пересмотреть глубинные основания нашей мировоззренческой парадигмы и обратить нас к мировоззренческим постулатам системного подхода в области применения его к биологическому материалу. Системная парадигма, будучи воспринята общественным сознанием, создаст другое отношение к природе и к человеку. Ориентация на системный подход дает надежду на выход из экологического кризиса.

Литература

1. Данилов-Данильян, В. И. Экологический вызов и устойчивое развитие / В. И. Данилов-Данильян, К.С. Лосев. – М., 2000.
2. Заварзин, Г. А. Лекции по природоведческой микробиологии. – М., 2003; Индивидуализм и системный анализ – два подхода к эволюции // Природа. – 1999. – № 1. – С. 26-34.
3. Медоуз, Д. Х., Медоуз, Д. Л., Рандерс, Й. За пределами роста. – М., 1994; Данилов-Данильян В. И., К. С. Лосев, Экологический вызов и устойчивое развитие. – М., 2000; Заварзин Г. А. Самоподдерживающееся разложение как антитеза развития // Ретроспектива. – М., 2006; Осипов В. И. Экологические проблемы России. Журн. Геоэкология, инженерная геология, гидрогеология, геокриология. – 2004, – №1. – С. 5-12; Государственный доклад «О состоянии и об охране окружающей природной среды Российской Федерации в 2001 году» // Министерство природных ресурсов РФ, 2002.
4. Гирусов, Э. В. Экологическое знание как теоретическая составляющая новой этики и культуры / Э. В. Гирусов // Связь времен. Москва, 2002.
5. Кимура, М. Молекулярная эволюция: теория нейтральности / М. Кимура. – М., 1985; Попов, И. Ю. Ортогенез против дарвинизма. – СПб., 2005.
6. Заварзин, Г. А. Логика биологии и современное мировоззрение / Г. А. Заварзин // Науки о жизни и современная философия. – М., 2010.
7. Назаров, В. И. Эволюция не по Дарвину. Смена эволюционной модели / В. И. Назаров. – М., 2005.

	<p>ФОРУМ 4.</p> <hr/> <p><i>Трансформация медиа в информационном обществе и перспективы развития институтов образования и науки в XXI веке</i></p>
---	---

<p>Анацкая Юлия Викторовна, студентка 4 курса, факультет философии и социальных наук, Белорусский государственный университет, г. Минск, Беларусь.</p>	<p><i>«Виртуальное» как системообразующий концепт сетевой идентичности.</i></p>
---	---

«ВИРТУАЛЬНОЕ» КАК СИСТЕМООБРАЗУЮЩИЙ КОНЦЕПТ СЕТЕВОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Анацкая Ю. В.

Белорусский государственный университет

Социальная действительность предстает перед нами в виде «виртуальной», являющиеся прямым продуктом «актуальных» иллюзий, т.е. диспозиций. В процессе глобализации, массовых миграций, повсеместного распространения средств массовой коммуникации существование суверенных государств, ставится под вопрос, а национальная идентичность, так же, как и самоидентификационные модели, понимаемые, как «реальности» социальной действительности, проблематизируются.

Национальную идентичность, как основную самоидентификационную модель в границах государства, возможно рассматривать, как «собрание мифов, идей и повествований, используемых господствующей группой или коалицией для удержания власти в обществе» [1]. Это, по сути, технологическая дефиниция показывает работу системы как таковой. Нации, смысловой центр национальной идентичности, трактуется Б. Андерсеном, как «воображаемые сообщества». Собственно, национальная самоидентификация, как продукт «воображения», – проект, формирующийся при помощи дискурсивных практик. Но при этом Б. Андерсен не говорит о ложности или нереальности такого сообщества. Воображаемыми большие сообщества

являются вследствие того, что члены любой по размерам нации не могут знать друг друга в лицо, но у каждого в воображении существует образ их общности. Собственно, все крупные сообщества людей являются воображаемыми, все дело заключается в способе воображения. Нация является продуктом определенного способа воображения, а именно, технологического, распространяемого с помощью «печатного капитализма» (аудио – визуального капитализма сегодня) [2]. Визуальный капитализм рассматривается, как основной механизм системы выстраивания «виртуального».

П. Монро утверждает, что «национальную идентичность легко можно превратить в маскировку ряда контролирующих мер, захватывающих творческое пространство и сводящих на нет возможность плюрализма мнений и свободы выражения» [1]. То есть, определенным образом выстроенная модель идентичности в руках правящей элиты превращается в своего рода оружие, символическое насилие, распространяющееся посредством СМИ. Правящая элита включена в поле, представляющее собой объединенные связи между разными позициями. Позиции в поле взаимодействия принадлежат агентам, обезличенным субъектам, которые, имея прочную схему приобретенных диспозиций, действуют в системе. Система воспроизводит иллюзорную модель идентичности, позволяющую производить контроль над агентами.

Поле, представленное как реальность, данную через распределение материальных благ и ценностей, а, в равной степени, как реальность, данную в схемах мышления и поведения, не является замкнутым и неподвижным. В условиях постоянной нестабильности в области политических, экономических, культурных форм поведения, система должна иметь подвижные границы. Она признает только рационализированные действия агентов, так как они легко предсказуемы и контролируемы. Все иррациональное, то, что контролировать невозможно, система старается либо нивелировать, либо, что более удобно, расширить свои границы и включить в структуру системы. Тем самым, система не отвергает новые модели самоидентификации рожденных в поле взаимодействия агентов и даже поощряет их, но для сохранения стабильности в структуре она превращает «инородное тело» в одну из своих ячеек, а далее и в продукт индустрии, чтобы зафиксировать его как товар, превратив в «пустой знак». После рационализации и овеществления неформальных образований системы, бывшее «инородное тело» превращается в производственный товар, который со временем теряет

свою индивидуальность и становится продуктом массового производства. Производство товаров, производящее и воспроизводящее иллюзорность конкуренции, иллюзорность разнообразия, дает картину мира, которую вполне легитимно можно описать как «виртуальную», то есть конструируемую извне и навязанную системой доминирующих дискурсивных практик.

Систему возможно представить в виде социальной сети, то есть, как платформу для построения социальных взаимоотношений. Свойство сетей, как и системы, сформулировано в 3-х пунктах: 1. Иерархизированность – четкая иерархия существует на протяжении всех каналов от центра к периферии. 2. Эффективность – получение максимальных результатов, при минимальных затратах. 3. Замкнутость – система представляет собой «замкнутый круг» между манипуляцией и реакцией.

В социальных интернет-сетях определяется новая идентификационная модель – виртуальная идентичность. «Она заключается в том, что пользователи интернета обладают возможностью создать в Сети «виртуальную личность», выдав себя за обладателя атрибутов, на которые они не имеют шансов успешно претендовать в «реальной» жизни – скажем, представителей другого пола, возраста или социального статуса» [3]. «Виртуальную идентичность» можно рассматривать, как «воображаемую», то есть она не «реальна», как таковая, но она «реальна» для каждого отдельного агента социальной действительности, так как каждый из них верит в эту реальность. Теория Томаса хорошо показывает, как часто происходит путаница «реального» и «воображаемого»: «Если ситуация определяется человеком как реальная, то она реальна по своим последствиям». Если ситуацию определить, как реальную, представить готовые диспозиции и распространить через средства массовой информации, то действия агентов будут вполне реальны для системы. Механизмы выстраивания «иллюзорной» действительности в поле описываются двумя видами «виртуализации»: во-первых, иллюзия, как четкая схема приобретенных диспозиций; и, во-вторых, иллюзия, как специально сконструированная иллюзия извне, то есть как символическое насилие. Первый вид «виртуализации» представляется, как система актуальных иллюзий человека, где иллюзия – это представление, сформулированное не на основе рационального познания, а лишь как иррациональное представление о факте. Второй вид – это мир управляемых представлений, т.е. специально сконструированных извне человеческих симуляций. Симуляция может пониматься, как иллюзия,

которая создана и передана в аудиторию посредством любых СМИ с целью воздействия на акторов.

Построение и постоянное воспроизводство «виртуальной идентичности» присущи не только активным пользователям интернет-пространства, но и агентам, действующим в жизненном секторе социальной действительности. Агенты попадают в мир «виртуального», который они воспринимают как «реальность».

Литература

1. Монро, П. Телевидение, телекоммуникации и переходный период: право, общество и национальная идентичность / П. Монро // Библиотека Гумер. Центр «Право и средства массовой информации» 2000. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Gurn/Monro/index.php – Дата доступа : 11.05.2012.
2. Андерсен, Б. Воображаемое сообщество. Размышления об истоках и распространении национализма / Б. Андерсен. – М., 2001.
3. Соколов, М. Онлайн-дневник, теории виртуальной идентичности и режимы раскрытия персональной информации / Личность и межличностное взаимодействие в сети Internet 2007. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.cisr.ru/Sokolov.html> – Дата доступа : 15.04.2012.

Андриевская Мария Вацлавовна,
магистрант кафедры биофизики
физического факультета, Белорусский
государственный университет,
г. Минск, Беларусь

*Метаморфозы научной
деятельности в постсовременном
мире.*

МЕТАМОРФОЗЫ НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ПОСТСОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Андриевская М. В.
Белорусский государственный университет

Особенностью постсовременного мира является не только ускоренное развитие различных сфер жизнедеятельности человека и общества, но и непрекращающееся изменение ролей и статусов привычных всем феноменов и лежащих в их основании ценностей. Примером этого может выступить наука как особая сфера деятельности человека. На современном этапе ее роль видится в формировании инновационного потенциала общества. Инновации — нововведения в сфере производства и услуг: изобретения, новые технологии, методы организации труда и пр., внедряемые с целью повышения эффективности и увеличения прибыли от производства [1, с. 62-63].

Вся история научно-технического прогресса есть история инноваций — процесса их внедрения в производство и шире — во всю общественную жизнь. Устанавливая основные параметры производства и воспроизводства общественной жизни, техника и технология являются, в конечном счете, обобщенным показателем уровня цивилизационного развития, и в их системе во многом обнаруживают себя корни глобальных общественных преобразований, определяющих перспективы человеческого общества в будущем. Пока техника и технология служили средством достижения целей управления природными процессами, человек оставался количественным мерилем технических и технологических новаций. Теперь же возникают активные споры вокруг роли науки — источника научно-технического прогресса — и ее качественного содержания в современном постиндустриальном информационном обществе: насколько она приближена к человеку, отвечает его личным запросам и способна ли самостоятельно контролировать последствия научно-технического прогресса [См. например, 2, с. 6 и 3, с. 42]. Соответственно на нынешнем этапе

социодинамики особую значимость приобретают исследования существенных изменений в организации ведения научной деятельности, задающих перспективы развития постсовременного мира.

От современной науки общество и государство требуют скорейших технологических и коммерческих результатов. Современные научные исследования все в большей степени характеризуются усиливающейся ориентацией на непосредственную экономически-технологическую применимость полученных результатов. Параллельно с этими изменениями приоритетов научно-технической политики сходная переориентация происходит и в сфере частного бизнеса, в которой концентрируется капитал, способный стимулировать и направлять исследовательский интерес на создание того, что будет привлекательным для массового потребителя. Ввиду этого важно отметить, что изменяется как природа результата научной деятельности (РНД), так и характер его использования.

Ранее научная деятельность осуществлялась больше на фундаментальном уровне коллективом ученых, удовлетворяющем собственный познавательный интерес. В нынешнюю эпоху интенции науки зримо сместились в прикладную плоскость, что привело к ряду последствий. Во-первых, направления развития научной деятельности все чаще определяется социальными нуждами и запросами. Во-вторых, РНД подлежит моральной, этической оценке, необходимой для его адекватного применения в разных сферах жизни общества. В-третьих, полученное научное знание одновременно и запускает, и завершает циклические экономические процессы, поскольку подлежит обязательной коммерциализации. Таким образом, совокупность этих глобальных особенностей позволяет представить результат научной деятельности сквозь призму экономической категории «продукт» науки» и обозначить его роль в процессе коммерциализации науки.

Коммерциализация представляет собой процесс доведение продуктов прикладной науки до признания их объектами промышленной собственности и включение последних в рыночный оборот как товаров, реализуемых на возмездной основе через куплю-продажу или лицензионные платежи, а также лицензирование деятельности по их производству. Как рынок нельзя сводить только к торговле, поскольку это сложный механизм воспроизводства и реализации продукции, так и рыночный оборот продукта науки надо рассматривать не только как куплю-продажу, но и как процесс движения научной идеи по всем

ступеням инновационного цикла [1, с. 136-139]. Таким образом, по отношению к продукту в постиндустриальной экономике рыночный оборот — это купля-продажа научных разработок и лицензий.

Вовлечение в экономический оборот интеллектуальных ресурсов — необходимая мера и единственный источник ускоренного развития экономики в виду ограниченности традиционных ресурсов в процессе модернизации общества. При этом предполагается, что знание, полученное в результате современного научного исследования, должно фундировать новую инновационную технологию, которая развивается по своей траектории. Направление и успех ее реализации определяется техническими, экономическими возможностями, а также стратегией и поведением индивидов, социальных групп и институтов. Период времени развития измеряется длиной экономического цикла Кондратьева. Важно отметить, что инновационный потенциал и значение технологии для общества определяются не на стадии ее реализации, а ранее, на стадии получения знания о ней.

Диверсификация технологий привела к созданию большого числа профессиональных венчурных предприятий. Их основной функцией является технологический трансфер: бесплатную передачу научно-технических достижений, возмездный обмен и куплю-продажу на венчурном рынке, часто без потери продавцом права собственности. В настоящее время складываются экономические механизмы согласованного сопряжения и коммерческой взаимовыгоды между крупными производственными фирмами и малым венчурным бизнесом, создаются условия для коммерциализации прикладной науки, для включения в рыночный оборот объектов интеллектуальной собственности [4, с. 38]. Пример развития техногенного западного общества показывает, что учет социальных интересов, с одной стороны, и вовлеченность в экономические процессы на внутригосударственном и международном уровнях — с другой, делают продукт науки мощным механизмом развития и модернизации. Но для этого инновационный рынок и венчурный бизнес должны опираться на мощную инфраструктуру [5, с. 110]. Она представлена венчурными банками, фондами, грантами, внедренческими фирмами, технопарками, технополисами, инкубаторами и т.д. Между всеми участниками организовано сложное взаимодействие, в котором немалую роль наравне с материальными ресурсами играет фактор эффективной коммуникации [6, с. 39].

В контексте модернизации постсовременного мира научная деятельность, обусловленная социально и экономически, обнаруживает внушительный потенциал в модернизации сложившейся практики научных исследований. Его реализация предполагает привлечение новых типов источников финансирования и организацию трансфера информации [6, с. 40], обеспечение социального контроля за использованием результатов научной деятельности, тем самым позволяя приблизиться к решению вопросов гуманизации научных исканий и контролю за использованием результатов деятельности. К тому же научная деятельность предстает своеобразным альтернативным регулятором в решении социальных проблем, поскольку оттягивает на себя часть капитала и внимание от других проблем большого количества населения Земли.

В заключение отметим, что в постиндустриальном обществе в силу ряда обстоятельств продуктом №1 на общемировом рынке становится прикладное научное знание: оно может стать объектом экономического присвоения, если имеет материально-предметную форму и инновационность, отличающую его через патентование и регистрацию от всех других научных результатов. Патентование и промышленная тайна стимулируют динамику экономики, а конкурентные преимущества получает тот, кто имеет научно-техническое опережение конкурентов.

На рынке же реализуются объекты промышленной собственности. Однако РИД становится продуктом до его овеществления и только тогда, когда он коммерчески востребован рынком;

Интеллектуальный ресурс общества полнее всего экономически реализуется через инновационное предпринимательство, в котором интеллектуальный капитал становится ведущим фактором производства, что характерно для обществ нового технологического уклада. В инновационном предпринимательстве выделяется особый венчурный бизнес, который специализируется на создании объектов интеллектуальной собственности и трансфере коммерциализации научных знаний [7, с. 37].

К сожалению, для современной Беларуси характерно отсутствие зрелой инновационной инфраструктуры, что порождает ряд сложных проблем. Поэтому успешное противостояние вызовам постсовременного мира для нашей страны предполагает пристальное изучение и творческое усвоение опыта ведущих экономик постсовременного мира в реализации инновационных проектов, базирующихся не только на постоянном

обновление содержания научного знания, но и на внедрении новых форм организации научной деятельности как таковой.

Литература

1. Голдстоун, Дж. Инженерная культура, инновации и создание современного типа богатства / Дж. Голдстоун // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование, некоммерческое партнерство "Центр проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования". – 2010. – №3(3). – С. 57-70.
2. Грунвальд, А. Техника и общество: западноевропейский опыт исследования социальных последствий научно-технического развития / А. Грунвальд. – М., 2011.
3. Лебедев, С. А. Современная наука: социальность и инновационность / С. А. Лебедев // Вестник Московского университета. – Серия 7. Философия. – 2011. – № 1. – С. 36-45.
4. Дианов, Ю. О. Успех инноваций определяют высокие технологии / Ю. О. Дианов // Экономист. – 2002. – № 6. – С. 38-43.
5. Даниелов, А. Р. Развитие высокотехнологического сектора американской промышленности / А. Р. Даниелов // США-Канада: экономика, политика, культура. – 2001. – №2. – С. 108-119.
6. Енин, С. В. Роль информационных технологий в инновационном развитии / С. В. Енин // Веснік сувязі. – 2008. – №5. – С. 37-41.
7. Барышева, Г. А. Интеллектуальный ресурс и вовлечение продукта науки в рыночный оборот / Г. А. Барышев. – Томск, 2002.

<p>Борисовец Наталья Геннадьевна, студентка 4 курса факультета журналистики, Белорусский государственный университет, Институт журналистики, г. Минск, Беларусь.</p>	<p><i>Преобразование печатных изданий. Мировой опыт.</i></p>
---	--

ПРЕОБРАЗОВАНИЕ ПЕЧАТНЫХ ИЗДАНИЙ. МИРОВОЙ ОПЫТ

Борисовец Н. Г.

Институт журналистики, Белорусский государственный университет

Мир удивляет необычными технологиями. Появляются новые источники информации с безграничными возможностями. Однако старые проверенные каналы, такие как печатные издания, не перестали существовать и смогли успешно вжиться в современный мир, приспособились к его реалиям.

Газета в электронном варианте – обычное явление. Практически у каждого печатного издания есть свой электронный сайт. Журналисты даже научились получать прибыль от электронного варианта газеты. А именно ежедневное издание Великобритании «The Times» предлагает посетителям сайта подписаться на новости газеты, разумеется, платно [5]. Но в каком бы виде ни существовала газета будущего, главными все же останутся две вещи: качественная и объективная информация, а также способ ее подачи.

Трансформировать печатные издания необходимо в первую очередь для того, чтобы не потерять читательскую аудиторию. Мировой опыт показывает, что журналисты над этим уже задумались. Так раскрыв один из номеров газеты «La Dernière Heure» («Последнее время») бельгийские читатели были удивлены – все фотографии и реклама в ней были объёмными. Для просмотра же 3D изображений к каждому экземпляру газеты прилагались анаглифические очки, текст необычного номера был представлен в привычном двухмерном формате. Несмотря на то, что для подготовки и выпуска «объёмного» номера «La Dernière Heure» издательству пришлось пойти на дополнительные расходы, сама 3D газета продавалась по обычной цене. Оригинальная инициатива окупилась – продажи газеты в один день выросли на треть, а доходы от рекламодателей – и вовсе в три раза. В Бельгии издание 3D газеты – акция разовая, последующие номера издания выходили в обычном формате [1].

Китайские журналисты пошли дальше и стали выпускать 3D газеты на постоянной основе. Первая 3D газета в Китае появилась в апреле 2010

года. Это было издание «Daily Business» города Ханчжоу. К слову, данный формат газет получил популярность у аудитории, поэтому было принято решение издавать ежедневные деловые издания в 3D-формате [6].

Если же 3D издания полюбили аудиторию, то говорящие газеты пока что только наделали шума. А именно в Индии два крупнейших издания страны, «The Times of India» и «The Hindu», напечатали аудио-рекламу. Аудиоролик с рекламой нового автомобиля включался, когда читатели открывали последнюю страницу. Ролик проигрывало простое встроенное устройство с батарейками. Так журналисты хотели привлечь внимание читателей. Однако же индусы испугались. В полицейские участки Дели поступили многочисленные жалобы от читателей, которые уверяли, будто они слышали духов. В Бомбее бдительные граждане вызвали саперов, чтобы те выяснили, что за странные звуки доносятся из мусорной корзины [2]. Таким образом, мы видим, что не каждая инновация сразу завоевывает расположение читательской аудитории.

Некоторые считают, что прогрессивное человечество и вовсе забудет о бумажных газетах – им на смену придут электронные интерактивные сенсорные газеты будущего. И их концепт уже представлен – «The Page» отображает текст, картинки и разбит на привычные газетные столбцы. Новинка призвана объединить достоинства печатных и онлайн-СМИ. Толщиной «The Page» с лист обычной бумаги. Несмотря на то, что в нем заключен целый ряд функций, он такой же гибкий, как бумага – его можно сложить в несколько раз и положить в папку или карман. Разработка наилучшим образом передает ощущения, возникающие при чтении настоящей газеты. В то же время с помощью «The Page» можно взаимодействовать с контентом web-страниц [3].

Для того чтобы сделать газеты рентабельными в будущем, журналистам актуально будет обратить свое внимание не только на преобразование формата, но и на трансформацию содержания материалов. Роль газеты – находить свежую информацию на темы, представляющие интерес для общества, и по возможности быстро и точно передавать ее читателям взвешенно и правдиво [4].

На сегодняшний день основу большинства газет составляют новости «вчерашние». Журналистам же «газет будущего» актуально будет обратить свое внимание даже не на новости «сегодняшние», а сделать ключевой упор на новости «завтрашние». Таким образом, произойдет распределение газетных публикаций по принципу 30% – материалы о событиях вчерашнего дня, 30% – новости сегодняшние и 40% –

завтрашние. Обеспечить такое количество новостей завтрашнего дня задача непростая и решение ее полностью зависит от профессионализма журналистов-печатников, которым актуально будет обратить свое внимание на такой жанр как комментарий.

Традиционно читатели обращают свое внимание на газету, когда хотят получить достоверную информацию. Это важный факт и плюс для журналистов-газетчиков. Для простого получения информации что, где и когда произошло, большая часть аудитории обращается к Интернету. А вот доверять читатели больше привыкли газетным публикациям, которые отстранены от слухов и основываются на фактах.

Не стоит забывать, что читатели даже самых серьезных газет нуждаются в развлечении так же, как и в информации и глубоких мыслях. Коротко говоря, они нуждаются в разнообразии – в регулярно публикуемых, легко распознаваемых материалах [4]. Поэтому наряду с серьезными публикациями необходимо обращать внимание и на события из таких областей общественной жизни, как наука, образование, культура и спорт.

Подводя итог, можно отметить следующие преобразования печатных изданий: различные вариации формата газет и трансформация публикаций, где главной платформой будут выступать комментарии журналистов по злободневным вопросам. Данные изменения помогут поднять уровень печатных изданий на новую высоту.

Литература

1. В Бельгии вышла 3D газета. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.mir3d.ru/news/12392/>. – Дата доступа: 19.04.2012.
2. В Индии появились «говорящие газеты». [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://newsme.com.ua/tech/technologies/629632/>. – Дата доступа: 20.04.2012.
3. Газета будущего. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://future-tech.ru/газета-будущего-2/>. – Дата доступа: 20.04.2012.
4. Рэндалл, Д. Универсальный журналист / Д. Рэндалл. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://evartist.narod.ru/text12/38.htm>. – Дата доступа: 19.04.2012.
5. The Times. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.thetimes.co.uk/tto/news/>. – Дата доступа: 24.04.2012.

6. 3D газеты в Китае. 2010 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://trinixy.ru/45601-3d-gazety-v-kitae-7-foto.html>. – Дата доступа: 19.04.2012.

Врублевская Татьяна Ивановна,
преподаватель кафедры философии
культуры, факультет философии и
социальных наук, Белорусский
государственный университет,
г. Минск, Беларусь.

*Социальные сети: особенности
трансформации нравственных
отношений.*

СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ: ОСОБЕННОСТИ ТРАНСФОРМАЦИИ НРАВСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ

Врублевская Т. И.
Белорусский государственный университет

Социальные сети, или социальные медиа, – наиболее активно развивающееся средство коммуникации сегодня. Оно является новым, по сравнению с традиционными средствами массовой информации, но с каждым днем все активнее завоевывающим свою аудиторию. По итогам 2011 года число жителей Земли, зарегистрированных в социальных сетях, составило 2,4 миллиарда, или около 35% населения. Преобладающее число пользователей социальных СМИ – молодые люди в возрасте до 40 лет, процент которых варьируется в пределах 45 % от числа всех пользователей в разных странах по всему миру. Экономически, общественно и политически активные люди переносят значительную часть своей социальной жизни в виртуальное пространство.

Социальные сети, с одной стороны, обладают всеми признаками существовавших и прежде средств массовой коммуникации. Они также продолжают выполнять большинство их функций. Любые медиа, в том числе и социальные, существуют в «двойной реальности». Первая, по выражению Н. Лумана – их «реальная реальность», состоящая из технологий, делающих доступной любую желаемую информацию. Иными словами, это реальность физическая, техническая среда любых процессов, технологии, позволяющие передавать и воспроизводить сообщения. Именно они структурируют и определяют границы коммуникации в медиа.

Однако сами передаваемые сообщения не могут обеспечить коммуникацию как процесс, который требует как создания, восприятия, понимания сообщений, так и возникновения сферы общих смыслов, организованного взаимодействия. Поэтому можно говорить и о второй реальности медиа – о том, что, благодаря их деятельности, выглядит как реальное или на самом деле становится реальным. Социальные медиа,

подобно всем другим, создают, конструируют особенную реальность, наделяя значением объекты, события и явления.

Здесь возникают собственные принципы, структуры, ценности, главные и второстепенные герои, первые лица и аутсайдеры – складывается особенный «мир», который может воздействовать на другие реальности: политическую, повседневную, внутренний мир личности, взаимодействовать с ними. В этой связи часто отмечается, что социальные сети берут на себя часть функций общественных институтов, например, политических партий или негосударственных организаций, оказывая влияние на решение многих проблем, на развитие многих процессов, связанных, в частности, со становлением гражданского общества.

Социальные сети, принадлежа, несомненно, уровню массовой коммуникации, обладают, по сравнению с другими средствами связи этого уровня, одной особенностью. Известно, что характерной чертой массовой коммуникации является отсутствие непосредственного межличностного общения, прямой обратной связи между коммуникатором и аудиторией, однонаправленность сообщения и фиксированные роли в процессе коммуникации. Используемые технологии позволяют изменить эти характеристики в случае социальных сетей. Социальные медиа могут «приблизить» коммуникаторов друг у другу, ускорить обратную связь, а значит, и увеличить управляемость взаимодействием, сделать совместную деятельность более организованной. Вместе с тем, коммуникативные роли закрепляются уже не столь жестко – каждый может быть как создающим сообщение, так и воспринимающим его. Это, наряду с другими признаками, определяет облик той реальности, которую создают социальные сети. Если нет четко определенных источников влияния, средоточия власти, то, соответственно, не может быть и единой иерархии ценностей, единого мировоззрения. Любой автор занимает экспертную позицию, производя или воспроизводя какое-либо знание.

Технологическая среда социальных сетей позволяет использовать сразу два канала передачи информации – визуальный и аудиальный, вместе или на выбор, что повышает эффективность воздействия информации, качество ее запоминания и возможности воспроизведения, но сопровождается и специфическим «эффектом».

В силу разных причин более поражающими воображение и более запоминающимися являются те сообщения, в которых акцентирована драматическая составляющая, а не сущность рассматриваемого явления. Пользуясь известным выражением, можно сказать, что в реальности,

создаваемой социальными медиа, чувства побеждают разум. Но на этом основании их реальность нельзя назвать иррациональной – следует помнить о чувстве симпатии, чувстве сострадания, чувстве солидарности, чувстве ответственности, чувстве долга, одним словом, о нравственных чувствах, которые придают действиям человека разумность, осознанность и обоснованность. Проявление этих чувств, поступки, вызванные ими, не только допустимы в социальных медиа, но также горячо приветствуются.

На первый план в реальности, сконструированной социальными сетями, выходят такие ценности, как свобода и открытость, личная информационная свобода и отсутствие традиционных видов цензуры. Среди образующих систему, или, правильнее, образующих сеть, принципов, первенство принадлежит принципу равенства, справедливости в ее уравнивающей версии: каждый участник взаимодействия наделяется одинаковыми правами и возможностями, ограничить которые может только реальность физическая – технические возможности самих медиа.

Для нравственных отношений это оборачивается ценностным многообразием, плюрализмом, а также тем, что пока не может быть полностью реализовано в других реальностях – уравниванием позиций в оправдании добра и зла. Большинство фактов, носящих признаки безнравственности (публикация откровенных снимков известных людей, сцен насилия, любительских репортажей с места катастроф и др.), могут быть оправданы с точки зрения борьбы с пороками, проявления индивидуальности, иного видения события, попыткой сильнее впечатлить других участников коммуникации, сообщить о вопиющих случаях нарушения прав человека и т.д., и, тем самым, добиться увеличения доли добра в мире. В ряде случаев это даже делает авторов таких публикаций знаменитыми, героями дня, а их поступкам многие придают статус эталонных.

До известной степени сохраняемая анонимность участников коммуникации, а, зачастую, и их физическая недоступность, позволяют им совершать любое зло, которое только могут позволить технические рамки. При этом сами социальные сети не располагают достаточными средствами, чтобы воздавать за такие действия по справедливости – все равно любой, кто оказался в подобной ситуации за возмездием должен обратиться к другой, а именно правовой, реальности.

Вместе с тем, позиция добра также получает серьезную поддержку в границах реальности, создаваемой социальными сетями. Любой нравственный принцип, успешно реализуемый в межличностных

отношениях, в связи между Я и Ты, не может быть непротиворечивым образом перенесен в сферу социального взаимодействия, на уровень связи между многими Я, образующими одно целое Мы. Всякое правило встречает все большее количество противоречий с переходом на уровень групповых и массовых взаимодействий.

Специфическая, «сетевая» структура реальности социальных медиа дает каждому коммуникатору особенный статус: обособленную позицию как личности, как «узла» в сети, и, вместе с тем, позицию вовлеченную, как органичной части целого. Не только разные принципы, регулирующие межличностные и общественные нравственные отношения, оказываются в равной мере доступными человеку, но и поведение по велению этих принципов становится менее противоречивым, прежде всего, для самой личности.

Социальные медиа предоставляют возможности для открытого диалога и объединения с единомышленниками. В условиях, когда всякий, кто вовлечен в реальность сети, может быть инициатором взаимодействия, может выражать собственную позицию, устойчивые общественные предпочтения и стереотипы ослабевают. Любой может встретить поддержку своих взглядов на политику, положение в экономике, религию и культуру, едва лишь он займет активную позицию говорящего и расширит круг своих контактов. Равенство и личная информационная свобода предполагают также признание ценностного статуса терпимости и толерантности, равно как и дают возможность открытого высказывания своей позиции, налаживания диалога и свободного выбора партнеров в этом диалоге.

Кроме того, социальные сети, «сближая» участников коммуникации, делают их нравственную деятельность более активной и эффективной. Речь о том множестве случаев, когда большое сообщество, часто даже незнакомых лично людей, помогает тем, кто нуждается в скорейшей помощи и участии. Реальность социальных медиа делает возможным не только получение быстрой и широкой поддержки социально значимых проектов или создание инициативных групп, которые могли бы участвовать в знаковых для общества событиях, но также и быстрый сбор средств для оказания необходимой помощи. Подавляющее большинство людей, как показывает практика, не отказывается от участия в добром деле или хорошем начинании. Социальные сети позволяют людям реализовывать свои нравственные чувства и потребность делать что-то, чтобы считать себя достойным человеком.

В сфере социальных сетей нравственные отношения «получают» дополнительное пространство и возможности развития. Формы и примеры нравственно положительного и нравственно отрицательного поведения становятся достоянием огромного числа людей со всей возможной наглядностью, сфера морального входит в жизнь человека не только в аспекте его личных переживаний и убеждений, не только как позиция окружающих, но также и в своем глобальном измерении.

Социальные медиа наиболее ярко демонстрируют давно формирующуюся тенденцию нравственного многообразия, непосредственного сосуществования самых разных нравов, нравственных принципов и систем нравственности.

Наряду с этим, нравственные отношения во многом «обостряются»: проявленная к другому несправедливость может стать предметом активного всеобщего обсуждения, недостойное поведение – основанием для осязаемого наказания, необходимая помощь – скорой и адресной. И дело тут не только в публичности, как свойстве социальных медиа, но также и в их сетевой структуре, в открытости, быстроте и многовариативности связей.

Социальные медиа еще прочнее закрепляют ориентацию общественной нравственности на такие ценности, как свобода, признание нравственной значимости и моральной автономии Другого, толерантность, диалог и партнерство на равных.

Горский Дмитрий Николаевич,
студент 5 курса факультета журналистики,
Институт журналистики, Белорусский
государственный университет,
г. Минск, Беларусь.

*«Визуальный поворот» в
современной культуре и
трансформация медиа.*

«ВИЗУАЛЬНЫЙ ПОВОРОТ» В СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЕ И ТРАНСФОРМАЦИЯ МЕДИА

Горский Д. Н.

Институт журналистики, Белорусский государственный университет

Понятие «визуального поворота» возникло в конце семидесятых годов прошлого века в связи с появлением большого количества работ, посвященных визуальной культуре. В них отмечалось, что время «словоцентризма» проходит, центром интереса становится визуальное. Изображение (к примеру, фотография) воспринимается теперь как своего рода код или текст с зашифрованной информацией, которая с определенной долей вероятности может быть раскрыта подготовленным исследователем. Код возникает уже тогда, когда человек выбирает объект съемки. В связи с этим Вальтер Беньямин отмечает: «Природа, обращенная к камере, – это не та природа, что обращена к глазу; различие прежде всего в том, что место пространства, освоенного человеческим сознанием, занимает пространство, освоенное бессознательным» [1, с. 71]. Возможно, поэтому один и тот же объект может быть снят по-разному в зависимости от того, кто именно делает фотографию.

В условиях глобализирующегося мира проблема межнационального общения становится все более актуальной, что объясняет особую востребованность языка визуальных образов в современной массовой культуре. Изображение обладает простотой и ясностью понимания на интуитивном уровне у большинства людей. Этим обеспечивается скорость в процессах коммуникации. Что важнее, текст – в политическом смысле – распознается как символ тотального господства, даже диктатуры в силу его нормативности, предписывающего характера. Вспомним Советский Союз – газеты публиковали огромное количество текстов, тем или иным способом что-либо указывавших, предписывавших. Результатом этого стало восприятие самого текста (пусть даже художественно-публицистического очерка) чуть ли не как указа, документа с правовым статусом. В этом смысле «визуальный поворот» можно считать поворотом

к либерализации коммуникативных отношений. С другой стороны, изображение не требует столь мощной мыслительной работы, как текст. Важнее целостное впечатление, которое это изображение производит. При этом вчитывание, долгое размышление, поиск скрытых смыслов не требуется.

Учитывая развитие технологий коммуникации, телевидения, кино, радио, а также появление интернета, можно отметить, что буквально на наших глазах происходит трансформация медиа. Медиа становятся мультимедийными: текст, изображение, звук и видео объединяются на платформе интернет-технологий. Происходит конвергенция средств массовой информации, когда сайт обычной газеты обладает инструментами, которые позволяют предложить посетителю сайта не только текст, но также фото- и видеоматериалы. При этом собственно информации как таковой уделяется все меньше внимания, а в условиях «визуального поворота» ставка делается как раз на силу изображения. Ярким примером этого может служить проект одного из ведущих новостных телеканалов Европы Euronews – No Comment. В этом проекте зрители могут увидеть съемки без комментариев и какого-либо закадрового текста. Таким образом телевизионщики предлагают зрителям самим сделать выводы и составить мнение о событиях на экране. Изображение в этом проекте может служить для исследователя источником разнообразной информации, которую следует расшифровать. При этом информация подается без комментариев, что значит – ее можно рассматривать безотносительно к тем или иным суждениям.

Нельзя отрицать возможностей, которые дает коммуникации и межнациональному общению «визуальный поворот». Однако нельзя забывать, что очень быстро визуальное может возобладать над человеком, превращая его в своеобразный «приемник» информации, не способный ее обрабатывать и воспринимать критически. В условиях трансформации медиа представление человека о мире (в силу ставки на визуальное, а не вербальное) все больше отрывается от реальности, фрагментарной становится сама картина мира. СМИ, обслуживающие общество потребления, способствуют формированию так называемого «клипового мышления», в котором нет четкой логики, отсутствуют четкие рациональные основания [2, с. 380]. Восприятие мира становится разрозненным, онтологическое заменяется символическим.

Такое положение, когда в условиях трансформации множества средств массовой информации на их основе возникает одно (Интернет),

является в некоторой степени угрожающим для традиционной «вербальной» культуры. Текст больше не стоит в центре, следовательно внимание людей переключается на визуальное, причем если текст создает целостную картину мира, то для изображения характерна отрывочность и фрагментарность. Это порождает хаотичный калейдоскоп, в котором нет устойчивости, своего рода лабиринт, где люди могут очень быстро потерять связь между событиями – более важным становится непрерывающаяся смена картинок, торжество визуального.

Литература

1. Беньямин, В. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости. Избранные эссе / В. Беньямин. – М., 1996.
2. Стёпин, В. С. Философия науки. Общие проблемы / В. С. Стёпин. – М., 2006.

<p>Гуринович Валентина Владимировна, кандидат физико-математических наук, доцент, доцент кафедры общей физики физического факультета, Белорусский государственный университет, г. Минск, Беларусь, Телюк Надежда Акимовна, кандидат биологических наук, доцент, доцент гуманитарного факультета, Белорусский государственный университет, г. Минск, Беларусь.</p>	<p><i>Духовные ценности современной студенческой молодёжи в период глобализации.</i></p>
---	--

ДУХОВНЫЕ ЦЕННОСТИ СОВРЕМЕННОЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ В ПЕРИОД ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Гуринович В. И., Телюк Н. А.
Белорусский государственный университет

Современная ситуация в мире в целом и в каждой стране отдельно характеризуется нарастанием цивилизационного кризиса. В этих условиях с одной стороны, наблюдаются тенденции, когда общечеловеческие интересы становятся доминантой международной жизни, а с другой стороны происходит нарастание проблем во всех областях: в отношениях между государствами, социально-экономической, политической, во взаимоотношениях человечества и природы. В поддержании мировоззренческой и нравственной ориентации общества на будущее особо важную роль играют научные, идейно-политические и духовные основания общечеловеческой культуры. Процессы глобализации наряду с процессами формирования общепланетарного экономического, научного и информационного пространства, обуславливает процессы нарастания противоречий между общечеловеческими интересами и национально-этническими особенностями, между объединением и фрагментацией, между стремлением к идентичности и самоопределением народов, социумов и личностей. Последнее обуславливает противоречивые процессы в общечеловеческой культуре, тормозит формирование отдельных ее аспектов, а том числе и экологической культуры. В этих условиях значительно возрастает роль органов образования в преломлении

потребительского отношения общества к природе, в формировании этики ответственности каждого человека за дальнейшее развитие биосферы.

Наше внимание при выполнении данной работы было сосредоточено на возможностях оценки степени сформированности экологического самосознания и факторов, влияющих на данный процесс в современном обществе.

Исследования экологического сознания включают четыре основных направления. К ним относятся изучение: 1) экологического сознания в целом, 2) экологических представлений, 3) субъективного отношения к природе, 4) технологий взаимодействия с природой. Согласно [1], «Проблема социальной составляющей экологического пространства индивида (личности) в настоящее время в теоретическом плане остается наименее разработанной».

Многие проблемы в современном мире обусловлены, как нам кажется, тем, что существуют различные типы экологического сознания антропоцентрическое, биоцентрическое, экоцентрическое. Эти типы экологического сознания существуют не только на теоретическом уровне, но и на обыденном (в экологическом сознании отражаются как рационально-интеллектуальные, так и чувственно-эмоциональные стороны этих отношений). Они определяют мировоззренческую, а, следовательно, и поведенческую реакцию индивида на всех уровнях организации общества: от отдельного члена трудового коллектива до государственного аппарата и руководителя государства. Полагаем, что различные типы экологического сознания, обуславливающие несовпадение мировоззренческих позиций в отношении к природе даже в пределах однородных социальных групп, несовпадение общественного и индивидуального экологического сознания, а также несовпадение его теоретического и обыденного уровня, следует рассматривать как одну из причин развивающегося экологического кризиса.

Среди факторов, влияющих на сформированность экологического сознания, можно отметить следующие: уровень развития науки – экологическое сознание большинства людей складывается стихийно, для преодоления этой стихийности необходимо привлечение научных, идеологически интерпретированных знаний; сложившегося уровня культуры, целенаправленного воспитания, образования, просвещения; от развития различных форм массовой коммуникации (в первую очередь основанных на аудиовизуальных и информационных технологиях).

Действующая в настоящее время система экологического образования носит непрерывный, комплексный, междисциплинарный характер с дифференциацией в зависимости от профессиональной ориентации. Созданы центры по экологическому образованию населения, апробируется экологическая компонента профессионального образования. Координация усилий различных стран в сфере экологического образования осуществляется организацией Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры. Вместе с тем, экологическое образование часто носит чисто ознакомительный, необязательный характер, поэтому, прослушав курсы экологической направленности, сдав зачеты или экзамены, студенты успешно их забывают [2, 3].

Основной целью экологического образования должно быть формирование экоцентрического мировоззрения, опирающегося на следующие доминанты: высшую ценность представляет гармоничное развитие человека и природы; правильно и разрешено только то, что не нарушает существование в природе экологического равновесия; природа и все природное воспринимается как полноправный субъект по взаимодействию с человеком; развитие природы и человека должно идти через коэволюцию – (совместную, взаимосвязанную); деятельность по охране природы должна быть продиктована необходимостью сохранить природу ради нее самой и т.д.

На основе опроса школьников старших классов, студентов первого курса и третьего года обучения методом анкетирования нами предпринята попытка оценить приоритеты формирования экологического самосознания молодежи разных возрастных групп

Анализ полученных результатов позволяет констатировать следующее. При выборе трех основных доминант, определяющих понятие **экологическая культура**, 70% школьников указали на необходимость ответственно относиться к природе и систему религиозных убеждений. Более половины опрошенных полагали, что экологическая культура это интерес к экологическим проблемам и умение владеть правилами поведения в природе. Большая часть студентов первого курса (50 -65%) доминантами понятия экологическая культура считали систему экологических знаний, владение правилами поведения в природе, практические экологические умения, интерес к экологическим проблемам. Систему религиозных убеждений как доминанту экологической культуры отметили 40% респондентов. Большинство студентов третьего курса (50-75%) в качестве основных доминант экологической культуры считают

понимание многосторонней ценности природы, ответственное отношение к природе, потребность в общении с природой, владение практическими экологическими умениями и правилами поведения в природе. Вторым аспектом исследования выяснялось, что выделяют респонденты в качестве доминант понятия **экологическая деятельность**. Более половины числа опрошенных школьников полагают, что экологическая деятельность заключается в осуществлении экскурсий в природу по экологической тропе, туристических походов, выпуске экологической газеты. Около 40-45% опрошенных считают экологической деятельностью заботу о домашних животных, изготовление скворечников, оформление стенда по охране природы. Студенты первого года обучения на первое место в понятии экологическая деятельность отнесли участие в экологических митингах и туристических походах (55-60% респондентов), 45% опрошенных полагают, что она заключается в работе на даче и заботе о домашних животных. Студенты третьего курса считают, что основным видом экологической деятельности является забота о домашних животных и участие в туристических походах, 45% респондентов указали участие в экологических митингах и изготовление скворечника.

Исследование включало также **личностную оценку** уровня экологического самосознания, которая содержала 25 пунктов. Анализ вопросов данной группы позволяет констатировать, что большинство опрошенных полагают, что хорошо относятся к природе. Все опрошенные студенты третьего года обучения полагают, что они не равнодушны к природе, 25% студентов первого курса и 35% школьников отметили, что они часто бывают равнодушны к природе; 40, 35, 40% соответственно студентов третьего, первого курса и школьников признали, что им приходилось вредить природе. Соответственно только 30, 15 и 20% школьников, первокурсников и студентов третьего курса указали, что они всегда выступают против тех, кто приносит вред природе. Высоко оценивая красоту природы, 40-50% опрошенных во всех возрастных группах полагают, что именно уроки и другие учебные занятия помогли им познакомиться с красотой природы.

Таким образом, полученные данные позволяют заключить, что система экологического образования в вузе сдвигает доминанты экологической культуры от статичных и чисто практических к мыслительным, мировоззренческим. На что указывает снижение доли респондентов воспринимающих экологическую культуру как застывшую систему религиозных убеждений и увеличение числа респондентов

определяющих экологическую культуру как понимание универсальной ценности природы. Высокая оценка системы экологических знаний как доминанты экологической культуры студентами первого курса, в то время как школьники и студенты старших курсов полагают ее не высокой, может быть обусловлена повышенной мотивацией к знаниям во время поступления и ожидания получения знаний при последующем обучении. Основным видом экологической деятельности все исследуемые возрастные группы молодежи полагают участие в туристических походах, заботу о домашних животных и участие в экологических митингах, причем в среде студенческой молодежи последний вид деятельности оценивается более высоко, что может свидетельствовать о формировании под воздействием образования их более активной гражданской позиции. В то же время, как среди школьников, так и в среде студенческой молодежи остается достаточно низкой оценка творческих форм экологической деятельности. Акцентуация природы на чувственном, поведенческом и мыслительном уровнях наиболее высокая у студентов третьего курса. Вместе с тем, активность в защите и охране природы остается достаточно низкой во всех возрастных группах.

Литература

1. Коломинский, Я. Л. Социально-психологические основы экологической психологии / Я. Л. Коломинский, О. В. Белановская // Материалы VI международной конференции Медико-социальная экология личности: состояние и перспективы. – Минск, 2008. – С. 47-50.
2. Каландаров, К. Х. Экологическое сознание (Сущность и способы формирования) / К. Х. Каландаров. – М., 1999.
3. Лобанова, З. М. Экологическое образование в техническом вузе: задачи, проблемы и некоторые пути их решения / З. М. Лобанова. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.portalus.ru/psychology/>. Дата доступа: 22.04.2012.

<p>Доброродний Данила Григорьевич, кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии и методологии науки, Белорусский государственный университет, г. Минск, Беларусь</p>	<p><i>Сознание и бессознательное в сети: новые СМИ как новая среда обитания.</i></p>
--	--

СОЗНАНИЕ И БЕССОЗНАТЕЛЬНОЕ В СЕТИ

Доброродний Д. Г.
Белорусский государственный университет

Главной темой данного выступления является влияние глобальной информационной сети Интернет и в частности социальных сетей на сознание и бессознательное человека.

Социальные сети создают новые условия существования современного человека. Их можно рассматривать как новую форму СМИ, абсолютно свободную и независимую, самоорганизующуюся и тотальную. Можно говорить о ней как новой политической силе, формирующей политический запрос, консолидирующей группы на политическое участие. Можно рассматривать социальные сети как новую сферу бизнеса (коммуникация, реклама, развлечения и т.д.). Но, на мой взгляд, ключевая роль социальных сетей в сфере повседневного существования человека – в качестве виртуальной среды обитания.

И раньше много всего говорилось и писалось о том, что современный человек поглощен виртуальной реальностью компьютера. Социальные сети только усилили эту тенденцию, еще больше приблизив виртуальную реальность к реальным потребностям человека: потребностям в общении, в демонстрации своих достижений и переживаний, в новых впечатлениях, эмоциях различного содержания, в новой информации соответствующей интересам, в идентификации с другими людьми, в групповом единении и сплоченности. Социальная сеть предложила человеку возможность воспроизвести в виртуальной среде реальные сообщества (такие как школьный класс, студенческая группа, семья, трудовой коллектив и т.д.), чтобы в последующем перенести их туда полностью. Так виртуальный мир за счет интерсубъективности группового общения обрел объективность, с которой все теперь считаются.

Социальные сети, являясь новой средой обитания, оказывают формирующее воздействие на развитие сознания человека. В чем это проявляется или будет проявляться?

Самосознание и идентичность. Персональная страничка в социальной сети – это не вымышленный мир, ведь она содержит правдивую информацию о возрасте, образовании, профессиональном статусе и семейном положении, содержит личные фотографии и другую биографическую информацию. В сети есть друзья из реального мира, которые легитимизируют ваш виртуальный статус, но есть и виртуальные друзья, которых больше и которые организуются в сообщества по интересам. Персональная страничка в социальной сети – это новый способ самоидентификации. Это как персональная история для всеобщего обозрения, естественно, она приукрашена. Фотографии отобраны и отредактированы так, чтобы отразить только лучшие моменты жизни, только красивые образы, только хорошее настроение, – удачные кадры, которых всегда очень мало.

Образ с персональной странички становится симулякром, которому хотелось бы соответствовать, но это невозможно, т.к. в реальности его нет, он в принципе невозможен. Но теперь именно этот образ начинает вступать в контакты, заводить друзей, общаться. Что происходит при этом с самоидентификацией человека? С. Гринфилд пишет, что когда человек долго не может обновить свою страничку интересными событиями, фотографиями и т.п. он впадает в депрессию, переживает неполноценность этой своей новой жизни.

Одновременно под влиянием среды Интернет происходит трансформация стиля мышления. Мы наблюдаем кризис линейного, структурированного логического мышления и возвращение образного, ассоциативного, фрагментарного, сиюминутного мышления как реакции на непосредственный раздражитель. Линейное мышление формировалось у широких масс людей вместе с распространением письменности и грамотности. Формировался навык сложного последовательного рассуждения, исходящего из определенных посылок и приводящего к выводам. Этот навык развивало чтение книг, при котором читатель следит за мыслью автора, за развитием сюжета. Однако в наше время читатель превратился в пользователя, в «интернет-сёрфера», который свободно скользит по информационным просторам, не утруждая себя долгим чтением. «Сёрфер» реагирует на заголовки и визуальные образы

(картинки, фото), которые между собой не имеют логической связи, только ассоциативные, зачастую совершенно парадоксальные.

Такому стилю мышления не свойственна рефлексивность, поскольку она требует времени на анализ и осмысление информации, на воссоздание контекста и причинно-следственных связей. Эта способность теряет свою значимость в пестром и динамичном мире Интернет. Британские ученые подсчитали, что большинство современных студентов, читая статьи в библиотеке, никогда не доходят дальше второй страницы, сразу переходя к следующей.

А что в этих условиях происходит с бессознательным? На мой взгляд, новый информационный мир – это, прежде всего, мир бессознательного. Интернет – это среда чистого желания, освобожденного Эроса. В нем нет морального запрета и культурной или политической цензуры. В нем нет тотального господства символических структур, поскольку таковых множество, и можно скользить по ним, не задерживаясь. Серфинг в Интернете можно сравнить со сновидением, в котором точно также наше желание переходит от одного образа, действия, события к другому, не имея никакой четкой рациональной цели – лишь реализацию желания.

В Интернете больше бессознательного, чем сознания. Прямое подтверждение этому – быстрота распространения в сети паники, страхов и скандальных новостей, в целом любых эмоциональных проявлений, их полное доминирование над сложными рациональными рассуждениями, аналитикой. Даже контроль «Сверх-Я» в Интернете ослабевает за счет одновременной анонимности и идеальности интернет-образа «Я». Тем не менее, на мой взгляд, мир Интернета человеку намного ближе, чем рационалистический мир культуры и цивилизации эпохи модерна. Это подтверждает тот факт, как быстро и легко люди попадают в Интернет-зависимость.

Подводя итог, следует констатировать, что человечество вступает в информационное общество с новым мышлением, новыми формами поведения и коммуникации, новым отношением к жизни, себе и окружающим. Насколько очевидны происходящие изменения, настолько же непредсказуемы их последствия. Поэтому одной из важнейших задач философии и всего корпуса научных дисциплин на современном этапе (как и всегда) является изучение влияния новой среды на человеческое существование с целью максимально эффективной и гармоничной адаптации к ее условиям.

Ермолович Юлия Николаевна,
преподаватель-стажер кафедры
философии, Гродненский
государственный университет имени
Я. Купалы, Беларусь.

*Псевдокоммуникация как
социальная реальность.*

ПСЕВДОКОММУНИКАЦИЯ КАК СОЦИАЛЬНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

Ермолович Ю. Н.

Гродненский государственный университет им. Янки Купалы

Еще Ф. де Соссюр указывал на несовпадение означаемого и означающего, вслед за ним данной проблемой интересовался К. Леви-Стросс, но уже в неязыковой коммуникации и мифах. Интерес к несовпадению между означающим и означаемым проявляет также Ж. Бодрийяр, именуя власть означающего без означаемого симулякром. В критике симулирования реальности Бодрийяр является последователем Леви-Стросса, но именно он первый ввел симулякры в теорию коммуникации. Начав с критического переосмысления марксизма посредством обращения к структурно-лингвистическому психоанализу Ж. Лакана и структурной лингвистике Ф. Соссюра, Бодрийяр приходит к оригинальной разработке теории знака, символических объектов и коммуникаций, созданию оригинальной теории.

С точки зрения Ж. Бодрийяра, некоторые фундаментальные постоянные марксовой теории являются всего лишь историческими переменными. Он вводит понятие «знаковой меновой стоимости» (или просто «меновой стоимости»). «Поле политической экономики, артикулированное двумя видами стоимости – потребительской и меновой, – должно быть полностью переопределено таким образом, чтобы наряду с производством материальных благ и экономических меновых стоимостей оно охватывало бы и производство знаковых меновых стоимостей» [1, с. 132].

В симбиозе политической экономики Маркса и семиологии Ф. де Соссюра специфика знаковой стоимости определяется уравнением:

*Меновая стоимость: потребительная стоимость = означающее:
означаемое*

В этом уравнении устанавливается корреляция между двумя типами феноменов (товаром и знаком), которые обычно связываются лишь внешним образом. Распространив критику экономической системы на

системы знаков, он пришел к установлению связи между экономикой и культурой. Рассуждение о «феноменах культуры» или «экономических процессах» самих по себе уже означает принадлежность к порядку симуляции, полагает Бодрийяр. «Все, что сегодня производится и обменивается, не является в строгом смысле ни знаком, ни товаром, но нераздельно обоими, причем оба упразднены в качестве специфических определений. Сегодня потребление ... определяет именно ту стадию, на которой товар непосредственно производится как знаковая стоимость, а знаки (культура) – как товар» [1, с. 134].

В своем программном труде «Символический обмен и смерть» (1976) Ж. Бодрийяр рассматривает историческое развитие симулякра в европейской цивилизации, начиная с эпохи Возрождения, выделяя триаду: «подделка – производство – симуляция». На первом уровне (подделка) симулякр существует по естественному закону ценности, делая предмет похожим на тот, который ценностью обладает (подделки произведений искусства или ювелирных изделий). На втором уровне (производство) происходит тиражирование ценных объектов (массовая репродукция картин, автографов знаменитостей). На третьем уровне – уровне симуляции – реальные процессы и абстрактные сущности заменяются на их знаки, уже не имеющие исходного значения, освобожденные от него (симуляция болезни, действия, понятия). Если подделанные и даже растиражированные объекты еще подразумевают за собой оригинал, который может быть реконструирован, то симулякры окончательно теряют свои связи с прообразами, не поддаются реконструкции. Вещи становятся симулякрами друг друга с возникновением серийного производства, ибо с ним всякий оригинал исчезает.

В современную эпоху уже надстройка определяет базис, труд не производит, а социализирует, представительные органы власти никого не представляют. Эти процессы порождают ощущение утраты реальности. Реальность в целом подменяется симуляцией как гиперреальностью. Поскольку социальное происходит от символического, оно уже имеет симуляционный характер; поэтому восприятие социального как некой самостоятельной реальности означает гипостазирование симулякра.

Поскольку знак после Ф. де Соссюра трактуется как произвольно данный какому-либо предмету или явлению, то современное «общество потребления» Бодрийяр именуется обществом мифа, «обществом тотальной симуляции», в котором все знаки обмениваются только друг на друга, а не на что-то реальное. Бодрийяр выделяет знаки «легкие» и «тяжелые». К

легким знакам он относит моду, регулирующую одежду, тело и бытовую технику. Они уже утратили внутреннюю детерминированность и обрели свободу безграничных подстановок и перестановок. Тяжелые знаки (политика, мораль, экономика, наука, культура, сексуальность) не так легко поддаются принципу вольной подстановочности, но и они тяготеют к структурной игре со смыслом.

Мыслитель считает, что традиционная формула теории коммуникации (адресант–текст–реципиент) выступает зашифрованной моделью репрессивной политики. «Такой тип общения однонаправлен, позволяя одному передавать сообщение, задавать код, а другому лишь пассивно воспринимать репрессирующее воздействие. Здесь ... выражается определенный тип социальных отношений, а именно тот, при котором один говорит, а другой – нет, один может выбирать код, а другой свободен лишь в подчинении ему или воздержании от него...Такая «научная» конструкция образует симулятивную модель коммуникации, из которой заранее исключены взаимность, антагонизм партнеров и амбивалентность их обмена» [2, с. 156]. Это приводит к тому, что человек тотально поработан существующей Системой.

Мы не склонны к радикальному отрицанию социальной реальности как таковой, но тенденция Бодрийяром подмечена верно: в социальных процессах все больше мнимого выдается за действительное, симулируется. Игра со смыслом происходит сегодня во многих сферах общественной жизни, в том числе в коммуникации, как массовой, так и межличностной.

Подмена товара знаком нарушила символическую структуру всех типов коммуникации. Вся система коммуникации трансформировалась из сложной синтаксической структуры языка в бинарно-сигналетическую систему вопрос/ответ, систему непрерывного тестирования. Такие формы коммуникации, как тест и референдум, являют собой идеальные формы симуляции: ответ подсказывается самим вопросом, заранее моделируется или обозначается им. Любой семантический процесс в тестах сводится только к способности осуществлять контрастные реакции на все более широкий набор адекватных стимулов.

При геометрическом увеличении объема информации она уже не производит смысл, а пожирает его вместе с коммуникацией. Ведь вместо того, чтобы побуждать к коммуникации, информация ее только разыгрывает. Вместо того, чтобы производить смысл – разыгрывает его.

При коммуникации в социальных сетях почти все общение выполняет лишь фатическую функцию (функцию установления контакта),

не заменяя собой полноценно коммуникацию, а создавая лишь ее видимость.

Кроме того, ряд негласных запретов в межличностных отношениях, особенно у жителей США (нельзя спорить, нельзя критиковать, говорить на «глубокие темы», говорить о своих чувствах и личных проблемах, религии, обсуждать политику, кроме самых общих фраз, признаваться в неуверенности или волнении...), превращает в симулякр и человеческие отношения. С таким количеством запретов общение выхолащивается, становится бессодержательным, превращается лишь в его видимость: все должно быть О`К, положено улыбаться.

Свобода слова сегодня также является симулякром. Свободны только те слова, которые угодны владельцам СМИ. Во время войны в Персидском заливе (1991 г.) американское командование ввело жесткую цензуру на сообщения с фронта. По свежим следам о количестве жертв не сообщалось. И только потом журналисты рисковали писать на запрещенные темы. Когда в Афганистане после ряда небрежностей и «ошибочных» обстрелов жилых кварталов ООН решило провести расследование, под давлением США оно решило не публиковать подготовленный доклад. Организация, символизирующая справедливость и гласность в международных отношениях, фактически покрыла убийц [3, с. 190].

Таким образом, посредством концепции симуляционизма Бодрийяр доказал, что коммуникация теряет смысл обмена чистыми символами и знаками, начинает выражать экономию общества, обмен ценностями, проявлять формы господства и власти, то есть перерастает в социально-экономическую величину. Вместе с тем такие формы коммуникации, как референдум, тест, межличностное общение в социальных сетях, а порой и непосредственное межличностное общение, являются выраженной псевдокоммуникацией, созданием лишь ее видимости при утрате сущности.

Литература

1. Фурс, В. Н. Медиум Бодрийяр: имплозия политического тела / В. Н. Фурс // Контуры современной критической теории. – Минск, 2002. – С. 115-162.
2. Назарчук, А. В. Осмысление коммуникации в современной французской философии / А. В. Назарчук // Вопросы философии.– 2009. – №8. – С. 147-162.

3. Казинцев, А. Симулякр, или стекольное царство / А. Казинцев // Наш современник. – 2002. – №11. – С. 179-199.

Жук Екатерина Ивановна,
студентка 2 курса отделения философии,
факультет философии и социальных наук,
Белорусский государственный
университет, г. Минск, Беларусь.

*Влияние сети Internet на
пространство научной
коммуникации.*

ВЛИЯНИЕ СЕТИ INTERNET НА ПРОСТРАНСТВО НАУЧНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Жук Е. И.

Белорусский государственный университет

С изобретением многочисленных технических средств коммуникации социальное взаимодействие в сфере человеческого общения претерпевает значительные изменения. Изобретение сети Internet вывело коммуникацию на совершенно новый уровень, что касается самих форм общения и скорости передачи информации. Ваш собеседник теперь не обязан находиться с вами в едином физическом пространстве, главное, чтобы вас объединяло пространство виртуальное. А электронная почта или Skype обеспечивают практически мгновенное взаимодействие коммуникаторов. Такие кардинальные перемены, произошедшие за очень короткий период, несомненно, требуют анализа позитивных и негативных результатов применения технических новшеств в коммуникации. В данном сообщении предполагается ограничиться рассмотрением сферы научной коммуникации, глубоко затронутой современными техническими изобретениями и постоянно использующей сеть Internet.

Научное пространство всегда предполагало пространство перманентного диалога, что давало науке возможность постоянно развиваться и совершенствоваться. И чем больше собеседников включались в научную дискуссию, тем более продуктивной она обещала быть. Согласно Г.-Г. Гадамеру, взаимопонимание по поводу «сути дела» рождающееся только в диалоге, принципиально возможно. Для нашей способности к разговору, по Г.-Г. Гадамеру, определяющее значение имеет желание вступить в разговор. Желание обрести взаимопонимание в разговоре с Другим поможет обрести «общий язык» и создать пространство диалога. Однако одно только желание вступить в научную полемику не всегда являлось залогом создания пространства диалога. Это было обусловлено тем, что существование человека в физическом мире необходимо зависит от пространства и времени. Период до широкого

распространения письменности характеризовался скорее устной коммуникацией, и пространство диспута было ограничено реальным топосом (нахождением) собеседников в физическом мире. Физическое пространство выступало как некий ограничитель дискуссии, преодоление которого приносило определенные трудности. Распространение письменности и книгопечатание позволило общаться в форме научных трактатов и научной переписки, которая позволяла преодолеть физические расстояния. Новым ограничителем выступило время. И письма, и научные тексты не имели мгновенной скорости передачи, а значит, имели шанс потерять свою актуальность за время «пути». Чем дальше участники научного пространства находились друг от друга в физическом мире, тем проблематичнее было для них вступление в диалог.

Казалось бы, в современном информационном обществе такие проблемы преодолены – пространство и время больше не имеют решающей роли для вступления в научный диалог, важно лишь желание. Вы можете «присутствовать» на лекциях в другой стране, используя YouTube, можете участвовать в онлайн-конференции в Skype, и можете незамедлительно обсудить новейшие научные разработки с учеными, находящимися в любой точке земного шара. Итак, польза от применения сети Internet очевидна.

Но является ли перевод значительной доли научной коммуникации в Internet-формат только лишь позитивным явлением? Критическое мышление подсказывает, что каждая новая форма коммуникации необходимо содержит в себе не только достоинства, но и недостатки. Такие недостатки, возникшие при широком распространении компьютеров и, соответственно, Internet исследуются многими современными философами, в частности Жаном Бодрийяром. В своей работе «Прозрачность зла» он пишет об опасности человеческой привязанности к компьютеру. Ж. Бодрийяр предупреждает о том, что собеседник, кажущийся нам теперь таким близким и легкодостижимым, на самом деле далек от нас как никогда. Он пишет о том, что диалог через машину – уже совсем другой диалог, а реальным собеседником становится компьютер. Наш взор обращен к экрану как к самоцели, а кажущийся нам визуально неизменным собеседник является будто бы «пленным» машиной. Ж. Бодрийяр пишет, что безыскусные компьютеры подчиняют наше восприятие собеседника неким клише, а все несвойственные проявления поглощает и скрывает от нас экран.

Какую опасность несет это для научной электронной коммуникации? Каждый из членов научного сообщества – обычный человек, конечно, подверженный влиянию стереотипов и клише. В часто противоречивой научной коммуникации, иногда перерастающей в горячие научные споры, важен человек, умеющий четко и аргументировано отстаивать определенный взгляд на проблему. Научный диалог не должен превратиться в монолог, где каждый слышит только себя – это абсолютно непродуктивно в пространстве науки. Тогда не станет ли ученый, постоянно «вживую» общающийся только с компьютером, совершенно «монологичным» человеком? Итак, для нас очевидна определенная проблема во взаимодействии многогранного, непредсказуемого человека с Другим через абсолютно безыскусный, по Ж. Бодрийяру, искусственный интеллект.

Скорее всего, все еще широко применяющиеся в научном пространстве формы «физической» коммуникации, такие как аудиторные лекции, реальные конференции и т.д., не являются просто «умирающими» феноменами. Их продолжающееся воспроизведение доказывает, что пространство реального диалога между людьми также имеет свои достоинства для научной коммуникации. В таком пространстве возможно преодоление определенных барьеров в понимании друг друга. Возможен подробный и глубокий диалог, диалог «с глазу на глаз», а взгляд, согласно Ж. Бодрийяру, никогда не может быть передан через компьютер. В то же время, Internet, как написано выше, преодолевает барьеры пространства и времени, что также необходимо в научном пространстве.

Итак, все наличествующие формы коммуникации имеют свои недостатки и достоинства. Если снова вспомнить то, о чем пишет Г.-Г. Гадамер в своем эссе «Неспособность к разговору», то становится понятным, что базовым является именно наше желание коммуницировать, вступить в разговор. Таким образом, мы приходим к выводу, что преодоление любых недостатков, зависящих от формы коммуникации, принципиально возможно, продуктивность научной беседы в основе своей зависит от способности коммуникаторов к ведению диалога.

Литература

1. Бодрийяр, Ж. Прозрачность зла / Ж. Бодрийяр. – М., 2000.
2. Гадамер, Х.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики / Х.-Г. Гадамер. – М., 1998.

Гадамер, Г.-Г. Неспособность к разговору / Г.-Г. Гадамер // Актуальность прекрасного. – М., 1991. – С. 82–92.

<p>Залесский Борис Леонидович, доцент кафедры зарубежной журналистики и литературы, Институт журналистики Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь.</p>	<p><i>Международная журналистика в условиях глобализации.</i></p>
--	---

МЕЖДУНАРОДНАЯ ЖУРНАЛИСТИКА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Залесский Б. Л.

Белорусский государственный университет

Первое десятилетие XXI в. убедительно подтвердило вывод о том, что «мир вступил в стадию кардинальных экономических, общественных, военно-политических и иных изменений, характеризующихся высокой интенсивностью. Интересы большинства человечества затронуты процессами глобализации, которые создают новую объективную реальность и во многом стимулируют мировой прогресс» [1]. Одной из характерных примет этой новой реальности является значительное усиление роли и влияния средств массовой информации и глобальных коммуникационных механизмов на все стороны жизни общества – политическую, экономическую, социальную. Как отмечал Ж. Бодрийяр, ссылаясь на М. Маклюэна, «мы вступили в эру мгновенной коммуникации, объемлющей всю планету <...> Масс-медиа производят революцию, они и есть сама революция вне зависимости от их содержания, благодаря только своей технологической структуре» [2]. Здесь уместно вспомнить Н. Лумана, который отмечал, что «общественная коммуникация формирует различные медиаформы в соответствии с тем, какая проблема должна быть разрешена» [3].

В этой связи обратим внимание на два важных момента. Во-первых, тот рывок, который совершили средства массовой коммуникации в последнее десятилетие и который стал одним из факторов процесса глобализации, привел человеческое сообщество к порогу общества нового типа – информационному, для которого характерно формирование глобальных коммуникационных сетей, включая мобильные связи, интернет, социальные сети. Фактом является и то, что сами медиа в этом процессе, особенно в последнее время, также претерпели и продолжают претерпевать серьезные изменения.

Во-вторых, есть все основания полагать, что к числу таких актуальных для современных медиа проблем, разрешению которых они должны способствовать всеми своими формами, на что обращал внимание Н. Луман, относится нарастание уязвимости всех членов международного сообщества в условиях переплетения разнообразных глобальных вызовов и угроз, спектр и острота которых постоянно эволюционируют, видоизменяются и приобретают трансграничный характер. Для Беларуси эти современные вызовы и угрозы имеют свою дополнительную специфику, которую отмечал еще С. Хантингтон: «Наиболее важной разделительной линией в Европе является восточная граница западного христианства, сложившаяся к 1500 году. Она пролегает вдоль нынешних границ между Россией и Финляндией, между прибалтийскими странами и Россией, пересекает Белоруссию и Украину...» [4, с. 41].

С учетом отмеченных тенденций напрашивается вывод о необходимости трансформации современных медиа в систему, способную реагировать на происходящие глобальные изменения. Очевидно и то, что в таких условиях именно «журналистика, и особенно журналистика международная, продолжая играть ведущую роль в процессе массовой коммуникации, больше других вынуждена адаптироваться к стремительно меняющимся потребностям современного “человека информационного”» [5].

О том, какой должна быть международная журналистика в принципе, чтобы соответствовать требованиям общества, в конце 80-х годов прошлого века точно заметил Генеральный секретарь ООН Перес де Куэльяр: «Журналисты, специализирующиеся в области международных исследований, безусловно, могут оказать воздействие на широту понимания этих проблем общественностью. Если они не уходят от своих обязанностей и не идут по легкому пути, молчаливо соглашаясь с существующим мнением, они могут представить на суд общественности свои обдуманые выводы, благодаря которым правительствам будет значительно легче увидеть дальше своих сиюминутных интересов, скованных узкими национальными рамками» [6, с. 28]. Анализ состояния международной журналистики в постсоветских странах на протяжении последних двух десятилетий ясно показывает наличие целого ряда весьма существенных проблем, влияющих на полноценное и адекватное предъявляемым требованиям развитие этого важнейшего сегмента медиасферы. Назовем основные из них.

Во-первых, «наши традиционные средства массовой информации очень мало внимания уделяют международным проблемам <...> Они теряют нить развития международных событий. Это важная проблема, которая требует серьезного внимания к развитию международной журналистики <...> Международная журналистика – это не только информация о том, что происходит сегодня, это важная часть восприятия нашего мира как целостности. Сегодня мы утрачиваем это восприятие и отстаем от развития нашего мира» [7, с. 9].

Во-вторых, те публикации на международную тематику, которые сегодня встречаются в медиа, в большинстве своем свидетельствуют: «главный бич международной журналистики в том, что она, все еще, как и международная политика, пользуется старыми схемами в подходах к современной реальности. А реальность такова, что со старыми мерками невозможно продвигать сотрудничество и выходить на качественные уровни во взаимодействии государств <...> Международная журналистика неотделима от международной политики, потому что международная журналистика своей контентной тканью входит в международную политику» [8], для которой характерны такие новые параметры, как «появление новых лидеров экономического развития, обострение демографической ситуации, рост миграции населения, прежде всего развивающихся стран, создание мощных межгосударственных объединений» [9, с. 4]. Сегодня налицо усложнение международной политики и рост ее значения как для стран в целом, так и для отдельного человека, жизненные интересы которого она непосредственно затрагивает. Но эти перемены еще не находят полноценного отражения в общественном сознании. И существенная доля ответственности за это лежит на медиа, освещение внешнеполитических и внешнеэкономических проблем которыми сегодня все еще оставляет желать лучшего, так как журналисты-международники «оказались не в состоянии раскрыть значение внешней политики, расширить ее понимание общественностью» [10].

Кроме того, к числу наиболее актуальных проблем современной международной журналистики относятся способы передачи информации, правовые и этические нормы, регулирующие работу профессионалов в этой области, вопросы кросскультурной коммуникации и национальных интересов, так как «в условиях турбулентности в международных отношениях, ускорения темпа перемен, в том числе в близком к Европе регионе Северной Африки и Ближнего Востока, ответственность за непредвзятое информирование общественности о происходящих событиях

многократно возрастает. От уровня профессионализма журналистов, соблюдения ими этических принципов во многом зависит, будут ли СМИ фактором укрепления мира и поиска сбалансированных, взаимоприемлемых путей преодоления кризисных ситуаций или, наоборот, окажутся причастными к подстрекательству, к конфронтации и насилию» [11].

Иными словами, именно международная журналистика должна стать в условиях глобализации важнейшим средством осуществления политических интеграционных процессов, чтобы люди научились смотреть на происходящие в мире события новыми глазами, а не опирались на изжившие себя стереотипы “холодной войны”. Именно медиа должны сегодня сказать свое слово в формировании многополярного мира. Ведь «единственное средство снятия напряженности между странами, преодоления стереотипов, выработавшихся уже на генетическом уровне – это диалог культур. Чем меньшей информацией мы обладаем, тем больше вероятность появления негативных представлений о той или иной национальности. Поэтому именно диалог культур должен стать инструментом установления атмосферы взаимного доверия и уважения, и международная журналистика – это способ работы с этим инструментом» [12].

Идеи, изложенные в итоговом документе международной конференции «Россия и Европа: актуальные проблемы современной международной журналистики», проходившей в ноябре 2011 года в Париже, вселяют надежды на полноценное использование потенциала международной журналистики в современных условиях. Тем более, что они нашли свое продолжение и в документах первого международного медиа-форума «Четвертая власть», состоявшегося в феврале 2012 года в Страсбурге, на котором европейское медиа-сообщество пришло к единому выводу: современная международная журналистика должна открыть новую страницу в своем развитии. При этом главными ее постулатами в условиях глобализации «должны стать межэтническая и межконфессиональная толерантность, сотрудничество в самых различных сегментах медиа-пространства – таких как: общественно-политические процессы в мире; противостояние угрозам мирового терроризма; противодействие коррупции в современном обществе; содействие властным структурам в вопросах построения гражданского общества; глобализация и пути решения проблем, с ней связанных; межконфессиональные вопросы и толерантное отношение к сообществам,

исповедующим разные мировые религии; проблемы сохранения малых этносов, их культуры и традиций; вопросы образования и науки; культурологические аспекты современного общества – вопросы истории, искусства, философии и психологии; диалог культур, культура как международный язык общения; экологическая безопасность в мире и пути ее обеспечения» [13].

Состоявшаяся в феврале 2012 года в Белорусском государственном университете первая международная научно-практическая конференция «Международная журналистика-2012: современное состояние и направления развития» также наглядно показала, что научное осмысление реалий и перспектив этой непростой сферы журналистики сегодня как никогда актуально и в нашей стране, где международная информация играет все более значимую роль в жизни социума. Поэтому белорусская международная журналистика должна сделать все необходимое, чтобы стать эффективным инструментом формирования национальной позиции по широкому кругу международных проблем, защиты национального информационного пространства от потоков лжи и манипуляций. В конце концов, только от самих журналистов-международников отечественных медиа зависит то, как будут сформулированы и артикулированы белорусские интересы в международных делах и как они будут донесены до аудитории как внутри страны, так и за рубежом.

Литература

1. Концепция национальной безопасности Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – 2010. – Режим доступа: <http://www.mod.mil.by/konsep.html>. – Дата доступа: 07.04.2012.
2. Бодрийяр, Ж. Реквием по Масс-медиа / Ж. Бодрийяр // [Электронный ресурс]. – 1999. – Режим доступа: http://sbiblio.com/biblio/archive/bodriyjar_rekviem/. – Дата доступа: 08.04.2012.
3. Луман, Н. Медиа коммуникации / Н. Луман // [Электронный ресурс]. – 2005. – Режим доступа: http://sbiblio.com/biblio/archive/luman_media/01.aspx. – Дата доступа: 06.04.2012.
4. Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций? / С. Хантингтон // Полис. – 1994. – № 1. – С.33-48.
5. Международная конференция «Россия и Европа: актуальные проблемы современной международной журналистики» [Электронный

ресурс]. – 2011. – Режим доступа: <http://lenta.ru/news2/2011/11/16/journalism/>. – Дата доступа: 05.04.2012.

6. Куэльяр, Х. П. де. Послания и заявления, посвященные Международному году мира / Х. П. де Куэльяр. – ООН, 1987.

7. Засурский, Я. Н. Интернет как фактор международной журналистики / Я. Н. Засурский // Вестник Московского университета. – Серия 10. Журналистика. – 2011. – № 1. – С. 5-10.

8. Студнева, Е. Международная журналистика в поисках утраченного доверия / Е.Студнева // [Электронный ресурс]. – 2011. – Режим доступа: <http://interaffairs.ru/read.php?item=8091>. – Дата доступа: 07.04.2012.

9. Засурский, Я. Н. Международная журналистика в многополярном мире / Я. Н. Засурский // Вестник Московского университета. – Серия 10. Журналистика. – 2008. – № 3. – С. 3-6.

10. Лукашук, И. И. Современное право международных договоров / И. И. Лукашук [Электронный доступ]. – 2004. – Режим доступа: http://www.pravo.vuzlib.net/book_z1058_page_64.html. – 2004. – Дата доступа: 07.04.2012.

11. Приветствие Министра иностранных дел Российской Федерации С. В. Лаврова участникам и гостям международной конференции «Россия – Европа: актуальные вопросы международной журналистики» [Электронный ресурс]. – 2011. – Режим доступа: <http://interaffairs.ru/print.php?item=8070>. – Дата доступа: 07.04.2012.

12. Итоговый документ международной конференции [Электронный ресурс]. – 2011. – Режим доступа: <http://interaffairs.ru/print.php?item=8095>. – Дата доступа: 06.04.2012.

13. О конгрессе [Электронный ресурс]. – 2012. – Режим доступа: <http://festivalsmi.com/2011/12/25/o-rongresse/>. – Дата доступа: 07.04.2012.

<p>Калюжин Владислав Владимирович, магистрант кафедры социологии, факультет философии и социальных наук, Белорусский государственный университет, г. Минск, Беларусь.</p>	<p><i>Проблема статуса Интернет-среды в контексте образовательного процесса.</i></p>
--	--

ПРОБЛЕМА СТАТУСА ИНТЕРНЕТ-СРЕДЫ В КОНТЕКСТЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА

Калюжин В. В.

Белорусский государственный университет

Вступление в эпоху информационного общества влечет за собой неизбежный рост интенсивности и скорости процессов межличностной и межгрупповой коммуникации. Увеличение количества создаваемой и распространяемой информации приводит к снижению ее ценности как таковой. При этом происходит повышение значимости процессов критической интерпретации индивидом поступающей информации, а также процессов превращения информации в знание.

Особая роль в контексте обозначенных тенденций принадлежит такой глобальной и универсальной социально–коммуникационной сети, как сеть Интернет. Воплощая и синтезируя преимущества многих предшествующих средств массовой коммуникации, Интернет вбирает в себя их «традиционные» разновидности, тем самым во многом преодолевая их технологическую и социальную ограниченность. Кроме того, существенным отличием сети Интернет от других средств массовой коммуникации является возможность многостороннего взаимодействия: современные телекоммуникационные технологии делают в полной мере допустимой смену традиционной «вещательной парадигмы» на «парадигму полилога», когда равнозначных субъектов массовой коммуникации становится несколько [1, с. 104].

Тенденции, связанные с ростом доступности и открытости глобальной информационной среды в контексте информационного общества не могут не сопровождаться утверждением новой системы ценностей и новых принципов культуры коммуникации. Информация, распространяемая в Интернет-среде, обладает высоким потенциалом для формирования личности, ее ценностных установок и убеждений, личностной идентичности.

Ценностные ориентации учащейся молодежи как наиболее «динамичной» социальной группы в подобном контексте привлекают исключительный интерес, поскольку находятся в процессе формирования и требуют времени для обретения устойчивости, вследствие чего испытывают большую зависимость от различных внешних факторов, к числу которых можно отнести и социокультурную специфику Интернет-пространства [2, с. 68]. В этой связи актуальными становятся вопросы, связанные с изучением роли Интернета как информационной базы данных и коммуникационной платформы в контексте образовательных процессов.

Исследование проблемы статуса Интернета в рамках процесса образования и воспитания личности требует полиаспектного рассмотрения феномена открытой информационной среды, в зависимости от тех или иных ее функций. Так, Интернет-среда может рассматриваться: как источник объективной и субъективной информации, предусматривающий множество авторов и их идеологических позиций; как инструмент получения информации; как площадка для межиндивидуальной и межгрупповой коммуникации; как средство самореализации и самопрезентации личности [3, с. 31]

Первые два аспекта имеют определяющее значение при рассмотрении Интернета с позиции системы образования. С одной стороны у индивида происходит развитие познавательной активности благодаря широкому информационному наполнению сети Интернет; наличие множества независимых друг от друга и не ангажированных центров аккумуляции массовой информации способствует развитию у личности критического мышления. С другой стороны, обилие информации, отражающей ту или иную точку зрения, создает у индивида обманчивое ощущение объективности информационной среды, что способствует отключению механизмов критического восприятия информации. В этой связи актуальной для специалистов в сфере образования становится проблема верификации информации, а также проблема информационной навигации.

Оценка возможностей самореализации и коммуникативного потенциала Интернет-среды также отличается амбивалентностью: несмотря на преимущества, которые несут анонимность, доступность и безопасность ролевого экспериментирования, открывая доступ к многосторонней межиндивидуальной и межгрупповой коммуникации, специфика взаимодействия в сети Интернет может побудить индивида к опасным экспериментам с самопрезентацией [2, с. 82]. Иллюзорная

доступность товарищеских отношений в Интернете на практике оборачивается ростом автономии личности; компенсацию недостатка дружеских отношений в реальном социальном окружении такие индивиды пытаются осуществить путем «ухода» в мир виртуальный. Отсутствие критического восприятия множества коммуникаторов приводит к тенденции, в соответствии с которой индивид не стремится выработать собственное мнение относительно тех или иных социальных фактов или процессов, а слепо перенимает мнение другого субъекта коммуникации, уже сформированное и постулированное.

В целях компенсации описанной амбивалентности социокультурной специфики Интернет-коммуникации формирование и развитие личности в контексте образовательных процессов необходимо осуществлять в рамках принципов медиаграмотности. Реализации таких принципов в образовательной практике служит медиаобразование – процесс образования и развития личности с помощью и на материале средств массовой коммуникации [4, с. 29]. Результатом медиаобразования как процесса выступает медиакомпетентность, состоящая из сформированной культуры общения со средствами массовой коммуникации, а также понимания принципов их функционирования и способов воздействия на общественное мнение.

Однако содержание и форма медиаобразования должны совершенствоваться по мере развития возможностей, предоставляемых современными средствами массовой коммуникации. Так, для использования положительного потенциала сети Интернет в процессе образования, необходимо утвердить ряд модификаций медиаобразовательных принципов. С точки зрения поиска и обработки индивидом информации образовательные программы должны включать, помимо развития стандартных для «традиционных» средств массовой коммуникации навыков восприятия и переработки информации, также и ориентацию дополнительную многократную проверку ее подлинности, объективности и содержательных характеристик. Поскольку источник сообщения, распространяемого через Интернет, может быть деперсонализирован, важную роль при работе с такими сообщениями играет оценка достоверности получаемой информации, как в случае ее «оперативного» характера и ценностно нагруженного содержания, так и в случае претензии на объективность [3, с. 32].

В коммуникативном аспекте основное внимание необходимо уделить так называемой медиакультуре личности, культуре коммуникации

и создания медиатекстов, открывая при этом индивиду путь к самовыражению и самореализации с помощью средств массовой коммуникации. Подобный подход позволит, с одной стороны, сформировать установку на использование объективной и проверяемой информации при интернет-коммуникации, а с другой – с помощью разнообразия технических средств активизировать творческий потенциал личности.

Таким образом, несмотря на двойственность оценок при определении роли и потенциала сети Интернет в контексте образовательных процессов, существуют механизмы, позволяющие минимизировать отрицательное влияние Интернет-среды на процесс развития личности. Реализация на практике приведенных принципов медиаобразования позволит сформировать культуру взаимодействия личности с информацией, получаемой посредством Интернета, и во многом определит, каким образом будет проходить развитие личности в контексте образования.

Литература

1. Силаева, В. Л. Интернет как социальный феномен / В. Л. Силаева // Социологические исследования. – 2008. – №11. – С. 101-107.
2. Туякбасарова, Н. А. Интернет-коммуникации как средство формирования ценностных ориентаций личности студента: дисс. ... канд. соц. наук: 22.00.06 / Н. А. Туякбасарова. – Курск, 2006.
3. Reia-Baptista, V. New Environments of Media Exposure. Internet and narrative structures: from Media Education to Media Pedagogy and Media Literacy / V. Reia-Baptista // Regulation, Awareness, Empowerment. – Göteborg, 2006. – P. 30-32.
4. Федоров, А. В. Медиаобразование: история, теория и методика / А. В. Федоров. – Ростов-на-Дону, 2001. – С. 29-34.

<p>Козлович Валерия Николаевна, студентка 2 курса факультета международных отношений, Белорусский государственный университет, г. Минск, Беларусь.</p>	<p><i>Роль СМИ в условиях кризиса.</i></p>
---	--

РОЛЬ СМИ В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА

Козлович В. Н.

Белорусский государственный университет

В современном цивилизованном обществе, в условиях глобализации средства массовой информации не только отражают, но и формируют реальность, оказывая тем самым огромное влияние на все сферы общественной жизни. Особенно возрастает роль СМИ в кризисных ситуациях, когда происходит дисбаланс системы. Именно во время кризиса, находясь в состоянии безвыходности, общество особенно подвержено влиянию потоков информации, обрушивающихся на него. Информация, в свою очередь, может способствовать поиску благоприятного разрешения проблем. Однако нередки случаи, когда СМИ обостряют конфликты, провоцируют новые столкновения в обществе. Однако в какой мере общество воспринимает информацию? Делает ли оно для себя выводы?

Несомненно, представление о существующей реальности способствует его осмыслению. А руководящую роль в предоставлении различного рода информации играют именно СМИ. Именно средства массовой информации бросают вызовы, приводя тем самым примеры борьбы с несправедливостью народов одних стран, которые копируются другим государством. Примером могут послужить акции протеста в арабских странах (Ливия, Египет). Волны массовых протестов в разных государствах, как арабских, так и европейских, объясняются также так называемыми информационными войнами. Усиливается круглосуточное функционирование средств массовой информации, прежде всего электронных. Безусловно, переложить всю ответственность на Интернет за гибель мирных граждан в результате протестов было бы некорректно. Однако наибольшее влияние на распространяющиеся конфликты оказывает именно Интернет.

Информационное оружие – вполне реальный, а главное, самый распространённый и опасный инструмент ведения войны в условиях

глобализации. Опасность главным образом заключается в том, что отсутствует специальное законодательство, которое бы регулировало данный феномен. Именно на правовое регулирование СМИ следует сделать упор международному публичному и гуманитарному праву.

Попытки международно-правового регулирования СМИ уже проводились. Так, в первой половине 20 века приняты Конвенция Лиги Наций об использовании радиовещания в интересах мира 1936 г. и Конвенция ООН о международном праве опровержения 1952 г. К сожалению, эти договоры не имеют правоприменительной практики, но в условиях новых вызовов могут послужить исходным документом для дальнейшего разрешения проблемы [1, с. 69].

Рассматривая деятельность СМИ с точки зрения соблюдения основных прав человека, можем заметить небольшое несоответствие. Так, право свободно получать и распространять информацию сталкивается с правом на жизнь, здоровье, достойное развитие личности. Последние являются впоследствии объектом посягательства в результате информационных войн.

Благодаря дальнейшему распространению проблемы информационное право продолжает развиваться. «Более того, с появлением Интернета говорят уже о некоем Cyberspace Law, праве информационных магистралей, или киберправе, праве телекоммуникаций – правовом опосредовании деятельности в киберпространстве» [2, с. 24].

В 2009 г. начала работу вновь созданная группа правительственных экспертов по международной информационной безопасности ООН. Группа ставит целью исследование существующих и потенциальных угроз в сфере информационной безопасности и возможных совместных мер по их устранению [3].

Таким образом, не стоит останавливаться, необходимо продолжать совершенствовать правовое регулирование деятельности СМИ на международном уровне. Это представляется особенно важным, ведь мир становится всё опаснее, человечество должно чувствовать себя защищённым в условиях информационной войны. Поскольку именно СМИ могут впоследствии сыграть решающую роль в изменении ценностей общества, а также создавать всё новые и новые противоречия в реализации основных прав и свобод человека.

Литература

1. Панферова, В. В. СМИ как инструмент коммуникационного менеджмента в условиях цивилизационного кризиса / В. В. Панферова // Социально-гуманитарное знание. – 2011. – № 3. – С. 69.

2. Монахов, В. Н. Свобода массовой информации в интернете. Правовые условия реализации / В. М. Монахов // Фонд защиты гласности [Электронный ресурс]. – 2005. – Режим доступа: <http://bookinist.net/books/bookid-89360.html>. – Дата доступа: 24. 04. 2012.

3. Крутских, А. К политико-правовым основаниям глобальной информационной безопасности / А. Крутских // Международные процессы. Журнал теории международных отношений и мировой политики [Электронный ресурс]. – 2007. – № 1. – Режим доступа: <http://www.intertrends.ru/1.htm>. – Дата доступа: 24. 04. 2012.

<p>Кройтор Светлана Николаевна, кандидат социологических наук, зав. сектором методики и практики прикладных социологических исследований, ГНУ «Институт социологии НАН Беларуси», г. Минск.</p>	<p><i>Высшее образование РБ в мировом контексте: проблемы повышения качества и конкурентоспособности.</i></p>
--	---

ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ РБ В МИРОВОМ КОНТЕКСТЕ: ПРОБЛЕМЫ ПОВЫШЕНИЯ КАЧЕСТВА И КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ

Кройтор С. Н.

Институт социологии Национальной академии наук Беларуси

Институт образования, наряду с такими ведущими социальными институтами, как экономика, наука, культура, призван обеспечивать социальное воспроизводство и развивать человеческий потенциал. Качество образования может рассматриваться как один из индикаторов экономического и социального развития государства. Качественное образование, с одной стороны, выступает условием инновационного развития экономики и общества и позволяет оптимизировать решение существующих социальных и экономических проблем, с другой – способствует эффективному включению социума в мировые экономические, социальные практики за счет выпуска конкурентоспособных товаров и специалистов. В нашей стране образование является одним из важнейших приоритетов социального развития. Государственные расходы на образование постоянно растут, и сегодня РБ принадлежит к группе стран с наибольшими государственными расходами на образование. Разработана Государственная программа развития инновационного образования на 2008–2010 гг. и на перспективу до 2015 г., в которой обоснована необходимость приведения системы подготовки специалистов в соответствие с мировыми стандартами; организации образовательного процесса на основе современных технологий и в соответствии с требованиями реального сектора экономики. Подана заявка от нашей страны на присоединение к Болонскому процессу, которая будет рассматриваться на конференции министров образования Европы в апреле 2012 г.

В последние несколько десятилетий отечественная система высшего образования претерпела ряд существенных изменений. Была введена система двухступенчатого высшего образования; открыта подготовка по

ряду новых специальностей, востребованных на рынке труда; учебные планы и программы перерабатываются в соответствии с новыми потребностями; создан ряд научно-исследовательских лабораторий при вузах для привлечения студентов к научной работе; осуществляется создание филиалов учебных кафедр на производстве; на базе отдельных факультетов нескольких вузов осуществляется обмен студентами с зарубежными образовательными учреждениями и т.д. Подготовлена нормативно-правовая база инновационного образования. С сентября 2011 г. вступил в действие Кодекс об образовании. Все эти изменения направлены на совершенствование отечественного образования, на удовлетворение потребности реального сектора белорусской экономики в квалифицированных кадрах и обеспечение конкурентоспособности отечественного образования в межстрановом контексте.

Вместе с тем, в высшем образовании РБ существует ряд проблем, негативно отражающихся на его конкурентоспособности. Во-первых, это связано с низким уровнем языковых компетенций выпускников белорусских вузов. И хотя в последние годы отмечается тенденция к росту доли выпускников, владеющих иностранными языками (в 1999 г. доля молодых людей, свободно владеющих английским языком, составляла 3,3% от общей численности молодежи, в 2009 г. этот показатель составил 12% [1]), она все равно остается недостаточной для того, чтобы отечественные специалисты могли на равных конкурировать на международных рынках трудовых ресурсов.

Во-вторых, система образования в РБ все еще ориентирована преимущественно на пассивное усвоение будущим специалистом определенного объема профессиональных знаний и навыков и их последующее воспроизводство в ходе трудовой деятельности, в то время как современным рынком труда востребованы такие качества, как способность к самостоятельному поиску информации и ее анализу, умение принимать решения и критически мыслить, гибко реагировать на изменения и быстро осваивать новые функции, творческая мотивация и заинтересованность.

В-третьих, в рамках белорусской системы высшего образования недостаточно внимания уделяется междисциплинарной подготовке будущих специалистов. Это касается как структуры учебных планов и содержания учебных программ, требующих учета междисциплинарной тематики, так и формирования мышления современного специалиста, который был бы в состоянии принимать участие междисциплинарной

коммуникации и решении междисциплинарных задач. В РБ эта потребность осознана, и уже существуют организации, структурные подразделения, аналитические лаборатории и научные коллективы, включающие специалистов различного профиля. Вместе с тем, существующей сегодня в РБ междисциплинарной подготовки недостаточно.

В-четвертых, ситуация осложняется низкой мобильностью студентов и преподавателей. Это, в свою очередь, обусловлено недостаточностью возможностей для обмена знаниями и опытом с зарубежными учебными заведениями и научными лабораториями, прохождения стажировок студентами и преподавателями в ведущих зарубежных вузах и научных учреждениях и т.д., неразвитостью соответствующих институциональных механизмов, а в ряде случаев – бюрократическим сопротивлением.

В-пятых, для нашей страны существует проблема оттока высококвалифицированных кадров (специалистов с высшим образованием, ученых) в страны как ближнего, так и дальнего зарубежья. Кроме того, многие из граждан, выезжающих для получения высшего образования за границу, не возвращаются в РБ после окончания учебы. В этой связи важной задачей сегодня является создание условий для привлечения отечественных специалистов, обладающих высокой квалификацией и работающих за рубежом, к работе в нашей стране.

В-шестых, в настоящее время на предприятиях реального сектора экономики наблюдается дефицит специалистов, имеющих профессиональную подготовку в области инновационной деятельности, которые обладали бы необходимыми знаниями и навыками по внедрению новых технологий в отечественное производство. Причина этого явления заключается в несформированности системы подготовки кадров для инновационной деятельности.

В-седьмых, в высшем образовании сегодня существуют серьезные кадровые проблемы, которые связаны с низкой оплатой труда, низкой мотивацией педагогов, старением педагогических кадров.

Кроме того, в среде работников образования и представителей государственных органов, ответственных за управление образованием, отсутствует согласие по ряду вопросов, касающихся дальнейшего развития системы высшего образования в Беларуси.

Все эти явления негативно отражаются на качестве высшего образования в Беларуси. Тенденция к снижению качества образования представляет серьезную угрозу национальной безопасности, поскольку

способствует снижению интеллектуального потенциала страны, препятствует внедрению инновационных разработок, снижает престиж отечественного образования за рубежом. В этой связи существует потребность в выработке мер по восстановлению традиционного для Беларуси высокого качества образования, повышении его конкурентоспособности, формировании его привлекательного имиджа в межстрановом контексте.

Литература

1. Насколько современно белорусское образование? – 2011. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kudapostupat.by/article/item/id/614>. – Дата доступа: 14.04.2012.

Малахов Данила Владимирович,
аспирант кафедры философии и
методологии науки, Белорусский
государственный университет, г. Минск,
Беларусь.

*Личность и научная
рациональность в контексте
глобализационных процессов.*

ЛИЧНОСТЬ И НАУЧНАЯ РАЦИОНАЛЬНОСТЬ В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛИЗАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ

Малахов Д. В.

Белорусский государственный университет

Станет ли эпоха глобализации тем рубежом, за которым идеал научной рациональности перестанет быть образцом, фундирующим разумную человеческую способность? Ждёт ли его полное обесценивание, триумфальное возрождение или просто достойное существование среди таких форм жизнетворчества, как искусство, религия, жизненный прагматизм, массовая культура? И не будет ли связано падение с высот с глубокими изъянами в самом идеале строгой научности, сформированном двадцатым веком? Скромной попыткой прояснить отдельные стороны этого сложнейшего вопроса является данная работа.

Научная рациональность, столетиями опиравшаяся на критерий объективности, уступает напору исполненного пошлостью «повседневного», в поисках собственного истока обращается к мифологическим структурам, признаёт социальную обусловленность ранее неприкосновенного теоретического ядра.

В современной литературе научная рациональность начинает активно рассматриваться как «парадоксальная рациональность»: стремление к свободному мышлению и власть концептуальных каркасов входят в состояние конфликта, порождая интеллектуальный и душевный раскол. Мнимость многочисленных концептуальных построений в сфере социогуманитарных наук вызывает усталость и раздражение, особенно в свете техногенных катастроф, войн, терроризма, повседневного насилия, экономических и гуманитарных кризисов. Возможно, правы представители «пост»: человечество устало от разумности, культура – от универсалий, философия – от человека, религия – от Бога?

На каком ценностном фундаменте следует возводить решимость человечества справиться с глобальными проблемами? Ответ может показаться абсурдным – на фундаменте самих глобальных проблем.

Неотвратимости принятия человечеством груза ответственности за жизнь и достоинство в планетарном масштабе посвящена работа французского социолога Ж.-Ф. Ришара «На переломе». Её значение состоит не в обобщениях или детализации проблем – всё изложенное учёным было известно и систематизировано ранее. Ж.-Ф. Ришар утверждает ценность конкретного факта, созидательный потенциал реального события, каким бы устрашающим оно ни выглядело. В катастрофических и кризисных процессах современности напор неотрефлексированной фактичности превосходит возможности человеческого мышления охватить его в целом, систематизировать и концептуализировать. Возможна, скорее, тематизация, соотносимая с реальным усилием. Так, Ж.-Ф. Ришар тематизирует глобальные проблемы в соответствии с критерием ответственности:

1. Владение нашей планетой сообща (проблемы, затрагивающие глобально общее): глобальное потепление, потеря биоразнообразия экосистем, истощение ресурсов, сведение лесов, нехватка чистой воды, загрязнение прибрежных вод;

2. Проявление нашей человечности сообща (проблемы, требующие глобальной приверженности): массированная борьба с бедностью, миротворчество, борьба с терроризмом, стратегия образования для всех, профилактика и лечение инфекционных заболеваний, предупреждение и смягчение последствий стихийных бедствий;

3. Исполнение нашего свода правил сообща (проблемы, нуждающиеся в глобальном регулировании): создание системы налогообложения для XXI века, нормативное регулирование развития биотехнологий, построение глобальной финансовой структуры, борьба с незаконным оборотом наркотиков, установление правил торговли, инвестирования и конкуренции, охрана права на интеллектуальную собственность, выработка норм международного труда и миграции [1, с. 74].

Работы, подобные ришаровской, заполняют вакуум, образовавшийся в результате растущих по экспоненте попыток обосновать нравственный статус человека не на реальном положении дел, а в соответствии с абстракциями или универсалиями культуры, возводимыми в ранг высших ценностей. От строителей универсальных «лесов» ускользает тот факт, что добро и зло, жизнь и смерть, человек и бессмертие, благо и падение могут рассматриваться в качестве силовых скреп культуры, только будучи действительными компонентами опыта, конституирующего универсум

культуры. Универсалии выступают как легитимации культуротворчества, но не его мотивации.

Обращение к мотивам человеческих действий требует пересмотра концепции субъекта в научной рациональности. В советской и постсоветской философии субъектом научной рациональности является эмпирический коллективный субъект. Проблема ответственности, вытекающая из мотивации, предполагает обращение к иному виду субъекта рациональности – трансцендентальному Я.

Конфликт интеллекта, разрываемого «парадоксальной рациональностью», связан не с априорными формами мышления, бессилие которых манифестируется в течениях «пост», а с дегармонизацией априорных и апостериорных форм познания, специфическим и знаковым образом выраженной в научной рациональности. Так, В. Н. Порус отмечает, что тупики рациональности, основанной на концептуальных каркасах, связаны с личностью, существующей в режиме нарастающего конфликта между предзаданностью норм исследования и приоритетных концептуальных структур, с одной стороны, и стремлением к свободной критике оснований собственного мышления – с другой. В этом конфликте В. Н. Порус усматривает причины экспансии иррационального начала в отношении рациональных форм познания [2, с. 178].

Радикальный характер интенций В. Н. Поруса состоит, по всей видимости, в том, что рефлексивный анализ, обращённый вовнутрь эпистемологических теорий, определяется как философский, а не научно-методологический, традиционно рассматриваемый в качестве основной формы единства субъективного начала и объективного содержания знания. В пределе это означает обращение научного мышления к реальности самого человека – личности, в которой вытеснение предданных формализмов опыта и мышления априорными формами этики и познания рассматривалось бы как нормальное и не вызывало внутреннего конфликта. Эпистемологические проблемы, таким образом, представляют собой «суть спецификации проблем философской антропологии, в особенности – проблем свободы и цели человеческого бытия и познания» [3, с. 236].

Для трансцендентального Я рефлексия, имеющая своим предметом абстракции или другие апостериорные формы знания, соотносимые с нормативами, является научно-методологической рефлексией, в предмете которой оно не обнаруживает собственные предельные основания и не соотносит ценностную предметность, на которую указывает рефлексия

второго уровня, с собственными этическими и познавательными императивами как абсолютно значимую. Оставаясь в поле абстракций и универсалий, трансцендентальное Я испытывает своеобразный голод по реальности, служащей источником самообнаружения его априорных структур.

Динамика науки и проблемная ситуация вокруг научной рациональности обусловлена также процессами углубления междисциплинарного дискурса и выходом на передний край исследований наук о жизни: биологии, генетики, экологии, медицины, психологии, психиатрии, социологии. В этих дисциплинах реальность глобализационных и катастрофических процессов представлена непосредственным образом. Используя феноменологическую терминологию, можно сказать, что «глобальное» сущее само является в био-психо-социальных модусах. Прямое схватывание реальности, предшествуя концептуализации, формирует тем самым личностный опыт как опыт соучастия, причастности и приверженности. Характер внутреннего опыта, доставляемого науками о жизни, позволяет выдвинуть предположение о ренессансе метафизики в контексте научной рациональности. При этом метафизическая система не редуцируется к философским основаниям науки, сохраняя собственные онтологические, телеологические и антропологические константы. Проблема интерпретации реальности, традиционно выступавшая разделительным барьером между метафизикой и наукой, в современных условиях может выступить как объединяющее начало.

М. Вартофский, отмечая, что метафизические системы задают различные виды реальностей, в то время, как наука основывается на убеждении, что существует только одна реальность, предлагает в качестве формы синтеза поиск и установление первичного онтологического принципа, на основе которого возможно любое объяснение и любая рациональная интерпретация. Это означает, что «существует одна объективная истина, один логос, относительно которого наши объяснения и теории являются адекватными или неадекватными, истинными или ложными ... этот принцип формирует условия объективности в науке ... в форме «убеждения», или в виде эвристического принципа, критическая проверка и уточнение которого являлись традиционным делом метафизики» [4, с. 98].

Рефлексия об онтологическом принципе является философской и конституирующей личностное начало изнутри, поскольку утверждение

первичного принципа, наподобие гераклитовского логоса становления, вводит в метафизику действенное начало. Метафизика действия, в отличие от созерцательной метафизики Абсолютного, продуцируется не чистым умозрением, а реальным поступком, деянием, преодолевающим апостериорную данность и на свой страх и риск конституирующим субъективную и интерсубъективную реальность. Эти действия не обусловлены предданными универсальными нормами и скорее спонтанны; в основаниях житнетворчества лежат достоверность поступков и очевидность результатов, складывающихся в то, что М. Вартофский именуется «внутренней убеждёностью» – основу и метафизики, и науки.

Вырастая из человеческого опыта становления-собой, метафизическая система задаёт личности первичные структуры понимания, которые транслируются в научную рациональность в виде концептуальных моделей. При этом разрыв между концептуальной структурой и первичными структурами понимания создаёт своего рода срыв рациональности и превращает её из живого события духа в то, что А. Уайтхед называл «застывшей рациональностью». Согласно М. Вартофскому, разрыв ведёт к утрате научной рациональностью статуса понимающей, поскольку «понимание достигается в результате того, что любая концептуальная модель в качестве некоторой формы гармонизирует с первичным опытом самого понимания» [4, с. 107]. Эвристический потенциал метафизики для науки концептуализируется в понятии «метафизический базис науки», выводящий на приоритетное место проблему конституирования опыта как гетерономного и способного к динамическим трансформациям.

В двадцатом веке предпринималось несколько попыток построения метафизических систем, основывающихся на действенном онтологическом принципе, среди которых по значимости следует выделить космологию А. Уайтхеда («метафизика процесса»), фундаментальную онтологию М. Хайдеггера, концепцию чувствующего интеллекта Х. Сублири («феноменология реальности»), теорию онтопозиса А.-Т. Тыменецка («феноменология жизни»).

Так, метафизику А. Уайтхеда роднит с крупнейшим философским проектом двадцатого века – феноменологией – призыв «возвратиться к реализму непосредственного «схватывания» как матрицы всех научных абстракций» [5, с. 94]. Первичным принципом полагается срастание («конкрестенция») субъективных событий в иерархические уровни космологического процесса, при этом онтологический статус отдельного

субъективного события как системообразующего оказывается равным онтологическому статусу системной иерархии. Действие первичного принципа раскрывается в концепции «действительной сущности», бытие которой обусловлено её внутренним стремлением к становлению – сущностному изменению с сохранением личного тождества. При этом доминирующим фактором ценностного конституирования выступает органический (то есть имеющий основанием саму жизнь) процесс сращения реального индивидуального события с Вечными объектами («Миром Ценности»), к которому А. Уайтхед причисляет также научные объекты.

А.-Т. Тыменецка, следуя классической феноменологической традиции, интерпретирует феномен жизни в двух планах: онтическом и онтологическом. При этом онтический план («автопоэзис») рассматривается как естественное самоупорядочивание стихии жизни без образования уникальных форм. Онтологический план («онтопоэзис») представляет собой смысл порядка жизни или внутреннюю природу самоупорядочивания и саморазвития жизни в дифференциации типов и индивидов. Онтопоэзис выступает основной формой бытия, репрезентирующей первичный онтологический принцип самоиндивидуализации, который А.-Т. Тыменецка именует также «Логосом жизни». Логос жизни коррелируется с гуссерлевским понятием трансцендентального Я, обретение которого обусловлено преодолением эмпирическим субъектом естественной установки сознания. Так, в автопоэзисе жизни, или стихийном не индивидуализирующем упорядочивании, Логос не актуализован и присутствует в качестве горизонта возможностей. Логоцентричность, наподобие трансцендентальной сферы, возникает в первичных актах следования индивидуализации и формирования конкретного существования.

Таким образом, в концепции А.-Т. Тыменецка логоцентричность представляет собой процесс актуализации уникальных потенций стихии жизненных сил. Феноменология жизни призвана способствовать прояснению характера взаимодействия стихийных сил, обуславливающих автопоэзис, и логоических сил, определяющих путь морфологического и экзистенциального становления индивида в контексте целостного феномена жизни [6, с. 150]. Логоические силы выступают, таким образом, в качестве системообразующего начала, гармонизирующего первичный импульс (*impetus*) стихийных жизненных сил – в понимании, свойственном традиции русской религиозной философии – свободы. В

этой части концепция А.-Т. Тыменецка сходна с положениями метафизики процесса А. Уайтхеда, согласно которому концептуальная прегензия выводит в ранг ценностного события физическую прегензию – первичное непосредственное схватывание реальности – посредством её сращения с Вечными объектами [7, с. 155]. Аналогом логоических сил в данном случае выступает стремление субъекта к концептуализации, посредством которой он обретает космологический статус «бессмертия» – вращение в Мир Ценностей и действительную причастность «идеальному миру первоначальной природы Божества» [8, с. 83].

В целом, подходы А. Уайтхеда, М. Вартофского и А.-Т. Тыменецка обладают сущностным сходством: научная рациональность рассматривается как высшая форма рациональности, при этом акцент ставится на органическом синтезе опыта схватывания реальности и чувстве личной сопричастности, конституирующих положения метафизических систем и концепты науки.

Таким образом, проблема личной ответственности как высшей ценности в эпоху глобализационных процессов выступает в контексте научной рациональности, раскрывающей потенциал личности, творчески схватывающей и концептуально интерпретирующей раскрывающуюся в гетерогенных процессах реальность. Личность становится центром логоических сил, фундирующих универсалии опыта, философскую рефлексию и научное исследование.

Литература

1. Ришар, Ж.-Ф. На переломе: двадцать глобальных проблем – двадцать лет на их решение / Ж.-Ф. Ришар. – М., 2006.
2. Порус, В. Н. Парадоксы научной рациональности и этики / В. Н. Порус // Научные и вненаучные формы мышления. – М., 1996.
3. Порус, В. Н. О перспективах эпистемологии / В. Н. Порус // Наука в культуре. – М., 1998.
4. Вартофский, М. Эвристическая роль метафизики в науке / М. Вартофский // Структура и развитие науки (из Бостонских чтений по философии науки). – М., 1978.
5. Шпигельберг, Г. Феноменологическое движение / Г. Шпигельберг. – М., 2002.
6. Тыменецка, А.-Т. Феноменология отвечает на вызов прагматической проверки: мера / А.-Т. Тыменецка. – Вопр. философии. – 2005. – №11.

7. Киссель, М. А. Философия науки А. Уайтхеда / М. А. Киссель // Концепции науки в буржуазной философии и социологии (вторая половина XIX-XX в.). – М., 1973.

8. Уайтхед, А. Избранные работы по философии / А. Уайтхед. – М., 1990.

<p>Овчинникова Анастасия Валерьевна, студентка 2 курса факультета международных отношений, Белорусский государственный университет, г. Минск, Беларусь.</p>	<p><i>К вопросу о путях развития образования в XXI веке.</i></p>
--	--

К ВОПРОСУ О ПУТЯХ РАЗВИТИЯ ОБРАЗОВАНИЯ В XXI ВЕКЕ

Овчинникова А. В.
Белорусский государственный университет

Перспективы развития образования в современном мире представляют собой качественные изменения, которые будут проводиться в соответствии с потребностями современного общества. Человек на сегодняшний день должен отвечать не только критериям, позволяющим ему быть «экономически живучим», но и человек способный обеспечить мирное взаимодействие на планете, как между людьми, так и между человеком и природой. В этой связи высказываются всевозможные теории, которые создают новые и новые модели системы образования, а вместе с тем и новые модели человека, ведь от того, каким будет образование в нашем новом обществе, зависит каким людям будет принадлежать наше будущее. В этой связи интересен подход, который раскрывается в статье Т. Хагурова и А. Остапенко. «Теория антропологической модели» – модели человека, таким, какой он должен быть [1, с. 48]. Данная модель определяет, каким будет образование, а не наоборот. Теория представляется тем более обоснованной в виду того факта, что человечество сталкивается на современном этапе своего развития с огромным количеством моральных, этических, экологических, технических и тому подобных проблем. От их эффективного решения в первую очередь зависит не только успешное развитие человечества, но и его существование. Для решения подобных глобальных проблем необходимо, прежде всего, грамотное руководство стран, международных организаций, транснациональных компаний и т. д. Как отмечает в своей статье С. Ф. Гребенченко: «...нынешний институт лидерства абсолютно не отвечает требованиям эпохи. Новый институт лидерства будет обогащен знаниями и наукой, идеями гуманизма, способными вывести человечество из глобальной катастрофы» [2, с. 73]. Таким образом, подготовка специалистов нового уровня, способных к решению конкретных

жизненных задач, способных адаптироваться к любым экономическим, социальным и политическим условиям должна стать задачей образования в каждой стране мира.

В виду вышесказанного возникает необходимость объективной оценки качества образования. Так или иначе, уровень развития экономики, новых технологий, ценностные установки общества всегда являются показателем эффективности системы образования. Однако такие же показатели характеризуют и развитость института семьи, развитость культуры, системы управления государством. В связи с этим целесообразно было создать специализированную оценку подготовки учащихся. На сегодняшний день существуют три программы глобальных сопоставительных исследования образовательных результатов: PISA, TIMSS, PIRLS.

В Российской Федерации Организация экономического сотрудничества и развития проводит программу международных исследований PISA. Однако результаты четвертого цикла международных исследований PISA-2009 показали, что за период с 2000 до 2009 года в функциональной грамотности российских 15-летних учащихся, а именно в их способности использовать полученные в школе знания, умения и опыт для решения широкого диапазона задач в повседневной жизни, в ситуациях лично и социально значимых, выходящих за пределы за пределы чисто учебных, не зафиксировано никаких значительных изменений. [3, с. 193]

Этими исследованиями хорошо иллюстрируется, как много необходимо изменить в системе образования, чтобы она стала отвечать современным потребностям общества. Следует отметить, что в Беларуси подобные исследования не проводятся вообще. С нашей точки зрения подобные исследования должны проводиться с целью повышения эффективности системы образования в Республике Беларусь.

Необходимо отметить, что в Республике Беларусь происходят изменения в системе образования, направленные на подготовку специалистов более высокой квалификации, отвечающим требованиям современного информационного общества. Под воздействием процессов интеграции и глобализации белорусские университеты вводят новые стандарты образования, являющиеся также и результатом Болонского процесса. В результате реформ в Беларуси повысится качество образования, станут больше учитываться потребности студентов,

поощряться мобильность и создаваться условие для особой роли университетов в обществе [4, с. 110].

Однако, несмотря на то, что курс развития для нашей системы образования определен, способ его достижения все еще остается дискуссионным. Одно ясно наверняка: в условиях мировой интеграции и глобализации мировое сотрудничество должно стать основой и для решения проблем образования. Кроме того, в основу всей системы образования должна быть положена идея партнерства: межвузовского, межрегионального, межличностного. Особенно на стадии профессионального образования необходимо перенимать опыт и разработки зарубежных коллег, объединять усилия в научной деятельности. Особенно следует отметить те сферы, где сотрудничество с иностранными университетами прямо предполагается спецификой специальности. Это все языковые специальности, страноведческие, а также факультеты изучающие международные отношения, способы коммуникации, экономику и т. д.

Образование нового типа должно отличаться прежде всего своей практической направленностью. И для достижения этих целей прежде всего необходимо наладить систему оценки уровня подготовленности учащихся, а во вторых дать им соответствующую подготовку и возможность применить свои знания на практике, участвовать в научной деятельности, воплощать свои идеи, преобразовывать окружающую действительность.

Литература

1. Хагуров, Т. А. Человек исчезающий: исторические предпосылки и суть дегуманизации образования / Т. А. Хагуров, А. А. Остапенко // Народное образование. – 2011. – № 7. – С. 49-53.
2. Гребенченко, С. Ф. К диалогу культур / С. Ф. Гребенченко // Социально-гуманитарные знания. – 2011. – № 6. – С. 72-86.
3. Ковалева, Г. С. Результаты международного исследования PISA: качество образования / Г. С. Ковалева // Народное образование. – 2011. – № 4. – С. 193-200.
4. Бауэр, Е. А. Реакция на Болонские реформы в системе образования Западной Европы / Е. А. Бауэр // Педагогика. – 2011. – № 1. – С. 109-113.

<p>Пальчевская Юлия Станиславовна, аспирантка кафедры философии и методологии науки, Белорусский государственный университет, г. Минск, Беларусь.</p>	<p><i>«Симфоническая» цифровая идентичность.</i></p>
--	--

«СИМФОНИЧЕСКАЯ» ЦИФРОВАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ.

Пальчевская Ю. С.
Белорусский государственный университет

На сегодняшний день, на пике развития информационного общества, наиболее глобальные процессы сконцентрированы непосредственно в сети Интернет. Переход от индустриальной к информационной экономике, трансформация природы власти, замена реального социального взаимодействия между людьми сетевым, задают новую исследовательскую проблематику – человек в информационном пространстве. В данном контексте особое значение начинает приобретать обращение к исследованию феномена идентичности. Одно из классических определений идентичности звучит так: «Идентичность – понятие, обозначающее чувство обретения, адекватности и стабильного владения личностью собственным Я независимо от изменения Я и ситуации» [4]. Но возможна ли сегодня подобная стабильность и определенная однозначность?

Джон Полфри и Урс Гассер – авторы исследования Беркманского центра по изучению Интернета и общества полагают, что у каждого из нас идентичность имеет несколько составляющих, в том числе личную (характер, интересы, предпочитаемые виды деятельности) и социальную (референтные группы, сообщества, с которыми личность себя соотносит, чьи ценности и интересы она разделяет). Век интернета предоставляет недостижимую прежде свободу формировать и управлять своей идентичностью. В этом контексте закономерно встают вопросы о соотношении понятий личной идентичности и саморепрезентации в виртуальном мире, а также групповой идентичности, как коллективного сетевого разума.

Реальные составляющие идентичности переносятся в виртуальное пространство, и служат каркасом для формирования идентичности виртуальной. Поскольку Интернет – пространство вербальное, то отсюда и

берет начало создание своей саморепрезентации, которая зависит от множества факторов. По М. Кастельсу, современный мир все более и более «структурируется вокруг противостояния сетевых систем (net) и личности (self)», и это приводит к противостоянию идентичности и саморепрезентаций [3].

Интернет – это та же социальная реальность, только в виртуальном пространстве. И если учесть количество социальных сетей, чатов, он-лайн конференций и т.д., то можно предположить и такое же количество площадок для коммуникации. А поскольку виртуальное пространство анонимно, то экспериментировать с идентичностью можно бесконечно, создавая себе различные образы, порой далекие от реальности. Такого рода эксперименты провоцируются зачастую недовольством, неудовлетворенностью собой реальным (к примеру, внешностью или социальным статусом), выражением протеста, возможностью безнаказанных провокаций и девиантного поведения, а также шансом испытать новый опыт как альтернативу наличному положению вещей. То есть можно конструировать себя, создавать себя, перенося определенный отработанный образ в реальный мир. Б. Бекер называет возможность «убежать из собственного тела» одним из главных факторов, мотивирующих участие в виртуальной коммуникации [7].

Но проблема социальной идентичности еще и в том, что она формируется не только на основе своих собственных слов или поступков, но и другие могут также конструировать твой образ. Причем анонимность позволяет делать это открыто и безцензурно, поэтому комментариями и оценками трудно управлять.

Но если даже для взрослого человека, с уже вполне устоявшимся мировоззрением и самоопределением, возникает вопрос размывания границ своей идентичности и формирования множества саморепрезентаций. То, что говорить о сегодняшних детях, у которых этот процесс формирования в цифровой среде и происходит. Их смело можно назвать «цифровым поколением», только если Джон Полфри и Урс Гассер ведут отсчет «цифровых детей» с 80-х, когда у них начиналось бурное развитие интернета. То применительно к нашей стране эту цифру можно смело передвинуть на 2 десятилетия вперед, примерно к 2000 году. Сравнительно недавно интернет-реальность у подростков стала продолжением реальной жизни. Не ангажированность сетями – это своеобразный риск остаться не у дел, на периферии жизни, без друзей и общения. Шерри Теркл в своей книге «Жизнь на экране: идентичность в

век Интернета» считает, что в век цифровых технологий человек лишается очень важной для **формирования идентичности** возможности – жить своей, реальной жизнью: «Ему некогда вдумываться, размышлять, потому что он переживает буквально бомбардировку информацией» [6]. Ш. Теркл предлагает не принимать реальное устройство мира ссылаясь только на то, он так устроен, потому, что так якобы «должно быть» [6].

Виртуальная реальность удобна своей анонимностью не только одному конкретному человеку, но и любой группе, объединенной с той или иной целью. Анонимус, или Аноним (от англ. Anonymous) определяется современная субкультура, возводящая в идеал идею анонимности и свободы в интернете [9]. Здесь речь уже идет о глобальном цифровом разуме, состоящем из множества человек. Напрашивается аналогия с концепцией соборности. В христианской традиции понятие соборность понимается как церковное единение христиан в вере и жизни. Церковь предстает как некое органическое целое. Соответственно здесь не может идти речь о какой бы то ни было разделенности, будь то внешняя или внутренняя. Все члены Церкви соединены друг с другом, но таким особым образом, что каждый сохраняет свою личностную свободу. А в данном контексте анонимности этим целым выступает информационное пространство Интернет, где все пользователи непринужденно объединены между собой, оставаясь при этом независимыми. То есть мы можем говорить о единстве во множестве, позаимствовав этот тезис у Шеллинга. Причем чем глубже рассматривать эту тему, тем больше концептуальных сходств можно обнаружить между соборностью Церкви и сообществом виртуального мира. К примеру, наличие внешнего и внутреннего критерия, когда внешний определяет принятие всеми членами тех или иных положений и правил, а внутренний – это идейное единение и единство.

Еще одна возможная философская аналогия – теория «симфонической личности» Л. П. Карсавина. «Симфонические личности», по Карсавину, находятся повсюду в мире. Взаимодействуя и переплетаясь друг с другом, включаясь друг в друга, они могут образовывать иерархические структуры. В результате тварное бытие оказывается сложной иерархией взаимовключающихся личностей: «Единый в своем времени и пространстве мир осуществляет свое личное бытие, по крайней мере, в человечестве. Он, несомненно, – симфоническая всеединая личность или иерархическое единство множества симфонических личностей разных порядков, а в них и личностей индивидуальных...» [1,

с. 98]. Эту теорию можно смело перенести в Интернет-пространство и представить его в виде своеобразного иерархического единства, в котором автономно существуют интернет-сообщества, в которых нет никакой половозрастной дискриминации, так как нет лица, нет подписи.

Наиболее ярким примером подобного объединения является «Анонимус». Понятие «Анонимус» в широком смысле представляет собою идею каждого по отдельности и всех вместе как некоего безымянного коллектива. «Анонимусы – это первое основанное на Интернете сверхсознание. Анонимус — это группа в том же смысле, в котором группой является стая птиц. Почему мы считаем это группой? Они летят в одном направлении. В каждый конкретный момент множество птиц могут присоединяться, покидать стаю, лететь в совершенно другом направлении» – пишут они о себе [8].

Только вот цели у современных соборных единств, к сожалению, в основном деструктивные. И используются они, зачастую, для создания групп, мобилиующими людей на протесты в реальном мире. И речь здесь не идет об идеалах истины, любви и красоты. А скорее о провокационном черном юморе и постмодернистской иронии.

Таким образом, можно заключить, что в 21 веке изменилась сама природа идентичности. Идентичность стала синтезом или «симфонией» реальных и виртуальных образов, опытов, жизней. Здесь как в теории Л. П. Карсавина, можно вести речь о более низших и высших порядках.

Проявляется «симфоническая» цифровая идентичность в двух основных аспектах: во-первых, каждый отдельно взятый человек может создать для себя бесконечное множество саморепрезентаций, которые сливаются в единый симфонический организм; во-вторых, симфоническая идентичность сродни симфонической личности, то есть представляет собой некое множество незнакомых между собой людей, объединенных некой общей целью.

Литература

1. Карсавин, Л. П. О личности / Л. П. Карсавин. // Карсавин, Л. П. Религиозно-философские сочинения. – Т.1. – М., 1922.
2. Кастельс, М. Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе / М. Кастельс. – Екатеринбург, 2004.
3. Кастельс, М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / М. Кастельс. – М., 2000.

4. Овчаренко, В. Психоаналитический глоссарий / В. Овчаренко. – Минск, 1994.
5. Палфри, Дж. Дети цифровой эры / Дж. Палфри, У. Гассер. – М., 2011.
6. Теркл, Ш. Интервью для проекта Digital Nation. Life on the digital frontier / Ш. Теркл. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pbs.org/wgbh/pages/frontline/digitalnation/interviews/turkle.html>.
7. Becker, В. To be in touch or not? Some remarks on communication in virtual environments / В. Becker. – Berlin, 1997.
8. Landers, Chris Serious Business: Anonymous Takes On Scientology (and Doesn't Afraid of Anything) // Baltimore City Paper. – April 2, 2008.

Пацукевич Ольга Васильевна,
старший преподаватель кафедры
философии и политологии, Белорусская
государственная сельскохозяйственная
академия, г. Горки, Беларусь.

*Влияние глобализации на институт
высшего образования.*

ВЛИЯНИЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ НА ИНСТИТУТ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

Пацукевич О. В.

Белорусская государственная сельскохозяйственная академия

Эпоха глобализации интенсивно воздействует на все сферы общественного бытия в мировом масштабе, в том числе и на институт высшего образования. В первую очередь речь идет об изменении самой внутренней парадигмы университетского образования, то есть о возникновении в высшей школе новых образцов, норм, ориентиров и мотиваций.

Изменение базовых парадигм восприятия мира, связанных с процессами глобализации привели к формированию новой концепции знания, существенно отличающейся от предшествующей. Ее основные черты проявились в преобладании перемен над состоянием стабильности, в появлении новых типов взаимодействия локальных и глобальных практик, в виртуализации многих сфер жизни. Если ранее знание и наука основывались на просветительской картине мира и рассматривались в основном как некая абсолютная ценность, то отныне возобладало понятие «полезного знания», то есть знания сфокусированного на конкретике и нацеленного на конечный результат, приносящий немедленную экономическую отдачу.

Это привело к «перенастройке» основных параметров и всей системы университетского образования, а также повлекло за собой развенчание образа ученых как людей, приобщенных к недоступным истинам, превращение их в группу экспертов, ничем не отличающихся от других субъектов рыночных отношений.

Вступление университетов в эпоху глобализации способствовало возникновению разнообразных виртуальных форм знания и образования, противостоящих фундаментальности в традиционном смысле этого слова. Доминирование хорошо обоснованных теорий исчезает, уступая место искусственно гибридизируемым форматам практических навыков и

технологий с ограниченной зоной социальной ответственности. Подобные гибриды – яркие по форме, привлекательные – легко распадаются на составные части, но зато столь же быстро возникают в новой конфигурации. На этом фоне фундаментальные знания вытесняются на периферию, представляют интерес для немногих и, соответственно, обслуживая их интересы. Все в меньшей степени такое знание (прежде всего в гуманитарных и социально-экономических дисциплинах) сохраняет свою привлекательность для студентов и университетских структур. Его место постепенно занимает знание экзотическое, то есть ориентированное на некую необычность, неповторимость, уникальность и при этом раскрывающее свои новые потребительские качества на ранке профессий. На поиски новых комбинаций и междисциплинарного синтеза направлены усилия руководителей академических программ. В известной мере сами фундаментальные знания, прежде всего в области социально-экономических наук, также приобретают экзотический характер, так как ими занимаются лишь немногие студенты и столь же немногочисленные профессора, по разным причинам не вписавшиеся в основной поток корпоративной деятельности и отвечающие традиционным требованиям. Их статус и дальнейшая судьба определяются по-разному. Иногда их оставляют в покое, не требуя практической эффективности, по соображениям престижа университета в целом, особенно если благоприятная экономическая конъюнктура дает для этого основания. Но в случае ее ухудшения подобные «островки» истинной науки приносятся в жертву в первую очередь. В то же время университет-корпорация по-прежнему выступает и в роли центра экспертизы по тем или иным научным вопросам. Для поддержания этой функции университета также необходима узкая специализация, основанная на фундаментальном знании.

Тенденции к междисциплинарности, динамичности, рыночной ориентированности вступают в конфликт с традиционными ценностями преподавания в университетах. А поскольку успехи университета-корпорации в большей степени зависят от качественного состава преподавателей, то университеты в спешном порядке и не жалея средств организуют программы переподготовки преподавателей по наиболее привлекательным направлениям. Причем лидирующие университеты стремятся захватить рынок этих услуг в национальном и даже международном масштабе.

Для развития современного социума характерна такая тенденция, что в настоящее время перспективные работодатели более не нуждаются в

выпускниках университетов, обладающих именно фундаментальным знанием. Для работы в современной фирме или корпорации этого просто не требуется. Возникает потребность в активизации способности динамично перестраиваться на другие программы, в овладении некими базовыми умениями, в обладании общим уровнем культуры, не переходящим в сверхобразованность.

Таким образом, для большинства студентов университетское образование потеряло характеристику «судьбоносности» (экзистенциальности). Отношение студентов и их родителей к университетскому образованию становится все более потребительским. Большое значение приобретают такие компоненты выбора университета, как широко известный бренд, хорошая реклама, наличие современного сайта и др. Кроме того, а может быть, и в первую очередь, принцип «цена-качество» превращается в ведущий в определении высшего учебного заведения будущим студентом и его родителями.

Петрова Екатерина Викторовна,
кандидат философских наук, научный
сотрудник, Институт философии РАН,
г. Москва, Россия.

*Медиаобразование в
информационном обществе.*

МЕДИАОБРАЗОВАНИЕ В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ

Петрова Е. В.

Институт философии Российской Академии наук

В последнее время в литературе по проблемам информационного общества появился новый интересный термин – «медиаобразование». Различные исследователи этой проблематики вкладывают в него разный смысл.

Вопрос о том, что такое медиаобразование, в чем его сущность и характерные особенности, стал в последнее время одним из самых дискуссионных в социологии, педагогике, журналистике, психологии и философии.

Медиаобразование сегодня можно разделить на следующие основные направления:

1) медиаобразование будущих профессионалов (журналистов, сценаристов, режиссеров, операторов, редакторов, кинокритиков, продюсеров);

2) медиаобразование будущих педагогов в университетах и педвузах;

3) медиаобразование как составная часть общего образования школьников и студентов, обучающихся в обычных школах, средних специальных учебных заведениях, вузах;

4) медиаобразование в культурно-досуговых центрах;

5) дистанционное образование с помощью ТВ и Интернета;

6) самостоятельное (непрерывное) медиаобразование, которое может осуществляться в течение всей жизни.

ЮНЕСКО рассматривает медиаобразование как приоритетное направление педагогики XXI века, а информационный фактор – как ведущий в процессе обучения. В материалах ЮНЕСКО есть такое определение медиаобразования: «Под медиаобразованием (media education) следует понимать обучение теории и практическим умениям для овладения современными средствами массовой коммуникации, рассматриваемыми как часть специфической, автономной области знаний

в педагогической теории и практике; его следует отличать от использования медиа как вспомогательных средств в преподавании других областей знаний, таких как, например, математика, физика или география» [5, с. 8].

«Центральная и объединяющая концепция медиаобразования – репрезентация (representation). Медиа не отражает реальность, а репрезентирует, т.е. представляет ее. Главная цель медиаобразования – «денатурализация» медиа. Медиаобразование в первую очередь – исследовательский процесс. Медиаобразование базируется на ключевых концепциях, которые в большей степени являются аналитическими инструментами, чем альтернативным содержанием. Медиаобразование – это процесс, продолжающийся всю жизнь. Медиаобразование имеет целью не просто критическое понимание (critical understanding), но и критическую автономию (critical autonomy)». Такую концепцию медиаобразования дает известный британский исследователь Л. Мастерман [2, с. 22-23].

В контексте теории социальной модернизации интересна и точка зрения С. Фейлитзена, согласно которой медиаобразование означает критическое мышление, существенным элементом которого является создание учащимися собственной медиапродукции. Медиаобразование необходимо для активного участия как в демократическом процессе, так и в процессе глобализации (globalization) и должно основываться на изучении всех видов медиа [3, с. 24-26].

А вот еще одна точка зрения, энциклопедическая: «Медиаобразование – это изучение медиа, которое отличается от обучения с помощью медиа. Медиаобразование связано одновременно с познанием того, как создаются и распространяются медиатексты, так и с развитием аналитических способностей для интерпретации и оценки их содержания, тогда как изучение медиа (media studies) обычно связывается с практической работой по созданию медиатекстов. Как медиаобразование (media education), так и изучение медиа (media studies), направлены на достижение целей медиаграмотности (media literacy) [4, с. 94].

С помощью массовой коммуникации человек может расширять свои знания, воспринимать данные, факты, информацию, устанавливать взаимосвязи. То есть, человек может обучаться с помощью СМИ. Обучающую функцию выполняют, прежде всего детские и юношеские передачи. Взрослые, как правило, обучаются через информационные программы, а также приобретают знания, просматривая теленовости. Но с

помощью СМИ человек может получать не только данные, факты и информацию. Масс-медиа формируют и некие установки, т.е. когнитивно-эмоциональные оценки людей, содержаний и предметов.

Образовательные передачи для детей должны стимулировать когнитивное развитие юных зрителей. Некоторые зарубежные исследователи приходят к выводу, что с помощью телевидения можно добиться увеличения количества и глубины знаний у зрителей детского и юношеского возраста. Этот результат наиболее вероятен при просмотре передач, которые специально разработаны для этой цели и прошли проверку с помощью суммарного и формативного оценивания. Конечно, передачи такого рода едва ли позволяют сократить пробел в знаниях у детей из разных социальных слоев, так как очевидно, что дети из высокообеспеченных семей и семей среднего достатка получают от них большую пользу, чем дети из малообеспеченных слоев населения. На овладение речью, приобретение навыков чтения, работу воображения и общие школьные успехи влияние телевидения одинаково и не зависит от социального происхождения ребенка. Комсток обобщает это следующим образом: «Просмотр телевизора отрицательно коррелирует с развитием ребенка, когда вытесняет интеллектуально и практически более богатую среду, предоставляющую лучшие возможности для получения опыта. Положительное влияние телевидения возможно только в том случае, если оно дополняет эту среду» [1, с. 156].

Подводя итоги, нужно отметить, что в современном информационном обществе проблема качества, интенсивности и доступности образования стоит очень остро. Современные темпы развития таковы, что знания устаревают очень быстро, а потребность в новых знаниях колоссальна. Если раньше учебные программы не менялись десятилетиями, то сейчас они пересматриваются чуть ли не каждый год. Необходимо максимально интенсифицировать процессы обучения, не упуская при этом ни одной возможности, будь то дистанционное обучение или создание обучающих телепрограмм для детей. Важное значение имеет медиаобразование как овладение современными средствами массовой коммуникации и как развитие аналитических способностей и критического мышления для адекватной оценки предоставляемой ими информации. Без использования всех образовательных возможностей, которые предоставляют нам современные информационно-коммуникативные технологии, нельзя подготовить специалиста, квалификация которого соответствовала бы быстро меняющимся реалиям жизни.

Литература

1. Винтерхофф-Шпурк, П. Медиапсихология. Основные принципы / П. Винтерхофф-Шпурк. – Харьков, 2007.
2. Мастеран, Л. Обучение языку средств массовой информации / Л. Мастеран // Специалист. – 1993. – №4. – С. 22-23.
3. Feilitzen, C. Media Education. Children and Media. – UNESCO & NORDICOM, 1999. – P. 24-26.
4. International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences.
5. Media education.

<p>Радевич Екатерина Владимировна, аспирантка кафедры философии и методологии науки, Белорусский государственный университет, г. Минск, Беларусь.</p>	<p><i>Феномен информационной безопасности в ракурсе социально-философского анализа.</i></p>
--	---

ФЕНОМЕН ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В РАКУРСЕ СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОГО АНАЛИЗА.

Радевич Е. В.

Белорусский государственный университет

Современный мир не мыслим без новейших информационных технологий, которые во многом определяют характер и темп нашей жизни, формы занятости, способы осуществления профессиональной и досуговой деятельности.

Новые технологии обеспечивают необходимый объем социальной памяти, в которой сохраняются произведенные смыслы, а также позволяют наращивать систему коммуникаций, что создает возможность для возникновения новой организации общества. По мере того, как расширяется сеть Интернет и мобильная телефония, многие сферы человеческой деятельности стремительно переносятся в поле дистанционной коммуникации. «Изменяется привычный порядок взаимодействия, как на уровне институтов, так и на уровне индивидуальных интеракций, то есть новые технологии превращаются в основание системы коммуникаций современного общества» [1, с. 132]. Трансформируются «основные категории, в рамках которых люди привыкли мыслить и действовать – пространство и время, труд и досуг, право и национальное государство» [2, с. 25].

Новые глобальные информационные технологии не просто открывают невиданные ранее возможности для развития человека, но одновременно ставят перед человеком и культурой сложнейшие проблемы общеполитического характера.

Одной из таких проблем является проблема информационной безопасности, которая очень остро встала перед человечеством в процессе глобальной информатизации. «В современных условиях глобальной информатизации и повсеместного распространения информационных технологий заметно возрастает значение обеспечения информационной

безопасности. Остро заявляет о себе проблема эффективного использования информационных ресурсов. При этом необходимо подчеркнуть, что в условиях глобализации информационного пространства и обостряющего информационного противоборства проблема обеспечения информационной безопасности наряду с технико-технологической ее составляющей все более приобретает социально-политический характер» [3, с. 72-73]. Информация уже носит ярко выраженный антропологический характер – например, информация о личной жизни. В связи с этим неминуемо встает вопрос о том, что эту информацию необходимо защищать, и современные информационные здесь имеют решающее значение. Наличие современного программного обеспечения, способного «взломать» систему защиты практически любого компьютера, грозит не только тем, что персональная информация может стать достоянием общественности, будучи размещенной в глобальной сети, но и стратегически важная государственная, военная и даже научная информация может быть рассекречена. Возможность получать доступ к такого рода данным может иметь серьезные, а иногда и фатальные последствия. В данном случае речь идет о деятельности террористических организаций или финансовых махинациях, сообщения о которых все чаще появляются в СМИ. Отсюда напрашивается вывод о том, что необходимо уделить особое внимание развитию высоких технологий именно в этом направлении. Однако у этой проблемы есть две стороны. На ряду с необходимостью усилить контроль над информацией, которая циркулирует в глобальной сети, на сколько это возможно, встает вопрос о праве на частную жизнь: ведение личной переписки. Где должны заканчиваться границы личной свободы и начинаться сфера легального контроля? Это еще один вопрос общефилософского характера, который встает перед современным человечеством. Следует ли государству ввести ограничения по шифрованию передаваемых данных, что позволит хоть в какой-то мере контролировать потоки информации, либо снять все ограничения, тем самым предоставив больше свободы для развития экономики, товарооборота, но существенно ослабить контроль над обмениваемой информацией? Парадокс этой ситуации состоит в том, что наличие ограничений, казалось бы, будет ущемлять права людей, контролировать их деятельность в киберпространстве, но с другой стороны, это как раз позволит обезопасить их жизнь, т.к. когда будут сняты ограничения на шифрование, государство не сможет контролировать обмен данными, в том числе военного и экономического

характера, что несет в себе потенциальную угрозу для граждан, их личной жизни.

Одним из неотъемлемых составляющих любой войны, в том числе и информационной, является оружие, в данном случае информационное. Следует отметить, что в настоящее время понятие «информационное оружие» относится к разряду дискуссионных. «В широком смысле под информационным оружием понимаются способы целенаправленного информационного воздействия на противника, рефлексивного управления им с целью изменения его замысла на проведение стратегических или тактических действий в нужном направлении. В более узком смысле под информационным оружием понимается комплекс технических средств и технологий, предназначенных для получения контроля над информационными ресурсами потенциального противника и вмешательства в работу его телекоммуникационных систем, систем управления и разведки, аппаратного и программного обеспечения в целях выведения их из строя, нарушения процесса нормального функционирования, получения или модификации содержащихся в них данных, а так же целенаправленного продвижения выгодной информации (или дезинформации)» [3, с. 208]. К такого рода информационному оружию можно отнести и различного рода фальсифицированную информацию, напечатанную в прессе, и так называемый «черный ПР», и активную пропаганду и агитацию против конкурентов.

Анализируя сложный и противоречивый феномен информационной войны, автор не умоляет достоинств современных информационных технологий, к которым можно отнести огромные потоки осваиваемой информации, скорость изменения информационных обликов, возникновение возможности диалога с современными системами искусственного интеллекта, возможность преодолеть пространственно-временные ограничения, переход к глобальному управлению поверх государственных границ, появление возможности глобальной коммуникации. Однако не следует забывать и о том, что концентрация огромного массива информации в одних руках может вести к манипуляции человеческим сознанием, возможностью лоббировать свои интересы одним предпринимателем-монополистом и т.д.

В заключении следует отметить, что находящиеся на современном этапе развития информационные технологии и сложившиеся условия в обществе создают благоприятные условия для существования

информационных войн, для преодоления которых необходима комплексная, системная деятельность общества в целом.

Литература.

1. Иванов, Д. В. Императив виртуализации: Современные теории общественных изменений / Д. В. Иванов. – СПб., 2002.
2. Бек, У. Общество риска. На пути к другому модерну / У. Бек. – М., 2000.
3. Манойло, А. В Государственная информационная политика в условиях информационно-психологической войны / А. В. Манойло, А. И. Петренко, Д. Б. Фролов. – М., 2003.

<p>Рубанов Вадим Анатольевич, аспирант кафедры социологии, факультет философии и социальных наук, Белорусский государственный университет, г. Минск, Беларусь.</p>	<p><i>Электронный рынок труда как форма коммуникации в сфере занятости.</i></p>
---	---

ЭЛЕКТРОННЫЙ РЫНОК ТРУДА КАК ФОРМА КОММУНИКАЦИИ В СФЕРЕ ЗАНЯТОСТИ

Рубанов В. А.

Белорусский государственный университет

Развитие информационного общества привело к изменениям в сфере занятости и рынка труда. Преобразования оказались настолько существенными, что появились веские основания говорить о формировании в структуре рынка труда его специфического сегмента – электронного рынка труда.

Основными структурными составляющими электронного рынка труда являются следующие:

- труд в сфере информатизации как специфический вид трудовой деятельности;
- появление дистанционной занятости, в частности телевизионной работы, неограниченной географической удалённостью и государственными границами;
- появление на основе сети Интернет в качестве специфических видов трудовой деятельности электронной торговли, электронных финансовых услуг, электронной рекламы и т.п.;
- использование электронных форм поиска работы и трудового посредничества.

Вполне естественно, что в сфере социально-трудовых отношений, решения проблемы безработицы особое значение приобретают электронные формы коммуникации между работодателями и работниками. Практика свидетельствует, что благодаря новым формам коммуникации происходят следующие базовые позитивные процессы. Во-первых, становится значительно более доступной актуальная информация о состоянии рынка труда. Во-вторых, существенно увеличиваются возможности выбора, с одной стороны, подходящего работника, с другой – привлекательного рабочего места. Причем в обоих случаях теряет свою

прежнюю значимость зависимость от региональных и национальных границ.

Статистические и социологические исследования показывают, что новыми коммуникационными возможностями в сфере занятости, в первую очередь, воспользовалась молодежь. Они же свидетельствуют о том, что поиск работы посредством электронных технологий ведется несколькими основными способами. Во-первых, это самостоятельный поиск трудовых предложений, размещаемых работодателями на своих сайтах; во-вторых, обращение к базам данных государственных и частных структур, специализирующихся на решении проблем трудоустройства; в-третьих, создание собственной веб-страницы в сети Интернет с размещением на ней профессионального резюме.

Преимущества электронного поиска места труда для работников состоят в следующем: экономия времени, трудовых и денежных затрат; расширение возможностей выбора вакансий; доступность дополнительной разнообразной информации о работодателях; он-лайновое самотестирование соответствия требованиям вакантной должности; размещение дополнительной информации о себе в виде аудио- или видеоклипов, ссылок на персональные веб-страницы; преодоление дефицита информации о характеристиках вакантных рабочих мест, в том числе функциональных обязанностях, заработной плате, социальном пакете и др.

Преимущества для работодателя: экономия средств и времени на поиск и подбор кандидатов; возможность оперативного вступления в контакт с ними; расширение числа потенциальных кандидатов на рабочее место за счет расширения географии поиска; использование программных продуктов при оценке и отборе персонала, ранжировании кандидатов и др.

На протяжении последнего десятилетия электронный рынок труда весьма активно развивается в Беларуси. В значительной мере это происходит благодаря целенаправленной государственной поддержке. Так, в системе Министерства труда и социальной защиты созданы и прошли государственную регистрацию «Банк данных по учету и движению безработных», «Общереспубликанский банк вакансий», «Сведения о наличии вакансий с предоставлением жилого помещения в организациях Республики Беларусь», «Реестр индивидуальных лицевых счетов застрахованных лиц в системе индивидуального (персонифицированного) учета в системе государственного социального страхования». На 15 апреля т.г., например, всего в базе данных «Общереспубликанского банка

вакансий» находилось и было представлено на сайте более 25 тыс., за последний месяц было подано около 15 тыс., за последнюю неделю – примерно 4,5 тыс. и за последние сутки – 1,2 тыс. вакансий.

В Национальной программе ускоренного развития услуг в сфере информационно-коммуникационных технологий на 2011 – 2015 годы, утвержденной Постановлением Совета Министров Республики Беларусь 28.03.2011 № 384, в числе других сформирована Подпрограмма «Электронная занятость и социальная защита населения».

В рамках данной подпрограммы предполагается предпринять следующие важнейшие действия:

- обеспечить создание единой информационной среды на базе развития существующих и создаваемых отраслевых информационных ресурсов, технологий и средств и их последующую интеграцию в единую систему электронных услуг государственного социального страхования, занятости и социальной защиты населения;

- ускорить создание инфраструктуры электронных услуг с использованием информационно-коммуникационных технологий;

- обеспечить информационное взаимодействие органов и организаций системы социальной защиты, плательщиков страховых взносов, индивидуальных предпринимателей, пенсионеров и других незащищенных слоев населения на базе передовых информационных технологий.

Рубанова Татьяна Анатольевна,
стажер младшего научного сотрудника,
Белорусский государственный
университет, г. Минск, Беларусь.

*Информационно-коммуникативные
технологии в культурной сфере.*

ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАТИВНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В СФЕРЕ КУЛЬТУРЫ

Рубанова Т. А.

Белорусский государственный университет

В условиях информационного общества с развитием новых коммуникативных технологий существенные изменения произошли в сфере культуры и культурного взаимодействия. Так, существенно возросла доступность широкого спектра культурных ценностей и общекультурной информации, увеличилось число каналов межкультурного сотрудничества и т.д.

На постсоветском пространстве внедрение новых информационно-коммуникативных технологий в культурной сфере началось с создания официальных сайтов отраслевых государственных органов управления, как правило, министерств культуры. Создание таких сайтов повысило эффективность деятельности управленческих структур, способствовало развитию их связей с населением, более активному вовлечению разных групп людей в культурную деятельность. Одновременно создавались специализированные региональные Интернет-порталы, предоставляющие информацию о культурной жизни региона, историко-культурные сведения, кино- и фотоматериалы и др.

Внедрение современных коммуникационных технологий в отдельных областях культурной деятельности идет неравномерно. Наиболее интенсивно оно происходит в библиотечном деле. Его информатизация началась с создания Интернет-залов и медиатек, предоставляющих чаще всего бесплатный доступ к сети Интернет. Следующим важнейшим этапом внедрения новых коммуникативных технологий стало создание электронных каталогов национальных библиотек.

Такой электронный каталог является основной информационно-поисковой системой Национальной библиотеки Беларуси. Он пополняется в текущем режиме и отражает следующие информационные ресурсы:

- книги, изданные с XIX в. по настоящее время;
- старопечатные и редкие издания, рукописные книги;
- авторефераты диссертаций и диссертации;
- документы международных организаций;
- периодические (газеты, журналы) издания;
- нотные издания;
- аудио – и видеодокументы;
- изобразительные документы;
- карты и атласы;
- электронные ресурсы.

70% из более 2 млн. среднегодовых обращений ко всем фондам Национальной библиотеки происходит на основе информационно-коммуникативных технологий. В первую очередь, это касается службы «Спроси библиотекаря», виртуального центра правовой информации, электронной доставки документов.

В 2010 г. состоялась презентация Сводного электронного каталога библиотек Беларуси, который представляет собой национальный корпоративный информационный ресурс, в формировании которого первоначально участвовали три крупнейшие библиотеки страны: Национальная библиотека Беларуси, Центральная научная библиотека им. Я. Коласа Национальной академии наук Беларуси и Республиканская научно-техническая библиотека. Со времени создания Сводный электронный каталог пополняется каталогами других библиотек республики. В частности, с 2012 года планируется присоединение к каталогу областных библиотек. В сводном электронном каталоге представлено более 1,5 млн. библиографических записей на книги, диссертации, авторефераты диссертаций, изобразительных документов и т.п.. Информация в каталоге обновляется ежедневно.

Пример внедрения современных коммуникативных технологий в музейном деле показывает Государственный Эрмитаж. Его сайт, подготовленный при поддержке фирмы IBM, был признан лучшим в России и завоевал национальные Интернет-премии еще в 2001 и 2002 гг. Сайт структурирован следующим образом: информация о работе музея, шедевры и коллекции, выставки, история Эрмитажа, обучение и образование, слово директора. Особую ценность представляет раздел: «Цифровая коллекция», где представлены уникальные фонды музея. Экспонаты в этом разделе распределены по следующим рубрикам: «Живопись, графика», «Механизмы», «Мебель, экипажи», «Предметы

прикладного искусства», «Текстиль», «Костюм», «Скульптура», «Оружие», «Керамика, фарфор», «Ювелирные изделия», «Нумизматика, глиптика», «Археологические памятники». Новые технологии позволяют рассматривать экспонаты Государственного Эрмитажа с использованием метода «Увеличенного изображения». Особое место на сайте занимает «Виртуальный Эрмитаж», который включает «Виртуальный визит» (экскурсию), «Виртуальную академию» (учебные курсы) и «Виртуальные выставки». Посредством Интернет-магазина ведется электронная торговля сувенирами, справочной литературой и т.п.

Наиболее полную обобщенную информацию о музеях Беларуси, с выходом на сайты большинства из них, содержит портал «Музеи Беларуси», который является проектом Национального Полоцкого историко-культурного музея-заповедника. Цель проекта: пропаганда культурного наследия Беларуси и институтов хранения и изучения культурного наследия.

В качестве конкретного примера использования информационно-коммуникативных технологий в музейном деле Беларуси можно привести Национальный художественный музей. На сайте музея структурно представлены: новостной блок, общая информация о музее, разделы «Коллекции» и «Выставки», включая «Виртуальные выставки», «Культурно-образовательные программы», «Ночь музеев», «Конференции», «Конкурсы», «Научные исследования», «Виртуальные экскурсии», «Наши партнеры». Открыта возможность для электронных контактов с посетителями музея, включая потенциальных.

Информационно-коммуникативные технологии постепенно входят в организацию театральной жизни, способствуя пропаганде этого вида искусства, расширению и повышению эффективности контактов авторских коллективов со зрительской аудиторией. Так, сайт Национального академического Большого театра оперы и балета Республики Беларусь включает в качестве заглавного раздел «Театр», который содержит общие сведения об истории театра, его дирекции, труппе, деятельности, гастролях, публикациях о нем в прессе. Другие разделы сайта более специализированы. Это «Репертуар», «Афиша и билеты», «Мультимедиа», «Партнеры», «Контакты». На сайте имеются персональные страницы художественного руководства театра и артистов, многочисленные фотоматериалы, включая галерею «За кулисами». Схожее построение сайтов мы наблюдаем у других белорусских театров.

Одновременно созданы сайты, которые являются своеобразными площадками дискуссионного обсуждения состояния, проблем и перспектив развития театрального творчества, оценки и обсуждения конкретных спектаклей, творчества отдельных артистов и т.п. Это сайты «Театральная Беларусь», «Театры Белоруссии», «ТЕАТРЫ: блог о театрах Минска» и др.

Результаты социологических исследований, проведенных в 2010 году в г. Минске, показали, что к интернет-информации, касающейся культуры, новым формам коммуникации обращается примерно 40% жителей, а среди молодежи в возрасте до 25 лет их число приближается к 55%.

В целом очевидно, что благодаря новым коммуникативным технологиям в сфере культурной жизни происходит ряд новых позитивных процессов:

- существенно упрощается доступ к общекультурной информации;
- объединяются усилия различных центров в пропаганде культурных ценностей;
- активизируется культурная жизнь, расширяется межкультурное сотрудничество;
- в межкультурном диалоге все в большей степени используются интерактивные формы.

Савотеев Дмитрий Викторович,
аспирант кафедры социологии факультета
философии и социальных наук,
Белорусский государственный
университет, г. Минск, Беларусь.

*Коммуникативная функция в общей
системе управления организацией.*

КОММУНИКАТИВНАЯ ФУНКЦИЯ В ОБЩЕЙ СИСТЕМЕ УПРАВЛЕНИЯ ОРГАНИЗАЦИЕЙ

Савотеев Д. В.

Белорусский государственный университет

Управленческая деятельность, как любой социально ориентированный и открытый процесс, неразрывно связана с необходимостью постоянного обмена информацией (коммуникативной деятельности) для координации работы подразделений организации и индивидов, направленной на достижение общих целей. Информационная емкость социальной системы наряду с возможностью беспрепятственной передачи информации между субъектами, во многом определяют динамику и потенциал развития организационной структуры. Современные условия функционирования организаций породили необходимость к всестороннему учету позиций, мнений и взглядов всех без исключения участников управленческого процесса, как объективного условия полноценной и эффективной деятельности.

При этом следует четко различать: коммуникативное пространство организации, которое должно органично совмещать устойчивость и динамизм, управляемость и спонтанность, новый и предыдущий опыт и не может быть ограничено только внутренней структурой организации, и коммуникативное пространство руководителя которое составляют, в первую очередь, сотрудники организации и их социокультурное содержание: социальные нормы, ценностные ориентации, этические взгляды, эталоны поведения и т.д. [6].

Коммуникативные процессы обоих порядков призваны обеспечивать ее целостность и общность функционирования. Однако особое внимание стоит уделить именно коммуникации в системе управления, как наиболее динамичной и гибкой составляющей общекоммуникативного процесса в организации. Следует отметить, что система коммуникативных обменов пронизывает все уровни управления, полностью охватывая каждую горизонтальную плоскость. Создание коммуникативного пространства

является уникальным специфическим видом деятельности руководителя, который во многом отражает его профессиональную компетентность [3, с. 256].

Современная практика управления свидетельствует, что подавляющая часть управленческих решений принимается руководителем в устной форме в процессе делового взаимодействия. Характер деловых контактов оказывает решающее влияние на эффективность совместной деятельности, отдельных коммуникационных мероприятий.

Система коммуникаций, в этом случае, это прежде всего способ деятельности, который облегчает взаимное приспособление поведения людей. Именно коммуникативные связи призваны объединить зачастую «разнородные» и индивидуалистические позиции и устремления с целью достижения важных организационных целей, тем самым делая возможным сам факт функционирования организации, как системы в основе которой лежит определенное целеполагание. Коммуникации в социальном поведении в общем случае определяются как любой обмен информацией между людьми (или группами), независимо от того приводит ли он к взаимопониманию или нет [6]. В этом отношении в теории управления сложились три основных подхода к рассмотрению коммуникации: как процесс, как взаимодействие и как управленческая функция. Последний аспект в рассмотрении феномена коммуникации представляет наибольший интерес с позиций возможности воздействия, моделирования и оптимизации основных коммуникативной схем в структуре организации. Действительно, интерпретация коммуникационных взаимодействий как некоторого компонента управленческой деятельности и объекта целенаправленного регулирования, существенно сужает горизонты рассмотрения данного явления, но с другой стороны, обнаруживает основную детерминанту определяющую характер и направленность всего спектра коммуникативных процессов, по крайней мере в их формальном выражении.

Данный аспект необходимо рассматривать с двух позиций: нормативно-организационной и социальной. В первом случае коммуникация определяется ее объективными организационными формами, требованиями к эффективному осуществлению, структурой оптимального коммуникативного процесса. Второй основан на влиянии на коммуникацию социальных особенностей партнеров по деловому общению и позволяет объяснить ряд важных особенностей взаимодействия, в том числе и препятствующих эффективному развитию

коммуникаций. Объективная (статусная) составляющая коммуникативной функции содержит в свою очередь три аспекта: коммуникативные явления, коммуникативные процессы управленческой деятельности и коммуникативное поведение руководителя [6]. При этом, сущность коммуникативной функции руководителя заключается в обеспечении эффективного обмена информацией внутри организации, между ее отдельными подразделениями и индивидами. Однако для создания подобных условий необходимо выполнение множества «контекстных» условий, к которым следует относить: оптимальную организационную структуру; ясные, четкие и определенные цели организации; доступная и ясная система контроля исполнения решений и т.д.

Оптимальность организационной структуры находит свое отражение в масштабах управляемости и контроля. Каждый из руководителей ограничен во времени, в знаниях и умениях, а также максимальным количеством решений, которые находятся в допустимом диапазоне эффективности.

Так же важно отметить, что при увеличении количества подчиненных, число потенциально возможных межличностных отношений между руководителем подчиненными увеличивается в еще большей мере. Соответственно, ограничения по масштабу управляемости способствуют постоянному росту числа уровней управления, приводящему в конечном случае к снижению общей эффективности функционирования коммуникативной сети. Таким образом, одна из задач управления состоит в четком определении допустимых и эффективных масштабов коммуникативного управления в рамках существующей организационной структуры.

Для «узкого» масштаба управляемости, характерны многоуровневые коммуникации при минимизации количества подчиненных у одного руководителя. Это облегчает коммуникации и повышает их качество. Однако в таких коммуникациях ярко проявляется действие закона расщепления управленческой информации, согласно которому степень искажения управленческой информации по мере прохождения по уровням управления прямо пропорциональна числу участков передачи информации [6]. При «широком» масштабе коммуникаций наблюдается т.н. «недостаток сигнала», что зачастую порождает многочисленные недопонимания и существенно снижает общее качество управленческой коммуникации. При подобной управленческой структуре необходимы

организационные преобразования в направлении детализации управления (формирования подразделов, матричных групп и т.д.)

Как и в классическом менеджменте, средствами реализации коммуникативной функции являются все основные функции управления (планирование, организовывание, мотивация, контроль). Собственная эффективность коммуникативной функции тем выше, чем менее она представлена как самостоятельная и чем в большей степени она реализуется за счет других функций. Критерием оптимальности в данном случае является степень содействия существующей коммуникативной сети достижению целей организации. Эта функция требует пристального внимания руководителя в проблемных ситуациях, когда существующая структура взаимодействий снижает эффективность [5, с. 548].

Коммуникативная функция характеризуется множеством типов и форм, способов, методов и приемов реализации. Но в тоже время, все коммуникации объединяет один общий признак – индивидуальный характер непосредственного контакта партнеров по организационному взаимодействию. При этом, взаимодействия в профессиональной деятельности могут осуществляться по каналам формальных и неформальных коммуникаций. Формальные каналы задает структура управления организацией, неформальные коммуникации реализуются помимо формальных, и, зачастую, имеют основополагающий вклад (ввиду недооценки их с позиции управления), задающий характер и вектор развития коммуникативной среды. Доминирование неформального характера коммуникативных взаимодействий свидетельствует о бессилии организационной и контрольной функций управления, что в свою очередь может явиться закономерным следствием недостаточно интенсивных «вертикальных» коммуникаций. Данные ситуации не типичны и сравнительно регулярно встает необходимость борьбы с дисфункциональными последствиями «гипертрофированного контроля», связанного с излишней формализации организационного общения.

Вертикальный поток управленческой информации всегда должен быть сбалансирован восходящим самоорганизующимся потоком «снизу». В зависимости от степени влияния нисходящего потока информации задается степень управляемости системы.

Основная цель управления, в данном контексте, заключается в формировании такой социальной среды, управляемость которой имела бы социально нормативный характер. В результате чего происходит формирование единой системы ценностных ориентации, обеспечивающей

корпоративный самоконтроль. Что, в свою очередь, задает индивидуальный настрой на максимальное использование личностных ресурсов для достижения групповых успехов. Оптимизация управления как раз и направлена на создание такого коммуникативного пространства.

Литература

1. Дилигенский, Г. Г. Проблемы теории человеческих потребностей / Г. Г. Дилигенский // Вопросы философии. – 1997. – № 2. – С. 14-27.
2. Друкер, П. Эффективный руководитель / П. Друкер. – М., 2007.
3. Почепцов, Г. Г. Теория коммуникации / Г. Г. Почепцов. – М., 2006.
4. Почепцов, Г. Г. Коммуникативные технологии двадцатого века / Г. Г. Почепцов. – М., 2000.
5. Фролов, С. С. Социология организаций / С. С. Фролов. – М., 2001.

Сайганова Вероника

Святославовна,

преподаватель кафедры философии и методологии науки, Белорусский государственный университет, г. Минск, Беларусь.

Взаимодополнительность когнитивной и коммуникативной парадигм в становлении нового типа научной рациональности.

ВЗАИМОДОПОЛНИТЕЛЬНОСТЬ КОГНИТИВНОЙ И КОММУНИКАТИВНОЙ ПАРАДИГМ В СТАНОВЛЕНИИ НОВОГО ТИПА НАУЧНОЙ РАЦИОНАЛЬНОСТИ

Сайганова В. С.

Белорусский государственный университет

Осознание необходимости диалога цивилизаций в условиях современной глобальной нестабильности расставляет новые акценты в мировоззренческих приложениях научного знания и актуализирует исследование методологических стратегий философского поиска и обоснования нового типа научной рациональности.

Исторически научная рациональность явилась конститутивным элементом западноевропейской цивилизации и до недавнего времени в основном соотносилась с ценностями западной культуры, а представления о мире традиционных древневосточных культур не соответствовали ее нормативно-критериальным характеристикам и отторгались как мистика. Развитие же современной постнеклассической науки все чаще выдвигает такие идеи, которые начинают избирательно резонировать с представлениями восточной культурной традиции, которые в трансформированном виде сохраняются во многих современных культурах Китая, Индии и исламского мира. Социокультурная динамика науки все больше приходит к той точке роста новых ценностей, которая открывает возможности для диалога культур, а исследование места и роли, возможности и границы рациональности и научной рациональности в современной культуре становится одной из главных задач философской рефлексии.

Почти все дискуссии, ведущиеся сегодня в разных областях философского знания, начиная с теории познания и методологии науки и заканчивая этикой и социальной философией, так или иначе, выходят на проблематику рациональности. Однако в современной философии и методологии науки, как в западной, так и в отечественной, можно

обнаружить существенное различие подходов и трактовок рациональности и научной рациональности. Рассмотрение динамического аспекта научной рациональности в современных философско-методологических исследованиях позволяет говорить о сосуществовании перспективных исследований в области научной рациональности, взаимодополняющих исследовательские позиции друг друга. Можно эксплицировать две основные парадигмы теоретической реконструкции научной рациональности в ее социокультурной динамике: когнитивную и коммуникативную.

Когнитивные модели исследуют динамику научной рациональности и ее норм через призму гносеологического, эпистемологического и социокультурного аспектов усложняющейся структуры субъект – объектного взаимодействия в процессе научного познания и базируются на признании определенных норм и критериев, способных выразить особенность и зафиксировать своеобразие научной рациональности и тем самым специфицировать науку среди других форм культуры. Данный подход, функционирующий в виде конструктивного диалога естественнонаучной и гуманитарной парадигмы знания, выражается в формировании такого образа научной рациональности, который включал бы в себя экспликацию инвариантных норм научной рациональности и одновременно фиксировал бы характеристики, выражающие ее социокультурную динамику (В. С. Степин, В. Н. Порус, Дж. Холтон, В. Ньютон-Смит и др.) [1, 2, 3, 4].

В рамках коммуникативной традиции (коммуникативная рациональность в теории ответственного действия Ю. Хабермаса [5], теория интерсубъективности К. Хюбнера, концепция открытой диалогу рациональности В. С. Швырева [6] и др.) за исключением крайних форм ее проявления (Р. Рорти, Х. Патнем), однозначно признается и по-своему обосновывается сам факт существования рациональности как одной из основополагающих ценностей и целей современной культуры и, по крайней мере, предполагается проблема существования норм и правил, признаваемых и принимаемых участниками коммуникативного отношения для осуществления рационального дискурса, в том числе и научного. Современные коммуникативные модели научной рациональности и ее норм, вызревшие на базе социально-гуманитарной парадигмы знания, демонстрируют плюрализм методологических ориентаций в исследовании научной рациональности (П. Бурдые, Д. Блур, А. Гольдман). Такой подход, претендуя на формирование нового, принципиально субъект-субъектного,

типа рациональности, свидетельствует о расширении понимания рациональности и наделении ее новыми смыслами, которые отбрасывались предшествующей традицией и не рассматривались в качестве необходимых и значимых, однако не ориентирован на выделение нормативов научной рациональности.

Системный характер норм и критериев научной рациональности, выделяемых в когнитивном, субъект-объектном аспекте, предполагает рассмотрение их динамики во взаимодействии с коммуникативными, субъект-субъектными характеристиками научной рациональности, которые проявляются и конституируются в ходе научного дискурса. Соблюдение когнитивных норм научной рациональности и следование критериям научности обеспечивают возможность собственно научного дискурса, а сам акт коммуникации репрезентирует функционирование и динамику нормативов научной рациональности в реальном полилоге форм рациональности в культуре. Коммуникативная традиция, будучи погруженной в бесконечные интерпретации коммуникативных действий и форм intersубъективности, при игнорировании когнитивных характеристик научной рациональности может привести к размыванию границ научной рациональности. Дополнительность когнитивной и коммуникативной традиций является не только фундаментальным принципом построения современной теории рациональности, но и выступает основным фактором, детерминирующим нелинейную динамику норм научной рациональности в процессе социокультурной трансформации.

Таким образом, динамический аспект научной рациональности и ее норм в современных философско-методологических исследованиях может быть рассмотрен через совокупность сосуществующих и сопряженных перспективных исследований в области научной рациональности, которые взаимно исключают друг друга, будучи взяты отдельно, и взаимодействуют один другого, взятые совместно в их смысловом единстве. Несмотря на все возрастающую значимость дисциплинарных и междисциплинарных исследований, как коммуникативного аспекта научной рациональности, так и эпистемологического аспекта коммуникативной рациональности, поиск их смыслового единства предполагает высокий уровень философской рефлексии. Методологические стратегии философского поиска новых форм научной рациональности основаны на представлениях о нормах научной рациональности как открытой нелинейной самоорганизующейся

динамической системе, только в своей целостности способной обеспечить воспроизводство науки в изменяющемся мире современной культуры.

Литература

1. Степин, В. С. Теоретическое знание: структура, историческая эволюция / В. С. Степин. – М., 2000.
 2. Порус, В. Н. Парадоксальная рациональность (очерки о научной рациональности) / В. Н. Порус. – М., 1999.
 3. Холтон, Дж. Тематический анализ науки / Дж. Холтон. – М., 1981.
 4. Newton-Smith, W. N. The rationality of science / W. N. Newton-Smith. – London, 1981.
 5. Habermas, J. Theorie des kommunikativen Handelns / J. Habermas // Handlungsrationalität und gesellschaftliche Rationalisierung. – Frankfurt am Mai, 1981.
- Швырев, В. С. Рациональность как ценность культуры: традиция и современность / В. С. Швырев. – М., 2003.

<p>Смирнова Юлия Сергеевна, кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры психологии, факультет философии и социальных наук, Белорусский государственный университет, г. Минск, Беларусь, Чумакова Валерия Алексеевна, студентка 4 курса отделения психологии, факультет философии и социальных наук, Белорусский государственный университет, г. Минск, Беларусь.</p>	<p><i>Формирование аттракции в Интернет-коммуникации.</i></p>
--	---

ФОРМИРОВАНИЕ АТТРАКЦИИ В ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ

Смирнова Ю. С., Чумакова В. А.
Белорусский государственный университет

Быстрые темпы развития информационных технологий на рубеже XX – XXI вв. позволили расширить арсенал средств организации коммуникативного процесса за счет включения в их перечень Интернет-ресурсов. Электронная коммуникация стала неотъемлемым элементом социальной активности современного человека. Рост популярности электронных сетей обусловил необходимость пересмотра феноменологии общения с учетом новых технологических возможностей. Внимание исследователей привлекают особенности общения в электронных сетях, а также влияние последних на пользователей [1, 2]. В частности, среди психологических особенностей интернет-коммуникации указывают повышенную вербальную активность ее участников; разорванность, мозаичность такой коммуникации; наличие специфического этикета и языка общения; эмоциональность общения и некоторые другие характеристики [2, с. 300-302]. Отдельное место в ряду исследований занимает сетевая специфика формирования впечатления о партнере по коммуникации, в том числе и факторы формирования в процессе восприятия людьми друг друга в виртуальном пространстве положительного эмоционального отношения друг к другу, что и стало предметом проведенного эмпирического исследования.

В исследовании на разных этапах приняли участие 139 человек в возрасте 17 – 25 лет. 50% выборки составили респонденты мужского пола, 50% – женского. Для сбора данных использовалась анкета об особенностях интернет-коммуникации в социальных сетях Чумаковой В. А., макеты

страниц пользователей социальных сетей и методика личностного дифференциала (вариант, адаптированный в НИИ им. В. М. Бехтерева), а также тест неоконченных предложений для пользователей интернет-СМИ Е. В. Пономаревой. Полученные результаты позволили выделить факторы аттракции в различных видах интернет-коммуникации и на различных ее этапах, а также установить половые особенности формирования аттракции в общении в социальных сетях.

В неформальной интернет-коммуникации в социальных сетях с представителями противоположного пола для женщин доминирующими факторами аттракции являются физическая привлекательность, образовательный статус и возраст партнера; для мужчин – физическая привлекательность, пространственная близость и семейное положение партнерши. В общении с представителями своего пола для женщин доминирующими факторами аттракции являются стиль общения, образовательный статус, а также пространственная близость; для мужчин – наличие фотографии собеседника, позволяющей судить не только и не столько о его внешности.

Что касается деловой интернет-коммуникации в социальных сетях, в общении с представителем противоположного пола для мужчин и женщин значимыми факторами аттракции являются физическая привлекательность, пространственная близость и семейное положение партнера. В общении с представителями своего пола доминирующим фактором аттракции является физическая привлекательность.

Описанные выше результаты позволяют судить о факторах аттракции, которые могут проявить себя уже на этапе восприятия страницы пользователя социальных сетей, еще до включения в непосредственное общение с ним. На последующих этапах в процессе непосредственного взаимодействия значимыми оказываются совершаемые участниками коммуникативные действия.

Для женщин в неформальной интернет-коммуникации в социальных сетях самыми привлекательными являются действия, связанные с эмоциональной насыщенностью сообщения. Мужчин в неформальном общении с представителем своего пола привлекает выдвижение собеседником аргументов и контраргументов в процессе общения; в общении с представителями противоположного пола привлекательными являются разнообразные действия, относящиеся как к форме и содержанию сообщения, так и к его эмоциональной составляющей.

В деловой коммуникации мужчин и женщин (в общении с представителями как своего, так и противоположного пола) привлекают наличие аргументации, а также высокая степень развернутости сообщения. Кроме того для мужчин со стороны противоположного пола привлекательными являются комплименты в их адрес, а со стороны своего пола – проявление настойчивости в защите своих позиций.

Можно отметить, что в деловой коммуникации в качестве привлекательных действий отмечены типичные для мужчин действия, тогда как в неформальной отмечены как действия, чаще используемые мужчинами, так и действия, которые чаще используют женщины [3]. Возможно, это связано с полоролевыми стереотипами: мужчины более успешны в профессиональной сфере, для женщин наиболее важны семейные роли. Таким образом, в деловой интернет-коммуникации будут привлекательными действия, которые считаются типично мужскими, что создает впечатление успешности собеседника в вопросах делового характера.

Полученные данные о том, что женщин будут в большей степени привлекать эмоциональные проявления, в то время как мужчин – содержание и форма сообщения, можно проинтерпретировать, основываясь на результатах исследования А. В. Визгиной и С. Р. Пантилеева [4]. Авторами в результате анализа самоописаний мужчин и женщин было выявлено, что эмоциональность текста воспринимается мужчинами и женщинами по-разному. Эмоциональность текста для мужчин является показателем некоторого психологического неблагополучия; и наоборот, сдержанные, маловыразительные, достаточно формальные тексты говорят об уверенности в себе, уравновешенности. Эмоциональность текста у женщин выступает как признак общительности. Неэмоциональный текст может свидетельствовать о необщительности, неуверенности в себе, либо чрезмерно развитой мужественности. По предположению авторов, корни этого различия лежат в различном отношении мужчин и женщин к социальным нормам. Для мужчин эмоциональность – показатель слома нормативных рамок сдержанности и самоконтроля; для женщин – это естественная характеристика общения [4]. Таким образом, мужчин и женщин в интернет-коммуникации привлекают партнеры, соответствующие их пониманию эмоциональности. Для женщин эмоциональность текста означает общительность партнера, уверенность в себе, соответственно, эмоциональность со стороны представителей как своего, так и противоположного пола привлекает

женщин. Для мужчин эмоциональность воспринимается как неблагополучие, неуверенность в себе партнера по общению. Поэтому проявления эмоциональности со стороны представителей своего пола мужчинами воспринимается как непривлекательные. Однако к проявлению эмоциональности со стороны представителей противоположного пола мужчины относятся лояльно и даже считают данные проявления привлекательными.

Таким образом, феномен аттракции в виртуальном пространстве интернет-коммуникации имеет свои специфические особенности. Полученные результаты позволяют судить о факторах формирования аттракции в различных видах интернет-коммуникации и на различных ее этапах в зависимости от пола воспринимающего и воспринимаемого субъектов.

Литература

1. Богомолова, Н. Н. Социальная психология массовой коммуникации / Н. Н. Богомолова. – М., 2010.
2. Гулевич, О. А. Психология коммуникации / О. А. Гулевич. – М., 2008.
3. Colley, A. Gender-linked differences in style and content of e-mails to friends / A. Colley, Z. Todd // *Journal of Language and Social Psychology*. – 2002. – Vol. 21. – P. 380-392.
4. Визгина, А. В. Проявление личностных особенностей в самоописаниях мужчин и женщин / А. В. Визгина, С. Р. Пантिलеев // *Вопросы психологии*. – 2001. – № 3. – С. 91-100.

<p>Сульжицкий Илья Станиславович, студент 2 курса кафедры социологии и специальных социологических дисциплин, факультет истории и социологии, Гродненский государственный университет им. Я. Купалы, г. Гродно, Беларусь.</p>	<p><i>Парадигмы развития глобальной информационной сети.</i></p>
--	--

ПАРАДИГМЫ РАЗВИТИЯ ГЛОБАЛЬНОЙ ИНФОРМАЦИОННОЙ СЕТИ

Сульжицкий И. С.

Гродненский государственный университет им. Я. Купалы

Стремление интернет сообщества к самостоятельному развитию было обозначено ещё в 1996 году в тексте декларации независимости киберпространства. Её автор, Джон Перри Барлоу, адресует своё заявления всему мировому сообществу, говоря о том, что территория сети не находится внутри границ какого-либо правительства. Этим он чётко обозначает позицию большей части пользователей Интернета, намеренных сделать киберпространство свободным от вмешательства государственных органов и цензуры [1]. По своему содержанию текст декларации напоминает лозунг участников студенческих восстаний 1969 года во Франции, который гласил: «запрещать запрещается» и выражал леворадикальные стремления молодёжи того времени, впитавшей в себя идеи философии постмодерна. С момента принятия декларации прошло достаточно много времени, однако стремление пользователей сети Интернет следовать заявленному пути развития сохранилось.

В наше время у различных исследователей до сих пор отсутствует единая точка зрения по поводу того, что можно считать идейной основой развития сети. Это делает актуальным рассмотрение и анализ самых популярных концепций развития Интернета, прежде всего с позиции философского осмысления. Не менее важным является вопрос о том, какое место в рамках каждой из возможных парадигм отведено обычному пользователю.

Объектом исследования является пространство глобальной информационной сети, предметом – возможные парадигмы развития киберпространства.

На сегодняшний момент самой известной идеологией сетевого развития является идея Web. Возросшая популярность сервисов Web 2.0 (web второго поколения), к которым причисляют социальные сети и блоги, говорит сама за себя. Так, количество пользователей социальной сети Facebook к 2011 году достигло отметки в 600 миллионов [2].

Web 2.0 прежде всего – набор правил, принципов и практических решений в конструировании интернет контента. Суть этих принципов заключается в создании сервисов, эффективность которых будет определяться количеством людей, задействованных в нём. Можно говорить о том, что качественные сервисы эпохи Web 2.0 формируются в результате коллективного усилия большого числа отдельных пользователей (прим. Wikipedia). Важной чертой принципов Web 2.0 является бесплатное программное обеспечение с открытым исходным кодом. Это позволяет каждому, обладающему навыками программирования участвовать в изменении «исходного продукта», не тратя на это никаких материальных средств. Важным является то, что данный контент больше не привязан к персональным компьютерам, существуя непосредственно в интернете, что позволяет говорить об отделении сети и её содержимого от конкретного пользовательского оборудования [3].

Автор идеологии Web 2.0, Тим О`Рейлли, прибегает к обозначению т.н. коллективного разума, называя его основным достижением эпохи Интернета 2.0. Он утверждает, что при использовании правильной технологии применение элементов коллективного разума гораздо эффективнее работы отдельно взятого человека, и зачастую такая система оказывается «умнее» её создателей [4].

Одним из важных итогов популярности данной идеи стал феномен «свободного труда», когда огромное число людей занято в коллективном создании нематериальных благ и культурных ценностей, не получая за это никакого материального вознаграждения. Исследователи отмечают известный парадокс, в результате которого культура Web 2.0 с одной стороны, даёт пользователям возможности для самовыражения, с другой - осуществляет коммодификацию массовой креативности [5].

Ещё одной известной и популярной, в основном в странах Западной Европы и США, концепцией является т.н. Калифорнийская идеология. Ричард Барбрук и Энди Камерон определяют её как парадоксальный сплав левых стремлений хиппи и прагматичных воззрений яппи, смесь свободы и яркого технологического детерминизма, смесь новых левых и новых

правых. Основным носителем данной идеологии выступает т.н. «виртуальный класс», который успешно отражает в себе качества привилегированной части рабочей силы, с одной стороны, и с другой стороны, является наследником леворадикальных идей второй половины 20 века. Таким образом, Калифорнийская идеология одновременно сочетает черты рыночной экономики и свободного труда хиппи. По сути, она выражает веру людей в освобождающую роль технологий. Между тем реальность порождает новый вид социального конфликта – разрыв между информационно богатыми и информационно бедными [6].

Менее известными и популярными в свете обсуждаемой проблемы выступают идеи философии постмодернизма. Несмотря на это, данные идеи, в частности, концепция номадологии (англ. nomad – кочевник) Делёза и Гваттари, позволяют пролить свет на многие фундаментальные для сети явления с точки зрения философской рефлексии. Киберпространство мы можем сравнить с пространством кочевников, которое и описывают авторы. Такой тип реальности обладает следующими характеристиками: открытость, ацентрированность, отсутствие жёстких структурных связей между участниками, и т.д. Сам же кочевник постоянно находится в движении, однако движение это постоянно происходит в положении «сидя» [7].

Попытку экстраполировать идеи Делёза и Гваттари, связанные с их концепцией ризомы (фр. rhizome – корневище), предпринял Российский исследователь В. А. Емелин. Он достаточно успешно сравнил принципы построения ризомы (которая, в некотором смысле выступает онтологической моделью пространства кочевников) с пространством сети [8].

Несомненно, стоит признать то, что идеи философии постмодернизма в большинстве своём относятся к леворадикальному лагерю, из которого в последствии и родились идеи интернет-либерализма. Следование идеям постмодернистских философов мы можем увидеть в рамках существования целой интернет-субкультуры, носящей имя Anonynous. Их идеи анонимности, свободы и децентрализации прямо отсылают нас к классикам постмодернизма.

Таким образом, мы можем говорить о том, что изменение коммуникационных практик наравне с быстрыми темпами развития информационно-коммуникационных технологий, в частности Интернета, ставит перед нами необходимость философского осмысления проблемы развития сети и изменения положения человека внутри киберпространства.

Так, рассматриваемая нами популярная идеология Web 2.0 предлагает новые способы взаимодействия, которые основаны на открытости и динамичности как создаваемого контента, так и самих пользователей. В результате этого формируется феномен коллективного сознания и свободного труда, делаая человека узлом единой системы, где коллективное творчество преобладает над индивидуальным. По-другому выступает человек в рамках Калифорнийской идеологии, где т.н. «виртуальный класс» занимает главенствующее положение в качестве высококвалифицированной творческой силы, а сам Интернет видится как свободный рынок, или электронная агора. Противоположный взгляд на сеть может дать нам постмодернистская философия, создавшая идеалистические концепции свободного децентрализованного пространства и человека-кочевника, находящегося в постоянном движении, и при этом оставаясь на одном месте.

Отдельно стоит сказать о том, что практически все идеи, которые мы рассматривали, впитали в себя дух леворадикального либерализма, что объясняет существование в сети таких радикалистских течений, как Anonymus. Это позволяет нам сделать вывод о том, что жёсткое государственное влияние и попытка ограничений в сети может привести к непредсказуемым негативным последствиям. Это открывает перед нами необходимость подробного изучения каждой из возможных парадигм развития Интернета для выработки адекватной стратегии взаимодействия сети, государства и общества.

Литература

1. Барлоу, Д. Перри. Декларация независимости Киберпространства / Д. Перри Барлоу. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.zhurnal.ru/1/deklare.htm> – Дата доступа: 15.03.2012.
2. Frank La Rue. Report of the Special Rapporteur on the promotion and protection of the right to freedom of opinion and expression / Frank La Rue. – A/HRC/17/27 – 16 may 2011.
3. О'Рейли, Т. Что такое Веб 2.0 / Т. О'Рейли. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.computerra.ru/think/234100/> – Дата доступа: 18.03.2012.
4. O'Reilly, T. We're Moving into a New World / T. O'Reilly; Interview conducted by Christian Stöcker. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.spiegel.de/international/0,1518,451152,00.html> – Дата доступа: 27.03.2012.

5. Соколова, Н. Л. Киберразвлечение, «свободный труд» и экономика дарения / Н. Л. Соколова // Вестник Самарского государственного университета. – Гуманитарная серия. – 2010. – № 1 (75). – С. 18-25.

6. Барбрук, Р. Калифорнийская идеология / Р. Барбрук, Э. Камерон. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.zhurnal.ru/4/calif0.htm> – Дата доступа: 15.04.2012

7. Делёз, Ж., Тысяча плато: капитализм и шизофрения / Ж. Делёз, Ф. Гваттари. – Екатеринбург; М., 2010.

8. Емелин, В. А. Ризома и Интернет / В. А. Емелин. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://emeline.narod.ru/rhizome.htm> – Дата доступа: 27.11.2011.

Фаблинова Ольга Николаевна,
аспирантка, Институт социологии НАН
Беларуси, г. Минск, Беларусь.

*Поведение студенческой молодежи
г. Минска в виртуальном
пространстве.*

ПОВЕДЕНИЕ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ Г. МИНСКА В ВИРТУАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Фаблинова О. Н.
Институт социологии НАН Беларуси

Развитие и становление современного общества характеризуется внедрением и широким распространением новых информационно-коммуникационных технологий, что позволяет охарактеризовать современную эпоху как эпоху информационного общества, общества коммуникаций. Уникальным феноменом современности выступает всемирная глобальная компьютерная сеть Интернет, открывающая новые возможности как для осуществления индивидом своих служебных/учебных функций, так и для проведения им своего досуга. Вслед за М. Кастельсом можно уверенно констатировать вхождение в новый мир – «галактику Интернет» [1].

Индивид на протяжении всей своей жизни вовлечен в различные коммуникативные процессы. Однако с появлением и развитием Интернета интенсивность коммуникаций в обществе возросла многократно: «В Интернете не создается никакого знания, но зато он многократно увеличивает возможность осуществления коммуникации» [2]. Более того, развитие Интернета связано с возрастанием роли коммуникации в Интернет-среде, что нашло свое отражение в переходе Интернет-сервисов со стадии Web 1.0 на стадию Web 2.0. Для стадии Web 1.0 характерно разделение Интернет-аудитории на профессионалов (авторов публикаций в сети Интернет информации) и пользователей (потребителей информации, то есть читателей). На стадии Web 2.0 демаркация между автором и читателем стирается. Каждый Интернет-пользователь способен участвовать в процессе создания информации, доступной другим Интернет-пользователям, что стало реальным благодаря развитию различных пользовательских интерфейсов, позволяющих управлять содержимым Интернета и общаться друг с другом.

Самой многочисленной и активно действующей социальной группой среди Интернет-пользователей является молодежь как наиболее

восприимчивая ко всему новому, открытая, инициативная и мобильная часть общества. Согласно данным исследования, проведенного в ноябре 2011 года международным исследовательским агентством «Gemius», основная масса белорусских Интернет-пользователей – люди в возрасте 15-34 лет (61,54%) [3].

Стоит отметить особый статус студенческой молодежи, для которой активность и инициативность свойственны в еще большей степени. Именно она генерирует новые идеи, новые взгляды, внедряет инновации и осваивает новые технологии чаще и быстрее других слоев населения. Не остался исключением и Интернет, которым активно пользуется студенческая молодежь.

В связи с этим в рамках авторского исследования, проведенного в декабре 2011 года – феврале 2012 года, было опрошено 630 респондентов (в качестве целевой группы исследования были выбраны студенты очных и заочных отделений высших учебных заведений г. Минска). Целью исследования являлось изучение Интернет-поведения исследуемой социально-демографической группы населения Республики Беларусь. Метод сбора информации – раздаточный опрос по месту учебы респондента.

С учетом того факта, что при оценивании доли предельная ошибка выборки достигает своего наибольшего значения при $\omega=0.5$, то при объеме выборочной совокупности, равном 630 респондентов и объеме генеральной совокупности – 235 876 человек, максимальная погрешность составила приблизительно 4% [4, с. 180-181]:

$$\max(\Delta) = t_{0,05; 629} * \sqrt{\frac{0,5 * (1 - 0,5)}{630} * \left(1 - \frac{630}{235876}\right)} \approx 0,039$$

Рассчитанная погрешность позволяет с достаточно высокой точностью переносить полученные в ходе проведения исследования результаты на генеральную совокупность.

При подготовке массива полученных данных к обработке было проведено перевзвешивание по признакам «форма обучения» (52% – студенты очной формы обучения и 48% – студенты заочной формы обучения) и «пол» респондента (59% – женщины и 41% – мужчины) [4, с. 180-181; 5].

Как правило, студенты г. Минска используют стационарный Интернет (81,0%). Однако, высок процент тех, кто использует мобильный Интернет на телефоне (59,8%), 3G-Интернет (51,7%) и беспроводной доступ в Интернет Wi-Fi – 33,6% (однако среди тех, кто использует доступ

Wi-Fi, 68,5% опрошенных используют его дома). 0,9% опрошенных ответили, что не используют Интернет вовсе.

Продолжительность нахождения в Интернете до 4-х часов характерна для 56,6% респондентов по будним дням и 46,8% – по выходным дням. В выходные дни увеличивается количество тех, кто находится в Интернете свыше 4-х часов – 52,4% (в будни дни это количество составляет 43,3%). Настораживающим можно считать тот факт, что 16,3% опрошенных находятся в сети по выходным дням свыше 8 часов (11,9% – в будние дни). Различий по продолжительности нахождения в Интернете в зависимости от пола, формы и курса обучения респондентов выявлено не было.

Наиболее популярные цели выхода в Интернет – общение (96,2%) и поиск необходимой информации по учебе (93,8%). Далее следуют поиск полезной информации (курсы валют, расписание движения транспорта, прогноз погоды, вакансии, раздел «купля/ продажа», «афиша» и т.п.) – 82,8%, чтение новостей – 82,1%, а также скачивание аудио/видео материалов, программ – 75,3% респондентов. Данные о целях использования Интернета подтверждают, во-первых, особую роль его коммуникативной функции (наиболее популярные по частоте использования хотя бы раз в неделю Интернет-ресурсы, обеспечивающие коммуникацию: социальная сеть – 93,5%, и электронная почта – 87,5%) и, во-вторых, поисковый вектор Интернет-поведения столичной молодежи. По мнению сотрудника Microsoft Research Л. Стоун, подобного рода поведение приводит к формированию «перманентного частичного внимания», под которым понимается «режим существования, в котором человек привыкает ни на чем подолгу не сосредотачиваться, делать сразу несколько дел, при этом постоянно «сканируя» окружающую среду на предмет «новых возможностей», которые ни в коем случае нельзя упустить» [6]. Результат такого «частичного внимания» – клиповость, мозаичность мышления.

Стоит отметить, что наиболее популярный в молодежной среде г. Минска Интернет-ресурс – социальная сеть, обеспечивает не только коммуникацию, но и возможность быть в курсе тех событий, которые происходят с Интернет-«друзьями». На вопрос о том, какое поведение характерно в социальных Интернет-сетях для респондентов, выделилась следующая тройка ответов-лидеров: чтение полученных сообщений и ответы на них (95,1% респондентов), просмотр новостной ленты (80,2%), просмотр страничек друзей (65,6%). Данные подтверждаются и целями

использования студенческой молодежью социальных Интернет-сетей: общение с друзьями (96,5%), а также желание быть в курсе событий, происходящих с друзьями (просмотр новостной ленты, фотографий друзей и т.д.). Третьей по частоте упоминания целью использования социальных Интернет-сетей было названо развлечение (75,5%).

В связи с этим возможно выделение еще одного вектора Интернет-поведения столичной молодежи – развлекательного. Возвращаясь к целям использования Интернета в молодежной студенческой среде, стоит отметить, что более 65% опрошенных используют его для просмотра фильмов, видеороликов (71,2%) и прослушивания музыкальных композиций (65,7%).

Таким образом, можно говорить о том, что на современном этапе развития белорусского общества Интернет является неотъемлемой частью жизни молодежи. Основными чертами Интернет-поведения студенческой молодежи г. Минска можно назвать высокий уровень использования мобильного Интернета (3G-Интернета, GPRS-Интернета), рост количества времени, проводимого в выходные дни в сети; наличие трех основных векторов поведения в виртуальном пространстве: коммуникативного, поискового и развлекательного.

Литература

1. Кастельс, М. Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе / М. Кастельс. – Екатеринбург, 2004.
2. Иванов, Д. В. Феномен компьютеризации как социологическая проблема / Д. В. Иванов // Санкт-Петербургский государственный университет. Факультет социологии [Электронный ресурс]. – 2006. – Режим доступа: <http://hq.soc.pu.ru/publications/pts/divanov.html>. – Дата доступа: 12.04.2012.
3. Белорусская интернет-аудитория превысила четыре миллиона человек // ЭКОНОМИКА.ВУ. Белорусский экономический портал [Электронный ресурс]. – 2012. – Режим доступа: <http://ekonomika.by/novosti-obrazovaniya/belorususkaya-internet-auditoriya-previsila-chetire-milliona-chelovek>. – Дата доступа: 10.03.2012.
4. Регионы Республики Беларусь, 2011: статистический сборник / Национальный статистический комитет Республики Беларусь; редкол. В. И. Зиновский [и др.]. – Минск, 2011.
5. Прус, Е. В Беларуси самыми востребованными у студентов остаются специальности экономического профиля / Е. Прус // БЕЛТА

[Электронный ресурс]. – 2012. – Режим доступа: http://www.belta.by/ru/all_news/society/V-Belarusi-samymi-vostrebovannymi-u-studentov-ostajutsja-spetsialnosti-ekonomicheskogo-profilja_i_587023.html. – Дата доступа: 12.02.2012.

6. Boyd, S. Linda Stone at Supernova: Continuous Partial Attention / S. Boyd // CORANTE [Electronic resource]. – 2005. – Mode of access: http://getreal.corante.com/archives/2005/07/01/linda_stone_at_supernova_continuous_partial_attention.php. – Date of access: 20.01.2012.

Фофанова Галина Александровна, старший преподаватель кафедры психологии, факультет философии и социальных наук, Белорусский государственный университет, г. Минск, Беларусь.	<i>Роль образовательной субкультуры в развитии и проявлении диалогической самости.</i>
--	--

РОЛЬ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СУБКУЛЬТУРЫ В РАЗВИТИИ И ПРОЯВЛЕНИИ ДИАЛОГИЧЕСКОЙ САМОСТИ

Фофанова Г. А.

Белорусский государственный университет

Важнейшую роль в развитии, содержательном наполнении и демаркации проявлений диалогической самости играют социальные институты. Одним из наиболее влиятельных из них выступает высшее образование – социальный институт с длительной историей, через который в настоящее время проходит огромное количество молодых людей. Влияние образовательной субкультуры огромно – оно определяется не только трансляцией знаний, которые можно обозначить как естественнонаучные, технические, социальные и гуманитарные. На всех уровнях социума признается важнейшая роль высшего образования как оказывающего формирующее и развивающее влияние на субъекта, находящегося в его пространстве. Образовательная субкультура выступает, в первую очередь, как существенная, значимая детерминанта формирования целостного общекультурного и профессионального мировоззрения, а также обуславливает актуализацию последнего в пространстве повседневной жизненной активности субъекта. Образовательная культура выступает и в качестве составной части культуры духовной – той самой, которая является важнейшим источником создания уникального субъективного наполнения диалогической самости субъекта.

С точки зрения Д. Майерса, оценка влияния культуры на субъекта в полной мере проявляется только в ситуации столкновения с содержанием иной культуры. Естественнонаучная и гуманитарная образовательные субкультуры, по нашему мнению, могут выступать в качестве платформы для сравнения. По нашему мнению, только с помощью равноправного исследовательского диалога, возникающего на границе контакта исследующего и исследуемого возможно изучить обширный пласт

субкультурных интердетерминаций диалогической самости в пространстве различных образовательных субкультур, что и выступает в качестве цели нашего научного исследования.

Широкий спектр средовых воздействий на личность, детерминированность ее проявлений многочисленными знаково-символическими реальностями, множественность маршрутов и направлений социализации человека позволяет говорить о феномене диалогической самости как о динамическом знаково-символическом проявлении уникальности субъекта, представленном в виде континуального взаимодействия Я-позиций личности, манифестирующимся в диалоге с реальным или воображаемым Другим, опосредованном языковыми практиками и воплощенном в тексте определенной нарративной конфигурации, интердетерминированном ситуативными, субкультурными, общекультурными и социальными переменными, а также событиями личностной истории субъекта. Знаково-символическая природа диалогической самости позволяет осуществлять ее познание в режиме «здесь и теперь», на основании не только традиционных научных процедур, но использование принципов диалогического подхода, подключает к исследованию возможности межпарадигмального диалога для более полного понимания происходящих с внутренним миром участника исследования изменений.

Превращение личности из объекта исследования в субъекта – значимое движение вперед в развитии научного психологического знания. Полноценное понимание происходящего с личностью невозможно без контакта с ее текстуальными репрезентациями внутреннего мира. В тоже время абсолютизация антропоцентризма также несет в себе определенную опасность. Если пытаться рассматривать человека как стабильную, замкнутую моносистему, то в рамках любой науки он будет представлять как изолированный, замкнутый мир, который осуществляет взаимодействие с такими же мирами – средой, обществом, культурой. Поэтому ключ к пониманию природы человека является разделенным на несколько частей, одна из которых принадлежит ему самому, как некоему телесному объекту, а другие находятся в различных системах, в условиях которых и осуществляется его жизнь. Эта идея присутствует в рассуждениях В. И. Вернадского, когда он говорил о необходимости изучения социальных качеств человека в системе ноосферы – созданной деятельностью творческой мысли человечества сферы разума.

Образовательная субкультура является носителем ряда уникальных особенностей. Направленная на формирование определенного типа мышления у принадлежащих к ее пространству субъектов, целенаправленно осуществляющая данный процесс с помощью специально организованных образовательных практик, она сталкивается с рядом сложностей, так как любое изолированное пространство рано или поздно оказывается перед лицом собственной предельности – ситуации, когда ощущается недостаток внутренних ресурсов для создания непротиворечивой концепции мира. В первую очередь, с этим сталкиваются субъекты институциональной принадлежности – в нашем случае, – студенты высших учебных заведений, осознающие нехватку ресурсов и объяснительных моделей, необходимых для познания и понимания как окружающего, так и собственного внутреннего мира. Эта ситуация переживается субъектом как дискомфортная, требующая определенных действий для изменения данного состояния. В качестве одного из путей снижения напряженности можно рассматривать овладение лингвистическими практиками, характерными для данной субкультуры, после чего потенциально становится возможным создание с их помощью некоего описательного образа собственной самости, познание и понимание сущности последней. В то же время ни одна из образовательных субкультур не обладает законченной системой знаний, что диктует необходимость установления контактов с «соседствующими» субкультурами. Основным медиатором проявления диалогической самости в контексте образовательных субкультур, по нашему мнению, выступает язык, используемый субъектами при конструировании повествований, связанных с собственным опытом пребывания в мире. Автобиографический нарратив связан не просто с последовательным воспроизведением ряда фактов из жизни субъекта. Это также осмысление изменений, связывание последних с событийным миром, способ представления себя в этом мире как уникальной сущности.

Современная образовательная субкультура характеризуется наличием большого количества коммуникативных практик, построенных вокруг характерных для них наук, составляющих основу образования, особенностей их предметов исследования. Современное высшее образование – производная от многообразия естественных, технических, социальных и гуманитарных наук, характеризующаяся традиционностью и консервативностью. Сложное содержание современной науки воспроизводится и в образовательной среде. Программа подготовки

специалистов в ВУЗах представляет сочетание дисциплин специализации, и общеобразовательных предметов, что требует от студентов определенного уровня ориентации в науках, принципиально отличающихся по содержанию, предмету исследования, парадигмальным координатам и способам познания. Необходимость достижения определенной квалификации в различных сферах научного познания (в нашем случае под квалификацией подразумевается владение различными знаковыми кодами), при объективной невозможности целенаправленного сосредоточения на каждой, обуславливает возможность существования инструментария, позволяющего достигать определенного уровня взаимопонимания и самопонимания при пересечении содержательного поля различных образовательных субкультур. Эта необходимость диктуется прагматикой обучения – студент, не обладающий подобной компетентностью, рискует оказаться за пределами данной субкультуры.

В условиях субкультурного деления необходимо возникновение и существование специфических речевых практик, используемых для достижения взаимопонимания субъектов внешнего и внутреннего диалога. Данные практики могут рассматриваться как содержащие в себе отпечатки механизмов, поддерживающих функционирование диалогической самости, в частности, в контексте образовательной субкультуры. К ним относятся механизм пиджинизации, реализующийся в упрощении способов передачи содержания для достижения минимального уровня взаимопонимания субъектов коммуникации. Его проявления, в первую очередь, фиксируются в пространстве нарративного повествования субъекта, в результате чего содержание повествования редуцируется к более простым формам, содержащим общедоступный опыт и средства трансляции содержания минимальной сложности, представленные в обеих пограничных субкультурах и основной культуре. Механизм креолизации, в свою очередь, характеризуется усложнением изначально примитивных форм манифестации содержания повествования, с целью обогащения опыта субъектов диалогического взаимодействия, и, как следствие, расширение протяженности зоны взаимного обмена, присутствующей между субкультурами, вступающими в контакт. С нашей точки зрения, результатом работы механизмов пиджинизации и креолизации может являться достижение взаимопонимания и согласованности действий участников диалогического контакта.

В рамках исследования были также обнаружены и специфические особенности способов структурирования и содержания самости студентов

гуманитарного и естественнонаучного профиля. Так автобиографические повествования «естественников» отличаются такими особенностями, как высокая степень динамичности при невысокой степени детализации сопутствующих событию контекстов, большим уровнем семантических пауз и содержательных выпадений из сюжета повествования, а также ориентацией на процессуальную составляющую сюжета и одноплановостью рассказчика (от первого лица). Для «гуманитариев» отличительными чертами выступают ориентация на «погружение» в рамки самости, что проявляется в раскрытии содержания и процессов, происходящие в ней, многоплановостью позиций рассказчика («ролевой полифонией»), высокой степенью деперсонализации автора, его выходом за пределы собственных Я-позиций, и комбинированная схема описания, сочетающая динамичность и детальный образ контекста действий, событий и размышлений. «Естественники» характеризуются ориентацией на построение непротиворечивой картины самости, оперируя при этом «наблюдаемыми» маркерами, «гуманитарии» тяготеют к рефлексивным, детализированным описаниям, погружаясь в ткань внутреннего мира собственной самости.

Описанные выше механизмы субкультурной интердетерминации диалогической самости могут рассматриваться и как средства, поддерживающие образовательную субкультуру. В то же время, на уровне субъектов образовательной субкультуры, данные механизмы могут выступать как в качестве инструмента социализации, так и в роли источника поддержания внутренней стабильности и целостности диалогической самости личности.

<p>Хамутовская Светлана Викторовна, кандидат социологических наук, старший научный сотрудник отдела политической социологии и информационных технологий, Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск, Беларусь.</p>	<p><i>Значение сети Интернет для развития коммуникации в информационных обществах (на примере Республики Беларусь).</i></p>
---	---

ЗНАЧЕНИЕ СЕТИ ИНТЕРНЕТ ДЛЯ РАЗВИТИЯ КОММУНИКАЦИИ В ИНФОРМАЦИОННЫХ ОБЩЕСТВАХ (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ)

Хамутовская С. В.
ГНУ Институт социологии НАН Беларуси

В условиях глобальной социальной, политической, экономической нестабильности и трансформации различных сфер жизнедеятельности людей в большинстве современных государств, включая страны Содружества независимых государств (СНГ), происходит качественное изменение информационного пространства. В частности все большее распространение Интернета позволяет развиваться новым формам коммуникации – электронным – между отдельными индивидами, социальными группами и общностями, государствами, цивилизациями, а также новым медиа. При этом, возможности эффективного функционирования и совершенствования последних во многом зависят от степени доступности и востребованности сети Интернет для населения.

Так, к примеру, в течение последних нескольких лет в Республике Беларусь осуществляется становление и развитие информационного общества и интерес граждан к Интернету заметно возрос: в 2010 году количество пользователей сети Интернет в Беларуси составило 3,1 млн. человек, то есть примерно 35% населения республики. Для сравнения в Украине в 2010 году этот показатель составил 21%, в России – 36%, в Польше – 55%, в Литве 57%, в Латвии – 65% [1, с. 24]. В 2011 году, согласно данным республиканского мониторинга Института социологии Национальной академии наук Беларуси, 32,0% опрошенных отметили, что они пользуются Интернетом практически каждый день, 10,8% – не реже 1-2 раз в неделю, 11,7% – не реже одного раза в месяц, 5,1% – не реже 1-2 раз в месяц. По сведениям Информационно-аналитического Центра при Администрации Президента Республики Беларусь, в 2011 году для 26%

наших граждан один сеанс посещения Интернета занимал от 1 до 3-х часов, для 15% – более 3-х часов, 43% не смогли определить точное время [2]. Также в прошедшем году увеличилось число людей, пользующихся Интернетом дома, а не на работе, по месту учебы, в интернет-кафе, компьютерных клубах, библиотеках и т.п.

По посещаемости на первые места вышли:

- различные поисковые системы (59%);
- социальные сети, блоги, живые журналы (49%), позволяющие общаться on-line;
- новостные сайты (43%).

На последних позициях оказались сайты, связанные с поиском работы (13%), знакомств (11%), корпоративные сайты (8,5%), другое (4%), 3% белорусов посещали все подряд сайты [2].

Американский антрополог, профессор Нью-Йоркского, Йельского и Колумбийского университетов М. Мид на базе проведенных ею в течение сорока лет исследований культурно обусловленных методов воспитания индивидов, истоков межпоколенческих конфликтов, предписываемых культурой способов поведения людей, этнокультурных особенностей различных народов в своих трудах отмечала, что в ходе быстрого процесса обновления знаний и совершенствования информационных и коммуникативных технологий возникает префигуративная культура, направленная на развитие новых связей и механизмов взаимодействия поколений, в которых мировоззрение и образ жизни старших не подавляют идеи, цели, стремления и образ жизни младших поколений. И более того, благодаря развитию электронной коммуникативной сети в рамках Интернет-пространства, у представителей молодого поколения возникает общность особого, специфического опыта, «того опыта, которого никогда не было и не будет у старших» [3, с. 361].

По мнению министра информации Министерства информации Республики Беларусь О. В. Пролесковского, в будущем в нашей стране «тиражи печатных средств массовой информации продолжают снижаться – это объективно, неизбежно: Интернет все более ощутимо пронизывает нашу жизнь» и уже сегодня, например, каждая газета имеет свой сайт в Интернете с оперативной информацией [4], также как и государственные органы и организации. Согласно социологическому исследованию «Использование сети Интернет в Республике Беларусь», проведенному в декабре 2011 г. Информационно-аналитическим Центром при Администрации Президента Республики Беларусь во всех областных

центрах страны и городе Минске, районных центрах и сельских населенных пунктах (по месту жительства методом телефонного интервью было опрошено 1 000 пользователей Глобальной сети старше 16 лет), по мнению респондентов, большинство сайтов государственных органов, учреждений и организаций располагают достаточной информацией об их работе (73%). В то же время 61,0% респондентов указали на то, что им не хватает данных административно-правового характера («перечня необходимых документов, бланков для обращения в государственные органы, информации о стоимости услуг, о сроках рассмотрения обращений и т.п.»).

В целом, подводя итог всему вышесказанному, следует отметить, что складывающаяся в Беларуси новая информационная среда способствует росту и интенсификации электронных коммуникаций и использованию сети Интернет как источника информации, способа общения, «обратной связи» населения с государственными органами и организациями. Увеличение роли Интернета существенно расширяет возможности сотрудничества Беларуси с другими странами СНГ, а также международного, ускоряет обмен разного рода информацией, что, в свою очередь, положительно влияет на становление и развитие информационного общества в условиях глобальной нестабильности и системных трансформаций, происходящих на постсоветском пространстве.

Литература

1. Do you CEE? The Internet market of Central and Eastern Europe. 2-nd edition [Electronic resource]. – 2011. – Mode of access: <http://www.internetcee.com/>. – Date of access : 24.02.2012.
2. Пресс-релиз «Использование сети Интернет в Республике Беларусь» // Информационно-аналитический Центр при Администрации Президента Республики Беларусь. Социология. Исследования центра [Электронный ресурс]. – 2011. – Режим доступа : http://iac.gov.by/ru/sociology/research/Ispolzovanie-seti-internet-v-Respublike-Belarus_i_0000000216.html. – Дата доступа : 28.02.2012.
3. Мид, М. Культура и преемственность. Изучение конфликта поколений / М. Мид // Культура и мир детства. Избранные произведения / М. Мид. – Москва, 1988. – Раздел 6. – С. 322-361.
4. Подоляк, Т. Министр информации – о белорусской журналистике, государственных СМИ и новой эпохе телевидения / Т. Подоляк // Белорусский портал TUT.BY. Новости. Общество

[Электронный ресурс]. – 2012. – Режим доступа:
<http://news.tut.by/society/268258.html>. – Дата доступа : 12.01.2012.

Хомич Елена Викторовна,

кандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры философии и
методологии науки, Белорусский
государственный университет,
г. Минск, Беларусь.

Метаморфозы одиночества в сети.

МЕТАМОРФОЗЫ ОДИНОЧЕСТВА В СЕТИ

Хомич Е. В.

Белорусский государственный университет

Одиночество является относительно недавним изобретением человечества. Любопытным обстоятельством является тот факт, что о нем впервые заговорили не в классические эпохи «бездомности» типа позднего эллинизма или барокко, а в конце «антропологически благополучного» Просвещения. В общекультурный дискурс эту тему вводят романтики, которые, разочаровавшись в лейбницеvском оптимизме по поводу «предустановленной гармонии», сохранили декартовскую ставку на его как на абсолютную инстанцию истины.

В начале XIX века романтическое одиночество становится символом избранности, глубины чувств и свободы. В отличие от его последующих форм, оно во многом было связано со своеобразным «переизбытком» творчества, доставшимся в наследие от богатого им Просвещения. Романтический герой – это не тот, кто не может реализовать себя в обществе, но он по-своему играет с обществом, заставляя принимать свои правила игры. Зачитывавшаяся Байроном светская публика, достаточно благосклонно относилась к его последователям. Маска романтического героя была верным козырем для достижения успеха у дам и уважения у мужчин. «Общество» и одиночество здесь в равной мере нашли друг друга: одиночеству было выигрышно стать другим, обществу – похвастаться наличием другого. «Другой» при этом был своим же, знакомым с детства по мамам, папам, бабушкам, тетушкам и т.д., снисходительно взиравшим на очередные забавы молодости.

Следующий век одиночества связан с экзистенциализмом, действительно прочувствовавшим реальный его трагизм. Экзистенциальное одиночество, в отличие от романтического, уже не знает доверия к Богу, природе или любви. Бог умер, природа была побеждена городом, а любовь после Фрейда и Сартра редуцировалась к варианту

невроза с садомазохистским оттенком. Центрировав мир на человеке, экзистенциализм в конечном итоге оставил человека наедине с самим собой, указав на онтологическую субстанциальность его одиночества.

Своеобразным открытием экзистенциализма стало введение в философское и культурное пространство образа Другого. Для романтиков другой значим лишь как маркер для подчеркивания собственной исключительности (в стиле лермонтовского: «Нет, я не Байрон, я другой...»). В экзистенциализме Другой – это принципиально отличная от меня величина, замкнутая на себе монада, которую я не могу понять, и которая никогда не сможет полностью понять меня. Его «бытие-в-себе» – это стратегия постороннего, которому по большому счету безразличны мои искания и проблемы. Вместе с тем именно со взгляда Другого начинается наше собственное самоопределение.

Взгляд при этом играет двойственную роль. С одной стороны, он обеспечивает первичные межличностные связи, делающие возможным преодоление одиночества через сопричастность Я иному опыту. С другой стороны, эти связи «связывают» мое собственное пространство и свободу, заставляя примерять на себя ту внешнюю норму и оценку, которая диктуется «посторонним». Особая опасность данной «мерки» состоит в том, что из внешне-принудительной она становится значимым элементом внутреннего опыта. Другой в нас самих начинает оценивать наши поступки взглядом внешнего наблюдателя, соотнося их со своими нормами и канонами. Чувства стыда или внутреннего дискомфорта диктуются не просто моим несоответствием взгляду Другого, но присутствием Другого во мне самом как знания об этом несоответствии. Дискомфорт требует своего преодоления, и, соответственно, Я и Я-Другой вступают во внутренний диалог ради преодоления в себе Другого и конституирования собственного проекта. Круг одиночества замыкается, и каждый новый шаг навстречу Другому лишь расширяет его границы. Обреченность на одиночество становится в экзистенциализме такой же судьбой, как и сопряженная с ним свобода.

Последний (из имеющихся) век одиночества приходится на наше время. Казалось бы, достаточно спорно говорить об одиночестве в ситуации «коммуникативного поворота» в современной культуре и философии, обусловленного бурным развитием новых форм и средств общения. Мобильник, интернет, twitter и т.д. максимально упростили возможности межличностных контактов, устранив пространственные и временные границы, сделав Я принципиально доступным для Другого.

Парадокс ситуации состоит в том, что данные «идолы» цивилизации, придуманные для облегчения общения, в действительности способствовали его девальвации. Реальные контакты между людьми постепенно вытесняются сетевыми, которые не столько преодолевают одиночество, сколько его маскируют.

Одиночество виртуализируется, переходя в плоскость новой реальности, дарующей мощную иллюзию того, что я не один. Сеть действительно предлагает великолепные возможности для победы над основными «рубиконами» одиночества: проблемами самоопределения и саморепрезентации. Однако победа над ними осуществляется также виртуальным способом, а соответственно, столь же виртуальным может оказаться и ее «триумфальный» эффект.

Каковы же особенности «одиночества в сети» по сравнению с его более ранними прототипами? Главным основанием одиночества и для романтиков, и для экзистенциалистов была свобода. Пониматься она могла по-разному: либо как стихия эстетического творчества, либо как напряженность экзистенциального выбора. Однако именно с пафосом свободы всегда связывались инаковость и уникальность личности, ее права на собственное лицо и жизненный сюжет. Мечта об абсолютной свободе наконец-то осуществилась, однако вместо авторской самобытности Я она воплотилась в его анонимности. Будучи в виртуале, я свободен быть Наполеоном, Эйнштейном или просто Вовой, главное, чтобы такой логин до меня никто раньше не придумал, что, впрочем, не так и страшно, поскольку можно стать Наполеоном 2-м, 3-м и т.д. При этом всем понятно, что вы не Наполеон, а может даже и не Вова, а Маша. Здесь царит абсолютная либеральность взглядов: кем хотите, тем и будьте, можно даже примериться к нескольким аватарам.

Подобное расщепление Я в психологии диагностируется как шизофрения. В 70-е годы прошлого века Ж. Делёз писал, что «наше общество производит шизофреников так же, как оно производит шампунь и автомобили, с той лишь разницей, что первых нельзя продать» [1]. Продать их и сегодня сложно, однако найти область распространения легко: сеть, которая в основе своего функционирования воспроизводит шизофренический дискурс. Речь идет не только о расщепленности Я на разные маски, но и о самом принципе организации сетевого общения, где один голос (вернее, пост) перебивает другой, темы набегают друг на друга, и главная задача, скорее высказаться, чем быть услышанным, поскольку мало ли кто и как вас услышит и откомментирует. Возвращаясь к

заявленной теме, сложно однозначно ответить, одинок ли шизофреник. С позиции внешнего наблюдателя, скорее да, чем нет; с позиции внутренней самооценки, скорее нет, чем да. А может, и шизофрениками становятся от одиночества?

Безусловно, далеко не все формы общения в сети связаны с анонимной вседозволенностью. Напротив, в своем исконном предназначении социальные сети (например, FaceBook, LifeJournal, Одноклассники и др.) задумывались как формы виртуальной репрезентации реальной личности. Честь им и хвала, поскольку уже их грандиозный успех свидетельствует об эффективности таких новых форм общения. Люди действительно находят и старых, и новых друзей, а вместе с ними обретают дополнительные стимулы для самоопределения, саморепрезентации, саморазвития. Однако, тот же успех не есть ли следствие реального одиночества, вариант его виртуальной сублимации?

В свое время романтики ввели моду на личные дневники. Предполагалось, что бумаге можно доверить то, что трудно проговорить о себе другим людям. Безусловно, совсем личными они никогда не были. Их можно было показать другу как акт исключительного доверия, барышни могли просить интересующую их личность сделать запись в своем дневнике, писатели охотно их публиковали. Однако, в своей основе, это все-таки были личные тексты, адресованные скорее себе, чем другому.

Личные страницы в современных социальных сетях изначально ориентированы на другого, при этом, чем больше у тебя читателей, тем лучше. Куда там Гёте или Торо, в свое время опубликовавших дневники, до популярности отдельных страниц в LifeJournal, которые ежедневно могут просматриваться тысячами в поисках интересной темы или сюжета. Конечно, это замечательно, когда тобой интересуются, но не есть ли это интерес «случайного попутчика», которому легко рассказать о себе самое сокровенное именно потому, что завтра он о тебе навсегда забудет. Есть, однако, не просто случайные посетители чужих сайтов, но и те, кто «записались в друзья». Исключительно новая форма дружбы – по записи, которая ни к чему серьезному не обязывает, но видимость дружеского окружения создает.

Основная причина удобства такого рода общения связана с реальным отсутствием Другого. Та напряженность взгляда, о которой писали экзистенциалисты, растворилась в сети. Другой, которого ты одновременно любил и ненавидел, стал очередным посторонним, не имеющим к тебе никакого отношения, или просто «другом по записи», к

которому можно зайти на сайт и посмотреть на фото его детей и собаки без того, чтобы навещать его в реале и выслушивать разговоры об их достоинствах и проблемах. Взгляд, который напрягал, но заставлял по-новому корректировать свою жизненную стратегию, редуцировался к приятному во всех отношениях смайлику, который по определению не может никого потревожить.

Существует ли все-таки одиночество в сети? Пожалуй, что нет, поскольку по своему замыслу она связывает одно виртуальное Я с другим. Сегодня множество людей «нашлись» благодаря Интернету. Однако, наверное, не меньшее число потерялось благодаря виртуальной простоте общения. Когда в твиттере какой-нибудь Вова сообщает миру, что он любит Машу, хочется спросить, а знает ли Маша об этом. Реальный разговор, а уж тем более, объяснение в любви, всегда сложнее и драматичнее. Вместе с тем только реальный собеседник может быть гарантом того, что ты не один, в то время как бегство от него (в искусство, в самопроектирование или в сеть) – симптом одиночества. Виртуально преодолеваясь в сети, оно по-своему усугубляется в реальной жизни. Тем самым бегство от реальности, как и бегство от одиночества, знаменуют собой две встречные тенденции современности.

Литература

1. Делёз, Ж. Шизо-потoki и погребальная аксиоматика капиталистического социума / Ж. Делёз // Кризис сознания: сборник работ по «философии кризиса». – М., 2009. – С. 59–67.

<p>Чжан Чунье, аспирантка кафедры социологии, факультет философии и социальных наук Белорусского государственного университета, Китайская Народная Республика.</p>	<p><i>Современная тенденция развития высшего образования в Китае.</i></p>
---	---

СОВРЕМЕННАЯ ТЕНДЕНЦИЯ РАЗВИТИЯ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
В КИТАЕ
THE DEVELOPMENT TREND OF CHINESE HIGHER EDUCATION

Чжан Чунье
Белорусский государственный университет

Higher education in the whole education cause holds a leading position, takes the responsibility of training senior personnel, developing science and technology and promoting social development. In the international environment with the increasingly fierce competition, more and more high degree of modernization, higher education will no doubt become the world's strategic emphasis in twenty-first Century, if China wants to occupy its own position in the international competition, we must vigorously develop higher education. Therefore, in order to provide decision-making basis on making higher education management scientifically and modernized in twenty-first Century, study on higher education development trend is an important issue in front of us. So the author will discuss the trend of Chinese higher education in the following five parts:

I、 Socialization of the operating mechanism of higher education

Socialization of the operating mechanism of higher education includes two aspects:

1、 Development and perfection of Higher education social function. As we all know, modern higher education has three major functions in science and technology, teaching and economic. Teaching is the basic function; Higher education undertakes to provide the community with achievement of science and technology, and make them into productive task; Economic function refers to the higher education links with the production department, business department in a long or short cooperation, and plays a pioneering role in the economy development, directly promotes economic development and social progress, generates economic benefit. It is a breakthrough in the functions of higher education. In twenty-first Century, the social trend of development of

higher education refers more to development and perfection of higher education in economic function. In twenty-first Century, with the implementation of the strategy of rejuvenating the country with the help of science and education, higher education will attract more attention from the aspect of the social service function. Combining production will become a new trend of China's economic and scientific and technological development, also a major aspect of the social characteristics of higher education in the 21st century. Universities will strengthen the achievements of the intermediate links, and fight for the support of all levels of government or business cooperation; in accordance with the complementary advantages, mutual benefit, risk-sharing, benefit-sharing principle, establish a relative stable and cooperative relations with a number of enterprises, form a research and development co-operation base for personnel training, build a number of engineering(technology) research centers, technology development centers, and finally if the condition permits, scientific and technological enterprises will be founded, and even take the road of industrialization. In short, Higher Education in the 21st century will be fully integrated into the virtuous circle of social and economic development. We can infer that in twenty-first Century the general trend of higher education social function in our country is made up from scholasticism to socialization, from a single direction to diversification, from fragmentation to integration.

2、 Higher education as an important part in the lifelong education. In twenty-first Century, rapidly changing technology and production put forward new demands to social workers, who should not only have a certain experience and skills, but also have the reasonable intellectual structure and the constant updating knowledge structure. It makes the staffs adapt to social development and changes and become as the new social workers or not, will become the key point for China to meet the challenges of the information age. Therefore, our country will take lifelong education theory as the purpose of higher education reformation, and continue to increase working strength on further education. Adult education will become the indispensable part of higher education. With the popularization of modern teaching methods, higher education will breakthrough time and space constraints to enrich the connotation of higher education to different regions and people of different ages.

II、 Popularization in higher education teaching range

Popularization is mainly reflected in separating from the elite education mode in universities, it means scale of school, enrollment of students, and mode of running school will be developed. In early 1973, American scholar Martin

Trow had divided development of higher education in western industrialized countries into three stages: Higher education enrollment rate below 15% is the elite education, between 15% ~ 50% is the stage of mass education, above 50% is universal or popularization stage. This is distinguished from the form of elite education, mass education and popularization. In fact, elite education and popularization of higher education are mainly manifested in the following aspects: The expectations of elite education is to train a small number of social, political and economic elite; the purpose of mass education and the popularization of higher education is to cultivate talents, including the majority of ordinary senior workers. Higher education in developed countries had already entered in the elite education era in the sixties and seventies of the 20th century, now are entering or had stepped into the popularization stage. Students in the United States accounted for about 55% of the even-aged of the total population, while in Europe, Japan and even South Korea, students accounted for 35%~ 50% of the even-aged of the total population. Many developing countries also reached to 14.1% of the average level, the popularization of higher education is the world trend of educational development, is a general trend. Take the total number of students in the world as an example: 6 million in 1950, 12 million in 1960, 28 million in 1970; 51 million in 1980; 68 million in 1990; while 88 million in 1997. Therefore, the world students' number is doubling every ten years. In view of the national characteristic policy effect and human factors, higher education in our country had developed extraordinarily. Due to the rapid development of economy in China, the public demand for higher education is increasingly strong; after several years' increase enrollment, total number of college students has increased from 3.4 million in 1998 to 20.20 million in 2008, so, Chinese higher education grew slowly but fast, other countries had started to move several decades ago, but we began to move a few years later; thus they doubled but we quadrupled, and even more. In 2010, China's colleges and universities gross enrollment rate reached to 26.5%, the total size of higher education went up to 31.05 million people. All the signs indicated that, the higher education of our country has started to turn from "elite education" to "mass education". This is agreed to the major trend of world higher education development. Era of mass education in China is coming towards us, and according to the development trend, in early twenty-first Century, the developed areas of our country is expected to enter in the popularization phase.

III、 Higher education internationalized

Internationalization made the University become academic sharing and cultural exchange center, and maintain the world's leading level for long term. This point is particularly prominent in the education of foreign students: Among graduate students in The United States, foreign students accounted for about 40%; there are students from more than 100 countries in Harvard; students from more than 50 countries in Princeton University. The situation of leading universities in other developed countries are the same: foreign students accounted for about 1/4 of the total number in Oxford, they came from 13 countries; proportion of graduate students in Cambridge University is more than 60%; there are about 2000 students from over 60 countries in Tokyo University.

Therefore it is necessary to strengthen academic exchanges, teachers' international exchanges, international cooperation and international research between students. Cooperative education is one of the important forms for a country in the process of the internationalization, it can quickly understand, absorb and practice the international mode of running a school, setting curriculum, teacher training and other aspects. Chinese higher education should select foreign investment and "foreign intelligence", organize multi-species, multi-format, multi-level Sino-foreign cooperation so that there is no need to go abroad cultivating talents. Cooperation in running schools should also encourage qualified colleges and universities to go abroad, which is conducive to promote the internationalization process of Chinese higher education. It also helps to narrow the gap in technology between countries and regions, helps to promote understanding between peoples and between nations.

IV、Diversification of the higher education system

Because the allocation of resources is not only controlled by the government but also by a variety of economic body and benefit body, and the pattern of configuration is shifted from the centralized and unified management to market regulation and competition which act as a primary means of decentralized management, and that will completely shake the foundation which is mainly composed and arranged under the planned economic system by country. Therefore, in addition to the levels of government, professional departments, we will further encourage and support enterprises, units, and individual citizens to set up colleges and universities; welcome friendly countries, foreign organizations, personages to fund or raise money running the school or establishing Chinese-foreign cooperatively-run school; set up different types, levels and characteristics of colleges and universities to adapt to society's different needs;

to set various specialties, flexible education systems, teaching time, teaching methods and performance evaluation methods. Thus it is going to form diversified school running system based on public ownership, combine with cooperatively-run school system.

V、Integration of higher education curriculum

The dominant trend of integration of modern scientific and technological development, making scientific research, technological innovation increasingly difficult to breakthrough within a single discipline; and integration of multidisciplinary and interdisciplinary is the source of new disciplines, is the important way to gain original scientific results, is an inevitable choice to solve the major technical and social problems, is an effective support for training outstanding innovative talents. British Broadcasting Corporation (BBC) had interviewed 23 famous scientists (including seven Nobel Prize winners), and found that their professional disciplines and areas are involved deeply up to 6, with an average of 3.3. The proportion in the last 25 years of the 20th century when the interdiscipline won the Nobel Prize is close to 50 percent; while the proportion in the first five years in the 21st century is over 70%. Therefore, the curriculum of our colleges and universities will be integrated, the so-called integrated courses is to combine basic education with special education and applied research. It is needed to review and arrange the content of higher education and teaching methods; adopt new educational and teaching method and new material which contains new testing methods. Courses' setting should be combined with the traditional or modern knowledge and skills with advanced science and technology, considering the specific cultural, historical and economic background in order to implement integrated curriculum. This is not only closely related with the formation of students' view of world and moral sentiments, but also benefit developing correct way of thinking, creativity and originality greatly.

Literature

- 1.高水红、李全生：《高等教育国际化探源，中国教育报，2002年7月6日。
- 2.姜波：《面向二十一世纪的高等教育发展趋势》，教育研究，2000年第5期。
- 3.谢和平：《高等教育的发展趋势与当代高水平大学的使命》，中国大学教学，2008年第五期。
4. Pan Maoyuan. A Transcript of Pan Maoyuan's Discussion on Higher Education Trends. – University Education Science, 1 issue, 2010.

5. Cheng Haiying, Zhangxia. Research on China's Higher Education Reform and Development. – Value Engineering, 11 issue, 2011.

Шетько Анастасия Николаевна,
студентка 2 курса факультета
международных отношений
специальности международное право,
БГУ, г. Минск, Беларусь.

*Проблемы международно-правового
регулирования смежных прав
исполнителей и организаций
вещания в условиях глобализации.*

ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ СМЕЖНЫХ ПРАВ ИСПОЛНИТЕЛЕЙ И ОРГАНИЗАЦИЙ ВЕЩАНИЯ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Шетько А. Н.

Белорусский государственный университет

Средства массовой информации являются неотъемлемой частью жизни современного человека, обеспечивая его всеми необходимыми сведениями о различных сферах общественной жизни. Вместе с тем глобализация, активное использование цифровой формы записи данных и стремительное развитие сети Интернет приводят к ряду проблем, с которыми вынуждены сталкиваться как средства массовой информации, так и простые люди, заинтересованные в защите собственных прав. Всемирная интеграция и развитие международного частного права позволили в некоторой степени унифицировать регулирование общественных отношений, возникающих в области распространения информации. Тем не менее, научно-технический прогресс ставит новые задачи, решить которые на данный момент не удалось ни международному, ни национальному праву. Однако стоит отметить принципиальную решаемость указанных задач, в рамках проведенного исследования автором было проведено исследование возможных методов преодоления возникших трудностей правового регулирования.

Во-первых, необходимо обратить внимание на отсутствие правовых норм, регулирующих правовой статус организаций сетевого вещания. Согласно общепринятому подходу статусом субъекта смежных прав наделяются лишь организации эфирного или кабельного вещания. Такая точка зрения нашла отражение в общепринятой практике, а также в национальном законодательстве большинства стран [1, 2]. В настоящее время в рамках Постоянного комитета ВОИС по авторскому праву и смежным правам разрабатывается договор об охране прав организаций вещания. Одним из спорных положений является вопрос о сфере действия данного договора (какие передачи должен охватить данный договор –

только ли передачи эфирного и кабельного вещания или также передачи сетевого вещания, как предложила делегация США). Однако сетевое вещание распространено не во всех странах, и потому наиболее предпочтительной для стран-участниц обсуждения представляется охрана лишь такого сетевого вещания, которое осуществляют организации эфирного вещания одновременно с собственными передачами, идущими в эфир [3]. Тем не менее, данная позиция, по мнению автора, является устаревшей, поскольку она не учитывает особенности развития средств массовой информации в последние десятилетия, а также перспективу их дальнейшего развития. В настоящее время организации сетевого вещания предоставляют интересующую общество информацию посредством всемирной сети Интернет, подобно организациям эфирного или кабельного вещания. Вместе с тем целью признания за организациями сетевого вещания статуса субъекта смежных прав является максимальная защита их законных интересов. Для создания и функционирования организации сетевого вещания, постоянного качественного обслуживания ею общественности необходимы значительные вложения труда и капитала. Однако действующие в настоящий момент международно-правовые нормы не предусматривают защиту имущественных прав таких организаций, ввиду чего её создатели практически не имеют возможности препятствовать свободному использованию их информационных материалов иными лицами, тем более в коммерческих целях. В связи с этим представляется необходимым закрепить за указанными организациями статус субъекта смежных прав, тем самым давая им возможность защищать свои имущественные права на основе правовых норм.

Во-вторых, отдельного внимания заслуживает правовая регламентация записи выступления спортсменов некоторых видов спорта. Данная проблема заключается в том, что спортивные выступления в отдельной группе видов спорта обладают особой художественной ценностью. Как правило, такие выступления сопровождаются исполнением музыкальных произведений, предусматривают отдельную оценку артистизма спортсмена, исполняются в специально подготовленных костюмах. Кроме того, программа выступления представлена заранее определённой последовательностью выполнения различных элементов. Обозначенные особенности позволяют сделать вывод о сходстве рассматриваемых выступлений спортсменов с танцевальными, эстрадными или цирковыми номерами. Сходной точки

зрения придерживаются Ю. Брумштейн и Ю. Аксенова, рассматривающие соревнования по спортивным танцам на льду как своеобразные представления. Они указывают, что развитие телевизионных технологий, появление и улучшение светодиодных табло привело к тому, что на соревнованиях танцора можно показать крупным планом. Это в свою очередь приводит к повышению роли костюма, макияжа, актёрского мастерства спортсмена, что позволяет рассматривать его как актёра [4, с. 15].

С другой стороны, запись выступления спортсмена может использоваться без согласия самого спортсмена в целях, отличающихся от целей создания такой записи. В рассматриваемом случае спортсмен не имеет возможности получения компенсации за использование иным лицом в коммерческих целях записи своего выступления. В связи с этим представляется логичным предоставить спортсменам, чьи выступления обладают высокой художественной ценностью, статус исполнителей. Однако это лишь один из двух шагов к решению поставленной проблемы. Известно, что спортсмены значительную часть времени проводят на соревнованиях, которые могут проходить на территории иного государства. В связи с этим целесообразным кажется введение нормы о придании статуса исполнителя некоторым категориям спортсменов в международное право, унифицировав таким образом подход к защите прав спортсменов.

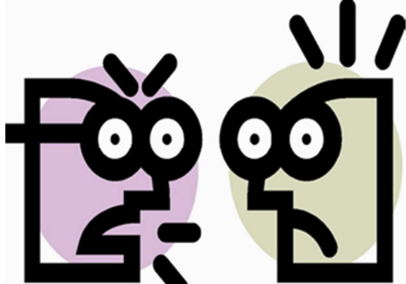
В-третьих, необходимо очертить ещё одну проблему, тесно связанную с использованием в средствах массовой информации видеозаписей исполнений. В соответствии с нормой Международной конвенции Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры «Об охране прав исполнителей, производителей фонограмм и вещательных организаций» от 26 октября 1961 г. знак охраны прав исполнителя или производителя фонограммы состоит из символа ©, имени (наименования) правообладателя и года первого опубликования фонограммы. При этом он помещается на всех экземплярах *фонограммы* [5]. Однако при осуществлении видеозаписи исполнения полученный продукт является либо аудиовизуальным произведением, либо видеодиаграммой. Таким образом, исполнитель лишается возможность информировать общественность о принадлежащих ему смежных правах, что может приводить к их нарушению как умышленно, так и по неосторожности. Для решения поставленной проблемы можно предложить несколько возможных вариантов действий: во-первых, можно расширить

сферу применения указанного знака; во-вторых, возможно создание нового знака, особого символа охраны прав именно исполнителей. Из представленных способов решения проблемы наиболее предпочтительным представляется второй, поскольку он лучше отражает правовую природу прав исполнителя. Необходимо учесть отличие смежных прав исполнителя от смежных прав производителя фонограммы; первый обладает также личными неимущественными правами. В том случае, если оба указанных субъекта будут являться физическими лицами, различить объёмы прав, принадлежащих им, не будет представляться возможным. Таким образом, введение в оборот особого знака правовой охраны прав исполнителя (международному праву такой знак в настоящее время неизвестен) позволит с одной стороны отличить субъектов прав исполнителя и производителя фонограммы, а с другой стороны – даст исполнителю возможность информировать общественность о принадлежащих ему правах. Введение данной нормы в международное право позволит исполнителю защищать свои права и законные интересы вне зависимости от государства его фактического пребывания и государства опубликования записи исполнения. Таким образом, продуктивность международных отношений в области культуры и спорта в условиях глобализации будет повышена.

Литература

1. Об авторском праве и смежных правах: Закон Республики Беларусь, 17 мая 2011 г., № 262-З / М-во внутр. дел Респ. Беларусь, учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь». – Минск, 2011.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации: в ред. Федерального закона от 08.12.2011г. № 422-ФЗ // Консультант Плюс. Технология Проф 2012. – [Электронный ресурс] . – М., 2012.
3. Комментарий к статье 1329 Гражданского кодекса Российской Федерации Организация эфирного или кабельного вещания // Гражданский кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]. – 2011. – Режим доступа: <http://grazhdanskiy-kodeks-rf.com/statuya-1329-organizaciya-efirnogo-ili-kabelnogo-veshhaniya/>. – Дата доступа: 11.03.2012.
4. Брумштейн, Ю. Танцевальные номера: анализ особенностей с позиции авторского и смежных прав / Ю. Брумштейн, Ю. Аксенова // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. – 2011. – №8. – С. 4-18.

5. Международная конвенция Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры «Об охране прав исполнителей, производителей фонограмм и вещательных организаций» от 26 октября 1961 г. // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000. – [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2012.

	<p style="text-align: center;">КРУГЛЫЙ СТОЛ</p> <hr/> <p style="text-align: center;"><i>Вызовы глобального мира и перспективы межцивилизационных взаимодействий</i></p>
---	--

<p>Бобр Александр Михайлович, кандидат философских наук, доцент, зам. декана факультета философии и социальных наук, Белорусский государственный университет, г. Минск, Беларусь,</p> <p>Новиков Владимир Тимофеевич, кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии и методологии науки, Белорусский государственный университет, г. Минск, Беларусь.</p>	<p><i>Социальная революция как форма модернизации социума.</i></p>
---	--

СОЦИАЛЬНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ КАК ФОРМА МОДЕРНИЗАЦИИ СОЦИУМА

Новиков В. Т., Бобр А. М.
Белорусский государственный университет

В российской политической литературе события Октября 1917 года все чаще называют «переворотом», причем этот термин используют не только политики правооппозиционного толка, но и ученые-политологи. С другой стороны, в публицистической и даже научной лексике широко используются понятия «бархатных», «цветных» и «сетевых» революций. Возникает вопрос: не произошла ли «революция» в лексике самого общественнознания, и не девальвировался ли характерный для марксистской философской традиции смысл данного понятия?

В этой связи обратим внимание на способствующие революциям процессы, анализ которых лег в основу некоторых современных концепций социальной революции.

Это, во-первых, процесс демографического роста при дефиците ресурсов. Данный процесс стал предметом анализа английского экономиста XIX века Т. Мальтуса, который сформулировал закон

убывающего плодородия почвы, из которого следовало, что именно нехватка жизненных благ способна приводить к острым социальным конфликтам. Об актуальности фактора демографического роста свидетельствуют и некоторые современные футурологические прогнозы. В частности, в докладе Национального разведывательного совета США «Глобальные тенденции – 2025: меняющийся мир» отмечается, что в ближайшие 10-20 лет рост мировой экономики и полутора миллиардный прирост населения могут привести к недостатку ресурсов, а, следовательно, к радикальным изменениям в мире» [1].

Это, во-вторых, нарушения в воспроизводстве элиты. В процессе социальной эволюции типичной является динамика состава элиты, предполагающая вхождение в нее деятельных и одаренных представителей широких слоев общества. Однако, как отмечал один из авторов концепции элитизма В. Парето, иногда происходят «сбои» в циркуляции элит, обусловливаемые «засорением» каналов социальной мобильности. Очищением этих каналов и призвана заняться революция.

Авторы структурно-демографической концепции социальной революции, поставившие цель рассмотреть взаимозависимость процессов демографического роста, ослабления государства и динамики элиты в Новое и Новейшее время, обращают внимание на особую роль в них перепроизводства элиты. В частности, П. Турчин, изучая динамику элиты Запада на протяжении ряда веков, пришел к выводу о связи вековых циклов социальной нестабильности с быстрым ростом численности правящих слоев, которым недостаточно доходов, чтобы поддерживать свой элитный статус и которые, поэтому, стремятся к насильственному переустройству общества. Именно дефицит ресурсов для обеспечения запросов сформировавшейся в арабских странах и стремящейся к власти контрэлиты во многом способствовал инициации ею военных переворотов весной 2011 года.

Это, в-третьих, превращение масс в мощную движущую силу общественного развития. Согласно концепциям социальной революции, созданным на основе теории массового общества, именно движение широких масс народа порождает экономическую и политическую нестабильность и ведет к системному кризису общества. По мнению сторонников этой теории, в основе сопровождающихся беспорядками и насилием революционных действий масс ведущая роль принадлежит не рассудку и разуму, а эмоциям и чувствам, определяющим их спонтанный и импульсивный характер.

Это, в-четвертых, исчерпание эволюционных возможностей в менталитете общества и, как следствие, вызванные экстремальными ситуациями мутации характерной для общества культурной традиции. В частности, говоря о причинах и сопутствующих обстоятельствах Октябрьской революции в России 1917 года, Н.А. Бердяев упоминает диктатуру мирозерцания. Роль «спускового крючка» в мутации менталитета сыграла мировая война, которая «выработала новый душевный тип, тип, склонный переносить военные методы на устройство жизни» [2, с. 101].

Это, в-пятых, кризис в осуществлении процесса модернизации политической системы, направленного на трансформацию ее базовых институтов, норм и ценностей, а потому затрагивающий все сферы жизни общества. В рамках концепции политической модернизации рассматриваются различные модели ее осуществления и, в частности, «тупиковая». Она связана с игнорированием причин локального политического конфликта и перерастанием его в глобальный конфликт, разрешающийся в форме социальной революции.

Это, в-шестых, конфликт в развитии системы общественного хозяйства, ведущий к радикальным изменениям во всей системе общественных отношений. Он является основой для интерпретации феномена социальной революции в марксизме, который в данном вопросе выступает как в роли оппонента отдающей приоритет социальной эволюции и общественным реформам концепции политической модернизации.

В марксистской теории общественного развития обращается внимание на ведущую роль объективного механизма, лежащего в основе развития общества. В частности, действие такого объективного механизма четко прописано К. Марксом в предисловии к работе «К критике политической экономии»: «На известной ступени своего развития материальные производительные силы общества приходят в противоречие с существующими производственными отношениями, или – что является только юридическим выражением последних – с отношениями собственности, внутри которых они до сих пор развивались. Из форм развития производительных сил эти отношения превращаются в их оковы. Тогда наступает эпоха социальной революции» [3, с.7].

На основании сказанного К. Марксом может сложиться впечатление, что для него характерна фаталистическая интерпретация революции. Это не так, поскольку немецкий мыслитель подчеркивал, что в обществе

объективные закономерности всегда проявляют себя через деятельность людей, осознающих свои интересы и ставящих определенные цели.

Очевидно, что, как и в развитии общества в целом, так и в осуществлении революционных изменений объективный и субъективный факторы дополняют друг друга, а социальная революция не является следствием человеческого произвола. Не случайно Г. Гегель говорил об «иронии истории», связанной с составляющей ее субъективный фактор деятельностью людей. Применительно к революции, суть «иронии истории» выразил в письме Вере Засулич Ф. Энгельс: «Люди, хвалившиеся тем, что сделали революцию, всегда убеждались на другой день, что они не знали, что делали, – что сделанная революция совсем не похожа на ту, которую они хотели сделать» [4, с. 310].

Применительно к современной истории это означает необходимость видеть за социальными потрясениями интересы *реальных* субъектов исторического процесса, различать в нем статус, как субъектов – творцов истории, так и ее движущих сил. Не менее важно умение отличать объективно существующие возможности от возможностей формальных, продиктованных складывающейся исторической конъюнктурой, не обольщаясь первыми достигнутыми результатами.

Второе обстоятельство, которое также следует учитывать при рассмотрении роли социальной революции, касается необходимости более строго различения феноменов социальной и политической революции. Понятие социальной революции шире понятия политической революции, поскольку предполагает радикальные, затрагивающие основания социального бытия изменения. Это преобразования не только в политическом строе, но и в системе хозяйства, в культуре, – иными словами, во всех основных сферах общественной жизни. В этом смысле интерпретация социальной революции К. Марксом является наиболее убедительной, а те масштабные и глубинные изменения, которые произошли в итоге октябрьских событий 1917 года, имели отчетливо выраженный революционный характер.

Этот же характер носили преобразования, инициированные политикой перестройки, а затем и распадом СССР. Они привели к уничтожению единого народнохозяйственного комплекса страны и радикальному изменению форм собственности (в России, в частности, способствовали появлению олигархического капитала), радикальным пертурбациям в системе государственного управления, политике, образе жизни, межнациональных отношениях, системе ценностных приоритетов,

даже в менталитете общества. Эти изменения носили фронтальный и кардинальный характер, что позволяет говорить о произошедшей социальной революции.

С другой стороны, процессы, которые зачастую именуют социальными революциями, таковыми, по сути, не являются. Речь идет о «цветных» революциях в некоторых постсоветских государствах или революциях «арабской весны» 2011 года. Они имели видимый характер политических революций, хотя критерием того, что это именно революции, а не во многом инспирированные государственные перевороты, могут служить только последующие изменения в политическом строе. А они далеко не очевидны ни в Украине, ни в Грузии, ни в Киргизии, ни, тем более, в арабском мире. Так, имевшая большой общественный резонанс «оранжевая революция» в Украине являлась революцией не по существу, а только по имеющему метафорический смысл названию – она не привела не только к каким-либо значимым социально-экономическим изменениям, но существенно не отразилась даже на модернизации политического строя республики. В этой связи показательно, что следующий политический режим – режим правления политических противников «оранжистов», каких-либо «контрреволюционных» мер не предпринимал. Реставрация прежнего, нарушенного «революционерами» политического порядка не потребовалась, поскольку он, по сути, не нарушался.

В заключение отметим, что революции в обществе, поскольку они ведут к радикальным изменениям в обществе и его дестабилизации, для рядового человека всегда – независимо от того, вооруженным или мирным путем они осуществляются, означают серьезные испытания и лишения. Поэтому предпочтительным для него является развитие на основе реформ, используя которые можно планомерно и поступательно осуществлять качественное преобразование общества в его же интересах.

Литература

1. Эхо планеты. № 42. – 13-19 ноября 2009 года.
2. Бердяев, Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма / Н. А. Бердяев. – М., 1990.
3. Маркс, К. Сочинения / К. Маркс, Ф. Энгельс. – Т. 13.
4. Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями. – М., 1951.

<p>Дениз Экинджи, доцент, зам. декана факультета заочного обучения Стамбульского университета, Стамбульский университет, г. Стамбул, Турция.</p>	<p><i>Мировые запасы воды и экологический аспект связанных с ними проблем</i></p>
---	---

МИРОВЫЕ ЗАПАСЫ ВОДЫ И ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ СВЯЗАННЫХ С НИМИ ПРОБЛЕМ

Дениз Экинджи
Стамбульский университет, г. Стамбул, Турция

Вода стоит на втором после воздуха месте с точки зрения необходимости для жизни. Вода является элементом гидросферы, одной из земных систем. И важность воды не ограничена только этим. Целый ряд видов деятельности, начиная от производства энергии и заканчивая транспортом, связан с водой. Кроме человека, другая фауна и флора находятся в неразрывной связи с водой.

Все резервы воды, такие, как океаны, моря, озёра, реки, подземные воды и источники, в целом именуются водной оболочкой планеты или гидросферой. Таким образом, все воды Земли входят в гидросферу. Площадь гидросферы на поверхности Земли составляет 361.000.000 квадратных километров. С этой точки зрения гидросфера покрывает 71% земной поверхности. 350.170.000 квадратных километров из этой площади составляет площадь солёной воды. Иными словами, 97% гидросферы составляют моря и океаны. Гидросфера является источником жизни для живых существ. Толщина гидросферы в зависимости от уровня моря варьирует от +3810 м (озеро Титикака) и -11033 м (Марианская впадина). 71% площади Земли составляет гидросфера, 29% - суша. Эта пропорция в Северном полушарии составляет 61% гидросферы и 39% суши, а в Южном полушарии – 81% гидросферы и 19% суши.

Как становится очевидно, гидросфера включает в себя воду, содержащуюся в стоячих и проточных водах на поверхности Земли, таких, как океаны, моря, озёра, реки и болота, воду, содержащуюся в организмах флоры и фауны, а также всю воду, содержащуюся в литосфере в виде почвенной влаги, подземных вод и ювенильных вод. Таким образом, гидросфера представляет собой воды, находящиеся во всех пространствах и структурах, начиная от атмосферы и заканчивая земным ядром.

Часть воды, образующей гидросферу (составляющая приблизительно 0,04% всей пресной воды) находится в атмосфере в виде водяного пара. Этот объём образует 1/25 объёма атмосферы. Уровень водяного пара в атмосфере обычно уменьшается по мере перехода от влажных и жарких регионов к засушливым и холодным регионам. Что касается вертикального направления, известно, что почти весь водяной пар находится в тропосфере. Водяной пар, находящийся в атмосфере (в тропосфере), являясь причиной движения воздушных масс в вертикальном направлении, играет определяющую роль для климатических явлений. Потому что энергия, которая выделяется при испарении, и особенно при конденсации влаги, представляет собой движущую силу, необходимую для атмосферных явлений. Кроме того, содержащийся в атмосфере водяной пар, поглощая солнечные лучи, препятствует чрезмерному нагреванию земной поверхности, и, задерживая лучи, отражающиеся от земли, препятствует её чрезмерному охлаждению. Также можно говорить и о других полезных свойствах воды, как, например, обеспечение возможности для дыхания многих живых организмов, таких, как человек, и для существования бактерий в воздухе.

97,5% от мирового водного потенциала, составляющего 1 миллиард 400 миллионов км³, составляют солёные морские и океанские воды. Оставшиеся 2,5% представлены пресными водами, 69,5% из которых связаны в виде ледников, и данная часть гидросферы именуется «криосферой». 30,1% всей пресной воды представлено подземными водами, 0,4% - поверхностными водами рек и озёр. Большая часть подземных вод представлена ископаемыми водами, почвенной влагой, гигроскопической водой и глубинными водами; эта вода не является доступной в любое время. 1/5 часть поверхностных вод доступна к использованию. В современных условиях и при существующих технологических возможностях только малая часть всей воды в мире, составляющая 3/100.000, пригодна для потребления человеком, растениями и животными.

Океаны представляют собой очень большие водные массивы, отделяющие континенты друг от друга. Они покрывают приблизительно две трети (70%) земной поверхности, и примерно на половине этой площади уровень воды составляет более 3000 метров. В мире существует пять океанов. Это Тихий океан, Атлантический океан, Индийский океан, Южный океан и Северный Ледовитый океан. Моря являются ответвлениями океанов, которые вдаются внутрь континентов.

Следовательно, море представляет собой водоём, связанный с океаном, имеющий большую площадь, и вода которого является солёной.

Озёра, в которых содержится 0,3% пресных вод, а также болота и водно-болотные угодья, содержащие 0,03% пресных вод, привлекают внимание как резервы пресной воды, занимающие следующее по величине место после ледников и подземных вод. Если добавить сюда реки, составляющие 0,006% пресных вод, мы получаем часть гидросферы, наиболее пригодную для использования.

Элементы биосферы, содержащие в себе 0,003% пресной воды, находящейся на земной поверхности, используют эту воду для обеспечения своей жизнедеятельности. Вода, составляющая более половины организма у многих видов живых существ, выполняет такие важные для поддержания жизнедеятельности функции, как доставление кислорода к живым клеткам, передача растворённых минеральных веществ к соответствующим частям организма, и восполнение влаги, потерянной при испарении.

Эта часть гидросферы, как для деятельности человека и для экономической деятельности, так и для условий жизни наземных растений и животных, является важным и определяющим элементом, и оказывает большое влияние на биосферу. Данную ситуацию доказывает тот факт, что озёра, болота и реки имеют собственные экосистемы, и что биологическое разнообразие видов является более выраженным на участках, где источники воды являются более доступными.

Ледники, представляющие собой самые важные мировые резервы пресной воды, содержащие приблизительно 70% пресной воды мира, являются своего рода депо пресной воды, которой практически невозможно воспользоваться. Горизонтальное и вертикальное распределение на земной поверхности данной составляющей гидросферы, предстающей перед нами в виде широких покровных ледников (морских ледников, ледниковых щитов) или региональных ледников (ледяных шапок, долинных ледников, нивационных снегов), и содержащей воду в твёрдом виде, сформировано в зависимости от климатических элементов, в первую очередь таких, как температура и влажность. Следовательно, возрастает вероятность наблюдать ледники на полюсах, где температура снижается в горизонтальном направлении, и на возвышенных участках, где температура снижается в вертикальном направлении. Однако в некоторых засушливых регионах с преобладанием континентального климата (например, Сибирь) даже при наличии подходящих температурных

условий невозможно встретить ожидаемое количество ледников. В таких местах больше встречаются участки вечной мерзлоты, образованные замёрзшей почвенной влагой. Ледники благодаря собственным динамическим механизмам, помимо того, что являются причиной возникновения элементов рельефа, именуемых ледниковой топографией, представляют большое значение ввиду того, что питают многие реки.

Массы пресной или местами солёной воды, заполняющие чаши на поверхности материков, называются озёрами. Озёра также могут быть определены как широкие и стоячие водные массивы, заполняющие закрытые бассейны. Имеется множество крупных и мелких озёр в различных частях света, и различающихся в зависимости от климатических особенностей, геологической и геоморфологической структуры региона. Самым крупным озером мира является Каспийское море на азиатском континенте, и самым глубоким – озеро Байкал, находящееся на том же континенте. Озёра, составляя 87% пресных вод, находящихся на поверхности Земли, покрывают 2% от площади суши.

Часть воды, попадающая на поверхность Земли в виде осадков, стекает с земной поверхности, а часть стекает под землю и там сосредотачивается либо протекает в нижележащие слои. Эти воды называются подземными водами. Места, где эти воды самостоятельно выходят на поверхность Земли, называются источниками.

На объём подземных вод оказывают влияние объём осадков, наклон местности, растительный покров и особенности почвы. Площадями, богатыми с точки зрения подземных вод, являются аллювиальные равнины, карстовые формы рельефа, берега морей и озёр.

Источники различаются в зависимости от типа выхода на земную поверхность. На горных и долинных склонах в местах выхода на поверхность через проницаемый слой и через трещины в разломах подземных вод, воды, собирающиеся и проникающие сквозь трещины в таких местах, как разломы и известняк, образуют карстовые источники.

Подземные воды, составляющие приблизительно 30% мировых резервов пресной воды, представляют собой ту часть гидросферы, которая находится в трещинах, разломах и порах гидросферы. Согласно предположительным данным, из всех подземных вод, составляющих около 10,5 миллионов км³, на сегодняшний день речь может идти об использовании их части, составляющей всего 0,13%, то есть приблизительно 14.000 км³. Ввиду того, что современные технологические возможности не являются достаточными для того, чтобы с оптимальными

затратами достичь вод, находящихся на глубине, из каждого 1.000 литра глубинных вод 998,7 литров оказывается вне пользования. Однако эти воды, хотя и недостижимые для человека, входят в нормальный круговорот воды, за исключением ископаемых вод, заключённых глубоко под землёй. Ископаемые же воды, только будучи освобождёнными из мест своего заточения посредством человеческого либо природного вмешательства, включаются в гидрологический цикл.

В целом почвенная влага и подземные воды, классифицируемые на такие составляющие, как гигроскопическая вода, капиллярная кайма, основные подземные воды и ископаемые воды, несут большую важность для элементов биосферы. Особенно в засушливых и полузасушливых регионах с недостаточным количеством наземных вод запасы подземных вод являются неотъемлемым элементом для продолжения жизни в данной местности. Кроме того, с точки зрения растворения, которое является одним из основных элементов геоморфологического формирования, подземные воды, проникающие в поры и трещины скал, представляют собой движущий рычаг. Опять же, подземные воды, вбирая в свою структуру некоторые растворимые вещества, транспортируя их и обеспечивая их осаждение в других местах, оказывая влияние на измельчение камней, находящихся на земной поверхности или близко к ней, и выполняя тому подобные функции, в различных аспектах играют активную роль в формировании рельефа земной поверхности.

Реками (проточными водами) называются воды, образованные водами источников, осадками, талыми водами снегов и льдов, и протекающие по определённому руслу. Проточные воды в зависимости от своих размеров называются ручьями, речками, реками, однако нет точного критерия, позволяющего устанавливать такую классификацию. Годовые изменения в течении проточной воды называются режимом. На режим проточной воды оказывают влияние такие условия, как режим и форма осадков, размеры бассейна, условия испарения, наличие плотин и растительный покров.

Проблемы водных источников, недостаток и нехватка воды. Проблема, возникающая вследствие недостаточности имеющихся в мире источников пресной воды для удовлетворения потребностей, может быть определена как проблема воды. Истиной является факт, что объём имеющейся в мире воды стабилен. Однако, ввиду того, что по причине той среды либо фазы, в которой находится вода, доступ к ней бывает затруднён, и ввиду того, что доступная вода из-за своего состава не

является пригодной для употребления, мировое наличие воды остаётся недостаточным для удовлетворения возрастающей с каждым днём потребности в воде. Вместе с тем, что данная ситуация меняется в зависимости от региона и сезона, она предстаёт перед нами как вопрос, острота которого в некоторых местах ощущается более, в некоторых местах менее интенсивно. В этом смысле воды, находящиеся в горных и покровных ледниках, гигроскопическая влага, вода в структуре живых организмов, водяной пар в атмосфере, солёные воды и ювенильные воды являются на первом этапе непригодными к использованию водами, и несут статус недоступной воды ввиду не зависящих от человека причин. С другой стороны, непригодными к употреблению вследствие антропогенных факторов являются воды, загрязняемые в результате деятельности человека. Следовательно, структура гидросферы, имеющая собственную гармонию и подвергнувшаяся влиянию вмешательств человека, указывает на постоянно растущую проблему для современного мира.

Вода, которая представляет собой абсолютно незаменимый источник, является одним из важнейших природных источников для всех живых существ. Иными словами, вода – это источник жизни и живых существ. Имеется множество секторов, где необходима вода, как, например, использование воды человеком, использование воды экосистемами, экономическое развитие, производство энергии, национальная безопасность. Однако рост населения, наблюдаемый в особенности за последние 50 лет, и возросшая вследствие этого потребность в воде, принесли на повестку дня глобальный водный кризис. Помимо этого, конфликты и столкновения в экономических, политических и экологических вопросах, которые усилились вместе с ростом мирового населения и потребности в воде, достигли гораздо более крупного и серьёзного масштаба. Источники воды находятся лицом к лицу с множеством проблем с точки зрения объёмов, качества и всех других видов потребления в зависимости от конкретного сектора. Вода представляет собой один из важнейших природных источников для всех живых существ.

Примерно 70% водных запасов, извлекаемых из подземных источников, а также из рек, используется для полива, 20% - в промышленности, и 10% - в быту. В конкуренции, постепенно возрастающей между этими секторами, можно наблюдать, что экономика в области воды складывается не в пользу сельского хозяйства. В Китае, в то

время как с помощью 1.000 тонн воды можно получить 1000 кг пшеницы, средняя стоимость которой будет составлять 200 долларов, с помощью такого же объёма воды можно произвести промышленную продукцию стоимостью 14.000 долларов. Этот процент в 70 раз превышает аналогичный показатель для сельского хозяйства. В стране, которая планирует экономический рост и сопутствующие ему виды деятельности, очевидными являются преимущества перемещения потребления воды от сельского хозяйства в сторону промышленности.

Вода, представляющая собой неотъемлемый элемент жизни, является незаменимым и ограниченным природным ресурсом. Доступ к здоровой воде должен рассматриваться как основное право человека, несущее приоритетную важность. Другими словами, вода должна рассматриваться как общественная ценность.

Урбанизация, индустриализация и защита экосистемы повышает потребность в воде. Индустриализация же в большей степени, чем урбанизация, повышает потребление водных ресурсов. Рост уровня жизни приносит с собой потребность в дополнительном потреблении водных ресурсов. Например, по мере роста пищевой цепочки людей, и по мере повышения потребления говядины, курятины, яиц и молочных продуктов, повышается также потребление зерновых культур.

Вода является возобновляемым источником, и в этом плане возможно её постоянное потребление. Однако ввиду быстрого потребления на сегодняшний день возможность обеспечить равенство в пользовании для всех представляется ещё очень далёкой. Обычно считается, что человек для удовлетворения своих биологических потребностей и для продолжения жизнедеятельности в сутки должен потреблять как минимум 25 литров воды. Однако если принять во внимание воду, которую использует современный человек для питья, приготовления пищи, мытья, стирки и прочих целей, необходимых для здорового образа жизни, средний городской стандарт потребления воды на человека составляет 150 литров. В целом в мире в то время как в промышленных странах дневной объём потребления воды на человека составляет 266 литров, в Африке он составляет 67 литров, в Азии 143, в арабских странах 158, в Латинской Америке 184 литра. 80 стран, в которых проживает 40% населения мира, в данный момент уже испытывают трудности с водой. За 1940-1980 годы объём потребления воды увеличился в два раза. Потребность в воде растёт с каждым днём ввиду того, что население быстро возрастает, а объём водных ресурсов остаётся

постоянным.

Каждый год 200 миллионов человек становятся жертвами заболеваний, связанных с загрязнённой водой, и 3.4 миллиона человек, большинство из которых являются бедными, включая детей, умирает по причине нехватки воды и связанных с водой заболеваниями. Каждый день умирает 6 тысяч детей, каждые 8 секунд погибает 1 младенец. Большинство людей, страдающих из-за загрязнённой воды, находится в развивающихся странах. Из 7-миллиардного населения мира 25%, то есть 1,75 миллиардов человек, испытывает большие трудности в плане чистой воды и не имеет доступа к чистой воде, пригодной для питья. 8% населения, то есть 500 тысяч человек, переживают хроническую нехватку чистой воды. 2.4 миллиарда человек нуждаются в улучшении условий. К 2050 году, к которому прогнозируется рост мирового населения до 9.3 миллиардов человек, ожидается, что к 26 странам, которые испытывают трудности с водой, через 50 лет прибавятся ещё 40, и что две трети населения будут испытывать связанные с водой различные проблемы. Ввиду климатических изменений 7 миллиардов человек в 60 странах окажутся лицом к лицу с нехваткой воды. Согласно данным исследования потребления воды в мире в городской местности среднее дневное потребление воды составляет 150 литров в секунду, а в индустриализированных странах этот показатель достигает 266 литров в секунду. За последние 50 лет население мира выросло приблизительно в два раза, потребление воды – в 6 раз. На данный момент 17 городов из 21 города, население которых превышает 10 миллионов, находится в мало развитых странах. Несмотря на то, что население Ближнего Востока на сегодняшний день составляет 300 миллионов, то есть приблизительно 5% мирового населения, регион располагает только 1% мировых водных ресурсов. Эти цифры указывают, что «чистая вода» является одним из важных вопросов, который будет занимать мировую повестку дня в предстоящие годы. Ближний Восток и Северная Африка, полуостров Индостан, некоторые регионы Южной Африки и Северный Китай представляют собой регионы мира, лидирующие в вопросе проблем с водой. Главными причинами возникновения проблем с водой в данных регионах являются чрезмерный рост населения, неэффективное использование воды и загрязнение воды. Ожидается, что к 2025 году в регионе Ближнего Востока и Северной Африки число стран, испытывающих дефицит воды, достигнет 18. Если говорить более конкретно, включая также и другие регионы, в 2025 году две трети

населения мира могут оказаться лицом к лицу с «нехваткой воды» и «дефицитом воды». Во всём мире загрязнение, чрезмерное потребление воды и недостаточно развитые политики управления водными ресурсами служат причиной снижения качества и объёма пригодной для использования воды. В итоге быстрого роста населения, быстрой урбанизации и индустриализации в некоторых странах потребность в воде для питья, бытовых и промышленных нужд выросла в разы по сравнению с предыдущими годами. Ввиду того, что вода является ограниченным источником, она стала показателем богатства стран. Сегодня страны, где в год на человека приходится 10 тысяч кубических метров воды, оцениваются как страны, богатые с точки зрения водных ресурсов. Согласно общепринятым критериям, если в стране годовой объём пресной воды на человека составляет менее 1,700 кубических метров, считается, что эта страна испытывает трудности с водой, если данный показатель падает ниже 1,000 кубических метров, считается, что страна переживает дефицит воды. Согласно докладу Объединённых Наций, опубликованному в 2002 году, половина населения мира в 2032 году не сможет найти даже питьевой воды. 95% народов Ближнего Востока, 65% населения Азии и Тихоокеанского региона будут испытывать серьёзные трудности с водой. Согласно Докладу о развитии мировых водных ресурсов, опубликованному Организацией Объединённых Наций по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО), самая качественная вода находится в Финляндии. В списке, образованном посредством оценки критериев, касающихся объёма и чистоты источников пресной воды, в особенности подземных вод, а также способов очистки сточных вод, Канада заняла второе место, третье место заняла Новая Зеландия, а Турция заняла 45 место. Германия, стоящая на 57 месте, осталась позади Турции и таких стран, как Эквадор, Венесуэла, Хорватия и Болгария. В докладе, сообщающем о недостаточном количестве и качестве воды в Бельгии, занявшей последнее, 122 место в списке, подчёркивается обилие промышленных отходов в стране и недостаточная эффективность системы очистки сточных вод.

Бедность, засуха и войны делают недоступными источники чистой воды. Вместе с ростом мирового населения невежественное загрязнение и чрезмерное расходование ресурсов служит причиной постепенного отдаления от возможности удовлетворения потребности в качественной воде. Ввиду этого некоторые страны прибегают к методу очистки и повторного использования сточных вод. Выяснилось, что большая часть

наземных водных ресурсов загрязнена, и многие подземные водные ресурсы используются свыше допустимой меры. Постепенно приобретает силу убеждение в том, что, если не будет положен конец загрязнению и неумеренному использованию водных ресурсов, для будущих поколений не останется качественных источников воды.

В итоге, с помощью солнечных лучей осуществляется постоянный обмен водой между гидросферой и атмосферой. Атмосферные условия, химический состав воды, отдалённость Солнца от Земли, и все прочие подходящие условия обеспечивают нахождение воды в трёх состояниях: твёрдом, жидком и газообразном. Посредством испарения с водных поверхностей в атмосферу поднимается водяной пар. Затем он возвращается обратно в виде снега, дождя и града. Так как известно, что вода находится в различных средах в переходном состоянии, может быть легко доказано то, что вода, пропорции, содержимое и фазы которой постоянно меняются, подвержена процессу изменений и преобразований. Этот процесс называется «водным циклом». Все виды воды на голубой планете не являются пригодными для всех целей, и, к тому же, в последний период мировые запасы воды особенно нуждаются в восстановлении баланса, так как имеет место быстрая дегенерация, вызванная климатическими изменениями и антропогенным влиянием. Мировые водные ресурсы находятся в процессе динамики, направленной на самовосстановление и защиту постоянства удобных для жизни условий посредством собственных структур. Ледники, представляющие собой твёрдое состояние воды, путём таяния переходят в жидкое состояние, либо путём сублимации – в газообразное состояние, вода же, находящаяся в жидком состоянии, снова переходит в водяной пар, представляющий собой газообразное состояние. Находящийся в атмосфере водяной пар, конденсируясь, снова выпадает на поверхность суши либо морей в жидком или твёрдом состоянии. В результате этого явления, именуемого «осадками», часть воды, выпадающей на сушу, проникает в почву, имеющую соответствующие условия, и присоединяется к подземным водам. Часть же поглощается элементами биосферы. Вода, распределённая таким образом на земной поверхности, снова возвращается в атмосферу, где она находилась изначально. С другой стороны, вода, находящаяся в различных средах и имеющая различные свойства, завершает данный цикл за различные временные промежутки (Таблица 1). Следовательно, самообновление и рафинирование воды не происходит за какой-либо точно определённый промежуток времени. В этой связи невозможно точно

сказать, когда и где будет находиться какое именно количество воды.

Таблица 1. Срок самовозобновления водных ресурсов в рамках водного цикла

Вид водных ресурсов	Срок возобновления
Мировые океаны	2500 лет
Подземные воды	1400 лет
Талая вода ледников	9700 лет
Ледниковые образования в горах	1600 лет
Регионы полюсов	10.000 лет
Озёра	17 лет
Влажные участки	5 лет
Почвенная влага	1 год
Сеть каналов	16 дней
Атмосферная влага	8 дней
Биологическая влага	несколько часов

С этой точки зрения необходимо, чтобы естественные источники, такие, как вода, использовались согласно принципам устойчивого природопользования. Нашим главным долгом является распространение данного подхода. Кроме этого, могут быть приняты некоторые меры для того, чтобы уменьшить проблему воды и снизить до минимума имеющие место разногласия. Эти меры могут приниматься на государственном уровне, уровне местных властей и индивидуально.

<p>Дилекчи Ихсан, директор Общественного объединения «Диалог Евразия», аспирант кафедры социологии факультета философии и социальных наук БГУ, Турция.</p>	<p><i>Молодежная политика Турции на примере гражданского общества: сравнение движений «Ахи» и «Хизмет».</i></p>
---	---

МОЛОДЕЖНАЯ ПОЛИТИКА ТУРЦИИ НА ПРИМЕРЕ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА: СРАВНЕНИЕ ДВИЖЕНИЙ «АХИ» И «ХИЗМЕТ»

Дилекчи Ихсан
Белорусский государственный университет

В данной статье проводится параллель между молодёжными организациями двух гражданских движений Турции: традиционно-исторического движения «АХИ» и современное движение «ХИЗМЕТ».

Молодёжная организация с многих точек зрения похожа или даже совпадает с организацией Ахи.

«Ахилик», турецкое учреждение в Анатолии, представляло собой социоэкономическое учреждение, имеющее собственную специфику. Ахилик, являясь многосторонней организацией, в то же время представляло собой образовательную организацию. Она готовила молодые поколения к профессиональной жизни и давала им образование. В организации Ахи молодёжь состояла из «учеников». Затем следовали такие ступени, как «подмастерье» и «мастер». В данном разделе мы уделим внимание преимущественно положению и образованию молодёжи.

Движение «ХИЗМЕТ» работает в области образования, экономики и создаёт диалог между различными слоям и общества, между народами, культурами и конфессиями. Подготовка молодого поколения занимает особое место в движении «Хизмет». Духовный наставник движения Ф. Гюлен посвятил этому статью «Золотое поколение», кроме того этому посвящено и множество других статей и высказываний.

Принципы Ахи основывались на «законах благородства». Они имели характер образовательных программ. Мы приведём некоторые примеры, связанные с нашей темой. Это было учреждение заочного образования, появившееся преимущественно в эпоху Сельджуков.

В мусульманских обществах есть понятие «благородство» (хорошие качества характера). Это понятие характеризует такие качества, как следование заповедям Аллаха, борьба с собственным эго, доброта,

проявление любви ко всем людям. Это понятие в культуре Сельджуков трансформировалось в форму «Ахилик» (Братство). Это была организация по типу гильдии. Слово «Ахилик» означает «Братство».

Ибни Батута в разделе «молодые братья» даёт нам информацию по поводу Ахи. По его мнению, эта организация существует во всех местах Анатолии. Можно сказать, что молодёжные организации стали продолжением структуры Ахи в деревнях. Потому что в работе организации есть моменты, похожие на таковые в организации Ахи. Они имеются и в содержании, и в форме. Касательно содержания, и в этой организации есть такие принципы, как единство, взаимоподдержка, взаимопомощь, честность, дисциплина, братство, традиционные в турецкой культуре. В этих организациях, как и в организации Ахи, присутствуют такие формальные особенности, как иерархия, распределение полномочий и обязанностей.

Движение «Хизмет» начинало формироваться в 1970 году. Основные принципы деятельности во многом схожи. В движении ведётся как заочное, так и очное образование. Понятие «братство» (благородство, борьба с собственным ЭГО, проявление любви ко всем людям и т.д.) также является одним из ключевых понятий.

Объединения Ахи представляют собой религиозные и экономические организации, появляющиеся начиная с 13 века в связи с различными профессиями. Они контролировали, чтобы производство осуществлялось в соответствии со стандартными критериями.

Организации движения «Хизмет» можно разделить на следующие категории:

- образовательные очные: школы, университеты, читальные залы, курсы по подготовке к центральному тестированию, общежития;
- образовательные заочные: квартиры, кружки, беседы;
- экономические: ассоциации молодых бизнесменов, федерации бизнесменов, конфедерации;
- благотворительные фонды;
- медиа: телевидение, радио, газеты, журналы;
- издательские организации;
- больницы.

Основные их принципы были зафиксированы в различных законах благородства. Образование в Ахилик было направлено на три цели:

1-Воспитание честных граждан

2-Воспитание работников с профессиональными навыками (профессиональное обучение)

3-Подготовка военной силы.

Основными ценностями «Хизмета» также являются:

1. Воспитание достойных людей;
2. Качественное образование;
3. Воспитывать в людях способность вести диалог, толерантность, терпение, уважение к другим, эмпатия.

Теперь же рассмотрим данные пункты по отдельности.

По вечерам ученик обучался нравственным нормам и законам добродетели в обителях Ахи, и изучал социальную нравственность.

Здесь молодые люди изучали национальные традиции и обычаи, и принципы общественной жизни. Особое внимание уделялось преподаванию мусульманской культуры. Изучались такие предписания ислама, как намаз и пост. Преподавались человечность, честность, чистота, национальные танцы, литература, религия (чтение Священного Корана), кулинария, история, музыка, суфизм. Преподавание этих дисциплин было практическим.

В «Кружках» по вечерам люди разных возрастов обучаются в процессе бесед нравственным нормам, читаются книги о религии, истории, литературе, морали, идут совещания об образовательной деятельности, о создании новых учреждений, обеспечение школьников, студентов, об организации благотворительных акций и т. д.

Те, кто обладал способностями в области изобразительных искусств, обучался соответствующим дисциплинам. Например, таким, как каллиграфия и искусство украшения. Каждый ученик обязательно обучался чтению и письму. На выходных организовались игры и развлечения. Каждый мастер нес ответственность за нравственность ученика.

Каждый ученик выбирал себе среди подмастерьев двух «Спутников» и одного «Отца в дороге» из мастеров. У ученика также был Устад (учитель искусств) и Пир (наставник).

Среди молодёжи в институтах движения «Хизмет» есть понятие «Аби», что означает «старший брат». Брат играет роль наставника. Это добровольная деятельность, требующая довольно большой ответственности, самоотдачи. Например, в квартирах, где живут молодые люди, у каждого есть свой «старший брат», который помогает ему в учёбе, в решении жизненных вопросов, своим поведением показывает достойный

пример. Отношения строятся исключительно на уважении и любви к друг другу.

Люди, которые обучали молодёжь в обителях данным искусствам, назывались «Муаллим Ахи» (учитель-брат) или «Эмир» (начальник, руководитель). Судья и профессора города также давали уроки. Прививались такие человеческие принципы, как помощь в обучении и доброе отношение. Кроме того, отдельную область образования представляли правила поведения. Правила поведения представляли собой правила, перечисленные в «законах добродетелей», состояли из 740 пунктов, и обязательно преподавались молодым людям.

Это были такие правила, как, например, опрятно одеваться, не начинать за столом есть раньше, чем старшие, перед едой и после еды мыть руки, есть то, что лежит перед тобой, брать маленькие куски, не обмакивать хлеб в пищу, не входить в обуви в комнату для трапезы, не сморкаться и не почёсываться в присутствии других, не чавкать, не есть больше, чем причитается. Кроме того, имелись правила по поводу того, как нужно пить воду, говорить, ходить по улице, ходить на рынке, делать покупки, сидеть, ходить в баню, расчёсывать волосы, лежать на кровати. В обителях было много надзирателей. В обителях организовывались различные развлечения, беседы, песнопения, исполнение религиозных песен (илахи), игры.

Всё это в систему «Хизмет» приходит через явление «Аби».

Некоторые правила Ахи

У Ахи три вещи должны быть **открыты**, три вещи – **закрыты**.

- Открытая рука (щедрость)
- Открытая дверь (гостеприимство)
- Открытый стол (кормить тех, кто пришёл голодным)
- Закрытые глаза (не смотреть ни на кого дурным взглядом, не видеть чьих-либо недостатков)
- Завязанный язык (никому не говорить плохих слов)
- Иметь завязанный пояс (не посягать ни на чью честь и достоинство)

Ахи обучали также своих дочерей в плане трёх нижеприведённых правил:

1. Обращай внимание на свою работу.
2. Обращай внимание на то, что ты ешь.
3. Обращай внимание на своего супруга.

То есть, не пренебрегай домашней работой, хорошо готовь, будь экономной и будь хозяйкой для своего мужа. Учителя, когда давали образование в обителях, препятствовали следующим плохим привычкам: плевать, сморкаться, воровать, говорить за спиной (сплетни), клевета, скупость, поиск недостатков и пороков, сладострастно смотреть, предавать то, что было доверено на хранение, лгать, не держать слова, зависть, злоба, жестокость, гордыня, двуличие, ябедничество, половые извращения, блуд, пьянство, употребление в пищу недозволенного и т.д. Те, кто получал такое образование, очищался от плохих привычек, приобретал хорошие и учился владеть своей рукой, поясом и языком (т.е. руководить своими действиями, быть благочестивым в личной жизни и контролировать свои слова).

Схожие правила анализируются Ф. Гюленом в книге «Критерии, или огни в пути»:

– «Вплоть до того момента, когда потребность молодого человека в хорошем и полноценном воспитании будет удовлетворена, он будет продолжать оставаться ночным мотыльком, который влюблен в тусклый свет своей среды, своих капризов и удовольствий, и будет держаться на пушечный выстрел дальше от знания, прозорливости и логики. Хорошее воспитание, которое, объединив молодого человека с прошлым его нации, подготовит его к будущему, сможет сделать из него олицетворение праведности и справедливости завтрашнего дня»;

- «Взлеты и падения нации зависят от того духа и сознания, которым преисполнены сердца молодежи, от того, какое ей дано воспитание и образование. В то время как нации, которые могут похвалиться хорошо подготовленной молодежью, гарантируют себе тем самым свое возвышение, нации, пренебрегшие ею, подвергают себя таким образом неизбежному падению»;

- «Каждая нация, которая не обделяла вниманием молодое поколение, обязательно возвышалась, а те, кто оставлял его на милость юношеским капризам, очень дорого расплачивались за это. И если сегодня все вокруг нас пропитано духом предательства, а молодежь с каждым днем становится все более непослушной и свирепой, то это является лишь следствием наших упущений. В то время как наши головы были устремлены к небесам и дальним горизонтам, мы не заметили у своих ног тех змей и скорпионов, которые сумели добраться до самых наших спален и тем самым собственными руками подготовили тот кошмар, в котором сейчас пребываем».

В итоге можем сказать следующее: основной отличительной чертой системы Ахилик было рассмотрение профессионального и общего образования как единого целого, и применение на практике как действие, продолжающееся всю жизнь.

Мы должны знать, что есть множество аспектов системы Ахилик, которые нам следовало бы применять на сегодняшний день.

Литература

1. Soykut, H. Refik. İnsanlık Bilimi Ahilik. – Ankara, 1980.
2. Akyüz, Yahya. Türk Eğitim Tarihi. – Ankara, 1989, Ank. Üniv. Eğitim Bilim. Fak. Yay. № 160.
3. Arslanoğlu, İbrahim. Ahilikte Eğitim ve Mesleki Kontrol. // Milli Eğitim ve Kültür. – 8 (37-39). – 1986. –S. 12-26.
4. Çağatay, Neşet. Bir Türk Kurumu Olan Ahilik. – Ankara, 1986, Türk Tarihi Kurumu Yay. 7, Dizi, Sayı: 104.
5. Ekinci, Yusuf. Ahilik ve Meslek Eğitimi. – İstanbul, 1989, Milli Eğitim Bak. Yay. No: 862.
6. Güllülü, Sabahattin. Fütüvvet ve Ahi Ahlakı Konusunda Bazı Düşünceler. // Türk Kültürü ve Ahilik. – İstanbul, 1986.
7. Дилекчи, И. Молодежь и образование в системе «Ахи» / И. Дилекчи// Беларуская Думка. – 2012. – № 4.

<p>Елсуков Альберт Николаевич, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры социологии, факультет философии и социальных наук, Белорусский государственный университет, г. Минск, Беларусь.</p>	<p><i>Глобализация миролюбия (Ф. Гюлен о необходимости мирного сосуществования современных цивилизаций).</i></p>
---	--

**ГЛОБАЛИЗАЦИЯ МИРОЛЮБИЯ
(Ф. ГЮЛЕН О НЕОБХОДИМОСТИ МИРНОГО СОСУЩЕСТВОВАНИЯ
СОВРЕМЕННЫХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ)**

Елсуков А. Н.
Белорусский государственный университет

За время своего существования человечество пережило множество войн и конфликтов. В сущности, вся история человечества это история противостояния и войн между различными народами и цивилизациями. Массовое проявление вооруженных конфликтов породило мысль о том, что война представляет собой неизбежный спутник развития человечества, что сама цивилизация есть результат совершенствования не только орудий труда, но и оружия, которое по силе своего воздействия становилось все более и более разрушительным. В настоящее время человечество живет как бы под дамокловым мечом атомного оружия, что создает периоды панического ожидания будущих военных конфликтов и неадекватной оценки возможностей мирного диалога между цивилизациями. А современный мир и представляет собой некое сплетение разноликих цивилизаций.

Следует отметить, что для идеологов западной цивилизации весьма типичным стало не только отстаивать преимущества своей цивилизации, но и сеять панику по поводу каких-то грозящих этой цивилизации угроз: будь то омассовление культуры, увеличение агрессивности молодежи, разрушительное воздействие марксизма, глобальное увеличение численности китайского населения, отрицательные последствия масульманизации Европы и многое другое.

После распада Советского Союза было покончено, казалось бы, с образом основного врага для западной цивилизации. Однако, созданный на Западе мощный идеологический аппарат, не может приостановить свою работу, постоянно формируя образ нового врага. На наших глазах

создается такой новый образ врага для западной цивилизации, новый фронт идеологического противостояния, полюсами которого выступают Запад и Восток, христианский мир и ислам.

Западного человека пугает все: и экономический рост стран Востока и их будущее культурное развитие, и политическая активность на арене мировой политики и многое, многое другое. Ярким проявлением нагнетания разного рода фобий является книга С. Хантингтона «Столкновение цивилизаций», в которой подробно описывается ситуация в мире во время холодной войны, но особое внимание уделяется настоящему положению вещей в международной жизни и их развитию в будущем. Идеи книги имеют явно охранительный характер, устрашая Запад растущим влиянием ислама.

Признавая экономическое и военное могущество Запада, автор в то же время обеспокоен ростом влияния восточных цивилизаций (китайской, японской, буддистской и мусульманской). Он обеспокоен тем, что здесь рост экономического могущества подкрепляется идеологическими основаниями веры и положительными демократическими тенденциями, в чем Запад явно проигрывает Востоку. При этом автор указывает и на процесс консолидации мусульманских стран. Шесть стран (Индонезия, Египет, Иран, Пакистан, Саудовская Аравия и Турция) упоминаются как кандидаты на объединяющий центр всего мусульманского мира. Это объединение явно беспокоит политиков западного мира, при этом не забывается и постсоветское возрождение России (о чем свидетельствуют речи кандидата от республиканской партии на пост президента), где мусульманство имеет большое влияние.

Таким образом, Восток все больше ассоциируется с исламом, а ислам с некоторыми проявлениями терроризма и с тем политическим хаосом, который охватил некоторые страны мусульманского мира. В сущности, работа С. Хантингтона заключает в себе охранительный смысл, предупреждая Запад о том, что после коммунизма, с которым Западу удалось успешно справиться, на него надвигается новая волна опасности, идущая с Востока, только теперь идеи коммунизма заменены идеями ислама.

Эти идеи Хантингтона не могли не вызвать соответствующего отклика со стороны представителей исламской цивилизации. Свои мысли по поводу сосуществования цивилизаций сформулировал в своих работах известный общественный деятель Турции Ф. Гюлен, который также анализирует вопрос о соотношении цивилизаций современного мира, но не

с позиции силы или каких-либо приоритетов, а с позиции любви, взаимопонимания и мирного сосуществования людей с разными идеологическими установками.

Ответ Гюлена на тезис о столкновения цивилизаций состоит из трех частей. Их можно выразить словами: терпимость, межрелигиозный диалог и безвозмездная любовь.

Гюлен заимствует понятие терпимости и прощения из глубоко укоренившегося понятия в Коране и сунне, т.е. из обычаев и традиций, которых придерживался пророк Мухаммед. Рабы Божьи никогда не поступят не подобающим им образом, даже если им в лицо будут говорить всякие гадости. Они выберут трудный путь с большим благородством, поступая самым подобающим им образом и избегая неприятностей. Гюлен называет этих людей «героями терпимости».

Гюлен верит, что наш современный мир, подверженный различным конфликтам, остро нуждается в межцивилизационном диалоге. Поэтому диалог для него означает встречу двух или более человек для обсуждения общих вопросов. В процессе диалога людям удастся установить близкие отношения, понять друг друга, несмотря на национальные и религиозные различия. Гюлен полагает, что основополагающая природа человека требует установление такого диалога, особенно между верующими трех мировых религий, каковыми являются иудаизм, христианство и ислам.

Различия между Гюленом и Хантингтоном очевидны. Хантингтон рассматривает Ислам и Запад как две полярности в состоянии конфликта, который постоянно усиливается, а Гюлен предпочитает более целостный подход к глобальной политике, где частные интересы должны отходить на задний план по сравнению с интересами общественными. Гюлен видит Ислам и Запад как две различные, но гармонично взаимодействующие цивилизации современности.

Только в этом случае можно рассчитывать на продуктивные результаты диалога цивилизаций. В противном случае сам этот диалог может превратиться в новый вариант «холодной войны», не усмиряя агрессию сторон, а наоборот распалая ее. Гюлен не без основания опасается, что разговоры о столкновении цивилизаций могут сработать как самореализующееся пророчество. В результате таких разговоров люди могут столкнуться с тем, от чего они отрекаются в своих молитвах. Поэтому, с его точки зрения, необходимо говорить не о столкновении цивилизаций, а об их мирном сосуществовании, несмотря на глубокие различия национально-религиозного характера.

Возможность такого сосуществования доказывается не только теоретически, но и опытом совместного существования многих народов и представителей различных конфессий в рамках одного и того же государства, каковых в мире достаточно много. В этом плане можно сослаться на опыт России и Беларуси, в которых мирно уживаются люди самых разных конфессий на протяжении уже многих сотен лет.

Оргиш Вячеслав Петрович,
доктор философских наук, профессор,
профессор кафедры философии,
Белорусский институт правоведения,
г. Минск, Беларусь.

*Проблема хозяйственной
необходимости и социальной
целесообразности модернизации на
постсоветском пространстве.*

ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ: РОССИЙСКИЙ ВЕКТОР ЦЕЛЕПОЛАГАНИЯ И БЕЛОРУССКИЙ СУВЕРЕНИТЕТ

Оргиш В. П.

Белорусский институт правоведения

18 ноября 2011 года в Москве лидеры трех суверенных государств России, Беларуси, Казахстана документально оформили создание Таможенного союза. Из официальных деклараций следует, что это первый шаг. Второй – запуск с 1 января 2012 года единого экономического пространства. Третий шаг – переход к формированию Евразийского союза.

До каких пределов интеграция Беларуси и России безопасна, то есть не угрожает белорусскому суверенитету? Каким принципам надо следовать политическому классу Беларуси, чтобы интеграция с восточной соседкой плавно не переросла в инкорпорацию?

Главный архитектор евразийского проекта – Россия. В основе интеграционной политики России лежит концепция великодержавного строительства, евразийский союз для российских элит – не столько цель, сколько механизм ее реализации. Существует достаточно указаний на то, что Беларусь, Украину, другие постсоветские республики более или менее цивилизованно и планомерно вовлекают в систему экономических, социальных, культурных зависимостей, которые, в конечном счете, должны помочь соединить их неразрывными политическими узами с РФ.

Государственная стратегия России среди прочего включает строительство великой державы мирового масштаба, которая ставит своей геополитической задачей формирование альтернативы однополярной (евро-атлантической) модели мироустройства. В качестве материала для такого строительства рассматриваются государства, участвующие в СНГ, экономики которых традиционно привязаны к сырьевым ресурсам и рынкам России. На первом этапе их, как видно из государственной стратегии РФ, следует собрать в Евразийское экономическое сообщество.

Российское руководство достаточно открыто говорит о постсоветских странах как о зоне «привилегированных» интересов России.

Для того чтобы успешно реализовать великодержавные притязания России, евразийская доктрина предусматривает ряд конкретных шагов. В частности, в странах СНГ необходимо, по мнению ее авторов, создание пророссийских политических сил и движений и противодействие тенденциям вхождения их в зону прямого влияния стран Запада. Для этого следует не просто оказывать на них политическое, дипломатическое и экономическое давление, но и активно поддерживать те политические и общественные силы и движения, которые ориентированы на Россию.

Стремление России быть сильной державой, способной предложить миру свои решения актуальных вопросов современности, вполне объяснимо. Но только до тех пор, пока оно (это стремление) не превращается в прямое или косвенное посягательство, скажем, на суверенитет ее ближайших соседей.

Однако, какие проблемы общественного и государственного развития современной России (помимо традиционного интереса россиян к великодержавной идее) толкают ее к евразийской стратегии?

После распада СССР Российская Федерация могла начинать, как принято говорить, с чистого листа. Тем не менее, российский политический класс во главе с Борисом Ельциным, несмотря на наличие у страны огромных ресурсов и подходящую конъюнктуру, не смог указать выверенный и эффективный вектор хозяйственного и культурного развития общества. Предпринятая первым постсоветским руководством России попытка ее либерально-демократического обновления оказалась не слишком успешной. В послеельцинский период чуда тоже не случилось. Вместо обещанной модернизации хозяйственной и социальной сферы россияне в возрастающей степени ощущают их деградацию. Как результат – многие внутренние вызовы, которые российское общество болезненно переживало после распада СССР, несколько не ослабли (в ряде случаев они сделались более рельефными).

Помимо внешних вызовов Российской Федерации угрожает расслоение по национально-культурным (этническим) и религиозным признакам, рост сепаратизма традиционных мусульманских регионов. Уже в 70-е годы прошлого века русских в СССР было не более половины. Количественное преобладание славян удавалось удерживать благодаря украинцам и белорусам. В постсоветский период удельный вес русских заметно снизился и продолжает снижаться, тогда как удельный вес других этнических групп, в частности исповедующих ислам, увеличивается.

Ежегодно в Россию на заработки приезжает 20 млн. мигрантов, среди которых много последователей Корана, часть из них остается в стране.

При сохранении сложившихся демографических и иммиграционных тенденций русские в России довольно скоро утратят численный перевес, их государствообразующая роль окажется под вопросом. В конечном счете, борьба с религиозно-этническим сепаратизмом, поддержание территориальной целостности и геополитического статуса российского государства ложатся на плечи его армии. Вооруженные силы РФ по важнейшим параметрам уступают армии НАТО. Такова картина российской реальности.

Таким образом, российское государство знает, чего хочет, ему нужны свежие силы. Евразийский союз, как его понимает российский политический класс, позволит России с помощью (или за счет) партнеров по интеграции если не восстановить, то оздоровить демографический и производственный потенциал, произвести геополитическую перегруппировку и хоть отчасти поддержать статус великой державы. Однако для белорусов при всем братском отношении к русскому народу смысл их участия в евразийской интеграции заключается вовсе не в том, чтобы быть материалом для реставрации империи. Для белорусского общества участие в евразийском проекте может быть интересно, как возможность отыскать дополнительные, прежде всего экономические, опоры своего суверенного существования.

Иначе говоря, Беларусь и Россия собрались вместе, сообща реализовать идею евразийской интеграции. Тем не менее, целеполагание в данном проекте у них разное. Чем это может обернуться для Беларуси со временем? Энергетическая, торговая зависимость белорусской экономики никуда не денется, она способна только усилиться. Соответственно, могут усилиться политические спекуляции на ней приверженцев великодержавного строительства. Интеграционные процессы, направляемые внешними факторами, в какой-то момент могут вынудить отечественную бюрократию, управленческую элиту пойти на чрезмерные и потому опасные уступки в вопросах ограничения государственного суверенитета. Например, при введении единой валюты, при передаче части государственных функций в наднациональный орган. Чтобы этого не случилось, интеграция не шагнула за пределы самой себя, ею должны заниматься все политически активные силы общества, в том числе оппоненты политической власти.

А что мы имеем в действительности? Вокруг евразийской интеграции (большей частью в одиночку) хлопочет государство. Часть политически активных общественных групп, представители контрэлиты, занимают (добровольно или вынужденно – тема отдельная) позицию отстраненной критики, неприятия интеграционной политики. Некоторые рассуждают так: когда власть переменится, мы все противоречащие национальным интересам интеграционные дела пересмотрим и отменим. Однако такого рода декларации плодят политическую конфронтацию и тупики. Тому, кто хочет двигаться вперед, важно понимать, что логика поведения белорусского общества вошла в основательный резонанс с колеей исторических возможностей (и последствий), определяемых географической сопредельностью и длительным социокультурным взаимодействием Беларуси и России. Тем не менее, сегодня, как представляется, первоочередная задача – понять эту реальность как то, из чего состоит наша жизнь. И как в этом ее составе отыскать лучшее, на что мы можем рассчитывать в складывающемся порядке вещей.

«Евразийская интеграция – опора или вызов белорусскому суверенитету?» Вот вопрос, который одинаково важен для белорусских сторонников и критиков евразийского союза. Государство и общество, правящая элита и контрэлита, власть и политические оппоненты ее – все по-своему заинтересованы в прочности основ суверенного существования Беларуси. Сообща (возможно, только сообща) они способны гарантировать успешное решение проблемы.

В 1991 году история дала Беларуси полновесный шанс на суверенное государственное развитие. Однако одновременно белорусской элите предъявлен тест на умение самостоятельно вести страну в будущее, на способность, несмотря на конфликт интересов и антагонизмы, консолидироваться и признать сохранение суверенитета одним из наиглавнейших приоритетов современной политической жизни Беларуси.

Савина Светлана Григорьевна,
кандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры философии и
методологии науки, Белорусский
государственный университет, г. Минск,
Беларусь.

*Глобализация и проблемы
духовности современной
белорусской семьи.*

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ПРОБЛЕМЫ ДУХОВНОСТИ СОВРЕМЕННОЙ БЕЛОРУССКОЙ СЕМЬИ

Савина С. Г.

Белорусский государственный университет

Мы являемся свидетелями рождения нового мира. Сегодня стало очевидным, что в XXI веке мир вступил в эру построения информационного общества, для которого характерно создание единого глобального мирового информационного пространства.

Всеобъемлющая глобализация стирает грань между внутренней и внешней средой деятельности человечества. Её развитие предполагает исчезновение междивизиционных различий через унификацию народов. А это означает, что глобализация покушается на национальный суверенитет, национально-экономическую систему, на национально-культурные отношения, в том числе и на национальные особенности белорусской семьи.

Являясь основным структурным компонентом современного общества, семья незамедлительно реагирует на все изменения, происходящие в нем. Идеал семейных отношений очень трудно достижим и предполагает гармоничное единство ролей и обязанностей, как в семейной жизни, так и в профессиональной деятельности. Учитывая особенности современной эпохи и характер взаимосвязей основных социальных институтов в условиях современной белорусской культуры, институт семьи в настоящее время претерпел значительные трансформации. Как в западных странах, так и в нашей стране случались как периоды медленных изменений, так и резкие переломы.

Семья, как основа любого общества перестала быть главной ценностью. Социальная дезориентация и духовный кризис личности привели к распаду семьи; ослабили чувства родительской, супружеской и гражданской ответственности.

В Беларуси появилась еще одна модель семейных отношений «по западному образцу», предпочитающая партнерский тип отношений. Рост незарегистрированных браков влечет за собой отсутствие ответственности за свою семью, приводит к ухудшению демографической ситуации. Низкая рождаемость оказала большое влияние на репродуктивные установки белорусских молодых семей. Если раньше идеальной моделью считалась семья с двумя-тремя детьми, то в последние годы эта цифра уменьшилась до одного ребенка.

Так, мы полагаем, что для формирования в Беларуси цивилизованного общества в отношении семейной политики недостаточно реформ «сверху» – посредством указов, законов, постановлений, административных усилий. Необходимы перемены на уровне повседневности, в самом образе жизни, которые могут быть обеспечены только инициативами граждан, их непосредственной социальной активностью, формирующей гражданское общество и способствующей развитию правосознания.

На крутых поворотах истории утрачиваются ранее значимые ценности и возникают новые, оказывающие существенное влияние на воспитание духовно-нравственных качеств детей и молодежи. Сегодня современная молодежь не знает главных белорусских праздников и праздничных дат. Свидетельством тому является появление таких суррогатных праздников, как победы в футболе, на Евровидении и т.д.

В то же время открываются возможности для переосмысления ценностных ориентаций и поиска решений новых проблем. Для решения этих проблем, связанных с угрозами духовной безопасности Белоруссии, государство в порядке самосохранения должно опираться на лучшие культурно-национальные традиции белорусского народа, такие, которые внесли и вносят заметный и устойчивый созидательный вклад в историю, культуру, язык, самосознание народа и государства в целом. В этой связи крайне важна передача культурного опыта старшего поколения, составляющего основу традиционного семейного воспитания, позволяющая молодежи занять достойное место в обществе. Идеал сохранения исторических традиций, духовных, культурных ценностей своего народа, их максимального приближения к добропорядочной жизни, должен стать основой воспитания подрастающего поколения.

Происходящие перемены затронули самые глубинные пласты белорусской жизни. Отказ от прежней экономической политики создал предпосылки для самоорганизации и саморазвития общества на

качественно новой основе. Становление рыночной модели хозяйствования, формирование негосударственного сектора экономики вернули семье традиционную функцию субъекта экономических отношений. Однако, в отличие от прошлого, хозяйственная деятельность семьи в Республике Беларусь может осуществляться не только в сфере мелкотоварного производства, сельского хозяйства и розничной торговли, но и в таких инновационных отраслях, как информатика и высокие технологии. Общество еще не в полной мере оценило потенциальные возможности семьи в развитии экономики, насыщению рынка товарами и услугами, создании новых рабочих мест, а главное – в расширении слоя экономически самостоятельных людей. Важной особенностью перспективы семейного бизнеса является его ориентация не на краткосрочность, а на длительные периоды времени. Это вытекает из стремления сохранить семейное дело и передать его следующему поколению. Важным аспектом семейного дела является и то, что вместе с имуществом по наследству передается и опыт, репутация и наработанные деловые контакты. Хочется надеется, что многие национальные традиции семейного бизнеса будут возрождены и число успешно развивающихся семейных фирм в республике будет расти.

Однако сферы частной и общественной жизни должны быть строго разграничены. Уже не вернуться те времена, когда государство через профсоюзы, администрацию предприятий и учреждений, парткомы открыто вмешивались в семейные отношения и присваивало себе право решать конкретные внутрисемейные проблемы. Но, нарушение прав человека в семье, насилие над личностью, будь то взрослый или ребенок – это не только внутрисемейная проблема, это проблема общества и государства.

Несомненно, что семейная политика формируется и реализуется в РБ в тесной взаимосвязи с институтом гражданского общества. Сегодня государство и общество нацелено на решение проблем экономического и социального развития белорусской семьи, есть реальные достижения в выполнении долгосрочных национальных программ.

Повышенное внимание государства, принятие различного рода Декретов и дополнительных льгот для многодетных семей, а также рост численности женщин детородного возраста способствовали определенному улучшению демографии в республике.

От эффективной политики в области духовно-нравственного воспитания, особенно в семье, напрямую зависит судьба Беларуси.

Общественные организации гражданского общества являются эффективно действующей силой, которая знает нужды семьи, особенно многодетной.

В связи с этим, хочется отметить, гражданские инициативы Белорусского Союза Женщин. Женщины Белорусского Союза, осознав свою ответственность за настоящее и будущее наших детей и нашей страны, вносят существенный вклад в семейную политику. Союз активно осуществляет движение «В Беларуси – ни одного брошенного ребенка», «Здоровая семья – сильное государство», продолжает проведение акций «Здоровье женщины – здоровье нации», «Беларусь – уютный дом», «Наши дети», «Женщины против пьянства женщин» и другие.

Не следует оспаривать тот факт, что дети, находящиеся в приемных семьях лучше воспитаны, образованны, развиты по сравнению с детьми из детских домов. Так, белорусы в 2011 году усыновили более 560 детей. При этом усыновляли детей не только бездетные пары, но и те, кто уже имеет собственных детей. Поэтому опыт Белорусского Союза Женщин по реализации инициатив и проектов, направленных на защиту прав детей и укреплению семьи, защиты детей от жесткого обращения и насилия в семье, сохранению традиционных семейных ценностей требует более детального изучения.

Предметом заботы со стороны общества и государства должен стать и цивилизованный подход к планированию семьи. Планирование семьи это не регламентация деторождения, а реализация права семьи на рождение только желанных детей. С такой семьей можно связывать надежды на преодоление негативных демографических тенденций.

Как нам кажется, в семейной политике следует ориентироваться также на новые социальные технологии в поддержку семьи, на расширение сети учреждений социального обслуживания населения, в том числе оказывающих услуги по социально-психологической адаптации к новым условиям.

<p>Сметанина Татьяна Александровна, кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры культурологии НГПУ им. К. Минина, Россия,</p> <p>Лисеев Игорь Константинович, доктор философских наук, профессор, глав. науч. сотр. ИФ РАН, руководитель Центра Био- и экофилософии, профессор кафедры философской антропологии, Институт философии РАН, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия.</p>	<p><i>Императивы современной цивилизации в контексте экологического образования.</i></p>
---	--

ИМПЕРАТИВЫ СОВРЕМЕННОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ В КОНТЕКСТЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Лисеев И. К.
Институт философии Российской Академии наук
Сметанина Т. А.
НГПУ

В ходе стремительной глобализации мира в наши дни грозные раскаты приближающегося экологического кризиса не затихают, а, напротив, звучат все более явственно и тревожно. В этой ситуации кардинальное переосмысление познавательной, ценностной и деятельностной установок в понимании развития современного общества, его взаимодействия с природой должно быть поддержано и развито новой системой экологического воспитания и образования.

Существующее ныне экологическое образование, основанное на аналитических знаниях о Природе, на архетипах социального развития эпохи индустриализации уже не отвечает современным вызовам. Оно узко прагматически и потребительски ориентировано, не в состоянии переломить природоразрушительные мотивы глобализирующегося общества всеобщего рынка, торжества утилитарных рыночных ценностей.

Ныне жизненно необходимо коренное изменение философии, закладываемой в основания современного экологического воспитания и образования. Эти новые философские принципы должны формировать принципиально новое глобальное, целостное, синтетическое представление о Мире и месте в нем Человека. Должны способствовать

формированию ясного и аргументированного знания об основных принципах и закономерностях взаимодействия людей, общества и природы на разных этапах исторического развития человечества. Это даст возможность осознать и артикулировать законы совместимости развития общества и природы, увидеть возможности и ограниченности современного этапа развития.

Многообразные кризисные явления наших дней свидетельствуют об исчерпании возможностей тех принципов, на которых сформировалась современная цивилизация. С этой точки зрения глобальный экологический кризис наших дней – это отражение глубинного кризиса культуры, действующих в ней норм, установок и идеалов. Поэтому выход из кризиса видится в изменении представлений о целях глобализации, выявлении в этом общемировым объективным процессе новых смыслов, которые во многом могут быть сформулированы именно в сфере нового экологического образования.

В научной литературе ныне обсуждается, как минимум, пять различных, а зачастую и альтернативных друг другу сценариев экологического будущего человечества. Реализация каждого из них требует и своего “экологического мышления” и своей “экологической морали”. Кроме того, задача формирования современного экологического мировоззрения отнюдь не определяется ориентацией только на научные знания. В его становлении огромную роль играет традиция как способ бытия человека в мире. Даваемое ею предпонимание составляет горизонт человеческого бытия, в котором живет и мыслит человек и которое определяет характер осмысления им действительности.

Одним из наиболее давних подобных подходов, прошедшим фактически через всю историю философской мысли и сохраняющим свою значимость и поныне является антропоцентрический подход. Его сторонники, рассматривая человека как вершину, венец прогрессивного развития живого исходили из, якобы, весьма гуманистической установки: все во имя человека, все для блага человека. Эта установка основывалась на знаменитом выражении Протагора: человек есть мера всех вещей. В явном или неявном виде в его утверждении в XIX и XX веках присутствовала и заявленная в свое время Марксом, но так и не реализованная ни им, ни всем марксизмом формула: свободное развитие каждого есть условие свободного развития всех. По сути же дела, ориентация на выделенное, изолированное

развитие человека, без учета его сложнейших взаимосвязей и взаимозависимостей с обществом и природой вела к ложным и фактически не выполнимым целям и задачам.

Близким к антропоцентризму и столь же односторонним оказался социоцентрический подход. Теоретиков этого подхода интересовало общество как целое и взаимосвязи его различных элементов. Это безусловно важное и продуктивное направление исследований, если оно не замыкается само на себя, а учитывает все взаимосвязи системы "человек-общество-природа". К сожалению, на практике социологизм, абсолютизируя социальные аспекты, часто упускал из вида все иные.

Фактически же цивилизация индустриального общества пошла по пути экспансии техноцентристских установок как ведущих ориентиров становления и развития техногенной цивилизации. Новые высокие технологии, возникшие в XX веке и прежде всего ядерные, компьютерные, информационные, биоинженерные оказались тесно связанными не только с техническими задачами, но и с множеством цивилизационных инноваций. Они привели к новым формам организации человеческой деятельности и производства, к новому отношению к природным ресурсам, и т.д. Это с одной стороны способствовало небывалому взлету научно-технического прогресса, а с другой – поставило человечество на край бездны, вызвав экологический, сырьевой, демографический и в целом антропологический кризис. Логичным продолжением этой техноцентристской экспансии стали идеи космоцентризма. В их основе лежит знаменитое изречение К. Э. Циолковского: "Земля – колыбель человечества, но нельзя вечно жить в колыбели". Этот путь виделся и как результат новых технических возможностей, и как ответ на тревожные вызовы современных глобальных проблем. Но по сути своей, концептуально он мало отличался от идеологии техноцентризма со всеми ее достоинствами и недостатками.

Как своеобразная реакция не все беды неконтролируемого техногенного развития общества в середине XX века стала нарастать идеология биоцентризма. В ее основе – призыв возврата к доминированию ценностей жизни в противовес ценностям техники, политики, экономики. Идеи благоговения перед жизнью, в свое время заявленные А. Швейцером, получили свое развитие в многочисленных направлениях глубинной экологии, биоэтики, биополитики и т.д. Всячески приветствуя и поддерживая эту тенденцию увеличения биологической грамотности населения, смены акцентов на ценности жизни и мира

живого в то же время нельзя не видеть ограниченности и этого подхода, взятого изолированно от всех других. И только, пройдя через увлечение и определенное разочарование всеми названными подходами, совокупная общественная мысль ныне все более склоняется к осознанию того, что доминанты, определявшие развитие техногенной цивилизации должны быть заменены доминантами цивилизации экогенной.

Все эти новые складывающиеся ныне нормы, идеалы и регулятивы деятельности нуждаются в своем нравственно-этическом и нормативно-правовом закреплении. Сейчас требуется создание взаимосогласованных этических, правовых и экономических регламентаций, отражающих закономерности коэволюционного развития системы “человек-общество-природа”. Необходима подготовка и издание различных человекоохранных, природоохранных, природоэксплуатационных и пр. сводов правил, кодексов, кадастров, регламентаций, создаваемых с учетом тех экологических императивов культуры, о которых говорилось выше. Именно такой широкий этико-экономико-правовой подход, как представляется, даст возможность превратить экологические императивы из неких важнейших интенций и тенденций в зримые реалии нашего времени.

Яскевич Ядвига Станиславовна,
доктор философских наук, профессор,
директор Института социально-
гуманитарного образования, Белорусский
государственный экономический
университет, г. Минск, Беларусь.

*Национальное и глобальное в
современном мире:
кросскультурный диалог.*

НАЦИОНАЛЬНОЕ И ГЛОБАЛЬНОЕ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ: КРОССКУЛЬТУРНЫЙ ДИАЛОГ

Яскевич Я. С.

Белорусский государственный экономический университет

Национальные государства наряду с глобализационными и интеграционными процессами, их экономика, политика, культура являются важнейшими субъектами международных отношений. Вместе с тем современный мир уже невозможно представить вне диалога отдельных культур, «встречи цивилизаций», вне коммуникационно-понимающей трактовки цивилизаций, устойчивого и определяющего взаимодействия и равноправия. В этом процессе глобального взаимодействия и взаимовлияния различных культур и цивилизаций, их диалога, важное место занимает каждая из локальных цивилизаций с присущими ей специфическими свойствами, расположенная на соответствующей территории и в определенный момент истории, обладающая уникальными социокультурными характеристиками. Определение статуса и духовных ценностей локальных цивилизаций, путей сохранения культурно-цивилизационной идентичности в глобализирующемся мире приобретает сегодня особую актуальность. Глубокие изменения в геополитических стратегиях, трансформация социально-политических систем позволяют говорить о завершении одного исторического периода и вступлении современного мира в качественно новую фазу своего развития.

Феномен глобализации выходит за чисто экономические рамки и охватывает практически все сферы общественной деятельности, включая политику, идеологию, культуру, образ жизни, а также сами условия существования человечества на рубеже XXI века. Происходит заметное расширение и усложнение взаимосвязей и взаимозависимостей как людей, так и государств, что выражается в процессах формирования мирового рынка капиталов, товаров и рабочей силы, планетарного информационного пространства, в интернационализации проблем техногенного воздействия

на природную среду, межэтнических и межконфессиональных конфликтов и безопасности, социокультурном и духовном взаимодействии. Глобализация выражается также в усилении стандартизации образа жизни, сознания и поведения людей, образования, в повышении роли наднациональных и транснациональных структур.

Многие исследователи отмечают, что глобализационные процессы в *экономике* тесно связаны с ужесточением на мировом рынке конкурентной борьбы за контроль над природными ресурсами и информационным пространством через использование новейших технологий. Наряду с дестабилизацией финансовой сферы глобализация ведет к усилению диспропорций в мировой экономике и к нарастанию социальной поляризации, к одновременному выделению высокодинамичных систем и расширению числа стагнирующих. Происходит обострение и социально-политических проблем, причем не только в развивающихся, но и в развитых благополучных странах, что связано с притоком дешевой рабочей силы на их рынок труда, и как следствие, осложнением межэтнических отношений и ростом национализма в этих странах. Откровенный национализм и религиозная нетерпимость во все более опасных масштабах становится в XXI веке ответной реакцией тех представителей мирового сообщества, которые оказались не в состоянии преодолеть психологический шок глобализационных процессов. Глобальные масштабы приобретает экологическая проблематика, вызванная деградацией жизненно важной для здоровья человека природной среды, разрушительным техногенным влиянием на биосферу, невообразимыми потерями в генофонде планеты, усиливающим воздействием парникового эффекта на климат планеты. Процесс глобализации проявляется, к сожалению, в том, что те природные ресурсы, которые ранее были вне сферы рыночных отношений, теперь включаются в нее; экологический кризис используется для создания мировой технократии, управляющей ресурсами и экологическими рисками; социальные связи и отношения сводятся к рыночным транзакциям и попадают в сферу частных интересов, а понятия солидарности, нравственности, гуманности и социальной справедливости нивелируются. Борьба идет не только по вопросам регламентации и установления экологических стандартов. По существу это борьба за контроль над природными ресурсами планеты, включая воздух, воду, землю.

Глобализация мировой истории, сопровождающаяся обострением социально-политических рисков, кризисных ситуаций в экономической,

финансовой, социально-политической, экологической и социально-духовной сферах современного цивилизационного развития выдвигает на передний план проблему регулирования стихийных процессов в целях выживания человечества в новых условиях существования. Наибольшее внимание политологов, экономистов и других специалистов в настоящее время привлекает внимание вопрос о *судьбе и функциях конкретных государств в условиях глобализации*. Утверждения о неминуемом отмирании национальных государств представляются сомнительными. Координация политики государств в области правового регулирования информационного пространства, экологии, борьбы с терроризмом, наркобизнесом и преступностью, не ослабляет внешнеполитическую роль современного государства, требует усиления института государственной власти в области как международного сотрудничества, так и изменений в функциях государства внутри страны. Процессы глобализации усиливают функциональное значение «национального ромба» (М. Портер), так как по мере их развития увеличивается роль главного ресурса в современной экономике — интеллектуального, профессионального и организационного потенциала общества. За этим стоит способность общества объединиться, мобилизовать свои материальные и духовные возможности ради достижения общих, надличностных целей. В отрыве от своей социальной и духовной базы этот главный ресурс не может развиваться только за счет расширения внешних связей и интеграции в глобальные сети. Здесь важен принцип субсидиарности (дополнительности), предусматривающий многоуровневую систему принятия управленческо-государственных решений, как это характерно, например, для Европейского союза: коммунальный, региональный, национальный и наднациональный. Интеграция при этом сочетается с федерализацией, а решение каждой конкретной проблемы относится к компетенции той власти, которая обеспечивает ее оптимальное решение.

Отличительной особенностью оптимальной стратегии государства в условиях глобализации является то, что оно все более тесно кооперируется с обществом, делегируя ему часть своих полномочий и тем самым способствует его консолидации, развитию творческих сил нации и решению возникающих социальных проблем, контролируя действия бюрократического аппарата и борясь с коррупцией. Все это способствует успешной интеграции национального общества. Возникает парадоксальная ситуация, заключающаяся в том, что чем богаче и крепче внутренние связи общества, чем больше уровень его экономической и социальной

консолидации и выше значение системы «национального ромба», который графически выражает взаимосвязь и взаимодействие компонентов саморазвивающейся национальной экономической системы (производственных факторов, внутреннего спроса, уровня межотраслевой кооперации, стратегии банков и фирм), тем успешнее оно использует преимущества интеграционных связей в условиях глобализации.

Глобализация означает процесс выхода людей, народов, наций, других человеческих популяций на общемировые, всечеловеческие потребности, интересы и условия жизни. Выходя на общее, можно реализовать особенное, индивидуальное. Во всечеловеческом объединении народов, постепенном, но неуклонном выравнивании уровней их социального развития, заложен смысл глобализации человечества. Если на предшествующих этапах социальной эволюции каждый народ жил по законам национальной истории, то на рубеже XVIII – XIX веков истории народов сливались во всемирную историю. В основании этого находились процессы интернационализации социально-экономической, политической и культурной жизни отдельных наций.

Всемирно-историческое согласие народов земного шара находит отражение и в других сферах жизнедеятельности. Национальные государства провозглашают более или менее тождественные правовые принципы и нормы, признают приоритет общечеловеческих ценностей и норм международного права, прав и свобод человека и гражданина, исходят в своей деятельности из принципов равноправия и самоопределения народов. Глобализация в правовой сфере проявляется в формировании и функционировании системы международных организаций, осуществляющих свою деятельность на основе принципов, изложенных в международном праве (ООН, ЮНЕСКО, Совет Европы и др.).

Всемирно-историческое согласие ориентирует государственные власти и социальные институты на усиление взаимосвязи стран и народов во всех сферах жизнедеятельности.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
-----------------------	---

ПЛЕНАРНЫЕ ДОКЛАДЫ

Зеленков А. И. Глобальный экологический кризис: фантом или неотвратимая реальность?.....	5
Фахрэттин Арслан. Воспитание экологического сознания у молодёжи в турецком обществе.....	13
Жук О.Л. Высшее образование: направления модернизации и возможности для поликультурного диалога.....	15
Павловская О. А. Духовно-нравственный потенциал личности в динамике социальных процессов.....	21
Лещинская И. И. Идея диалога культур в творчестве Ф. Гюлена.....	26

ФОРУМ 1. МЕЖЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ И КРОССКУЛЬТУРНЫЙ ДИАЛОГ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Али Сельчук Бириджик. Физический потенциал естественной среды и молодежь	30
Байгина Д. А. Основные стратегии философии музыки XIX-XX вв.....	33
Барсук И. А. Восточнославянская цивилизация и ценностные приоритеты современной социодинамики.....	38
Банщикова Н. В. Борьба за признание и политики идентичности в рамках идеологии мультикультурализма.....	44
Блин Е. С. Глобализация и религиозный фактор.....	50
Ван Чжэньлань. Тактики поведения в родительско-детском конфликте в белорусских и китайских семьях.....	53
Солодухо А. С., Витко Д. В. Предпосылки возникновения субкультурного диалога: футбольные болельщики versus правоохранительные органы Беларуси	58
Воробьева С. В. Кросскультурная методология диалога и аргументации в глобализирующемся мире.....	63
Коршук Е. В. Аксиологическая размерность белорусской культуры.....	67

Кудрявец А. А. Культурный суверенитет в условиях глобализации.....	75
Кузьміна А. Ю. Фармат рэаліці-шоу ў кантэксте кроскультурнага ўзаемадзеяння (на прыкладзе “Топ-мадэль па-амерыканску” і “Топ-мадэль па-руску”).....	79
Курбачёва О. В. Принцип космополитизма в условиях глобализирующегося мира	84
Легчилин А. А., Новикова О. В. Кроскультурный диалог и проблема цивилизационной идентичности человека.....	87
Ленсмент А. Русская диаспора в Эстонии: кризис идентичности.....	92
Наливайко И. М. «Новая топология»: перспективы кроскультурного диалога в условиях глобализации.....	97
Павлова А. Т., Свиб А. И. Гендерное социокультурное пространство через призму диалога цивилизаций.....	101
Почкаева О. А. Товарный знак в кроскультурной коммуникации.....	105
Приходько Ф. С. Космополитизм как ответ на вызовы глобализации... ..	109
Свирид А. С. Этическая призма кроскультурной коммуникации.....	112
Семьянов С. С. Глобализация и новый регионализм.....	117
Сокольчик В. Н. Национально-культурная идентичность как основа межкультурного диалога в условиях глобализации.....	121
Шаврова О. Г. Экуменическое движение и межконфессиональный диалог в глобализирующемся мире.....	125
Шершнёва О. А. Геополитический статус социума: конфликт солидаризма и изоляционизма.....	130
Щербина Ю. И. Феномен пост-Европы в философии Яна Паточки.....	135
Щёкин Н. С. Ценности восточнославянской цивилизации как фактор кроскультурного диалога Востока и Запада	138
Янчук Е. И. Межкультурный диалог как цивилизационный феномен... ..	142
 ФОРУМ 2. СТРАТЕГИИ МОДЕРНИЗАЦИИ И ВЫЗОВЫ ПОСТСОВРЕМЕННОГО МИРА	
Анохина В. В. Постмодернизация как новый тип социальных трансформаций	147

Асабина Т. Ю. Утопии в современных стратегиях общественного развития.....	155
Бабосова Е. С. Средства массовой информации как фактор формирования социально-политических ориентаций населения Беларуси.....	161
Балбуцкая М. А. Репродуктивное поведение женщин малых городов и сельских поселений Беларуси.....	165
Балич Н. Л. Влияние глобализации на роль женщины в обществе и семье.....	170
Данилова Е. А. Изменение ценностных основ как рефлексия на глобальные вызовы современного мира.....	174
Дедолко Ю. В. Социальный капитал как фактор социокультурного развития Республики Беларусь.....	179
Квятковский Д. О. Гуманистический идеал в бытии общества: актуальность и практическая значимость.....	184
Киреева Ю. И. Концепция глобального общества в контексте современной мировой динамики.....	189
Мазур С. О. Феномен «религиозного возрождения» в культуре глобализирующихся обществ.....	192
Мельник Н. Н. Активный субъект в теориях действия.....	197
Никулина Ю. В. Теоретико-методологические подходы к определению феномена модернизации.....	201
Познякова О. Л. Актуализация идеи Просвещения И. Канта в условиях поиска позитивных сценариев развития будущего человечества.....	206
Романова С. П. Модернизм, постмодернизм и культура: смена этапов или логики развития?.....	211
Рыбчак С. В. Политическая культура как регулятивный механизм гражданского поведения.....	216
Сергиенко Н. А. Перспективы институционального подхода в современных исследованиях теории и практики модернизации.....	221
Сидоренко И. Н. Модернизация и фрагментарная реальность.....	225
Слизень И. И. Сущность «осевого времени» К. Ясперса как ключ к пониманию современности.....	230

Станкевич Н. А. Философские основания современных теорий модернизации.....	233
Shirokanova A. The Postmaterialist Shift and Individualization in The Black Sea – Baltic Region.....	237
Щегрикович Д. В. Философско-методологические проблемы внедрения нанотехнологий в жизнь современного общества.....	241

ФОРУМ 3. ФЕНОМЕН ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

Авсюкевич Д. О. «Традиция управления» и «традиция сотрудничества» в европейской духовной культуре.....	244
Барковская А. В. Экологическая этика и ее приоритеты в контексте постметафизического мышления.....	249
Гапанович Я. В. Экостратегии регионального развития Украины в сфере информатизации.....	253
Дубравина А. М. «Духовно-экологическая цивилизация» – социальная иллюзия или императив общественного развития?.....	258
Екадумов А. И. Экологический императив и предпосылки культуры консенсуса в глобальном мире.....	263
Ищенко А. С. Технологическая сингулярность.....	268
Калимулина А. Р. Экопоселения как вектор устойчивого развития.....	271
Калюжина Д. С. Формирование экологического сознания у молодежи как условие устойчивого развития.....	276
Лысикова О. В. Экологический туризм: глобальные тренды и локальные модусы социальных изменений.....	281
Овсейчик Е. В. Феномен лоббизма в современных технологиях природопользования.....	290
Олейник И. В. Бытие природы и социума: фундаментальное двуединство и отличие.....	293
Петров Е. О. К вопросу о расширении сферы медиа и формировании нового типа мышления в условиях глобальной социально-экологической нестабильности.....	297

Петрушак В. Л. Духовно-экологическая цивилизация как проект преодоления экологической нестабильности мира.....	301
Фесенкова Л. В. Экологическая стратегия в рамках системного подхода.....	305

ФОРУМ 4. ТРАНСФОРМАЦИЯ МЕДИА В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТОВ ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ В XXI ВЕКЕ

Анацкая Ю. В. «Виртуальное» как системообразующий концепт сетевой идентичности.....	310
Андриевская М. В. Метаморфозы научной деятельности в постсовременном мире.....	314
Борисовец Н. Г. Преобразование печатных изданий. Мировой опыт....	319
Врублевская Т. И. Социальные сети: особенности трансформации нравственных отношений.....	323
Горский Д. Н. «Визуальный поворот» в современной культуре и трансформация медиа.....	328
Гуринович В. И, Телюк Н. А. Духовные ценности современной студенческой молодёжи в период глобализации.....	331
Добродородный Д. Г. Сознание и бессознательное в сети: новые СМИ как новая среда обитания.....	336
Ермолович Ю. Н. Псевдокоммуникация как социальная реальность...	339
Жук Е. И. Влияние сети Internet на пространство научной коммуникации.....	344
Залесский Б. Л. Международная журналистика в условиях глобализации.....	348
Калюжин В. В. Проблема статуса Интернет-среды в контексте образовательного процесса.....	354
Козлович В. Н. Роль СМИ в условиях кризиса.....	358
Кройтор С. Н. Высшее образование РФ в мировом контексте: проблемы повышения качества и конкурентоспособности.....	361

Малахов Д. В. Личность и научная рациональность в контексте глобализационных процессов.....	365
Овчинникова А. В. К вопросу о путях развития образования в XXI веке.....	373
Пальчевская Ю. С. «Симфоническая» цифровая идентичность.....	376
Пацукевич О. В. Влияние глобализации на институт высшего образования.....	381
Петрова Е. В. Медиаобразование в информационном обществе.....	384
Радевич Е. В. Феномен информационной безопасности в ракурсе социально-философского анализа.....	388
Рубанов В. А. Электронный рынок труда как форма коммуникации в сфере занятости.....	392
Рубанова Т. А. Информационно-коммуникативные технологии в культурной сфере.....	395
Савотеев Д. В. Коммуникативная функция в общей системе управления организацией.....	399
Сайганова В. С. Взаимодополнительность когнитивной и коммуникативной парадигм в становлении нового типа научной рациональности.....	404
Смирнова Ю. С., Чумакова В. А. Формирование аттракции в Интернет-коммуникации.....	408
Сульжицкий И. С. Парадигмы развития глобальной информационной сети.....	412
Фаблинова О. Н. Поведение студенческой молодежи г. Минска в виртуальном пространстве.....	417
Фофанова Г. А. Роль образовательной субкультуры в развитии и проявлении диалогической самости.....	422
Хамутовская С. В. Значение сети Интернет для развития коммуникации в информационных обществах (на примере Республики Беларусь).....	427
Хомич Е. В. Метаморфозы одиночества в сети.....	431

Чжан Чунье. Современная тенденция развития высшего образования в Китае..... 436

Шетько А. Н. Проблемы международно-правового регулирования смежных прав исполнителей и организаций вещания в условиях глобализации..... 442

КРУГЛЫЙ СТОЛ. ВЫЗОВЫ ГЛОБАЛЬНОГО МИРА И ПЕРСПЕКТИВЫ МЕЖЦИВИЛИЗАЦИОННЫХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ

Новиков В. Т., Бобр А. М. Социальная революция как форма модернизации социума..... 447

Дениз Экинджи. Мировые запасы воды и экологический аспект связанных с ними проблем..... 452

Дилекчи Ихсан. Молодежная политика Турции на примере гражданского общества: сравнение движений «Ахи» и «Хизмет»..... 463

Елсуков А. Н. Глобализация миролюбия (Ф. Гюлен о необходимости мирного сосуществования современных цивилизаций)..... 469

Оргиш В. П. Проблема хозяйственной необходимости и социальной целесообразности модернизации на постсоветском пространстве..... 473

Савина С. Г. Глобализация и проблемы духовности современной белорусской семьи..... 477

Лисеев И. К., Сметанина Т. А. Императивы современной цивилизации в контексте экологического образования..... 481

Яскевич Я. С. Национальное и глобальное в современном мире: кросскультурный диалог..... 485